

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 4 2023

Апрельский номер журнала посвящён геологам. Прозаические, поэтические, публицистические и мемуарные произведения рассказывают о нелёгком и благотворном труде геологических экспедиций, открывающих ценнейшие месторождения полезных ископаемых на благо народа и государства.

*Поздравляем наших авторов и читателей с Днём геолога!
Желаем всем работникам отрасли, мастерам своего дела, крепкого здоровья, творческой энергии и только попутного ветра.*

ГЕОЛОГИ

Ты уехала в знойные степи,
Я ушел на разведку в тайгу.
Над тобою лишь солнце палящее светит,
Надо мною лишь кедры в снегу...

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат!

На прощанье небес синевою,
Чистотою студеной воды,
Голубою заветной Полярной звездой
Поклялись в нашей верности мы.

Лучше друга нигде не найду я,
Мы геологи оба с тобой,
Мы умеем и в жизни руду дорогую
Отличать от породы пустой.

Я в суровом походе спокоен,
Ты со мной в каждой песне моей...
Закаленная ветром, и стужей, и зноем,
Только крепче любовь и сильней!

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат!

Александр ДОБРОПРАВОВ

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,

А. В. ВОРОНЦОВ,

Т. В. ДОРОНИНА,

С. Г. КАРА-МУРЗА,

В. Н. КРУПИН,

Ю. М. ЛОЩИЦ,

Д. Н. НИКОЛАЕВ,

Ю. М. ПАВЛОВ,

И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,

З. ПРИЛЕПИН,

Е. С. САВЧЕНКО,

В. В. СОРОКИН,

ТИХОН (ШЕВКУНОВ)
митрополит Псковский
и Порховский,

А. Ю. УБОГИЙ,

Р. М. ХАРИС,

М. А. ЧВАНОВ,

С. А. ШАРГУНОВ,

В. А. ШТЫРОВ

КОЗЛОВ А. А.
Поздравление с Днём геолога 3

ПЕТРОВ Е. И.
Поздравление с Днём геолога 4

НИКОЛАЕВ Д. Н.
Поздравление с Днём геолога 54

Поэзия

Игорь ГРИГОРОВ
Между Богом и путником 6

Никита БРАГИН
Северный крест 18

Александр НАТАЛЕНКО
Встречая рассвет и судьбу 27

Ярослав ВАСИЛЬЕВ
Времени вопреки 33

Игорь ШПУРОВ
Жизнь наполнена смыслом... 43

Поэтическая мозаика 55

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ
День – как Божия улыбка 65

Юрий ПЕРМИНОВ
Сердечная округа 68

Светлана ПЕШКОВА
Только крест и колокол 101

Александр ТИХОНОВ
Так хорошо. Так трепетно.
Так странно... 104

Поэтическая мозаика 152

Проза

Валерий КАЛИТА
Мои маршруты. Рассказы 9

Александр ЛОБАНОВ
Рассказы старого бича 22

Алексей НЕКРАСОВ
Марсианская красота. Рассказ 30

Василий САВИЦКИЙ
За рогами. Рассказ 37

Оксана ТАРСКИХ
Откуда взялись такие
разные бабушки. Рассказ 45

Александр УВАРОВ
Сибирские крокодилы.
Рассказы..... 48

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
генеральный директор,
отдел публицистики —
(495) 625-01-81

К. К. Сейдаметова —
первый заместитель
главного редактора,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

отдел критики —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Михаил ЧВАНОВ
Серебристые облака.
Повесть-реквием 71

Камиль ЗИГАНШИН
Возвращение россомахи.
Повесть 110

Александр СЕГЕНЬ
Волшебный фонарь. *Роман* 157

Очерк и публицистика

Марсель МАРДАНОВ
Воркутинская практика
казанского студента 214

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ
Из истории создания сырьевой
базы урана 222

Владимир БОНДАРЕВ
На Новой Земле 231

Евгений КИСЕЛЁВ
Из воспоминаний 237

Даниил ЛИТВИНЕНКО,
Александр ЮРЧЕНКО
Доказано трудом и временем 243

Память

Юрий КЛЮЧНИКОВ
Руки Рахманинова 247

Критика

Алексей ТАТАРИНОВ
Русский эпос и его искушения 252

Среди русских художников

Александр РАЗУМИХИН
Непарадные портреты 259

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 31.03.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 1051-2023. Тираж 3300 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 с1.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ГЕОЛОГИЯ – ЖИЗНЬ МОЯ

Уважаемые коллеги – геологи, горняки, нефтяники!

Поздравляю вас с профессиональным праздником геологической отрасли – Днём геолога!

Страна гордится вами, вашим каждодневным подвигом по обеспечению минерально-сырьевой и энергетической безопасности России, защите её геополитических интересов. Исторически вы остаётесь первопроходцами, осваивая новые территории, углубляясь в недра земли, доказывая, что Россия сильна и духом, и делом. Это особенно важно в условиях специальной военной операции, когда каждый работник отрасли должен чувствовать себя на передовой, трудом доказывая любовь к Родине.

Поздравляю и благодарю ветеранов геологии, работников других отраслей промышленности, обеспечивающих стабильную работу геологической отрасли!

Коллеги, друзья! Желаю вам крепкого здоровья, силы духа и упорства в достижении нашей главной цели – величия России и благополучия её граждан сегодня и в будущие времена!

**Министр природных ресурсов и экологии
Российской Федерации
А. А. Козлов**

ГЕОЛОГИЯ – ЖИЗНЬ МОЯ

Уважаемые геологи – работники и ветераны отрасли!

От всей души поздравляю вас с профессиональным праздником – Днём геолога.

Ровно 57 лет назад страна на самом высоком уровне оценила выдающиеся заслуги советских геологов в создании и освоении минерально-сырьевой базы, открытии важнейших нефтегазоносных месторождений в районах Западной Сибири, утвердив государственный статус этого праздника.

Геолог – уникальная профессия, сочетающая в себе упорный и порой нелёгкий труд в полевых условиях, романтику экспедиций, преданность и любовь к своему делу, наличие знаний и важность накопленного опыта.

Сохраняя преемственность поколений, мы гордимся историей отечественной геологоразведки, ярким вкладом представителей нашей профессии в укрепление энергетического, оборонного и индустриального потенциала России.

Сегодня недропользование является стратегическим фундаментом экономического развития страны, успешного решения социальных задач и повышения качества жизни населения.

Только за 2022 год в стране открыто 34 месторождения углеводородного сырья, 128 месторождений твёрдых полезных ископаемых, в том числе крупных по запасам: золотомедное месторождение Лугокан в Забайкальском крае и золоторудное месторождение Восточный Двойной в Амурской области. Обеспечено воспроизводство минерально-сырьевой базы основных видов стратегического минерального сырья – нефти, газа, меди, золота, платиноидов, сурьмы и других.

Современные реалии диктуют нам необходимость внедрения новых подходов, научных методов и инновационных технологий поисков и разведки полезных ископаемых с использованием современных

отечественных разработок. Уверен, что общими усилиями и сплочённостью выдающихся умов современности мы сможем преодолеть любые вызовы и приумножить накопленный потенциал отрасли.

Особые слова благодарности выражаю ветеранам-геологоразведчикам, заложившим надёжный фундамент для развития отечественной геологии и навсегда вошедшим в историю геологического изучения и промышленного освоения страны. Сегодня вы передаёте свой неоценимый опыт студентам, молодым специалистам, которым только предстоит продолжить начатое вами дело. Уверен, что современное поколение геологов стремится быть достойным своих предшественников.

Желаю всем труженикам геологической отрасли доброго здоровья, неиссякаемой энергии, упорства и оптимизма, крепости духа, молодости души и радости новых открытий!

Благодарю вас за достойный труд и высокий профессионализм!

**Руководитель Федерального агентства
по недропользованию
Е. И. Петров**

ИГОРЬ ГРИГОРОВ

МЕЖДУ БОГОМ И ПУТНИКОМ

* * *

Наша Тмутаракань:
Догорает закат, акварелев.
Дня нагретую ткань
Рвёт порывистый вечер апреля.

Тьма бредёт вполне,
Тянет время уставшим Прокрустом,
И по лужам шаги
Отдаются не всхлипом, но хрустом.

Край белёсых ночей,
Где на небе — не ковш, а телега,
Где ночует ручей
Под сугробом вчерашнего снега,

Где не ищут добра
От добра, где мне было не страшно,
Что однажды мой брат
Тихо скажет Ему, что не страж мне.

ГРИГОРОВ Игорь Валентинович родился в г. Арсеньев Приморского края. Окончил Ленинградский горный институт. В настоящее время генеральный директор ООО "Севергеосервис". Живёт в Архангельске.

Я пытался уйти,
Убежать, разбивая скрижали.
Был уже без пяти
Позабывший родство горожанин,

Но, вернувшись домой,
Окунаюсь всё глубже и глубже...
Что за глушь, Боже мой!
Не лиши меня, Господи, глуши...

УТРО

Неизменные джинсы, рубашка с расстёгнутым воротом,
И улыбка, с которой все боли становятся небылью.
Говорили, что вроде он парень из нашего города,
Что живёт вместе с мамой, работает где-то на мебельном,

Говорили, что он обожает походы с палатками,
Что он бог на гитаре, и ловко справляется с вёслами.
А ещё — что он любит заблудших, забытых, заплаканных, —
Всех детей, что считают себя настоящими взрослыми.

Мать ему говорила: сынок, дети так переменчивы...
Поутру преподобных тебе почитают героями,
Но потом будет вечер, и дети придут к тебе вечером —
Просто, чтоб посмотреть изнутри, как герои устроены.

Он смеялся в ответ: как же всё это по-человечески!
Но две тысячи лет — слишком малая капелька вечности.
Перемены ещё не видны, но печалиться нечего:
Солнце только взошло. Можно многое сделать до вечера.

ТУНДРА

В замороженной тундре пути оторочены грустью.
На ветру замерзает дыхание с яблочным хрустом.
Между Богом и путником — небо в огнях изумрудов,
И под ним возвращенье домой ощущаешь, как чудо.

Возвращенье домой. Позади — все труды и удачи,
Океаны снегов, где метели сиренами плачут,
Позади километры дорог и работы упорной.
Снова белая тьма, что куда непрогляднее чёрной,

Отпустила живым. Отпустила. Спасибо, родная,
Ненасытная, подлая, мне не найти имена ей:
Бесконечный простор, маета, наважденье, истома.
Но сегодня я дома. Сегодня я всё-таки дома.

Восковая свеча между образом Бога и мною.
За окном — облака проплывают стезёй неземною.
Тишина и покой, и прошедшее кажется бредом.
— Не поедешь туда через год?
— Непременно поеду.

ПРОШЛОЕ

Не встретит тебя околица задорным собачьим лаем,
Деревня людьми заброшена — картина, как мир, стара.
Но дочка с глазами в пол-лица вдруг скажет: “Давай сгоняем?”
И ты уезжаешь в прошлое на поезде в пять утра.

А там, не считая времени, ракиты стоят над речкой,
Шатёр онемевшей звонницы — сегодня уют для птиц.
В домах, пустотой беременных, коты не сидят на печках,
И мыши гуляют в горнице походкою светских львиц.

И шурятся окна ставнями, от долгих дождей седыми.
Коровник с амбаром скошенным ведут разговор пустой,
Хозяевами оставлены, последние домовые
Болотом ушли морошковым к кикиморам на постой,

А птицы щепные к облаку уносятся пёстрой стаей,
И с ними дожди осенние похожи на мишуру...
Земля схожа с небом обликом, и кажется — ты летаешь,
И, может быть, ко спасению разведываешь маршрут.

ОТ СЕБЯ

Ты этот город выберешь из-за
Безвестности: ты знаешь только то, что
В нём есть полузаброшенный вокзал
И площадь привокзальная. И почта.

У площади — автобус в никуда.
Начни с него, потом меняй маршруты:
Вдоль речки, где осенняя вода
Ещё черней, чем дерево запруды,

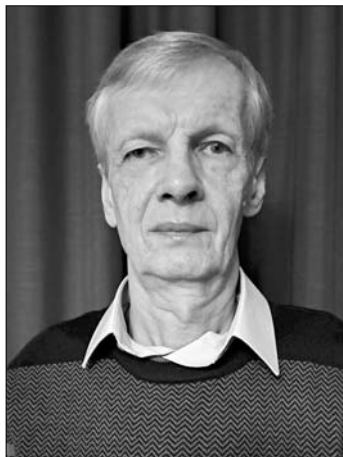
По рёбрам деревянного моста,
Вокруг свечи водонапорной башни,
Через былой купеческий квартал
Особняков полуторазтажных,

Куда-то вверх и вниз, как по судьбе,
Вдоль домиков, сараев и колодцев,
Разбросанных, как хлеб для голубей,
По улицам, бегущим как придётся...

Когда ж зажгутся лампы фонарей
И в чистом небе звёздам станет тесно,
Водитель вдруг причалит у дверей
Гостиницы. И в ней найдётся место.

Ты сядешь у высокого окна,
И мысли древом растекутся сами,
Что эта ночь опять пройдёт без сна,
Что почва здесь терниста и бедна,
Но ты готов врасти в неё корнями.

ВАЛЕРИЙ КАЛИТА

МОИ МАРШРУТЫ

РАССКАЗЫ

НА ОКРАИНЕ

Дочери Ольге посвящается

Деревенька затерялась не в дебрях глухой сибирской тайги, а среди леса московских новостроек. Именно так! Волею случая она оказалась в зоне застройки непомерно разбухшего города. Вначале многоэтажки обошли её стороной. Несколько позже захватили в кольцо, продолжая неумолимо наступать со всех сторон, чтобы в итоге бесследно поглотить обречённый оазис подмосковной природы. Сельские домишки в окружении традиционных садов и огородов разместились по обе стороны асфальтированной дороги с давно не ремонтировавшимся покрытием. Дорога представляла собой как бы главную артерию всего деревенского организма с исходящими от неё проулками-венами, по которым можно было попасть в любую точку населённого пункта.

Вдоль деревни тянулась полоса ивняка, разросшегося по берегам полувысохшего ручья, официально именовавшегося почему-то речкой. Чуть

КАЛИТА Валерий Антонович родился в 1955 году в Москве. Ещё школьником многократно выезжал с родителями-геологами в экспедиции на Урал, в Забайкалье, на Кольский полуостров в качестве коллектора, лаборанта. После окончания геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова работал во ВНИИзарубежгеологии, затем в ИАЦ "Минерал" в составе "Аэрогеологии". С 2018 года — научный сотрудник ФГБУ "ЦНИГРИ". Участвовал в полевых работах на Урале, в Амурской области, в Казахстане, Ливии. В качестве геолога-переводчика работал с коллегами по профессии из Канады, Австралии и других стран. Автор монографии "Минеральное сырьё: от недр до рынка", около сорока статей о месторождениях полезных ископаемых России и мира для Большой Российской Энциклопедии.

в стороне от центра селения, на пригорке за небольшим водоёмом, представлявшим собой нечто среднее между болотцем и озерцом, виднелась церковь, недавно отреставрированная в ожидании наплыва новых прихожан. Стены её, покрытые свежей краской в тон с ближайшими городскими строениями, и весело блестящие на солнце купола заставляли воспринимать храм Божий уже не как принадлежность деревеньки, а как неотъемлемую часть народившегося городского пейзажа.

По мере приближения города деревенская дорога постепенно становилась излюбленным местом прогулок новосёлов-горожан. Появились здесь и мамы с колясками, и любители велосипедного спорта (явно недеревенского вида), и целые компании взрослых с детьми, дефилирующие вперёд-назад по главной улице. Всё это приносило непривычное оживление в устоявшийся ритм жизни сельчан, но и отчасти служило им своеобразным развлечением.

Одолов всего несколько сот метров от подъезда своего дома, можно было, как по волшебству, перенестись из городской в настоящую сельскую жизнь — в притягательный мирок с хриплым криком петуха, мычанием коров, криканьем диких уток, гнездившихся на озере, и умиротворяющим запахом дымка из печной трубы.

Девочка из города приходила сюда, чтобы подкормить полюбившуюся ей собаку — чёрную с белой грудью дворнягу со звучной кличкой Байкал. Завидя издали свою юную знакомую, пёс всегда мощно вилял длинным хвостом, а затем удовлетворённо потягивался, сильно прогибая спину, в предвкушении очередного угощения.

Хозяин Байкала — суховатый добродушный старик в ветхой одежке — обычно подолгу сидел на почерневшей от времени скамейке без спинки, притулившись к стене своей покосившейся хибары, и из-под полуприкрытых век наблюдал за шествием горожан по дороге.

Деревенское население заранее оповестили о том, что ближе к лету предстоит снос, но далеко не все спешили покинуть обжитые места и перебраться в каменные громады.

Кто-то сажал зелень в огороде в надежде успеть собрать ранние овощи, кто-то наводил порядок во дворе после периода весеннего снеготаяния, а любители цветов рыхлили землю на уже подровненных клумбах.

Деревенька продолжала жить!

В отдельных домах всё же были заколочены, а их стекла уже успели испытать на себе меткость озорных мальчишек. Эти оставленные строения привлекали ватаги подростков, проникавших туда без особого труда через выбитые двери и щели, образовавшиеся на месте сорванных досок. Деревенские прозвали их поджигателями, так как нередко после визита ребят в местах их пребывания зарождались пожары. Время от времени над селением поднимались видные издали чёрные клубы дыма, которые знаменовали близкую кончину очередной жертвы баловства. По вызову приезжали пожарные, неспешно разворачивали свою амуницию и лениво опрыскивали из длинных брандспойтов обычно наполовину прогоревший к тому времени объект пожаротушения. Затем они уезжали, чтобы через день или два возвратиться вновь...

С каждой неделей пепелищ становилось всё больше. Во время одного из пожаров пламя перекинулось на дворовые строения того дома, где жил Байкал, но огонь всё же удалось потушить. Хозяин собаки, несмотря ни на что, продолжал высиживать на неизменной скамейке, видимо, решив не покидать свой “тонущий корабль” до последнего.

В первые летние дни началось нашествие строительной техники. То, что прогорело, сгребали бульдозеры. Избежавшие этой участи постройки рушились с помощью экскаваторов, тут же грузивших образовавшийся мусор на мощные самосвалы. Кусты смородины и крыжовника планомерно исчезали под напором стальных лезвий.

Посещая Байкала среди всей этой суеты, девочка заметила, что большинство домов вокруг уже снесены. Старик, однако, оказался на своём излюбленном месте. Он красовался, будто сказочный герой, то исчезая, то появляясь в клубах пыли, поднятой колёсами грузовиков...

На следующий день здесь уже не было ни старика, ни его жилища, лишь осиротевшая псына бродила неприкаянно по асфальту дороги, временами растерянно поглядывая на груды обломков, оставшуюся после налёта железных чудовищ на её бывший кров.

По завершении разгрома Байкал некоторое время ещё обитал в кустах у ручья близ места, где прошла большая часть его собачьей жизни, и девочка продолжала навещать и кормить покинутого. Наконец, техника добралась и до кустов, лишив последнего пристанища старожила деревеньки, и тот совсем куда-то исчез. С его уходом будто пропали последние отголоски деревенского духа этих мест.

Всё изменилось. Лишь над останками былого разносился поминальный колокольный звон...

КАРЕЛЬСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Заочное моё знакомство с этим северным краем началось, пожалуй, с песни со словами “Долго будет Карелия снится...” — её нередко можно было услышать по радио в мои школьные годы. Текст песни, по-видимому, и пробудил первый интерес к земле лесов и озёр! А в шестнадцатилетнем возрасте мне посчастливилось наблюдать своеобразие здешней природы воочию, посетив эти места в составе геологической партии (так официально именовался наш небольшой исследовательский отряд) от одного из московских НИИ.

Помимо начальника партии, в летних полевых работах принимали участие три рядовых геолога и я в должности лаборанта. За время экспедиции нам предстояло одолеть километры пути от Ленинграда до Кольского полуострова, руководствуясь заранее утверждённым маршрутом. В качестве средства передвижения институт выделил автомобиль марки ГАЗ-53 с кузовом, оборудованным брезентовым тентом — на случай непогоды.

Согласно выработанной стратегии, в “северную столицу” из Москвы наша машина со всем походным снаряжением должна была добираться своим ходом. Мы же прибыли туда утренним поездом и ожидали её появления с часу на час. Однако в районе Московского вокзала, возле которого была назначена встреча, в наших планах произошёл сбой — начальник группы неудачно пообедал в питерской столовой и в результате на три дня угодил в больницу с острым пищевым отравлением. Оставшимся “сиротам” срочно пришлось решать, как жить до его возвращения. Размещение в дорогих гостиницах Ленинграда сметой расходов предусмотрено, конечно, не было, поэтому данный вариант сразу отпадал. Посоветовавшись, мы решили перекантоваться две-три летние ночи в кузове прибывшего в наше распоряжение транспортного средства.

Хотя причина задержки отнюдь не радовала, задержаться “на берегах Невы”, да ещё летом, было для нас приятной неожиданностью. Машину удалось припарковать в самом центре города — на площади перед Исаакиевским собором! Таким образом, временный приют был нам обеспечен.

Во время внеплановой стоянки мы от души любовались красотами и музеями Питера, причём не только днём. Почти до зари бродили по проспектам и площадям, слегка обалдевшие от ощущения волшебства первого свидания с прелестью ленинградских белых ночей. Под утро, когда я занимал своё место в кузове на разостланных спальниках, в поле зрения вторгались массивные колонны Исакия, которые можно было наблюдать через задний брезентовый люк, откинутый для вентиляции. Последнее чудесное видение перед быстро наступающим сном...

На третий день начальник отряда благополучно возвратился в наши ряды, и мы без дальнейших проволочек отбыли в столицу Карелии — город Петрозаводск. По дороге очередной привал сделали в приглянувшемся местечке на берегу знаменитого Ладожского озера. Так как в состав походного геологического инвентаря входила и надувная лодка, способная выдержать как минимум трёх человек, мы тут же решили ею воспользоваться. Наскоро перекусив, я и ещё двое товарищей, разумеется, с дозволения начальства, быстро привели лодку в состояние боевой готовности и спустили на воду.

Заработали вёсла, и берег, покрытый живописными смешанными лесами, начал постепенно уплывать вдаль. По мере движения он всё больше и больше напоминал знаменитые картины наших пейзажистов-классиков. Мы плыли в своё удовольствие, пригреваемые ярким летним солнышком, приятно расслабившись, и не заметили, как попали в зону с распространившейся по поверхности воды плёнкой буроватых водорослей. На нашу беду, это оказались совсем не водоросли! Забыв перед очарованием северной природы о некоторых реалиях человеческого бытия, мы, как оказалось, тут же вляпались в один из продуктов этих реалий: окружавшая лодку плёнка представляла собой не что иное, как отходы производства бумагоделательного комбината, использовавшего озеро в качестве сточной канавы (по этому поводу мелькали заметки в центральных газетах того времени). Плёнка была жирная на ощупь и сильно липла к рукам, а ещё больше — к лодочной резине. На этом путешествие пришлось, конечно, завершить...

Как тут не вспомнить ставшую уже почти крылатой фразу: “Береги природу — мать твою!..” Вместо приятного отдыха на воде мы битых два часа, сидя всем кагалом вокруг лодки, пытались отскрести древесными щепками эту тягучую мерзость, что оказалось делом почти безнадежным.

Дальнейший переезд прошёл без происшествий и закончился перед зданием геологического управления в Петрозаводске. Там мы узнали, как добраться до интересующего нас объекта, и, получив необходимые инструкции, на следующее утро продолжили свой путь. Первые часа полтора машина бойко неслась по дороге с твёрдым покрытием, затем пришлось свернуть на просёлки, где скорость движения резко упала. Подбрасывать в кузове стало довольно сильно. Перекуривая в очередной раз, шофёр уверенно заявил, что по абрису петрозаводских геологов он ориентируется достаточно хорошо и к середине дня, несомненно, доставит нас на нужное место. Однако тряска продолжалась ещё не час и не два...

Мы долго петляли по какому-то лесному массиву, удивляясь умению московского водителя пробираться в условиях фактического бездорожья. Но вот, наконец, машина остановилась. Из кабины выбрались “наш рулевой” и начальник партии, сообщившие радостную весть: наконец-то мы прибыли! Соскочив на землю и разминая затёкшие ноги, я огляделся по сторонам. Мы находились в глухом хвойном лесу. Вокруг высились огромные тёмные ели, между которыми местами виднелись мелкие художочные кустарники. Несколько настораживал тот факт, что, кроме колеи от нашей машины, вокруг не было заметно никаких иных признаков проникновения сюда колёсной либо гусеничной техники. И всё же, согласно информации, полученной нами в Петрозаводске, именно в этом районе пребывала геологоразведочная партия, занимавшаяся вскрытием рудных жил в твёрдых карельских породах, из которых нам предстояло взять пробы для дальнейших анализов.

Мы двинулись в лесную глушь, пытаясь обнаружить на местности хоть какие-то следы присутствия здесь человека и вдруг... совсем рядом прогремел взрыв!

Поначалу все замерли там, где находились в момент раздавшегося громового раската, но когда над нашими головами что-то засвистело и сверху посыпались срубленные неведомой силой сучки деревьев, разом бросились на землю и инстинктивно поползли к толстым древесным стволам, не ведая, каких сюрпризов ещё ждать в дальнейшем. Предосторожность оказалась излишней: в течение следующих двух-трёх минут рвануло ещё несколько раз, при этом многочисленные каменные осколки усеяли всё вокруг. Когда канонада, наконец, утихла, мы, на всякий случай выждав ещё какое-то время, опасно выбрались из своих укрытий и принялись выявлять потери. К счастью, обошлось без жертв, не считая нескольких кровоточащих царапин, полученных водителем при падении. Машина, которая оказалась на некотором удалении от эпицентра события, также в целом не пострадала.

Вскоре невдалеке послышались голоса, и среди деревьев начали появляться люди. Как выяснилось чуточку позже, взрывники и геологи, устроившие такой грандиозный фейерверк “по случаю нашего прибытия”. Их лица буквально вытянулись в немом изумлении! Появление чужаков в это время,

в этом месте было столь неожиданным, что местные даже не высказались соответствующим образом в адрес своих незваных гостей, как того можно было ожидать в сложившейся ситуации. Убедившись перво-наперво, что никто из наших не пострадал, главный геолог объяснил: они как раз сегодня вскрывали очередные близповерхностные жилы и не предполагали, что с той стороны, откуда явились мы, вообще можно как-либо проехать, разве что на танке... После кратких взаимных представлений он указал место, где лучше расположить наш маленький лагерь, и мы тут же занялись его обустройством. Затем состоялось знакомство с другими коллегами по профессии и обсуждение планов дальнейших работ.

В этом районе мы пробыли около двух недель: ходили в маршруты, отбирали и паковали образцы горных пород, готовили пробы для дальнейшего анализа в лабораторных условиях. Повара ввиду малочисленности группы нам по штату иметь не полагалось, поэтому стряпали сами, по очереди. На трудноватый вопрос: “Умею ли готовить?” — я ответил, что немного умею, хотя вообще-то это было большой натяжкой! День, когда впервые настал мой черёд кормить голодных мужиков, вернувшихся из маршрута, запомнился, пожалуй, как самый тягостный за время экспедиции. Сначала я долго и мучительно концентрировал в уме всё, что только можно было вспомнить по поводу особенностей приготовления пищи, и лишь затем взялся за дело... Вечером, разлив по тарелкам приготовленную бурду, я заявил, что сам уже сыт и схожу в окрестности за грибами, так как не испытывал ни малейшего желания выслушивать суровые тексты по поводу моих кулинарных способностей. В палатку вернулся, когда совсем уже стемнело и, стараясь не привлечь ничего внимания, тихонько лёг спать.

Утром начальник отряда объявил мне выговор за то... что шляюсь неизвестно где один по ночам! А за вчерашний супчик даже похвалили...

Во время “грибного” похода, невдалеке от места нашей дислокации, я обнаружил следы истории — остатки земляных укреплений, на редкость хорошо сохранившиеся со времён Финской войны. Полазить по старым окопам было довольно заманчиво — вдруг случайно ещё какую-нибудь реликвию найдёшь! Этому я и посвятил некоторое время, ввиду того что представилась такая возможность. Однако желанные раритеты на месте боевых действий тех лет, как оказалось, почему-то напрочь отсутствовали. В процессе осмотра в борту одного из окопов я заметил некий узкий туннель, ведущий куда-то вглубь земли. Ожидая обнаружить там что-то интересное, я устремился по проходу, но очень быстро перестал что-либо различать впереди из-за встретившей меня кремешной тьмы. Хорошо ещё, что спички были под рукой, — чиркнув одну, я осветил пространство пред собой и сразу же увидел какую-то проржавевшую проволоку, натянутую поперёк моего пути на небольшой высоте... Выяснить, что это была за проволока, я благоразумно не стал, а желание продолжать осмотр при этом как-то резко отпало.

Выполнив намеченный объём работ, мы вновь вернулись в Петрозаводск. Теперь по плану предстояло двигаться дальше на север — в Кандалакшу, небольшой портовый городок, расположенный на берегу Белого моря за Полярным кругом. Автодорога от Петрозаводска до Кандалакши тогда то ли только ещё строилась, то ли находилась в стадии затяжного ремонта, — во всяком случае, в геологическом управлении нам посоветовали добираться туда поездом. Так и пришлось поступить.

Арендовав место на платформе грузового состава, отправлявшегося в ближайшее время, мы погрузили туда свой автомобиль и озадачились вопросом: как добираться самим? Железнодорожные правила гласили, что, помимо шофёра, сопровождать подобную технику при перевозке разрешается лишь одной персоне. Но, желая сократить расходы из пресловутой сметы, мы договорились (по-тихому) разместиться в кузове всем вместе. До отхода поезда было ещё далеко, поэтому решили не терять времени даром. Шофёр и один из геологов остались сторожить наш транспорт, а остальные двинулись в город, чтобы прикупить провизии на дорожку.

Сделав необходимые закупки и вернувшись часа через два на то место, где ранее красовалась платформа с нашим “авто”, мы вдруг обнаружили...

что рельсы здесь пусты. Начальнику такое положение дел совсем не понравилось, и он приказал срочно искать пропажу. После длительной бесплодной беготни вдоль железнодорожных путей машину нам все же удалось найти в одном из глухих станционных закоулков, куда платформу загнали для формирования грузового состава. Наши товарищи мирно дрыхли в кузове, не подозревая о случившемся. Увы, пришлось нарушить их покой... “Слегка” пожурив охрану за халатное отношение к сторожевым обязанностям, мы отправили провинившихся в кабину, а сами разместились на их месте в ожидании грядущей поездки.

В районе Кандалякши также предполагалось обосноваться на базе геологов-разведчиков, располагавшейся примерно в ста километрах от морского побережья. По сравнению с предыдущим на этот раз нас встретили гораздо более миролюбиво. Небольшой палаточный городок геологов размещался на берегу одного из удивительных карельских озёр, всегда казавшихся мне (видимо, из-за зеркальности их вод) чем-то вроде материализованного отражения чистой небесной сферы.

Базовый лагерь обустроили основательно: была здесь и своя столовая, и баня, и даже лодочная станция. Разместившись на новом месте, мы вновь занялись повседневым геологическим трудом. Конечно, работа — работой, но как не воспользоваться случаем и не посмотреть главные достопримечательности региона, в который занесла нас судьба! Среди прочих искусов наиболее заманчивой целью был, конечно же, находившийся в пределах досягаемости Соловецкий монастырь, расположенный на одноимённых островах Белого моря. И вот в один из объявленных нерабочими дней наша “бригада” в полном составе двинулась в Кандалякшу, откуда тогда ещё курсировал небольшой экскурсионный теплоходик на Соловки.

Приобретя билеты, мы бодро взошли на борт судна вместе с другими экскурсантами, приехавшими посмотреть северное диво из разных уголков страны. Теплоход отчалил точно по расписанию и, быстро набирая обороты, устремился покорять морской простор! Погода была идеальная, волнение моря — “ноль” баллов. Чистое ясное небо над головой — как будто находишься не в Заполярье, а где-нибудь в Черноморской курортной зоне с целью посещения, к примеру, потухшего вулкана Кара-Даг. Летают чайки, сверкает море — благодать! Берег уже не виден — он исчез где-то там, вдали...

Мы с нетерпением ждём, когда покажутся острова. Неожиданно прямо по курсу над ровной кромкой моря начинают появляться острые шпильки, затем купола, контуры колоколен и, наконец, обширные постройки, окружённые мощной каменной стеной с приземистыми башнями. Всё это медленно-медленно как бы вырастает из разверзшихся морских глубин, и кажется, что пред тобой не некий реально существующий объект, а сказочное видение, и не что иное!

Картинка просто фантастическая! Подобного нигде более мне уже не приходилось наблюдать!

По прибытии — простенький причал, переход на сушу, встреча с экскурсоводом и — вперёд! При непосредственном осмотре монастыря впечатление, однако, было уже совсем иное. Всё облупленное, запущенное, застарелые кучи мусора в самых неожиданных местах, собранные неизвестно кем и непонятно зачем. То ли у советского государства не было средств, чтобы навести элементарный порядок, то ли просто не было желания.

Самым удивительным в монастыре оказались стены, призванные защищать обитель от иноземного вторжения, сложенные в основном из огромных валунов, оставшихся после ледникового периода. Некоторые валуны имели столь гигантские размеры, что трудно было себе представить, как в отсутствие современной техники их удалось взгромоздить на высоту — разве что только с Божьей помощью!

Завершив осмотр, мы решили подкрепить растроченные силы в местной забегаловке типа кафе. Большие круглые часы над стойкой показывали ровно пять пополудни, то есть времени до отхода катера у нас в запасе было предостаточно. Не спеша мы приступили к процессу поглощения пищи, обмениваясь по ходу дела впечатлениями от всего увиденного на Соловках.

В какой-то момент один из нас заметил:

— Мужики, а на часах-то всё ещё пять!..

Стрелки действительно за время нашего пребывания в общепите не сдвинулись ни на минуту. А рейс на материк лишь только один! А гостиницы то здесь вроде-бы и нет! Мы тут же повскакали с мест и, бросив на столе всё как есть, ринулись к выходу. Замечу, что многие легкоатлеты, пожалуй, могли бы позавидовать нашему тогдашнему умению перемещаться в пространстве. Расстояние от кафе до причала мы одолели в рекордно короткие сроки и очутились перед отходящим теплоходом в тот самый миг, когда убирали трап.

За время пребывания на геологической базе мы так привыкли к лагерным удобствам, что покидать эту стоянку уже совсем не хотелось! Однажды в лагерь заглянули “на огонёк” заезжие туристы-байдарочники, — как оказалось, наши земляки. Они рассказали, что многие карельские озёра соединяются протоками в длинные-предлинные цепи. По одной из таких цепочек ребята и намеревались добраться за несколько дней из глубинки до самого Белого моря. Годом ранее они уже проделали подобный переход и получили массу положительных эмоций от общения с уникальной карельской природой. Рассказ не оставил меня равнодушным, и я решил при первом удобном случае как минимум обследовать озеро по соседству, тем паче что пользоваться своими плавередствами хозяева нам разрешали.

Как-то вечером, когда выдался свободный час-другой, я отвязал лодку от причала и отправился в рейс. С озера окружавшие его леса выглядели ещё привлекательнее, чем на суше. Лёгкая посудина быстро скользила по водной глади, которую не морщил даже слабый ветерок. Блаженство на воде, к сожалению, оказалось недолгим. Не подозревая о некоторых особенностях водной системы взаимосвязанных озёр, я опасно приблизился к протоке, соединявшей место моего пребывания с нижеследующим озером, и неожиданно почувствовал, что лодку сильно тянет течением! Пришлось налечь на весла, однако вырваться на свободу оказалось не так-то просто. Тянуло всё сильнее!.. Борьба за спасение инвентаря хозяев и моей репутации длилась, наверное, больше получаса. Каждый метр в этой битве давался с великим трудом. Сколько потов с меня тогда сошло, я, конечно, не считал, но когда выбрался на берег, сил уже не осталось даже на то, чтобы помыться в бане...

Время на озёрах пролетело незаметно, и вот — снова тряска в кузове по дороге на Север. Совершив по пути ещё пару кратких деловых остановок, отряд благополучно добрался до финиша — города Кировск, расположенного на окраине горного массива Хибин. Машину и снаряжение здесь, согласно предварительной договорённости, полагалось передать другой группе институтских геологов, которые нас уже с нетерпением ждали.

Выполнив необходимые формальности по передаче техники и груза, мы пожелали своим преемникам успешной работы и поездом возвратились обратно домой, в Москву.

Так завершился этот необычный сезон работы и приключений.

ЗАЙЧОНОК

Очередную студенческую практику во время учёбы в вузе я проходил в составе геологического отряда в Мурманской области.

Так уж получилось, что в одном из маршрутов мне удалось поймать маленького серого зайчонка. Лесной житель почему-то ковылял на тоненьких лапках в редколесье по колдобинам в полном одиночестве — других представителей заячьего племени вокруг видно не было, — и я, недолго думая, решил прихватить мелкого с собой. Вернувшись в лагерь после маршрута, я огородил досками небольшой участок в углу палатки и посадил зайчишку в этот своеобразный загон.

До окончания нашего полевого сезона оставался ещё целый месяц. В течение этого срока я выкармливал малыша, методом проб и ошибок подобрав

пригодный ему рацион, а он, к моему удивлению, доверчиво принимал пищу прямо из рук. За месяц зайчонок заметно подрос, а я привязался к своему юному питомцу. По завершении работ, когда настала пора возвращаться домой в Москву, мне не захотелось расставаться со своим воспитанником — появилась идея понаблюдать за ним ещё и в условиях городской жизни, которую я и решил осуществить.

Добраться до Москвы предстояло поездом. Естественно, встал нелёгкий вопрос о способе транспортировки моего достаточно резвого приёмыша. Перебрав всё имеющееся снаряжение в поисках тары, пригодной для перевозки столь деликатного груза, я, наконец, остановился на старом выючном ящике, в котором ранее хранилось кое-что из наших канцелярских принадлежностей. Его-то и удалось приспособить в качестве клетки, проделав сбоку небольшие вентиляционные отверстия. Перед отъездом я поместил зайчонка во выючник, снабдил необходимым довольствием и в отсутствие дурных предчувствий двинулся в путь.

Сметой расходов для наших железнодорожных переездов был предусмотрен только плацкарт, но исходя из того, что “геолог должен устраиваться с максимальными удобствами” (неудобств и так хватит), мы, сделав добавку из персонального бюджета, всё же приобрели билеты в купе. В вагоне мне досталось верхнее место. Напротив расположились двое моих старших коллег, а свободную полку подо мной перед самым отъездом заняла дама преклонных лет с выражением неудовлетворённости жизнью на лице.

Походный дом зайчонка пришлось оставить на полу купе, так как громоздкий ящик больше нигуда не помещался.

Согласно расписанию, поезд отходил поздно вечером, и вскоре после его отбытия пассажиры уже дремали на своих местах. Начал было засыпать и я, но тут вдруг услышал чёткую барабанную дробь, доносившуюся с нижнего яруса. Стук продолжался несколько секунд, затем резко стих, а чуть позже повторился вновь. Нетрудно было догадаться, что это шалит мой зверёк. Я быстро спрыгнул вниз, приподнял крышку выючника и потрепал животное за спинку. Заяц стучать перестал.

Пожилая дама сквозь сон что-то недовольно пробурчала, по-видимому, в мой адрес. Немного переждав, я устремился наверх в надежде поскорее уснуть, но в этот миг вновь раздалась уже знакомые звуки. Длинноухому, видно, надоело смиренно сидеть в своей темнице, и он бойко молотил лапами по её днищу.

Мои товарищи, привычные к транспортным невзгодам, крепко спали. В отличие от них, дама постоянно ворочалась с боку на бок. Опасаясь вызвать недовольство соседки снизу, я поспешил вновь заняться усмирением зайчонка. Барабанщик затих и на этот раз, но, как оказалось, лишь для передышки. Не успел я достичь своей постели, как его лапки заработали с новой силой...

Эта ночь запомнилась мне надолго. Каждые полчаса я совершал маршрут сверху вниз и обратно, совершенно забыв про сон. Дама, очевидно, из-за проделок моего подопечного тоже не могла уснуть. Сидя возле заячьих застенок, я временами ощущал на себе тяжесть её взгляда, устремлённого из темноты купе. Понять суть происходящего она была явно не в силах, но очевидно испытывала чувство нарастающего негодования, которое, в конце концов, проявилось в виде какого-то злобного шипения. При этом адресовать гнев лично мне было затруднительно, так как сам-то я не шумел...

Утром наша попутчица, с видом оскорблённого достоинства наблюдавшая пейзаж за окном, то и дело подозрительно поглядывала на выючник, хотя оттуда уже не доносилось ни звука. Несомненно, её заинтриговало содержимое сего загадочного предмета, но спросить об этом дама почему-то не решалась. Вскоре, однако, терпению женщины пришёл конец, и она изрекла давно назревший вопрос:

— А в ящике-то вы что везёте?

— Зайчика, — ответил я.

— ...?! Ваши шутки не остроумны! — неожиданно заявила она и сердито отвернулась в сторону.

Возможно, если бы я сообщил нечто вроде того, что в ящик помещён некий суперприбор непрерывного действия, периодически издающий стукноподобный звук, — это бы ей больше понравилось. Но ведь обманывать нехорошо...

ИСКУССТВО

Постулат “искусство — великая сила” я знал уже давно, но именно в тот раз мне довелось в полной мере прочувствовать всю правдивость этих слов, причём весьма необычным способом. Я пребывал в служебной командировке в Ливийской Джамахирии (попросту — в Ливии) в составе группы советских специалистов. В один из выходных руководство группы, очевидно, заботясь о повышении нашего культурного уровня, организовало автобусную экскурсию с посещением живописных развалин небольшого древнеримского города Сабрата, отсчитывающих века на самом берегу Средиземного моря, близ границы с Тунисом.

Выехав из Триполи по прибрежной автомагистрали, мы быстро достигли пункта назначения, где перед нами предстали каменные останки некогда процветавшей цивилизации. Традиционных экскурсоводов здесь не полагалось, поэтому, высадившись у развалин, мы, недолго думая, разбрелись в разные стороны, чтобы наедине с Историей полнее ощутить на себе дыхание Вечности ...

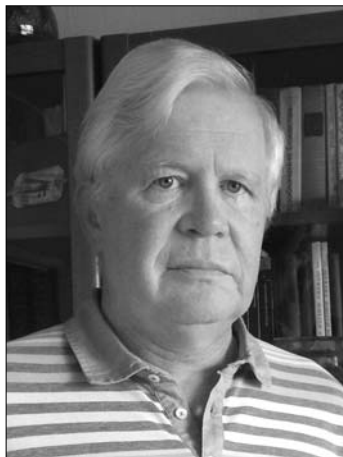
После осмотра руин я заглянул в маленький музей, который размещался в видневшемся неподалёку одноэтажном строении. В нём были собраны экспонаты, обнаруженные археологами при раскопках города. Моё внимание, помимо всего прочего, привлекло небольшое мозаичное панно с изображением головы какого-то божества. Вблизи мозаика была не очень выразительной, но всё же чем-то неувлимо притягивала. Разглядывая панно, я случайно сделал шаг назад, и лицо, вызвавшее мой интерес, едва заметно изменилось. Тогда я продолжил движение вспять, и мозаика постепенно начала преобразовываться. Эффект был просто потрясающий: растрёпанные волосы на голове божества зашевелились, как от дуновения ветра, глаза его наполнились мерцающим блеском, а на щеках проступил лёгкий румянец. По мере удаления от чудного творения неизвестного мастера созданный им небесный лик становился всё более и более лучезарным!

К сожалению, зальчики в музее были маленькие, и вскоре мой путь преградила противоположная стена. Мозаика, однако, настолько заворожила меня, что хотелось двигаться дальше и дальше. Я переместился в крохотный коридорчик и оказался в соседнем помещении. Увы, наблюдать шедевр древнего искусства отсюда мешал узкий продольный барьер около метра высотой, неизвестно зачем торчавший (как назло) в самом центре зала. Чтобы не терять мозаику из виду, пришлось, не переставая пятиться, ещё и наклониться над этим сооружением под углом примерно в сорок пять градусов. Служителю музея — арабу, который, по-видимому, выполнял здесь роль сторожа, — такие неблагопристойные телодвижения посетителя явно не понравились, и он откровенно следил за мной с пристальным вниманием.

Перемещаясь столь необычным способом, я чуть было не снёс высокую глиняную вазу, стоящую на специальной подставке близ барьера, после чего араб грозно двинулся в мою сторону. В этот миг сзади нависла очередная стена, и я понял, что отступать больше некуда. Не желая международных осложнений, бросил прощальный взгляд на вожделенное произведение искусства и ретировался в следующий зал...

С тех пор минул не один уже год, но ощущение чуда древней мозаики осталось у меня и по сей день!

НИКИТА БРАГИН

СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ

ТЕМЯ ЗЕМНОЕ

Темя древней земли выпирает покатою скалой
в тёмных жилах и трещинах, каменной скорлупой,
лет ей будет немислимых три миллиарда!
Стоит остановиться хотя бы на полчаса
и послушать скрытые в ней голоса
всех, от брахмана до бастарда.

В каждом кристалле, будь то кварц или циркон,
мерно стелется тонкая ткань времён,
прах потухших вулканов, пыльца пшеницы.
Стоит скалу потрогать — она горяча,
словно священный воск. Этот мир — свеча!
Божий огонь листает летописей страницы...

Всю полноту ощущаешь, руку на камне держа...
Из глубины исходя, с тобой говорит душа
этой дивной Вселенной, этой плоти и крови,

БРАГИН Никита Юрьевич родился в 1956 году в Москве. Главный научный сотрудник Геологического института РАН, доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России, автор двенадцати сборников стихов. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина, Международной литературной премии имени Сергея Есенина "О Русь, взмахни крылами", победитель Большого дистанционного литературного конкурса "Преодоление" МГО СП России, XXVIII Международного конкурса имени А. Платонова "Умное сердце", Открытого литературного проекта "Поэзия русского слова".

и мириады пылинок, и мириады звёзд
в сути своей едины, и Время ищет свой хвост,
словно телёнок ловит сосок коровий.

НАЕДИНЕ

Стою наедине с незыблемой скалой
и жду далёкий гром пылающих столетий!
Вот-вот корунд и кварц заговорят со мной
священным языком, прекраснейшим на свете,
способным воплотить всё лучшее во мне:
смирение, любовь, познание и веру.
Как снежно-белый шлейф, летящий на волне,
он захлестнёт меня, не признавая меры,
и выразит он всё: и времени шаги,
и тяжесть рудных жил, и блеск хрустальных граней,
и нежный песни лад, и на воде круги,
и врезанный в скалу речитатив преданий.

СНЕГА

В тишине пришли снега,
словно тать в ночи,
поседевшая тайга
стынет и молчит,
птица встала на крыло,
затаился зверь,
лёд порошей замело —
не ступай, не верь.

Погоди, раздует хмарь
ветер ледяной,
солнца заревой янтарь
растечётся хной,
стужа выстелит пути
крепостью зимы,
и тебе шепнёт: “Иди!” —
вечность Колымы.

Ровным шагом навсегда
поведёт река,
стаёт колкая звезда
в темноте зрачка,
частоколом гребни гор,
кровь во рту, как медь,
а за поясом — топор,
а на сердце — смерть.

Дай мне пригоршню огня
да глоток воды,
светом утренним граня
голубые льды,
дай рассеять горький дым
и вдохнуть покой,
дай уйти мне молодым
ледяной рекой!

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕВЕРЕ

И было просто и просторно
на поприщах и перевалах,
на снежниках и гребнях горных,
на повстречаньях и привалах,
где чёрен чай и сахар снежен,
где остужает ветер свежий
твой котелок у самых губ,
и дикий камень, ржав и груб,
вокруг вздымаясь, обступает,
в тисках сжимая синеву,
как будто полночь наяву
приходит, серая, скупая
на хлеб, на мёд и на тепло...
Всё это было и прошло!

Но там, в горах, всё то же эхо,
всё те же скалы и ручьи,
и тот же путь — когда к успеху,
когда до боевой ничьи;
и воедино — мысль и дело,
и в неизведанных пределах
цепочкой жизни — их следы
и тонкий холодок беды...
Сухая графика пейзажа,
крушение камня, хруст куста,
трагическая красота,
где и огонь, и кровь, и сажка,
и лёд, прозрачно-голубой,
перекликаются с тобой.

И ты, как искорка в кристалле,
горишь, мерцаешь на ветру,
ты стынешь, словно кровь на стали,
зарянкой кличешь поутру,
и отдаёшь, и обретаешь,
и в этом истина простая —
твоё заветное зерно
уже проклюнулось, оно
вбирает воздух, свет и воду,
и зеленеет, и растёт;
к нему из облачных высот,
на крыльях — ливень и свобода,
и не во сне, а наяву!
Вот это счастьем я зову.

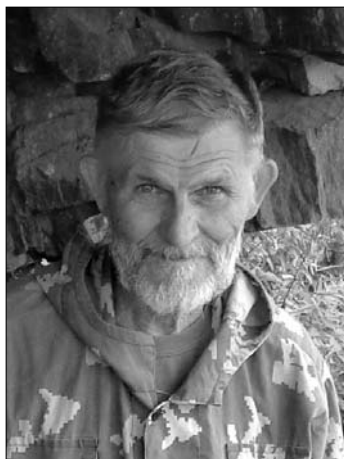
СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ

На крепость камня, на лохмотья мха,
на белые пески, на чёрный уголь
поставить перекрестие стиха,
обозначая совершенство круга
Полярного. Вдыхая высоту,
в осеннем златосумрачном уборе
найти скалу — подножие кресту
меж синих губ сияющего моря.

Найти опору и окончить путь,
раскинув руки поперёк залива,
и благовест в полнеба распахнуть,
даруя многогласие призыва
грядущему — остановись, внимай!
Здесь мы рождались, жили и любили,
он наш до горизонта, этот край,
в его красе, смирении и силе.

И по граниту трещиной — укор,
когда глядишь, смолкая и старея,
на высеченный в дереве узор
священной монограммы Назорея!
Не ритуал, не символ и не жест —
простым поклоном до земли рукою
на камне сердца воздвигаю крест
над окоёмом вечного покоя.

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

РАССКАЗЫ СТАРОГО БИЧА

БИЧЁВСКАЯ ЖИЗНЬ

Что, решили про бичёвскую жизнь послушать? Правильно решили. Сейчас уж и бичей-то нет. Мы, старики, вымерем — и всё. Да и мы, старики, уже бывшие бичи. Вот и я не бичую. Какая-никакая, а квартирёшка есть, сижу, зад прижал. Так и другие — кто осел, кто в бомжи подался, кто помер.

Э-э-э, нет! Бомжи — это не бичи. Бич кто? Работяга. Как это в песне? “Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз...”

На бичах вся геология держалась, и не только... А потом горных работ почти не стало, ручного бурения тоже, на буровых — вахтовый метод. Одно это бичёвскую жизнь под корень подкосило. А сейчас уж ни Союза, ни геологии — где ж тут бичам выжить... Вот и мрут бичишки.

Когда человек умирает? Когда жизнь ненужной становится. И жить ни к чему, и умирать страшно. Вот и выдумывает ненужная жизнь болезнь. А тут не просто человек — весь класс бичёвский стал ненужным.

Но я-то держусь, хвост пистолетом. Помру — кто вам о старой бичёвской жизни расскажет?

ЛОБАНОВ Александр Викторович родился в 1948 году в г. Барнауле. Окончил в 1974 году заочное отделение геолого-географического факультета Томского государственного университета. Работал в Алтайском тресте инженерных изысканий, в Нерудной геологоразведочной партии ЗСГУ, гидрогеологической экспедиции 15 района ПГО “Гидроспецгеология”, ООО “Недра”. Последнее место работы: отряд мелкомасштабной съёмки в гидрогеологической экспедиции 15 района ФГБУ “Гидроспецгеология”. Повести и рассказы публиковались в разные годы в журналах “Алтай” и “Барнаул литературный”. В “Нашем современнике” публикуется впервые. Живёт в г. Барнауле.

С чего начать-то? Ведь начать-то всегда труднее всего, а потом разговор сам покатится, одно за другое цепляться будет, тогда главное его в мелочах не утопить, важного не упустить.

А начну-ка я с собак.

О ПАКОСТНИКАХ

В одном шарашпроекте мы делали изыскания под здание сельхозтехникума в одном маленьком степном городишке. Разрез скверный — сверху, метра два, два с половиной — пески, а снизу — коричневые вязкие глины, пропитанные известью. Известковые гнёзда с краю рыхлые, а внутри — камень. И лопатой не возьмёшь, и кайло в глине вязнет. Да ещё и крепить горизонт песков надо. Правда, у нас была металлическая каркасная крепь: ставишь каркас и забиваешь досками — всё полегче. Но в инженерной геологии мало шурф пройти, надо ещё и монолиты отобрать — вырезать из глины кубы размером в тридцать сантиметров и закатать их в пропитанную парафином марлю.

Но в конце концов нам это всё надоело, и мы с напарником запили. Жили мы с ним вдвоём в квартирке, в которую нас поселило на время работы местное начальство, техник дал задание и уехал куда-то с буровой — сами себе хозяева. Ну, я-то больше трёх дней пить не мог, душа не принимает, а напарник-то с катушек сорвался. Ну, что делать? Пошёл на участок проверить что и как. Машины у нас не было, потому перед началом пьянки мы закопали в отвал монолиты, верёвку, инструмент, да, видать, плохо спрятали. Пришёл я на шурф и гляжу — каркас крепи выдернут, в шурф сброшены доски, между досками уложены изрезанные монолиты, на доски сброшен каркас крепи и вороток, туда же и инструмент отправили. Хорошо — верёвку не нашли, да песок на счастье оказался устойчивым, не рухнул шурф. Спустился я, привязал верёвку к воротку, поднял вверх, потом всё остальное вытащил, восстановил крепь. Ничего смертельного, и монолиты можно по новой из стенок нарезать. Но вот зачем людям понадобилось делать такую трудную и опасную работу, от которой им никакой пользы? Я вот по телевизору смотрю, в Европе анархисты бунтят — покрышки жгут, стёкла бьют, машины переворачивают — так ведь шум, гром, весело. А тут — столько трудов и ради чего — только чтобы кому-то напакостить?

КОНЬЯК ПОД СУСЛИКОВ

Тогда мы били шурфы на разведке месторождения керамических глин. Месторождение небольшое, на крутом склоне, буровики его распатронили как надо, а на две точки буровую никак было не поставить — круто, вот нас и прислали. Думали быстро кончить, а завязли на две недели. И глубина-то всего по десять метров, но порода... Прежде всего, склон оползневой, Глина под давлением и выстреливает кусками из стенок. Пришлось крепить. Пусть и не сплошная крепь, вразбежку, но повозиться надо. Как вразбежку? Выпиливаешь из тонкого ствола чурку чуть пошире стенки шурфа, раскальваешь её клином повдоль, плоской стороной к стенке и заколачиваешь, чтоб горизонтально встала. Так же и по другой стенке. Так и закрываешь стенку в шахматном порядке — доска на одной стенке, а на другой стенке напротив доски глина обнажается. И проще, чем венцовая крепь, и вывала не будет. Но и сама глина досталась — не приведи бог. То, что её лопатой не возьмёшь, — дело привычное, но и кайло не брало. Завязнет, выдернешь — чуть-чуть на краешке глины вырвет, и всё. Пришлось рубить топором пластины и в бадю укладывать. А тут ещё загазованность, какой я нигде ни до, ни после не видел. Обычно чувствуешь запах неприятный и всё. Потом геолог пойдёт документировать — жалуется, что дышать в шурфе трудно, настоит к тому времени газ. Ну, в крайнем случае зажжёшь на краю шурфа

костёр, вытянет дурной воздух, а тут работать невозможно, пришлось везти с базы ручной вентилятор и чуть что — крутить ручку.

Ну, кое-как закончили. А на ту пору и буровики разбурили ещё один участок неподалёку, только в степном предгорье, и нас вывезли к ним, чтобы потом вместе отправить на базу. К тому времени и у нас, и у них и деньги, и продукты подошли к концу. Из жратвы — только картошка, а денег на хлеб — впритирку. А тут приехали топографы — последний аккорд — привязка пробуренных скважин. Ну, побегали мы с товарищем за реечников, закончили рано, делать больше нечего, а выезжать домой поздно. Решили отметить окончание участка, и топографы на это дело выделили денежки. Деньги дали шофёру и наказали купить столько-то водки и пожарить. Село было неподалёку, километрах в трёх, вернулся наш шоферюга быстро и выгрузил требуемое количество бутылок, но... коньяка. Не было, говорит, водки. Про жратву и спрашивать было нечего — все деньги на коньяк ушли.

Ну, я достал ведро, взял палку и говорю — кто со мной на охоту? Наши-то знают, что за охота, а вот одному новому помбуру из Белоруссии пришлось объяснить, что мы пойдём выливать сусликов. Со мной пошли геолог, топографиня, молодая девчонка только что из техникума, и этот самый помбур. Все взяли по ведру, благо до речки недалеко, а мужчины ещё и палки. Пошли парами. Я с помбуром, а геолог с топографиней. Ну, вылили первого; обычно суслик вылезает из норки неторопливо, а этот выскочил и бежать. “Ванька, бей”, — кричу я помбуру. Тот глаза зажмурил и ударил так, будто не суслика, а волка, по меньшей мере, решил забить. Второй вылитый суслик вылез, как положено, — сначала выглянул, потом потихоньку стал вылезать. Мокрый, прилизанный. Ванька глянул на него — и этого есть? Крыса крысой.

— Ладно, — говорю, — этого не будем, маленький.

— Нет, не могу я на это смотреть! — И ушёл.

Ну, что ж, пришлось в одиночку. Добыл я ещё штуки три, думаю — хватит.

Принёс в лагерь, сел обдирать, а тут ещё геолог мне подбросил свою добычу.

— Ну, — говорю, — как Танюшка?

— Да бегала за водой, выливала как положено, только когда я суслика забивал, отворачивалась.

Ободрал я сусликов, начистил и нарезал картошку и потушил картошку с сусликами. Обьедење, особенно если до этого несколько дней была одна голая картошка без мяса и жира.

А тут ещё и коньяк. Наш топограф поднял кружку с коньяком и говорит:

— Коньяк под лимон пил, под шпроты — пил, а вот коньяк под сусликов — первый раз.

А Ванька не смог. Вроде бы налил себе чашку, начал есть, но вдруг всё бросил и убежал. Даже пить не стал.

Я говорю:

— Ты что?

— Да как этого суслика мокрого вспомню — с души воротит.

Ну, вспомнил я этого суслика. Никаких причин для того, чтобы это мне аппетит уменьшило, не увидел.

БУРЯ ПО РАСПИСАНИЮ

Как-то отправили меня с напарником на выброску. Основной-то участок был рядом с селом, потому отряд там арендовал избу, а нам дали на двоих пятиместную палатку с каркасом. Ну, напарниками-то мы не были. Там мы били не шурфы, а канавы, а на канавах каждый за себя, сколько кубов вынул — все твои.

Поставили мы палатку прямо на участке. Там был такой лог на участке — узкий, но с ровным плоским дном, и склоны там были крутые,

но ровные, почти безлесные, а выше лог резко расширился, а днище становилось круче. И ниже по склону лог также становился круче и шире. Вроде бы на участке было самое удобное место для палатки, даже родничок бил.

Переночевали мы нормально, только вот напарничек — его все звали Малескином — поговорка у него такая была, чуть что: “Такой-сякой малескин”. Так вот — этот Малескин мешал мне спать — слушал до полуночи по своему “Океану” (был тогда такой навороченный транзисторный приёмник) “Голос Америки”. Утром наварили лапшанников с тушёнкой, поели, чаёк пошвыркали и пошли кайлить. Встали из-за Малескина поздновато, потому и обедать стали уже в третьем часу. Разожгли костёр, поставили кастрюлю разогреваться да чайник кипятить, как откуда ни возьмись налетел ветер, и наша палатка покатила на своём каркасе вниз по склону. Палатку поймали, придавили с краю глыбами покрепче, глядь — а фуфайка Малескина, которую он оставил у костра, горит. Вата горит не пламенем, тлеет, но зато её чёрта с два потушишь. Вроде сбил пламя, глядь — она в другом месте шает. Словом, фуфайка только на выброс, а в начале июня в горах ещё не жара...

Ветер был недолго — с полчаса самое большое, потом всё стихло. Поставили палатку обратно, решили, что фабричные колья хиленькие, надо что-то покрепче. Вырубили колья побольше, вот только оказалось, что их глубоко не вобьёшь — везде камни. Ну, не стали каркас собирать полностью, сгоношили из пятиместной палатки подобие двухместной, а на “лишний” брезент навалили камней. Вроде всё нормально, но на следующий день в то же время новый порыв, треплет палатку так, что того и гляди разорвёт. Плюнули мы на это дело и перенесли палатку вниз, к речке. До канав дальше ходить, зато спокойнее. Потом с геологом поговорили и рассудили, что наверху, в котловине, за ночь скапливается холодный воздух. Он и внизу холодный, но днём он там, в широкой речной долине, нагревается и поднимается вверх, а холодный скатывается по логам вниз. Там, где лога постепенно расширяются книзу и спускаются постепенно, там и воздух сходит потихоньку, а у нас получилась узкая горловина, да ещё и ниже неё — крутой склон, вот и получается такая “буря по расписанию”.

БИЧЁВСКИЕ КЛИЧКИ

Вообще клички в геологии штука интересная. Вот часто клички дают по любимой поговорке — тот же Малескин. Или у нас один любил говорить: “Срамота-то какая!” — сам стал Срамотой, и прилипла кличка намертво.

Часто по фамилии, хотя и не сразу это поймёшь. Был у нас бич Румянцев — стал Румян, а потом как-то незаметно в Румына превратился. То же самое с национальностью. Вот кто, по-вашему, был по национальности помбур по кличке Хохол? Ага, как бы не так. Татарин он был.

Ну, ежу понятно, что бывший капитан госбезопасности, копавший у нас шурфы, был “повышен в звании” и получил кличку Майор Пронин.

Вообще-то клички дают не только бичам, но и геологам, и начальникам, но, понятное дело, — за глаза. Понятно, что если начальника партии зовут Тятей — это одно отношение, а если Плюшкин или Хитрый Ян — другое.

А наша геологиня имела сразу два прозвища: Кармен — из-за цыганской внешности — и РТ-140/80. Не сразу и поймёшь. Вообще РТ на буровой — разворот трубный, но в данном случае это были инициалы молодой специалистки, оклад 140 рублей и её неперемное требование обеспечить выход керна не менее 80%.

Ну, кому могут дать кличку Февраль, по-моему, объяснять не надо. И что из себя представляет повариха, которую зовут Стюардессой, тоже понятно. А вот чтобы прочувствовать иные клички, надо знать их историю. Вот, например, бич Камбоджа — почему? А старожилы партии мне объяснили: да потому, что он пнём пень. А Пном-Пень, как вам известно, столица Камбоджи. Или Братка Лю. Почему? Да потому, что пришли двое бичей одинакового роста, один немного монголистый, а тут как раз был мультфильм

с этими братьями Лю. Потом их разбросали по разным партиям, но так они Братьями Лю и остались.

Или вот история. Возвращаюсь я с работы, гляжу, у костра сидит какой-то новый бич и режет в кастрюлю мухоморы. Я по кастрюле пинком:

— Ты что, — говорю, — отравить нас решил?

— А что? Я грибы решил сварить, вроде не червивые.

Не надо объяснять, что после этого к нему иначе, как Мухомор, никто и не обращался.

Сначала он у нас на шурфах был, потом закончил курсы помбуров, ушёл на буровую. Года через три мы снова оказались в одном отряде, и вот мой “крестник” достаёт бутылку водки и говорит:

— Всё, ребята, отвальная. Отмухоморил я у вас три с лишним года, пора и честь знать.

Ага, отмухоморил. Перешёл-то он в другую экспедицию, и даже другого министерства, вот только каротажники-то у нас одни. И там он снова стал Мухомором.

АЛЕКСАНДР НАТАЛЕНКО

ВСТРЕЧАЯ РАССВЕТ И СУДЬБУ

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

*Ю. П. Сафьянову
и команде "Хужира"*

Гор многоточье и метры руды,
Схватка неравная — недра и ты! —
где для планеты мгновение век,
там ты дерзаешь, чудак-человек!

Нет колдовства и не будет чудес,
и не помогут ни ангел, ни бес,
пот на спине, и мозги набекрень —
вот он каков, у геолога день!

НАТАЛЕНКО Александр Егорович родился в городе Улан-Удэ, Республика Бурятия. В 1969 году окончил Иркутский государственный университет по специальности "инженер-геолог". С 1970-го по 1971 год проходил службу в Советской Армии. Затем работал на Берелехской комплексной геологоразведочной экспедиции. Прошёл путь от геолога до начальника геолого-геофизической партии. Позднее с 1977-го по 1981 год являлся главным геологом Анадырской комплексной геологоразведочной экспедиции Северо-Восточного территориального геологического управления Анадырь Магаданской области. В 1986 году возглавил Северо-Восточное производственное геологическое объединение. В дальнейшем занимал различные руководящие посты в геологических организациях в России и за рубежом. С 1996-го по 2001 год занимал пост заместителя министра природных ресурсов Российской Федерации. С 2004 года Александр Наталенко является председателем Совета директоров публичного акционерного общества "Новатэк". Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Удостоен звания "Заслуженный геолог России".

Мчатся кварталы, декады, года...
Наша награда — большая руда.
Сроки придут — ты поймёшь наконец
сущность того, кто “венец” и “творец”!

Жизнь коротка, и всего не успеть,
но ты успеешь всего захотеть...
Вот твои плечи и плечи друзей...
Шепчет гора: “Ни о чём не жалеи!”

* * *

Годы летят всё быстрее, тают ряды друзей.
В беге стремительных лет многих из них уже нет.

Можно забыть и жить, можно просто любить,
Помнить выпуск родной, ставший нашей судьбой.

Время вернуться вспять, встретились мы опять,
Сели в кружок у костра песни петь до утра.

Встанут за каждой спиной те, кого нету с тобой.
Каждый в кругу за двоих — верная память живых.

Каждый из нас загрустит, водки нальёт, помолчит,
Выпьет за тех и других, наших друзей дорогих.

Милых улыбок свет — лекарство от прожитых лет,
прожитым временам скажет дерзкое: “Нет!”

Жар наших встреч храня,
проложим маршрут с нуля,
выйдем вновь на тропу, встречая рассвет и судьбу.

* * *

Почему так непрост и так сложен наш путь?
Всё, что мы пережили, разве это не жуть?
Почему наша жизнь — тяжелейший маршрут?
Почему, Богом данный, он извилист и крут?
На вселенских качелях разметало народ.
Шаг неверный — и всё. Завершился наш род.
Нам чего не хватает? Успехов, побед?
Век последний прошёл в длинном перечне бед.
Вечно первые в мыслях. А по жизни — в конце.
И народ не в лавровом, а в терновом венце.
Я теряюсь в раздумьях. Не пойму, в чём наш грех.
Вроде в космос прорвались. Да и в недрах успех.
Почему ж лабиринты? Что ни шаг, то тупик.
Если счастье приходит, то буквально на миг.
Океан испытаний мы испили до дна.
Нам бы только очнуться от тяжёлого сна!

* * *

Время шакалов, циничных людей...
Простите, не прав я, — это время зверей.
Везде. Повсеместно. Вверху и внизу.
За землю зубами держусь и ползу.

Старость — на свалку, детей — в наркоту...
Как же нам всем урезонить беду?
Красивые речи. Красивые встречи.
А люди вокруг угасают, как свечи.
Чёрные дыры. Белые пятна...
Как бы хотелось вернуться обратно!
Туда, где простой и чудесный народ,
Где главное — дети, где вечен наш род,
Где дружба и совесть в огромном почёте.
Где каждого жизнь, словно птица в полёте!
Беду пережили, репрессии, войны...
В космос ушли... Так чего ж мы достойны?!
Счастья? Успехов? Светлой дороги?
Иль жить, обивая чужие пороги?
...Хочется солнца. Тёплых дождей.
Целей высоких. Надёжных друзей.
Сделать страну комфортной для всех,
Помня историю прожитых вех.
Надеюсь, ТАК будет! Мы просто в пути.
И всё, что нам надо, — не ныть, а идти.
Идти, побеждая. За шагом шаг!
Когда мы все вместе, не страшен нам враг.
Борьба между злом и добром впереди.
У каждого факелом — сердце в груди!
А следом за нами дети придут.
Построят свой мир, где тепло и уют!

АЛЕКСЕЙ НЕКРАСОВ

МАРСИАНСКАЯ КРАСОТА

РАССКАЗ

1981 год. Это был первый суперсезон. До этого были полевые сезоны на Кавказе.

Потрясающее лето в такой глуши, какую трудно представить, — в низовьях реки Алазеи, что между Индигиркой и Кольмой. Тот сезон в 1981 году был полон невероятного отождествления себя с русскими казаками XVII века. Да и названия какие — Деменчик-камень, Левентик-камень — прямо имена тех самых авантюристов, вписанные в географию. Завораживающая и щемящая бескрайность тундры. Сумасшедшая её марсианская красота в конце июня, когда зацветают маки, незабудки, иван-чай, колокольчики и ещё чёрт его знает какие лютики. Огромные, на много километров вдаль и вширь одноцветные ярчайшие пятна с чёткими ровными краями. Будто кто-то эти цветы специально сеял, как в английском парке.

А ещё вселенский, подавляющий страх перед этой идеально плоской равниной, полная потерянность и безысходность, когда смотришь на карту и не

НЕКРАСОВ Алексей Иванович — доктор геолого-минералогических наук, заслуженный геолог республики Якутия, отличник разведки недр, почётный разведчик недр, первооткрыватель месторождений серебра. В 1983 году окончил кафедру полезных ископаемых геологического факультета МГУ. В 1993 году защитил кандидатскую и в 2017-м — докторскую диссертации. Более 20 лет работал в северо-восточной Якутии геологом. Спектр научных интересов — стратиграфия, тектоника, процессы рудообразования, минерогенез. Практическая деятельность — государственная геологическая съёмка масштабов 1:50 000–1:200 000, тематические работы по благороднометалльному оруденению, поиски и оценка запасов и прогнозных ресурсов угля, полиметаллов, серебра, рудного и россыпного золота. Автор 66 научных трудов и более 40 производственных отчётов, проектов и пояснительных записок к государственными геологическим картам.

знаешь, куда идти, потому что солнце — круглые сутки, а ты потерял счёт времени и не можешь определить стороны света. На карте обозначена точка речки, а в реальности — это тысячи маленьких струек, текущих между кочек. А ширина полосы этих струек — пять километров. Куда идти? Вселенская, сосущая тоска и тревога. А потом озарение — на карту нанесён столб ископаемого льда высотой более пяти метров. Но он виден за десять километров на этой столовой равнине. Надо дойти до него и определить направление на то место, где ждёт вездеход.

Дальше — выматывающая ходьба с рюкзаком, полным проб, в закатанных негнущихся болотных сапогах выше колен, между колыхающихся кочек по пояс и бесчисленных трещин в земле с чёрной водой, через которые надо перепрыгивать. Одурачающее солнце и тучи комаров — сплошным ковром на одежде. Скорость такого передвижения — один-два километра в час. Редкие бугры глины изрыты песцами. Облезлые, грязно-коричневые, вылинявшие песцы отважно охраняют свои норы, оскалываются и злобно твякают. Наконец, удаётся найти свободный бугор и завалиться на бок, не снимая рюкзака, чтобы выкурить папиросу. Чувство одиночества и инопланетности происходящего...

А тундра буквально кишит птицами, в маленьких лужицах плавают облинявшие гуси и утки самых разных видов. Они вообще не реагируют на человека. Летать они не могут, да и некуда им деться от своих гнёзд. Можно ловить их буквально руками.

А на одном из озёр, — правда, это далеко отсюда, возле нашего полевого лагеря, — гнездятся легендарные розовые чайки. Трудно подобрать слово, чтобы описать их перламутрово-нежно-розовую грудку совершенно нереального, какого-то искусственного оттенка. Завораживает, когда смотришь на них метров с пяти.

Наконец, на горизонте появляется чёрная точка — это вездеход. И сразу силы кончаются, ноги сами подгибаются и плюхаешься в мокрую осоку, перекуривать. Вездеход нереально далёк по такой дороге, а потом ведь ещё трястись на нём полчаса до пустой палатки.

Потом был сумасшедший переход из базового лагеря километров за двадцать пять по этой жуткой тундре до временной стоянки на берегу Алазеи. Алазея здесь — мутная, коричневая река, которая размывает тундровый суглинок. В неё впадает чистейшая прозрачная речка с темно-синим оттенком воды. В ямках неподвижно стоят хариусы, ожидая упавших в воду мошек. Они отлично ловятся на скользящий по поверхности кусочек красной тряпки.

А ночью неожиданно, как всегда бывает в тундре, налетел в темноте короткий, как удар под дых, шквал с ливнем. Палатку разорвало по всей длине. Потом все вместе под ливнем сшивали рваные куски материи и восстанавливали крышу над головой, заснувшие мокрые среди вещей, пропитанных водой. А утро было тёплое, ясное, тихое, и вообще всё это произошло не с нами.

Потом мы открыли месторождение золота, но тогда мы об этом не знали. Мало того, открытие было, на первый взгляд, не просто случайным, а нелепым. Участок исследований был выбран из соображений целесообразности на замыкании гранитного массива. Единый гранитный батолит протяжённостью более ста пятидесяти километров здесь погружался под толщу юрских сланцев и эффузивов. На поверхности были обнажены только разрозненные мелкие выступы огромного массива.

Более веским соображением являлось то, что коренные породы залегали в исследуемом районе на нескольких невысоких холмах хребта, нисходящего в бесконечную столовую равнину тундры. Мы могли здесь наблюдать породы, не покрытые сплошным покровом тундровой глины.

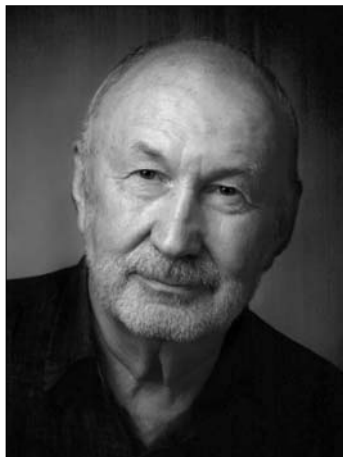
Начальник нашей партии закончил Львовский университет и был законченный западенец, хотя мужик и неплохой. У него перед глазами впереди геологии стоял план по отбору проб. Потому он отправил на дальний холм нас — двух студентов — и вездеход, отбирать большие пробы с площадок пять на пять метров. Всего за день надо было отобрать восемьдесят проб из

гранитного массива и окружающих его сланцев. Пока мы размечали площадки и отбирали пробы, вездеходчик Валера Саенко готовил чай и жарил на костре оленину. Оленя застрелил вчера промывальщик Коля Перевозчиков.

Гранитный массив и окружающие породы на участке, где мы отбирали пробы, все проржавлены, измяты и издроблены. В этой мешанине ничего не было видно. И только следующей весной, после получения анализов, оказалось, что все пробы содержат промышленное золото. На следующее лето в исследуемом районе были проведены дополнительные поисковые работы с проходкой канав, и стало ясно, что здесь может быть крупное месторождение. Вот так простое стремление выполнить план и получить премию совпало с удачей. Бывает...

А теперь прошло сорок лет, и до месторождения, наконец, добралась разведочная партия, и может быть, через десять лет в стране станет одним крупным золоторудным объектом больше.

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ГОЛОЛЁД. 1980

Рассвет сегодня розовый,
Как будто бы стыдится,
Что снова подморозило
И гололёд на улице.

Но радуюсь и этому,
Что жизнь — неуправляема.
И так девчонку обниму,
Что не упасть по одному.

Теперь какая разница,
Куда потом покатимся, —
Вниз, по дороге ледяной
До нашей старости самой?

ЗАИМКА

Снега выпало много в моём захудалом краю,
В белых шубах песцовых стоят низкорослые ёлки,
Замело все болота, холмами кажутся горки,
Словно все одинаковы перед этой великой зимой.

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович родился в г. Молотов (ныне Пермь). Окончил Московский геологоразведочный институт, работал геологом, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Что дала тебе Родина? Тёмное чувство природы,
Сумасшедшую, днём горящую в небе луну,
Одинокость и дикость, что дышат такою свободой,
Что понятна лишь гению и простому уму.

* * *

Женщина, прости, что ушёл.
Тело — бренно, а дух — взлетел!
Видишь цветы белые?
Это — снег.
Закрой окно, чтобы было тепло.

А раньше грела руки на сердце моём.
А теперь думаешь: зима, ветер свистит,
Цветы увядают в полёте...

НЕРЮНГРИ

Тени пахли чёрной смородиной,
Влагой некошенной травы.
Я стоял, как чучело на огороде,
Сняв шляпу
С глупой своей головы.

Здесь мокрый снег уже пролетает,
А я, как соломенный дурак,
Это небо серое обнимаю,
И рук не хватает никак.

О, Нерюнгри, и ты — обними,
Вспомним якутские шири!
И дымки над тобой висят, как нимб,
Над матушкой Сибирью.

ЗИМНИЙ ЗАВОЗ 1981 года

Густел румянец на рябинах,
Замёрзли топкие болота.
Дороги сделались прямыми,
А наша жизнь — бесповоротна.

Машины шли на Крайний Север,
Летели, словно птицы с юга.
И ждали их всё это время
Посёлки, сдавленные вьюгой.

И рёв моторов доносился
Издалека, звенел в лесах.
И государственная сила
Была в их жёстких голосах.

ИЗГОЙ

Я обречён на точность,
Дороги мои прямые.
Все перекрёстки сносит
Вьюгами ледяными.

До горизонта — близко,
Кажется мне, изгою.
Тёмное небо низко
Свесилось над странюю.

Где-то сверкает солнце,
Как циферблат без стрелок.
Время, куда несёмся,
Если отстало тело?

РУССКИЕ

Мы люди, настоянные на ветре
Калины, осины, дуба.
Изгои роз, выросшие дико,
Переросшие в шиповник,
Говорящие: “Кто садовник,
Узнаете по занозам в сердце,
Что налилось кровью,
Как маки красные твои,
Родина,
Посеянные из орудий,
Вечно спрашивающие:
Зачем?”

* * *

Взлететь высоко и упасть глубоко,
И очнуться на Русской равнине
Так распятому её ширью,
Что поймёшь наконец-то, что это — твоё
Небо, легшее на просторы.
И поэтому даль — голубая,
А земля под ногами тугая.
И, наверное, рано себя хоронить
Или думать, что ты — царь природы,
А не толика силы народа.
И аукают города,
Потерявшиеся в полях.

БЕЖЕНЦЫ

Москва прокисала —
Пахла котомками, потом, одеждой нестираной;
Люди, как птицы, засыпали на лавках в метро,
Озирались, как будто их снова
Вытряхивали с вокзалов,
А кольцевая линия раскручивала
Так, что они вылетали с неё,
Рассеивались, как туман,
Оказывались за Уралом.

* * *

Тяжело, по-тёмному течёт Кама,
Она великая, сестра Волги.
Вся суета вмёрзла замертво
В её берег высокий,

На котором стою я,
Как будто взлетел в космос.
И зябнущий, понимающий,
Какой корявый я, низкорослый.

Как деревце, выросшее на вершине,
Над этой свинцовой ширью.

* * *

Самые синие мотыльки — в феврале,
Это, когда равнину вылизал ветер
И снег перемешивается со звёздами,
И этот рой опускается в глубину неба,
На самое его дно,
По которому бродим мы,
По колени в алмазах,
И опять ты Ева.

* * *

Небо, как селезень в брачном наряде,
Переливается сине-зелёным;
Тянет туманом от тихой реки,
Поле стекает по бурому склону.

А ночью в гигантских провалах тьмы
Мерцают посёлки далёким светом.
И душа моя, времени вопреки,
Как бабочка, перелетает в лето.

* * *

Солнце катилось, да не докатывалось, —
Январь, как медведи, спали в берлоге.
Единственно, ты улыбалась, милая,
И багульник цвёл, потянувшись к печке.
И не было никакой логики
В том, что мы жили дружно,
И двери придавливал ветер,
Чтобы не выпускать меня наружу.
Но в каждом нашем прощании
Просвечивало будущее.
Поэтому рождались дети,
С колыбели привыкшие к стуже
И нежности.

* * *

Архимандриту Савве

Столько дорожек натоптано,
Иди по любой!
А я иду по тоненькой, к храму,
По которой прошёл святой.

Он как бы взлетал в небо,
И кажется лёгким его путь,
А попробуй воздух,
Как он, вдохнуть!

ВАСИЛИЙ САВИЦКИЙ

ЗА РОГАМИ

РАССКАЗ

Игорь и Решат, как всегда, занимались шлихованием. Правда, сейчас без лошадей — с собой в вертолёт лошадей никак не взять. Что делать... Бутенко тоже рассчитывал найти подходящую площадку для вертолёта в долине Аргута, чтобы проще было опробовать впадающие в Аргут ручьи. Но, увы... Так что работа у парней была нехилая.

Лагерь стоял на высоте 2200, а вся работа — на 1000–1100 метров над уровнем моря. От лагеря до долины Аргута — километров семь. Вот и считайте превышение 1100–1200, расстояние семь километров до начала работы, и идти надо не по дороге и даже не по тропе, а по чьему придётся: где просто каменистое дно оврага, где курум. Ладно бы туда-сюда сбегал и всё, — надо же ещё работу сделать, шлих отобрать, промыть. Что намыл — в мешочек. Этикетку там, на карте точку опробования, в дневник записал ... Как обычно, в общем. Пробу в рюкзак, и на следующую точку. В конце дня — в лагерь 1200 вверх, но уже с пробами. Веселуха...

Вот так вечером приходят и рассказывают... То, сё... Отобрали, мол, пошлиховали — нормально, завтра опять пойдём добывать маршрут. А по пути к Аргуту, да вот недалеко, второй ложок по правому борту основного лога, лежит полусъеденная туша оленя... Рожища — во, руками за концы не достать, здоровенные... Забрать бы... Вещь! Да только чё-то неохота было возиться... Топор надо с собой тащить...

САВИЦКИЙ Василий Романович родился в городе Смолевичи Минской области БССР в 1965 году. Работал инженером-палеонтологом 1-й категории в Палеонтологическом отделе ОАО "Западно-Сибирский испытательный центр". В данный момент заместитель руководителя Кемеровского филиала ФБУ "ТФГИ по Сибирскому федеральному округу". Живет в городе Новокузнецке. Данная публикация — дебют.

Да, рога, и правда, вещь! Два: один — с Акалахи (это на юго-восток — Аргут начинается слиянием Акалахи и Джазатора), другой — с Приполярного Урала (практика после третьего курса) — у меня уже были. Небольшие. Из одного вешалка получилась, не бог весть какая, но оригинально, и в интерьер вписалась вполне. Второй так валялся, — может, что получится когда-нибудь (до сих пор так). Ну, а тут — рожища! Да ещё целые, в паре, так сказать! Мышами не обгрызенные, можно с куском черепа вырубить.

Нет, этого я не мог упустить!

Место на карте показали.

— Вот тут, в конце ложка. — Решат ткнул пальцем в двадцатьпятку. — Трава большая, но видно хорошо — торчат над травой, не промахнёшься. Ходу километра три. Лучше спуститься кедрачом в ложок, а там ещё малость. Один ложок пройдёшь, во втором он и есть. Вроде так...

Ладно... Налегке с топором можно сбегать после маршрута, если прийти в лагерь чуть пораньше. Скажем, вернуться из маршрута часов в пять — до темна можно успеть. Одному, конечно, идти как-то не очень приятно — оленя-то мишка завалил... Да и по технике безопасности не положено...

— Пойдём, — говорю Марине моей, — сбегаем... Рога там классные должны быть...

— Ну, пойдём, — говорит. — Только с меня бегун не очень...

— Как-нибудь — рога всё-таки!

— Ну, пойдём. Я как раз в лагере на дежурство останусь, а ты в маршрут с Ольгой сходишь. Можно точку поближе выбрать, раньше вернёшься, тогда и пойдём.

Сказано, сделано. Так примерно и получилось.

Погода в эти дни стояла отличная — небо чистейшее с утра.

Уж не помню, какую точку отработывали, какую фауну собрали, но в лагерь вернулись, примерно как рассчитывали, — в пять-начале шестого. Образцы из рюкзака — в ящик. Молоток — под палатку. Топор — из хозпалатки, и вперёд. Марина к тому времени ужин приготовила, народ придёт из маршрута — Ольга накормит. Нет проблем...

Солнце ещё высоко, хоть и явно пошло на запад. Лог, в который нам предстояло спуститься, выходит к Аргуту на юго-запад, как раз в это время солнце в него светит — красота... Вечер обещал быть просто замечательным. Горы вокруг ясные, на небе ни облачка. Только Белуха на юге была закрыта — после вечера, когда мы выгрузились с вертолётá, больше не хотела нам показываться.

Лагерь стоял на склоне недалеко от кромки леса, точнее, там, где было поположе, и поближе к первым деревьям. Сначала нам нужно было пройти траверсом по склону, а потом свернуть в лог и пойти лесом. Берёзка чуть выше колена и курум, местами лысый, покрывали склон. Начало нормальное. Хорошо идти по открытому пространству — видно, где удобней пройти, куда свернуть.

В горах на открытых склонах всё кажется рядом... Вон горюшка — рукой подать. А по карте прикинешь — километров десять с гаком. Да была бы ещё ровная прямая дорожка — чеши себе припеваючи. Ан нет — не то, что дорожки, — тропинки нет никакой... Вот и прыгаешь по камушкам, выбираешь, где курум поменьше да понадёжней, петляешь между кустами берёзки. Так что даже на открытом месте прямо идти редко получается.

Ноги за сезон уже привыкли к камням, шагали бодро. С собой ничего не брали, шли налегке. Только топор — вырубить рога из черепа — и пустой рюкзачок (на всякий случай) за спиной. Милое дело, не то что из маршрута образцы тащить. Опять же вниз по склону...

До поворота в лог “добежали” довольно быстро — всего-то около километра. Место приметное — скала торчит хорошим пупырём. Высотой метров пять, длиной, может, двадцать. В сторону лога обрывистая, с другой стороны — пологая. Тут и надо поворачивать вниз.

Подшли к скале — мама дорогая!.. Под скалой нарыто земли в разных местах, и всё кругом натоптано медвежьими следами. Что искали? Кого выкапывали? Но явно не так давно. А солнышко-то всё ниже...

Вообще медведи на Алтае не шибко лютые. Они предпочитают с людьми не встречаться. Не то что, например, на Дальнем Востоке или у Байкала, где туристы шатаются толпами. Байки такие слышал, что на постоянных туристских тропах у Байкала медведи повадились. Пристраиваются к группе туристов сзади и хватать последнего за рюкзак. Турист, конечно, прыг из рюкзака, ляжки скинул и дёру. А медведю того и надо — рюкзак распотрошит, а там сгущёнка частенько бывает. Хлоп лапой — банка вскрыта. Раз попробует — за уши не оттащишь. Так и промышляют.

На Алтае в 90-е туристы, конечно, были, но всё-таки не так много, как сейчас. Если медведь с кем встречался, так то или местный охотник, или геолог. От первого добра точно не жди, а второй — кто его знает...

Мне, по правде, так и не привелось встретиться с медведем в маршруте ни разу за всё полевое время (лет пятнадцать полевых, пожалуй, наберётся — именно лет — без зим, конечно, хотя и не все лета были “от и до”). И на Приполярном Урале бывал, и на Оби северней Ханты-Мансийска, а уж у себя — Кузбасс, Кузнецкий Алатау, Горная Шория, Алтай... Алтай, конечно, больше всего. Следы разного рода встречались часто — то шерсть на деревьях, то лепёшки или просто следы... и поменьше, и побольше. Но чтобы нос к носу или хотя бы издалека показался — не было... Как-то на Мрассу задиры когтями на сосне встретились, так я геологическим молотком (он у меня не очень длинный, чуть больше полуметра — у “съёмщиков” обычно длиннее, до метра почти бывают) едва достал до верха задира. То есть метра под три лапой доставал. Самого-то мы его не видали, и как он эту отметку ставил, тоже. И может, не самый большой был миша, но всё равно впечатляет...

Так вот, солнышко всё ниже, а тут медведи “клубятся” у скалы. Может, это один медведь там натопал... Но с этим как-то разбираться не было времени — рога ждуть! Долго не думали — вперёд!

Медведь вряд ли хочет с нами встречаться. Мы его не видим, так пусть хоть он знает, что мы тут. Погромче разговаривать, топать, стучать по ходу по деревьям, по камням...

Вокруг пупыря ходить не стали — вдруг он там от нас прячется. Так и идём дальше, громко рассуждая о хорошей погоде и медведях, которые предпочитают не встречаться и с геологами в том числе.

Идти стало значительно бодрее. Тени всё удлинялись, а зрение и слух обострялись. Тем временем дорога наша стала более определённой. Вокруг уже был редкий лесок сплошь из одних кедров. Небольшой ложок, по которому мы спускались в основной, становился всё уже и глубже. Местами поперёк ложка лежали кедровые бревна побольше. Приходилось продирааться между торчащими вверх и в стороны ветвями. Хорошо, что русло намечающегося ручья было сухим и не очень завалено камнями.

Постепенно кедрчак стал более рослым и перешёл в нормальный лес. Ложок всё продолжал сужаться и углубляться, пока не превратился в настоящий каньончик. Стены ложка-каньона стали почти вертикальными и поднимались над нами местами метра на три-четыре, местами проваливались до двух, но всё равно скрывали нас. При этом иногда можно было одновременно обеими руками коснуться противоположных бортов. Сверху на бортах возвышались кедровые ветви. А за ними, может быть, пряталась “хитрая морда” медведя.

Теперь упавшие кедровые бревна лежали над ложком, и приходилось продирааться через ветви уже снизу под стволами. Естественно, в таком месте я мимоходом громко стучал по стволу или сучьям. И так же мы продолжали громкую беседу, на ходу придумывая новые темы для разговора.

Надо сказать, что моя Марина в то время была, наверное, гораздо смелее меня. Один сюда я точно не пошёл бы... Тем более на ночь глядя. А вдвоём как-то совсем другое дело. Хотя, ну, чем может помочь хрупкая девушка, если вдруг нападёт медведь? Наверное, он её первую и съест! Это мне сейчас пришло в голову... Да, это, конечно, вариант... Вообще я фантазёр. И такие фантазии, что на нас где-нибудь когда-нибудь нападает медведь, проворачивались в мозгу не раз (так сказать, перед сном сказочка).

Естественно, я каким-нибудь способом убивал медведя. Или даже (я просто люблю зверей и не хотел бы никого убивать) просто набивал ему морду. И медведь от нас удирал не солоно хлебавши. Да, фантазии — это вещь! Можно быть супергероем, ну, или что-то вроде того...

Но рога — это тоже вещь, хоть и надо идти на ночь глядя через лес с медвежьей мордой (вполне реальной, между прочим, а не фантазийной). Одному — ну, никак не вариант! И по технике безопасности не положено! Точка! Да в общем-то и Марина сильно не возражала. И если бы она не была такой смелой, то просто сказала бы: “Да ладно, зачем тебе эти рога? Тащить их потом на себе. Небось, тяжёлые ещё...” Тяжёлые должны быть, это точно. Они же свежие, да ещё здоровые такие — в размахе, наверное, метра два (ну, наверное). А значит, кило пятнадцать потянут... Вещь! Это я так себя подбадривал.

А тем временем мы пробирались дальше по сухому ручью. Солнце опускалось. Мы спускались вместе с солнцем. Небо оставалось чистым, но в лесу в каньоне уже начинались первые сумерки. Ветра не было совсем, и, когда ложок перешёл в каньончик, все звуки (кроме тех, что издавали мы) исчезли совсем. И если мы останавливались, чтобы прислушаться, тишина была просто оглушающая.

Мы прибавили шагу, благо сухое русло это позволяло. Оно начало немного расширяться и слегка петлять, теряя прямолинейность и стройность каньона. В одном месте, когда мы завернули по руслу направо, вдруг раздался короткий резкий звук. То ли треск, то ли рывк... И сразу снова тишина... Мы остановились и прислушались, будет ли продолжение... Но ничего не было.

— О-го-го! — прокричал я и постучал топором по деревяшке.

Тишина...

Ладно, пошли дальше, громко рассуждая, кто или что это могло быть? Может, птица, может, какая-нибудь косуля, а может, и медведь... Гоняться за ними не собираемся.

Русло расширялось. Борта ложка стали растворяться в рельефе. Справа явно начинали переходить в борт основного лога, а слева — просто выполаживались, переходя в широкий цирк. Теперь сухое русло проходило по кедровому лесу, больше похожему на парк. Кедры — все как на подбор, примерно одного возраста. Довольно молодые, обхватом не больше, чем в три пяди. Ветви начинались довольно высоко над землёй, а трава под кедрами была совсем невысокой, поэтому видно было далеко. Над травой местами возвышались розовые цветы — ну, натурально парк.

Мы продолжали свой поход. Ещё немного, и появился звук ручья — мы выходили в основной лог. Наконец-то не стало этой давящей тишины. Звук нарастал и нарастал, и вот мы увидели довольно бурный ручей. Это русло основного лога — ура! Теперь уже недалеко должно быть — с километр, может.

Небольшой, но крутой ручей выше по логу прятался в курум, а ниже выбирался вверх камней и весело по ним скакал. Так и мы поскакали дальше по правому борту лога.

Долины совсем не было — были склоны, которые внизу утыкались в ручей. Правый склон получался южным (точнее юго-восточным), и значит лысым, а левый, за ручьём — северным (северо-западным) залесённым. Местами даже намечалась тропинка, которую уже набили Игорь с Решатом. Совсем хорошо. И вообще стало шире и поэтому светлее. Лес теперь был только на противоположном склоне за ручьём.

Будем считать боковые лога — второй должен быть наш. Через полкилометра — первый, ещё столько же — и второй.

Продолжаем спускаться... Вот уже первый показался. Особенно не задерживаемся. Солнце не остановить. А в горах темнота наступает довольно быстро, после того как солнце прячется за хребтами. Надо спешить. Прибавляем хода, сколько можем. От лагеря спустились (по высоте) уже примерно на полкилометра, а потом ведь и обратно надо топать.

Вот ещё маленько... Вон уже показались деревья, которые из лога выбираются. Всё ближе. Заворачиваем... Рога должны быть видны прямо из

основного лога — ну, по словам ребят. Что-то ничего не видно... Как так — должны же быть! Туша должна в траве лежать. Кто бы её оттуда упёр? Поднялись поглубже в ложок. Трава местами повыше, деревья редкие. Но всё просматривается довольно хорошо. Далеко подниматься по логу нет смысла, — может, всё-таки не тот лог? Может, первый был так себе, не очень лог? И надо идти дальше?.. А может, наоборот, — считать надо было от того, по которому спускались, и тогда второй — это первый... А там мы как-то не очень осматривались. Вперёд идти — это, по крайней мере, ещё метров семьсот — далековато. Тень от хребта всё больше поднималась по левому борту лога. Эх, какая досада! Совсем скоро начнёт темнеть, и тогда всё равно ничего не получится. У нас и фонарика даже нет.

Долго размышлять нет времени. Решено — возвращаемся. Может, ещё в первом логу успеем осмотреться... Хотя надежды мало, сказано же было: видно прямо от тропы. Ноги в руки и вперёд, то есть назад.

Теперь идти на подъём.

Когда идёшь вниз по склону, нагрузка на ноги получается ударная. Мышцы работают не на сжатие, а наоборот — на растяжение под нагрузкой. И, когда это продолжается достаточно долго, начинаешь думать, что вверх идти легче. Хотя на самом деле сил тратится больше на подъёме.

Сейчас рассуждать об этом времени не было — вверх значит вверх. Поскакали по своим следам, по камушкам вдоль ручья. Участок тропы до предыдущего ложка не очень крутой, но всё равно за полкилометра на подъём хорошим шагом — запыхаешься.

Дошли до ложка — немножко отдышаться, а заодно осмотреться — вдруг туша была здесь... Но, увы, чуда не случилось. В этом логу и деревьев было побольше, а в наступавших сумерках видно было уже не так далеко. Времени не было толком обследовать лог. Глянули налево-направо — нету. Как говорится, “померла, так померла”. Да поди и рога не так уж хороши были... Может, с одной стороны, и пообломались, мало ли как миша оленя завалил... А потом... тяжёлые — ведь точно. Пока вырубись... Потом тащить замучаешься... Нет, без рогов куда легче идти, тем более вверх по логу между деревьями. Опять же, в вертолёт загружать, в машину загружать — везде с ними морока будет... Зачем они нужны?.. Надо ноги отсюда быстрее делать, а то “морда” тут где-то шарится. Поди, где-нибудь за деревом прячется и за нами присматривает, чтобы мы его оленя не спёрли. Так что думать нечего — в лагерь!

Больше сомнений не оставалось — сумерки сгущаются. Больше мы не останавливались. Наша тропа постепенно становилась круче, и Марина начала помалу сдавать.

— Подожди, я уже не могу так быстро идти, — взмолилась она.

— Давай руки, держись, я тебя потащу, главное, ноги переставляй.

Мы уже дошли до ложка, по которому выходили в основной лог. Здесь уже начинался лес, а значит, становилось ещё темнее. Меня подгонял страх: если совсем стемнеет, идти среди деревьев в темноте будет очень тяжело. А тут ещё этот с мордой где-то... Это мне явно прибавляло сил, и я точно совсем не чувствовал усталости — тащил жену за собой, едва разбирая дорогу впереди между деревьев.

У ложка мы решили не возвращаться по логу, а срезать лесом. Это было немного круче, но зато прямее и не нужно было продирааться через поваленные в логу кедры (в лесу бурелома было гораздо меньше).

Заблудиться здесь было невозможно. Просто иди вверх и всё — выйдешь на водораздел. А там и леса нет, и за последние дни всё поверху исхожено уже вдоль и поперёк. Когда шли вниз, нам нужны были чёткие ориентиры, поэтому и шли от приметного пупыря по логу. Сейчас это было не важно. Главное было быстрее выбраться из-под деревьев.

Мы бежали, не оглядываясь, — нужно было смотреть под ноги, а видно было уже довольно плохо. Казалось, лес никогда не кончится. И потому он вдруг кончился и внезапно, и долгожданно. Над нами раскрылось небо, полное звёзд. Это было очень здорово. Во-первых, кто ночевал в горах, знает, какие там яркие и близкие звёзды (в безоблачье, разумеется). Во-вторых,

кроме звёзд, была и луна, которая освещала всё вокруг бледным светом, как будто в негативе. Небо тёмное с яркими звёздами, и чёткие светлые вершины и склоны хребтов. Позади осталась темнота под кедрами и “хитрая морда”, наверное, довольная оттого, что мы (незваные гости) убрались из его леса. Поднялись ещё немного к водоразделу, и стал виден наш лагерь. Теперь можно было вздохнуть спокойно — вверх подниматься уже не надо, осталось пройти с полкилометра траверсом вдоль склона — и мы дома. Этот склон был не такой ровный, как в лесу, зато было отлично видно, куда наступать, чтобы не поломать ноги. Да и вообще можно было не спешить...

В лагере все уже давно вернулись из маршрутов и поужинали.

— Ну как, рога нашли?

— Да как-то нет...

— Эх, ну, что ж так... Не дошли, наверное. Понятно...

— А вообще — кто ж за рогами с женой ходит?..

ИГОРЬ ШПУРОВ

ЖИЗНЬ НАПОЛНЕНА СМЫСЛОМ...

* * *

Золотой закон жизни
Я люблю и лелею,
Золотой закон жизни —
Он лёгок и прост.
Я тобою живу, я тобою болею,
И когда я с тобою —
Я выше всех звёзд.

Золотую нить жизни
Золотою иголкой
Каждый день вышиваешь
Без усталы ты.
Уходящего солнца золотые осколки
Ты волшебным движением
Превращаешь в цветы.

Пусть всегда будет завтра,
Всё в нём будет прекрасно:
И здоровые дети,
И красивая ты.

ШПУРОВ Игорь Викторович родился в 1964 году в Тюмени. Автор трёх сборников стихов и множества публикаций. Доктор технических наук, профессор, заслуженный геолог РФ, член Союза писателей России.

Жизнь наполнена смыслом
И совсем не напрасна,
Чтоб хотя бы нечасто,
Но... сбывались мечты!

ДЕНЬ ГЕОЛОГА

Я в Питере грязно-морозном,
Пропившем погоду в апреле,
Брожу, как вино на морошке,
В своём из-под нефти барреле.

Я трезв и поэтому грустен,
И дух у меня не победный...
Нет трёх революций...
Допустим,
Мне даже одну нынче вредно...

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Страстная пятница.
Вечер. Дверь на замок.
В руках Новый Завет.
Вчера... выжатый сок...
Подбиты дела
В прошедший четверг.
В общем,
Ждём воскресения, коллега!
Ожидания — сутки.
Ночь.
День.
Снова ночь.
...бес-ко...
...неч-но...
...вре-мя...
Ожидание невмочь.
В миллионный раз ты соблазн отверг.
Кому крест, а кому магазин —
Для любого из нас,
Потерявшего тень,
Каждый день из дней —
Родительский день,
День друзей,
День самых близких людей,
Что всегда теперь рядом.
И, конечно, я знаю,
Всё было не зря,
Улыбнитесь мне солнечным светом, друзья!
В воскресенье увидимся!
Будет светлей!
На тропе
Лучшего в мире сада.

ОКСАНА ТАРСКИХ

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ТАКИЕ РАЗНЫЕ БАБУШКИ

РАССКАЗ

Короток зимний день. Темно, холодно и снежно вокруг, а в маленькой квартирке тепло и светло. На столе разложен по крохотным чашкам разноцветный бисер. Рядом — узкая полоса чёрной ткани. Морщинистые старческие пальцы ловко держат едва видимую бисерную иглу. Скоро свадьба у старшей правнучки, а значит, нужны унты, непременно расшитые бисером, — для долгой, богатой и счастливой жизни. Маргарита Илларионовна поправляет очки с толстыми стёклами и улыбается. Круглые мелкие бисерины занимают только им предназначенное место. На душе становится тепло и светло, бабушка начинает петь. “Дьеэ-буо...”

...Давным-давно не было в мире ничего, кроме Огня. И было в том Огне всё: Земля, Небо, Вода, Воздух и души всех тех, кому ещё предстояло родиться. Из изначального Огня первой родилась Мать-Земля.

“Восьмикрайняя, о восьми ободах, на шести незыблемых обручах, в роскошном наряде, обильная щедростью”. С солнцем, травами, деревьями и реками. А над нею воздвиглись Небеса. И на вершине трёхъярусных светлых небес разлилось озеро, не ведающее ни стужи, ни льда. И сам собой возник престол из молочно-белой скалы для владыки Небес, Юрюнг Аар Тойона. Он сед, но крепок, носит соболью шапку с алмазным пером. И, как пристало мужу, есть у него супруга — блистающая Адынга Сизэр Хотун. И ими рождён род светлых духов — айыы, что живут в солнечных краях, людские удаганы и удаганки — слуги у них.

ТАРСКИХ Оксана Васильевна, кандидат геолого-минералогических наук, эксперт. Экспертно-геологический центр, Группа поисковой минералогии, Вилюйская геологоразведочная экспедиция, акционерная компания “АЛРОСА”.

На буйной южной окраине Неба жили злобный Суор Тойон и похожая на сварливую птицу Куохтуя Хотун. И породили они вечно голодное, вечно злое племя абаахы — злых духов Верхнего Мира.

На северной окраине Мира под незыблемым ложем Земли зародилось ещё одно злобное племя, матерью ему была старуха Ала Буурай, а отцом — Арсан Дуолай.

И случилась вражда меж племенами светлых айбы и тёмных абаахы. Долго длились кровавые битвы, и не было победителя в той войне, ибо все воины и воительницы были бессмертны и могучи. И никто никого не смог одолеть, но изнемогли от вражды все... И не было мира на Матери-Земле. Тогда-то и решили воители всех трёх племён помириться.

И злые духи Верхнего Мира ушли на южный край небес, где гремят грозы и ревут ураганы, а духи злые Нижнего Мира скрылись под землёй, в пропасти Чёркёчэх, в бедовом подземном мире. А добрые духи айбы решили основать жизнь в Срединном Мире, чтобы защитить её от набегов абаахы. Так появились Люди...

*С поводьями за спиной,
С немеркнущей судьбой,
У которых лицо впереди,
У которых на шее легко
Поворачивается голова,
Чьи суставы гибки, связки крепки,
Чьё дыхание — словно туман,
В чьих жилах — живая кровь.*

И соединили айбы три самых важных начала: живую кровь и тягу к небу и красоте дала им Адынга Сиэр Хотун, и стала зваться она Ийээ-Кут — материнская душа, Мать-Земля поделилась плотью своей, дабы укрепить кости нарождающегося племени, так получилась Буор-Кут — земная душа, а Юрюнг Аар Тойон коснулся людей дыханием своим, так люди получили душу небесную — Салгын-Кут.

...Седовласая женщина напевает, а под руками, словно по волшебству, возникают старинные символы... На чёрной Земле — синева Неба и белизна мудрости... Серебряной нитью тянется старый распев... Тянется долгая зима...

...Много воды утекло в Лене с тех пор, как духи поделили мир и создали человека, много было спето сказаний олонхосутами ночами у камелька, но недолговечна память людская. И заметили айбы, что стали люди забывать в череде дней о самом важном в жизни своей, и подняли голову злые абаахы и стали посягать на Срединный Мир. Покачала головой Адынга Сиэр Хотун и повелела:

— Как только у сына или дочери жены родится ребенок, считать жену — бабушкой, эбээ.

А ещё повелела всякой бабушке рассказы хранить и внукам передавать, дабы не прервалась связь поколений, а ещё повелела секреты священных узоров хранить и внукам передавать, и старые песни хранить повелела светлоликая госпожа Адынга Сиэр Хотун.

И стало так.

Но не дремали и злые абаахы.

Щёлкнула кривым клювом Куохтуя Хотун и сказала: “А я отниму у них сон и заставлю по утрам досаждать близким и неблизким”.

И стало так.

А старуха Ала Буурай тоже услышала повеление Адынга Сиэр Хотун, засмеялась она страшным скрежещущим смехом и сказала: “Не всем людским женщинам именоваться бабушками! Будут среди них и мои потомки: злобные, алчные, вечно недовольные. И назовут люди их бабками. И начнут стонуться”.

Так и повелось с тех пор под сенью Аал-Луук-Маас, Мирового Древа: есть добрые любящие бабушки, хранительницы памяти, и бояться их злобные

абаахы как Верхнего, так и Нижнего Мира; есть беспокойные старушки, от которых стонут не только близкие; и есть злобные старухи, которых не любят и боятся.

...Поёт бабушка, ложится на свои места бисер... А завершает распев Маргарита Илларионовна старым призывом к светлым айыы даровать правнучке долгую жизнь, светлую, как белый бисер и серебро, мудрую, как синий бисер, и бесконечную, как само полотно, что вскорости обовьёт крепкие икры правнучки...

Коротки зимние дни, долги зимние ночи, протяжен старый напев...

Женщина поёт. Тихо, почти не слышно, но от этой песни улыбается Адьнга Сизэр Хотун, недовольно ворчит Куохтуйа Хотун и шипит от бессильной злобы Ала Буурай.

Светла и прекрасна песня старой женщины, никакому злу не коснуться её потомков.

АЛЕКСАНДР УВАРОВ

СИБИРСКИЕ КРОКОДИЛЫ

ДВА РАССКАЗА

ОВЁС ДЛЯ ЛОСЕЙ

*Сахарёшке — милой и нежной подруге
всей моей жизни посвящается*

Тот далёкий полевой сезон 1982 года для Нефелиновой партии начинался с вертолётной заброски в глухой “околоток” Кузнецкого Алатау. Это значило, что геологи и сезонные рабочие уже несколько дней загорали за Еланью на краю вертолётной площадки, ожидая борт. Вертушки парили где-то над нефтяным Васьюганьем, трещали в сан- и спецрейсах по югу Западной Сибири и никак не успевали за нами. На запросы экспедиции “Башня” после обеда давала обещание, что уж завтра прямо с утрачка борт номер “УХ” будет у нас всенепременно.

УВАРОВ Александр Николаевич родился в 1946 году в Сталинске (ныне — Новокузнецк), в семье офицера Советской армии. После окончания в 1971 году геологоразведочного факультета Томского политехнического института до 1973 года работал инженером-геологом научно-исследовательского сектора этого института, исследовал связь уранового оруднения с девонским вулканизмом Кузнецкого Алатау и Агульского прогиба. Затем работал во ФГУП “Запсибгеолсъемка”, изучая щелочной магматизм Кузнецкого Алатау, Горной Шории и западного борта Минусинского прогиба, занимался поисками литиевых руд и геологическим картированием, был начальником геологической партии. Автор и соавтор семи комплектов Государственной геологической карты масштаба 1:200000 и комплекта Государственной геологической карты масштаба 1:1000 000 (лист N-45), нескольких десятков научных публикаций и производственных отчётов, в том числе трёх монографий по щелочному магматизму юга Западной Сибири.

Доблестные рассекатели небес прилетели в пятницу в 18 часов по местному времени, когда их, после очередного отбоя, не ждали. Бичи уже вдохновенно ели водку в скверике за камералкой, а геологи разбрелись кто куда. Начальник партии обнаружил дома только начальника поискового отряда и его жену, предвкушавших все прелести отдыха вдвоём, так как малолетние дочери были отправлены к бабушке на всё лето. Александр и Надежда собирались не более пяти минут. Ещё через пять минут они стояли у вертолётки, в салоне которой уже находился один пассажир. Этот вальяжный мужчина с признаками “зеркальной болезни”* был с удочками и патронташем. “Аха! Нашим рейсом прикрывают “левый” полёт на охото-рыбалку любителя природы в жареном виде. Интересно, кто он: секретарь райкома КПСС или просто блажейстер? Ну, да всё равно, спасибо “дяде” за первый забросочный рейс”, — подумал Александр и присоединился к слегка “под мухой” партийному завхозу (“прорабу”) Викторычу, который суетливо и не разбираясь пихал в салон ящики с консервами, мешки с мукой, сухарями, сахаром, палатки и спальники. Сыны неба торопили, шантажируя длиной светового дня, помноженной на расстояние, и лихорадочная погрузка закончилась минут через десять.

Ещё в машине, по дороге к посадочной площадке, Надя и Саша договорились проконтролировать загрузку своих рюкзаков и выючного ящика, а также палатки, спальников, хлеба, соли, спичек, ведра, тушёнки, чая, картошки, радиостанции. За остальным особо и не следили — следующими рейсами доведут. После напутствия “шефа” и его напоминания об обязательной радиосвязи по субботам они взгромоздились вместе с овчаркой Абреком на гору накиданного в салон груза и дали команду на взлёт.

В верховья Тунгаса летели минут пятьдесят. Когда после посадки и быстрой разгрузки МИ-8 улетел к югу с мужичком-“зеркальщиком”, Надя обнаружила в груди снаряжения и продуктов четыре выючных седла, шесть мешков с овсом и выючную сумину с уздечками, недоузками, ухналями** и подковами.

— У нас будут лошади? — спросила она у своего мужа.

— К сожалению, нет. Михаил Викторович так и не смог их арендовать. Так что будут пешие многодневки и выкидушки, — ответил тот.

— А это? — показала Надя на лошадиные причиндалы. Александр на секунду онемел, а потом жизнерадостно заявил:

— Сёдла подгоним под студентов, пусть привыкают к своей выючной доле. Помолчав, добавил:

— Интересно, сколько же успел отпихать наш Мих-Викторыч перед погрузкой?

Посмеиваясь над прорабом, Александр перетаскал седла и мешки с овсом за площадку, предполагая, что их надо будет загрузить на обратный рейс.

К девяти часам вечера на берегу Тунгаса уже стояла палатка, над ней свисал “наклонный луч” антенны радиции. Уютно потрескивал костёр, над которым висели чайник и котелок. Негромко мяучил транзисторный приёмник. Следующий “борт” будет не раньше понедельника, и мужчина с женщиной готовились к двум дням отдыха. Ведь не считать же серьёзной работу по перетаскиванию груза с площадки в лагерь и чистку самой площадки в параметрах, объявленных пилотами. Впрочем, если прилетит другой экипаж, как наверняка и случится, требования к площадке будут кардинально иными.

— А хорошо бы сейчас залечь в ванну да отмокнуть! — мечтательно прищурилась геологиня.

— Да запросто! Сейчас будет тебе ванна.

Муж взял штыковую и подборочную лопаты и прямо на песчано-галечном берегу развёл костёр и повесил над огнём два ведра с водой. После

* “Зеркальная болезнь” заключается в значительном объёме живота, при котором без зеркала невозможно увидеть то, что находится ниже пупка. Особенно тяжело этот недуг протекает у мужчин.

** Ухнали — специальные плоские гвозди дляковки лошадей.

этого он рядом стал копать яму длиной в человеческий рост. Углубившись примерно на полтора штыка, выстелил будущую ванну брезентом, который перекрывал полиэтиленовой пленкой, сняв её с крыши палатки. Затем начал переливать горячую воду в эту яму и вновь наполненные холодной водой ведра вешать над огнём. Наконец, рядом с ямой, наполненной подогретой на костре водой, он растянул свою прорезиненную “офицерскую” плащ-палатку и заявил:

— Сандуны натоплены!

Надежда сначала присела, а потом легла в этой яме:

— Хорошо-то как!

Немного позже уже Александр объявил:

— Я сейчас тоже ополоснусь, а ты одевайся и займись сервировкой. Да не забудь на перекате взять бутылку шампусика.

— Когда успел? — ахнула Надя.

— А вот, — неопределённо отозвался любимый, плюхаясь в ванну.

После ужина разомлевшая парочка лежала на расстеленном у костра брезенте и смотрела в плавно темнеющее звёздно-глазастое небо, откуда с завораживающим вибрирующим звуком пикировали вальдшнепы. Надежда задумчиво протянула:

— Я боюсь, что один из них когда-нибудь грянется об землю, жалко же птичку. А правда, что в Европе этих крох охотнички стреляют?

Муж ответил ей, позёвывая:

— Так, во всяком случае, пишет Пришвин. У нас в Сибири я о таком баловстве не слышал. Ну, да бес с ними, пошли спать.

Ночью их разбудило густое грозно-раскатистое рычание Абрека.

— Санька, кто-то недалеко бродит! — трясла Надежда своего погружённого в глубокий сон муженька, удерживая за ошейник собаку. Муж нашарил под спальником фонарик и, чертыхаясь, начал лихорадочно рыться во выючном ящике в поисках ракетницы — единственного имевшегося у него оружия. В это время в отдалении от палатки, где-то на вертолётной площадке, усиливались странные звуки, похожие на те, что возникают, когда рвётся грубая материя. У Абрека шерсть на загривке встала щёткой, и он уже не рычал, а взрёвывал. Александр выскочил из палатки, держа в одной руке фонарик, а в другой — ракетницу. Абрек с лаем вылетел впереди него и стремительно понёсся к вертолётной площадке. Там в свете луча фонарика проявилась огромная горбоносая голова лося. Зверь резво прыгнул в темноту от разорванных мешков, из которых ручейками стекал на землю овёс. Его силуэт резко проявился в створе долины Тункаса, и через мгновение были слышны только дробные удары копыт о землю, треск валежника и кустов, удаляющиеся по склону хребта. Абрек вернулся на зов и с характерным для восточноевропейских овчарок наклоном головы недоумённо-вопросительно смотрел на своих хохочущих хозяев.

Утром на своих Александр передавал радиogramму, адресованную Виктору, в которой некто Лосидзе благодарил прораба за вовремя поставленный качественный овёс. Ошалевший прораб, к удовольствию экспедиционной полевой братии, припавшей к рациям в Горной Шории, Кузнецком Алатау и в Горном Алтае, долго выяснял, “кто этот Лосидзе?”, “какой к черту овёс?”, “как этот овёс попал на Тункас?”, “с чего это вдруг и почему бесхозная таёжная скотина жрёт подотчётный экспедиционный овёс? Кто ей это позволил?”...

Новая волна веселья началась, когда Александр начал заказывать резиновые сапоги, оставшиеся на базе. Прораб, усвоивший нехитрый шифр полевиков, долго не мог сообразить, почему упорно заказывают сапоги тридцать шестого, а не сорокового размера, и почему только одну пару? Под конец он отбросил всякую конспирацию и, грубо нарушая действующие тогда правила радиообмена, заявил:

— Ежели хочешь водки, заказывай сороковой размер! Сколько надо бутылочек, столько пар и заказывай, понял? — победно закончил Викторич своё соло по рации.

Когда до прораба, наконец, дошло, что нужны действительно сапоги и что геолог шифр вовсе не забыл, он сказал, вконец ошалев:

— Ну, за сапоги резиновые тридцать шестого размера я понял, а водки и вина присылать тебе сколько?

В понедельник прилетел вертолёт с геологами, рабочими, остатками снаряжения. Викторич “на всякий случай” прислал ещё ящик водки и коробку сухого красного болгарского вина “Медвежья кровь”.

...И начался полевой сезон. Он зазвенел геологическими молотками на обнажениях, глухо застучал горняцким кайлом в шурфах и канавах, загудел буровыми, изматываяще запищал в наушниках радиометров. Он оттягивал плечи людей тяжестью рюкзаков с образцами и пробами, щедро поливал дождями, жарил яростным летним солнцем Южной Сибири, дымил кострами, пах крепким чаем, хвоей кедров, горной чистотой и свежестью, дурманом таёжных трав и цветов и, наконец, зашуршал падающими оранжевыми, красными и жёлтыми листьями, захрустел первыми заморозками. На прощание он, как всегда, заблестел первыми льдинками заберегов и выбелил горизонт снежинками...

Это было счастливое время Великой Страны, когда всякий человек был при деле, когда думать о будущем и работать на него было хорошим тоном, когда люди дружили, любили, горевали, ненавидели, работали, пили и дрались искренне, с полной отдачей своей души. Это было время, когда даже нелепые и смешные ошибки оборачивались чем-то ярким и неожиданным. Это было замечательное, неповторимое и невозвратное время моей юности, моей молодости...

СИБИРСКИЕ КРОКОДИЛЫ

Это похвальное слово сезонным труженикам-полевикам, именовавшимся во второй половине XX века бичами. Сейчас такой класс работников исчез на чисто в силу сложившейся объективной реальности. Надо с благодарностью помнить, что все достижения геологической службы СССР, до которых нынешней не допрыгнуть (а что вы хотите? Росгеология по деловым качествам даже отдалённо не соответствует Мингео СССР), в очень большой степени стоят на тяжком труде не только геологов, геофизиков и буровиков, но и бичей.

То были люди, совсем не похожие на современных безнадёжно опустившихся бомжей, которые работать не желают, живут, как придётся и где придётся, и совсем не следят за собой. А бичи работали горняками, шлиховали, рубили просеки и тропы, работали помощниками бурильщиков, сопровождали геологов в маршрутах. Да мало ли было для них работы в поле! Бичи работали сезонно не только у геологов, но и у топографов, лесоустроителей, а также на рыбных путинах Дальнего Востока. Они зарабатывали вполне приличные деньги, которые по окончании сезона с упоением и быстро спускали при обязательной “помощи” друзей, случайными собутыльниками и дам с весьма облегчённой моралью и развесёлым поведением. После обязательного для них загула бичи пробавлялись случайными заработками до следующего сезона. Советский закон о тунеядстве на них как на сезонных рабочих не распространялся.

В самом обозначении “БИЧ” тогда не было ничего обидного или уничижительного. Да и слово часто принималось за аббревиатуру выражения “бывший интеллигентный человек”, хотя мы все прекрасно знали, что оно пришло в геологию из морских портов и является искажённым английским словом, обозначающим мель или отмель. В применении к матросу, застрявшему на берегу, оно обозначало, что он “сидит на мели”. А в отношении наших героев оно подразумевало отсутствие у них семьи, постоянного места жительства и какую-то маниакальную жажду к перемене мест, то есть их принадлежность к особому племени людей “перекати-поле”.

Контингент бичей был пёстрым. Среди них встречались люди с высшим образованием и с высочайшей квалификацией в самых разных отраслях, а были и те, у кого образование заканчивалось тремя классами школы. В силу разных причин многие из них испытали долю советского заключённого. И это одних из них делало нестигаемыми и мудрыми, а других размазывало,

превращая в организмы, полные продажности, подлости, лживости и трусости. Если создать некую градационную шкалу сообщества бичей, то на одном её конце помещаются умницы-интеллектуалы, причём часто с жёстко и непреклонно соблюдаемым кодексом чести, а на другом — злые, лживые, подлые лузеры без всякого понятия о чести и достоинстве. Наш герой соответствовал золотой середине этой шкалы

Итак, знакомьтесь: Милок, он же Порода. Невысокий, жилисто-худощавый, остроносый мужичок с живыми смышлёнными блёкло-серыми в голубизну глазками. Его имени и фамилии я не помню, хотя и заполнял на него наряды по выполненным работам. Он, как и большинство представителей своей страты, был универсалом, то есть мог при случае и лошадку подковать, и хлебушек испечь, и сруб срубить, и ручей отшлиховать, и шурф или канаву пройти, и обед в лагере приготовить. Да и в маршруте в качестве рабочего он был незаменим. Прозвище Милок к нему прилепилось за привычку в разговоре обращаться к собеседнику: “Слышь, милоч”, — а погоняло Порода он получил не за свои экстерьерные стати или принадлежность к древнему дворянскому роду, а за то, что, в отличие от других горняков, говорящих о субстанции на забое “грунта чижолье, начальник, поимей справедливость”, именвал её “породой”. У геологов научился.

Я впервые услышал о нём в связи с забавным скандалом в Еланском совхозе. Милок-Порода туда после полевой сезонной работы в Таскыльской партии на зиму устроился скотником в телятник. За первые два месяца работы у него появилась репутация хорошего работника. И вот в январе в телятнике утром появляется зоотехник с инструктором райкома КПСС. Так было принято в те времена: работники райкома периодически посещали производственные образования на вверенной им территории. Реального толку от этого не было, но видимость чуткого руководства партией процессом создавалась.

Ну вот, идут они между стойлами, телятки ревут, морды к ним тянут. Зоотехник сразу сообразил — жрать просят. А в кормушках насыпаны горки комбикорма, но телятки от него морды почему-то воротят. Зоотехник украдкой этот комбикорм рукой ухватил и аж присел — опилки! Ну, а инструктор идёт и ничего не понимает...

Проводили инструктора, помахали вслед ручкой, а Порода за его тощие ягодицы ухватили и к директору. Он отпираться не стал, но оправдывался: мол-де, пропил только половину комбикорма, а половину теляткам скормил. А как увидел комиссию на скотном дворе, нагрёб опилок, которыми бетонный пол в телятнике присыпали, и в кормушки бухнул — авось пронесёт. Судить его не стали, просто выгнали, вычтя стоимость похищенного.

И вот Милок-Порода с весны попал в нашу славную Нефелиновую партию в качестве горняка. Мы в тот год раньше всех еланцев в поле выехали, а объём горных у нас был “от забора” до октябрьского снега. Работал он отменно, ни с кем не конфликтовал и даже вдруг подружился со студентом Валерой из Ростова-на-Дону. Валера, надо сказать, был парень видный, аккуратный и большой модник. Он даже выданную ему робу вручную перешил по фигуре, сотворив при этом из энцефалитной куртки френчик с молнией. Парень каждый вечер брился, после чего сырыскивался одеколоном “Саша”. А одеколону этого он привёз с собой аж две огромных бутылки из тех, что тогда в парикмахерские поставляли*. Сдружились они с Милком — вместе на рыбалку, вместе вечером у костра тусуются. Но через короткое время вскрывается подоплёка глубокой симпатии Милка-Породы к студенту. А дело было так. Как только Валера куда-либо на короткое время из палатки отлучится, Милок тут же отпlesenёт одеколончика в кружку, быстренько его употребит орально и долёт водицы в бутылку. Сначала он это проделывал с флаконом, которым студент не пользовался, ну, а потом... В итоге студент вдруг обнаруживает, что вместо одеколону он освежается водичкой и, естественно, испытывает сначала недоумение и обиду, а потом и лёгкую неприязнь к Милку-Породе. А тот ходит по лагерю голым и посмеивается.

* Сейчас мне кажется, что каждая была чуть ли не поллитровой, но не уверен — давно это было.

Любил наш герой читать книжки, литературные и научно-популярные журналы. Причём все без разбора. А прочитанное всегда обсуждал со всеми, но начинал с меня, так как я заведовал полевой библиотекой. В этой библиотеке он и раскопал древний журнал “Природа” со статьёй о динозаврах. Сведения из статьи легли в голову Милка-Породы на сюжет фильма-ужастика (кажется, японского) “Легенда о динозавре”, из-за чего образовалась в его мозгах дикая каша из научно-популярных сведений и красочных кинематографических домыслов о древних ящерах. Да ещё я добавил при разговоре с Милком о древних гадах: рассказал о юрских отложениях Кузбасса, где вполне могут оказаться их кости (тогда ещё в Шестаковском яру не были найдены скелеты динозавров). Всё это так впечатлило Милка-Породу, что он говорил о ящерах много, часто и нередко невпопад. Более того, в его шальной голове мой рассказ трансформировался таким образом, что он вообразил: в наших краях вполне могут сохраниться в живом виде ну, если не динозавры (они большие, их бы давно заметили), то хотя бы крокодилы. Этот интерес к ящерам и привёл к казусу, прославившему нашего естествоиспытателя среди геологов Елани и Новокузнецка.

Дело было в первых числах сентября, в субботу, в банный день. Вечером, когда все власть напарились и намылись, прораб начал “одаривать” народ водкой из расчёта поллитровая бутылка на двоих. Норма эта была оптимальной, выведенной эмпирически и выверенной годами полевых работ.

Горняков к тому времени осталось пять человек, но каких! Это была элита проходчиков шурфов, и каждый из них, будучи кавалером всех степеней виртуального народного “ордена Сутулого”, гордо и с достоинством носил звание “человек-экскаватор”. Им досталось три бутылки (не отливать же лишнее). Горняки дружной компанией собрались в своей шестиместной палатке и под вышивку и закуску говорили о всякой всячине.

И тут Милко-Порода выступил с вдохновенной речью о том, что в нашей тайге водятся сибирские крокодилы “юрской породы”. А названа порода так потому, что они шибко юркие и успешно ускользают от биологов, охотников и прочих штатских. А ежели какой шорец или русский грибник, шишкой аль рыбак им попадётся, так они его сожрут вместе с костями, и никаких тебе следов. На охотников они не нападают, опасаясь быть застреленными, а прочих тямкают за милую душу. Ему резонно возразили, что крокодил — живность теплолюбивая и в нашу зиму просто очокурится. На что Милко-Порода, на основе своих представлений об эволюции и о приспособлении организмов к окружающей среде, заявил, что крокодилы отрастили себе длинную и густую шерсть, как у медведя, а на зиму залегают в спячку в речных ямах и омутах. После дружного ржания, на которое пришли и мы с Сашей Труфановым (наша палатка была неподалёку), и пояснений нам причины одного народ стал говорить о более насущных проблемах.

Через малое время со стороны ручья, на берегу которого стоял наш лагерь, раздался полный смертельного ужаса крик Милка-Породы:

— Ребята, спасайте! Меня крокодил тащит в яму!

К ручью сбежался весь лагерь, осветили место фонариками и увидели: Порода, согнувшись, стоит в воде, а хлястик его ватной куртки зацеплен за толстую обломанную ветку тальника. Когда он дёргался, ветка упруго изгибалась и тянула его назад. Оказалось, что наш герой пошёл набрать водички для чая, а заодно и попить. Чтобы сразу зачерпнуть полный чайник, он залез в ручей и, пока там крутился, зацепился хлястиком ватника за свисающую обломанную ветку тальникового куста. Пока мужичок стоял внаклонку, всё было нормально, но когда он распрямился и сделал попытку выйти к берегу, ветка потянула его назад в ручей. И тут в мозгах, ошпаренных спиртным и разгорячённых собственными фантазиями о крокодилах и динозаврах, возникла жуткая картина: голодный шерстистый сибирский крокодил юрской породы перед тем, как залечь на зимовку в глубоком месте ручья, решил перекусить, подкараулил и напал!

Заблажишь тут...

Уважаемые геологи России!

Поздравляю вас с профессиональным праздником!

Разведка недр и восполнение минерально-сырьевых запасов — основа устойчивого развития многих отраслей экономики и успешного решения социальных задач нашей необъятной Родины. Ваша профессия способствует рациональному и эффективному использованию земных богатств, дальнейшему укреплению ресурсно-сырьевого потенциала страны.

В наше время бурного роста технологий геологи отходят от сложившегося образа повелителей компаса и кирки, с большим успехом осваивают новые цифровые геоинформационные инструменты разведки недр и формирования накопленных баз данных. Но есть одна сфера, которая неразрывно связана с романтическим и даже поэтическим образом геолога, и её никогда не заменит искусственный интеллект. Творчество. Умение в непростых условиях работы “в полях” сложить душевные стихи, мелодии и рассказы, чтобы потом поделиться ими с друзьями в тесном кругу у негасимого костра...

От всей души желаю вам здоровья, удачи, благополучия, новых достижений в благородном и столь необходимом в нашей жизни труде! Пусть вместе с нескончаемыми недрами земными никогда не иссякает звонкий источник творчества в вашей душе!

С уважением
генеральный директор АО “Стройсервис”
Д. Н. Николаев

МИРОШНИК ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1928–2016)

ДРУГУ ГЕОЛОГУ

Среди ровных дорог
Выбрал он бездорожье.
У геолога — трудный,
Далёкий маршрут.
Только кто же ещё
На земле этой может
В кладовые взглянуть,
Что века стерегут?

В толще горных пород,
Разделённых на эры,
Он отыщет всегда
Драгоценнейший пласт.
И для блага людей,
Во что искренне верит,
От кладовых земли
Он ключи передаст.

Где геолог прошёл,
Там осушат болото,
Извлекут из глубин
Аметист и алмаз.
Только сам он порой
Вдруг теряет кого-то
И не сможет любить,
Как любил в первый раз.

Где-то в дальних краях
Ожидает невеста...
Не бродить же ему
Целый век холостым?
Пусть найдёт для него
В сердце чуточку места
И согреет его
Словом добрым, простым.

А с рассветом опять
Он отправится в горы,

В те места, где никто
До него не ходил,
К главной цели идёт,
С непогодой споря.
Пожелайте геологу
Счастья и сил.

КУРСКАЯ РУДА

*Памяти Г. Г. Бочарова,
начальника Львовской
железорудной экспедиции*

Богата Курская земля,
Тут чернозёмы на полях,
Железной залежи руды,
Поля, луга, леса, сады.

Руду искали здесь два года —
Загадку задала природа!
Нашли же раннею весной
Возле посёлка Комарой.

А после поисков двухлетки
Семь лет вели ещё разведку,
Этап разведки труден, долог —
Калинин выполнил, геолог.

Потом построили карьер,
Где добывается теперь
Итог горняцкого труда —
Для домен курская руда.

г. Железногорск

КУДРЯВЦЕВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА

* * *

Как просто меняется возраст.
Наденешь рюкзак на спину,
И кажется, тридцать лет
Ты тут же куда-то скинул.

Стоишь у тропы начала.
Ничто на плечи не давит,
Хоть собран рюкзак без списка,
И сложено в нём немало...

Спички — разжечь костёр,
Кружка для водки и чая,
Потрёпанный томик стихов,
Спальный мешок и гитара.

Ещё какие-то мелочи.
Подарки друзей и письма,
Любимых своих фотографии
И пара тетрадей чистых...

Поезд везёт куда-то.
Ужели опять за туманом?
И кажется, шестьдесят —
Это ещё так мало...

* * *

НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Мошкá да морошка,
Гуси да лебеди,
Берёзки — не наступить бы.
Обнимаюсь с оленями,
Чтобы уткнуться в детское,
Мягкое, нежное...
Встать на колени...
Цветочек синий
Так мал и прекрасен.
Ледовитый ревёт,
Но вовсе не страшно...
Обрывки сетей, одежды,
Обломки судов, останки
От жизни прежней
Швыряет на берег.
Зачем ему хлам,
Ведь он — ОКЕАН!
За волной наблюдают
Чайки и, увидев добычу,
От восторга кричат...
Из глубин улыбаются
Усатые мордочки...
Тюлени хлопают ластами,
И так хочется хоть
Одну крепко пожать...
Тундра лежит предо мной,
Океан лежит за спиной...
И как радостно идти между ними,
Перебирая ногами мокрый песок,
Размышляя: то можешь пойти на Запад,
А если захочешь, то повернёшь на Восток...

* * *

Байкал не спал...
Он думал... и волны
То сердито к небесам взлетали,
То с нежностью ласкали берег...
Он всё ещё не мог поверить,
Что человек переступил черту
И между ними началась вражда.
Зачем сюда так рвутся эти "тьмы".
Юг, утомлённый солнцем,
Любопытный, словно ребёнок, Запад?
Не для того же, чтоб ощутить
Всю мощь и силу нападающей Сармы
Или цветущего багульника
Среди камней неповторимый запах...

Никто из них по водам, как Христос,
Пройти, как посуху, пока ещё
Священным морем не дорос...
Что их влечёт???

Стремление проникнуть в тайну,
Лежащую во тьме, на глубине?
Желание направить силу воды
В решенье фантастических идей
Или вера навечно сохранить себя,
Оставив краской имя на скале,
Или надежда немного заработать,
Пустив кого-то на ночлег???

Байкал не спал...
Его тревожил далёкий рёв турбин,
Свет окон, фонарей, пожаров,
Звон колоколов, торговцев крик
И грохот музыки из ресторанов...
Он чувствовал уже, как не хватает сил
Творить из грязных стоков, окурков,
Выхлопов бензина, пакетов и бутылок
Хрустальную, ему лишь ведомую Чистоту...
И зрела мысль: “Ведь это всё... на берегу
Я за секунду изменить могу!..”

г. Санкт-Петербург

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ КРАШЕНИНИН

ЖАДНОСТЬ

Земля родная, милая планета!
Ты издаёшь свой стон — мы еле слышим...
Откуда боль при имени твоём?
Хоть будоражит мысль — остановись!
Ты солнцем для любви людей согрета,
но голос плоти нашей пока выше!
Ты наш единственный,
и многого уже ты не простишь,
огромный общий дом.
Но веришь, что восторжествует разум!
Ты даришь необъятные просторы...
Сумеем мы себя преодолеть!
Обилие плодов, в которых благодать!
Сначала в одиночку, а потом — все сразу.
А мы к тебе относимся, как воры,
душой. Лишь только бы успеть...
Сегодня всё, а завтра — всё равно!

г. Омск.

ЖАРОВ АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ

* * *

Ни дна, ни края у тайги,
Хоть год кружи, она повсюду,
На сопках тучи, как вьюки
На спинах медленных верблюдов.

На ощупь ниточка тропы,
И тонконогие олени
Лениво гвоздики копыт
Вбивают в собственные тени.

А где-то дом — конец пути,
И где-то нас с тревогой ждут.
И мы вернёмся, чтоб уйти
В ещё не пройденный маршрут.
Чтоб не во сне, а наяву
Нам, как во сне, открылся камень.
Вершины медленно плывут,
Качая мерными вьюками.

Опять привал к исходу дня,
Тайга без края и начала.
И люди дремлют у огня,
Как лодки дремлют у причала.
Ни дна, ни края у тайги,
Хоть год кружи, она повсюду,
На сопках тучи, как вьюки
На спинах медленных верблюдов.

г. Москва

ГРЕЧИЩЕВ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

ДУША МОЯ

Душа моя не канет
Навечно в пустоту,
А превратится в камень —
В земную красоту.
Она переселится
В берилл и чароит,
В цитрине заискрится,
В рубине загорит.
Под светлую рубашку
Упрячется в нефрит,
Как в янтаре букашка —
Уже не улетит.
Под ультрафиолетом
Засветится в ночи,
И озарят вас светом
Моей души лучи.
Так пусть людская память
Потомкам сохранит,
Что имя носит камень
Моё — гречищевит.

* * *

Что за жизнь эта в геологии?
Где-то есть и праздники, и будни.
За день наломаешь руки, ноги, и
Кажется, трудней уже не будет.
Весь сезон мотаешься по площади,

Равной целой области иной,
Где в танкетке, где пешком, на лошади
Через горы, по полям, тайгой.
На денёк, а может быть, и на два
Забегай в далёкий мой отряд —
Пообщаться нам с тобой бы надо,
Ты ведь знаешь, как тебе я рад.
Встанем мы с тобою ранней ранью,
Наготовим веников и дров,
По уму истопим нашу баню
И нагоним пару — будь здоров!
На двоих ведро наварим мяса,
А пока — скорее на полок
И хлестать мы будем больше часа
Грудь и вдоль спины, и поперёк.
А потом, устроившись на нарах,
Поведём неспешный разговор
О друзьях, о новых и о старых,
Кто нам мил и дорог до сих пор.
Здесь у нас законы хоть и строгие,
Но винца бутылочку всего...
Хороша ты штука — геология!
И нам не надо больше ничего.
А назавтра, хоть и воскресенье,
Ждут тебя на выбросе друзья.
И с утра уходишь в гниль осеннюю,
Молотком помашешь от ручья.

г. Новосибирск

ГОРЬКОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

* * *

В начале апреля есть праздник у нас.
Я всех поздравляю, геологи, вас.
Вы славы достойны, достойны наград,
Где руды нашли вы, построят там град.
И с именем вашим проспекты там встали,
А вы снова в поиск, покрепче вы стали.
В вас стойкости хватит на множество лет,
Было бы солнце и яркий рассвет.
На поиски нефти, и газа, и злата
Геологи, будто на службе солдаты,
С зарёю уходят, приходят с закатом
Мои все друзья, да и я с ними рядом.
И снова в дорогу, к местам неизвестным,
Уют для геолога скучен и тесен.
Подскажут пути ветераны. Друзья!
Всех с праздником вас — нам в дорогу пора.
Я вам посвящаю стихи и поэмы.
Для мыслей моих нет в душе перемены.
В догадках порою не сплю я ночами,
Я с вами несу геологов знамя.

Оренбургская область

БОНДАРЕНКО ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

ТАКАЯ РУССКАЯ ТАРУСА

Памяти К. Г. Паустовского

Город Таруса со статусом поселения
Лежит вдоль Оки. Овраги, притоки.
Чем-то занятое местное население
Живёт, как может. Хранит истоки.

Домики кирпичные, дома брусовые,
Набережная, храм, лица светские.
Имена улочек совсем не тарусовые —
Сплошь партийные, даже немецкие.

Моторные лодки, туристов видно,
На причале столбик вместо кнехта.
Музей Паустовского закрыт. Обидно.
Иду с обидой по улице Либкнехта.

Прошёл по Урицкого и Володарского,
Был на Дзержинского, Ленина (понятно),
От Розы Люксембург до Луначарского...
Чужие имена, не говорящие внятно.

Ладно, Пролетарская — это рабочие.
Но избыток имён с печатью Каиновой?
Своё мнение я обозначу многоточием,
Сворачивая к Цеткин неприкаянно.

Здесь жили Цветаевы, Заболоцкий выше,
Паустовский в домике у реки Таруски.
Ну, почему в названьях язык не слышен?
Улицы должны звучать по-русски!

* * *

С сырыми дровами одна канитель.
Берёза зимней колки нетопкая.
Трижды мозги съедут с петель,
Пока искра покажется робкая.
Щепочки, прутики, газет ворох —
Всё собрал, что нашёл в сарае.
Кажется, будь на даче порох,
Добавил бы. Душа в раздрае.
Щепки чернеют, прутья алеют,
От дыма слезятся глаза. Плачу.
Дрова не горят, а слегка тлеют.
Дождь. Ветер к нему в придачу.
Пока ковырялся, дрова ругая,
Позабыл о холоде и разогрелся.
А у негров, видать, жизнь другая —
Жара! Поднял банан и наелся.
Лежат под пальмой, вытянув ноги,
Солнце над головами в зените.
Ни холода, ни сырости на пороге...
И кто из нас негр, простите?

Согреются ли от искры робкой
Холодное время, долгая канитель,
Берёза зимней колки нетопкая
И жизнь эта, сорванная с петель?

Любицы, Калужская обл.

АЛЕКСЕЙ ГОРДЕЕВИЧ ВОЛЧКОВ

* * *

Эта жизнь с подъёма до отбоя
Камню одному посвящена.
Здесь ребята в стиранных ковбойках
Вечером шалеют от вина.
Днём — жара! Земля трещит от зноя.
Или — дождик с градом пополам.
Всюду камни. Только что не вою,
Глядя на зелёный этот хлам.
Но зато потом приходит почта,
Рву конверт, волнуясь и спешу...
Ах, какая будет нынче ночь-то!
Спать. А завтра снова напишу.

г. Москва

СЕРГЕЙ ЧЕРЕМИСЕНКО

СТОЛИЦА — КУЗБАСС

Летят за вагонами, окнами
Леса. Перелески. Поля.
Мечтали о подвигах долго мы,
И ждет нас, хозяев, земля.
Пока наше сердце так молодо,
И крылья растут за спиной,
У нас есть и уголь, и золото.
Мы любим Кузбасс наш родной.
Встречает он Томью, проспектами,
Огнями ночных площадей,
Учебой, работой, конспектами,
Улыбками близких людей.
Здесь люди становятся сильными,
В делах воплощая мечты.
Мосты, новостройки красивые,
И в каждом из них — это ты!
Столица Кузбасса нам нравится,
Стартуя из рук твоих в Мир,
Добьемся успехов и первенства,
Россию укрепит Сибирь!
Сюда возвращаемся в зной и в снега,
Приветливо встретит родная тайга.
Влечет нас романтика, вольная ширь.
Тобою, мой край, гордится Сибирь!

*г. Кемерово,
АО "Стройсервис"*

ИВАН ТАЩЕВ

ГЕОЛОГ

У России просторы большие,
Где-то недра хранятся святые.
Их непросто совсем отыскать.
Лишь геолог поможет понять.

Кропотливо ведет изучение,
Есть в работе большое значение:
Извлекая породу, он знает,
Что здесь горная масса скрывает.

И уверен, поверьте, горняк:
Без геолога в службе никак!
Он надёжность несёт,
Он залог мастерства,
Он в шахтёрском труде,
Как венец торжества!

ОБЛАКА

Там над землей, в синей дали,
Где правит ветер облаками,
Плывут они, как корабли,
Касаясь лишь слегка краями.

Они белы, чисты, прекрасны,
Но потемнели от тоски.
И над людьми они не властны,
Их душит злоба, как тиски.

То гром, то молния сверкает.
То дождь стеной идет сплошной.
Не каждый это понимает.
У тучек просто норы свои.

Они беснуются напрасно.
Сейчас поплачут, всё пройдет.
Знай, сильно нервничать опасно!
Глядишь, и ураган придет.

*г. Кемерово,
АО "Стройсервис"*

ВЛАДИМИР БЕЛКОВ

СИБИРСКИЙ ЭТЮД

Лес зимнею порою
Вспыхнул огнём зари.
В тень леса под горою
Попрятались снегири.

Спрятались, растворились
Белых берёз тела,
Шалью зимы укрылись.
Крона, как ствол, бела.

Ягоды алым цветом
Снежных калин горят,
К холоду, по приметам,
Люди так говорят.

Сквозь серебро земное
Птица любви летит,
Низко над головою
Крыльями шелестит.

Снежной метели виться,
Вновь заметая лёд.
Строгая, как Царица,
Тихо зима идёт.

СВЯТАЯ ВОДА

Я не знаю, что со мной,
Но мне плохо, Боже мой!
Излечи меня, водица —
Та, что ночью мне приснится.

В свете северной звезды,
Унося вдаль от беды,
Я уснул уже почти.
Ты молитву мне прочти.

Звонким пеньем переката,
Красным отблеском заката,
Всем святым, что есть на свете,
В космосе и на планете.

Пробегись по рекам венным
И души росткам нетленным,
Сна кристальным огоньком,
Как всегда, от всех тайком.

Сделай это омовенье,
На одно только мгновенье
Преврати меня в прозрачность,
Изгони туман и мрачность,

Утоли мне жажду знаний
И таинственных признаний,
Что под силу лишь тебе,
Чистой праведной воде.

Пусть любовь и благодарность
Просто так, чтобы идти,
Мне подарят лучезарность
На моём во тьме пути!

Вот и сон уже мне снится.
В нём волшебная водица.
Я плыву против течения —
Наступает исцеленье!

*г. Кемерово,
АО "Стройсервис"*

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

ДЕНЬ – КАК БОЖИЯ УЛЫБКА

КОЛОБОК

Ночка сказывала сказку,
Что воскрес Распятый Бог.
Скачет солнышко на Пасху,
Как горячий колобок!

Вот и солнышка кусочек
Залетел в меня, поди:
Сердце — словно колобочек —
Скачет

радостно

в груди!

* * *

Сколько лет ни летит —
всё горят и горят наши хаты,
голосят наши бабы
и смотрит сиротство в глаза.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учительствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Иоанна Богослова. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

И опять, изгоняя
непрошеного супостата,
Русь, как в небо, глядится
в святыи свои образа.
И насколько в нас правды —
пребудет за Правду гонима
на позор, на расстрел,
на проклятие, на Соловки...
Невидимая —
только Богом единым хранима,
только нами любима
до самой посмертной доски.

* * *

...Господи! Кровавыми слезами
Мне бы плакать о грехах моих!..
А стою с бесстыжими глазами
Перед плачущими образами,
Фарисейски лобызая их...

* * *

Мы неправильно живём.
Нас поработили вещи.
Перед Богом не трепещем,
Благодарных слёз не льём.

Мы неправедно живём:
Мы не ходим перед Богом,
Не глаголем горним слогом,
Мыслим только о своём.

Оставляем на потом
Образ Божий, в нас сокрытый,
Толком так и не раскрытый,
Как Евангелия том...

* * *

Как я люблю, когда повеет Пасхой!
Какой-то воздух необыкновенный —
Как будто раздвигается пространство,
Волнующею тайною маня.

В такие дни так хочется на волю:
Обнять простор, обдать себя простором! —
И пить, и пить животворящий воздух,
Что сладок стал и сытен, как кулич...

* * *

Каждый день — как Божия улыбка.
Это мы дождливо слёзы льём.
Ведь Земля — суть колыбелька, зыбка, —
Как ребёнки и ревём.

Вон как Вечность золотом лучится!
Нам дарованы десятки лет,
Чтоб могли сквозь слёзы научиться
Улыбаться Господу в ответ.

ЗВЁЗДОЧКА

Звёздочка
смахнулась, как слезинка,
миг — и нету
в вечном далеке...
Боже!
Я не больше,
чем пылинка,
чем соринка
на Твоей руке.

Думаю,
что я чего-то стою,
планы строю
жить немало лет...
Как былинка летняя
зимою:
миг —
меня уже на свете нет.

Но дышал я зря ли
Небесами?!
Да, вкусны
земные калачи,
но зажглись сердца!
С какими сами
стали мы —
как звёздочки в ночи!

Значит,
выйдет из-за нас
заминка
(кто-то скажет: “Ох”,
а кто-то: “Ах!”):
Я смахнусь, конечно,
как слезинка...
но навек
останусь в Небесах.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

СЕРДЕЧНАЯ ОКРУГА

САМОГОНЩИК

Душа бурлит, как бражка в чане.
Петров не спит... Какой тут сон,
когда он вынужден ночами
гнать на продажу самогон...

Мечты буржуйской масти — биты,
в тузы торговли не пролез:
маклячил, оптом брал кредиты,
чтоб жить с деньгами, вышло — без.

Кормил бродяг из теплотрассы
и отродясь чужую шерсть
не мнил своей...

В посёлке асы —
по части зелья — лучше есть.

Нам всем встречаются ухабы:
сегодня — день, а завтра — ночь.

Мы все к Петрову ходим, дабы
ему хоть чем-нибудь помочь.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в Омске. Секретарь Союза писателей России, автор 17 книг (стихи, эссе, публицистика), главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, газеты “Омское время”. Лауреат Большой литературной премии России, Всероссийских литературных премий им. Расула Гамзатова, Николая Лескова “Очарованный странник”, “Прохоровское поле” и др. Живёт Омске.

* * *

Разгулялся мороз поутру...
Вижу я мужика, а на дяде —
шапки нет: он стоит на ветру
с философской грустинкой во взгляде.
Нет у нас “понаехавших”, но
этот будет, наверное, первым...

...Точно так же в посёлке темно,
как на бывшем заводе консервном.
Закуржавела рощица, где
неприкаянно ухаёт леший...

...Кто такой он — мужик в бороде,
со светящейся гладью проплешин?

Вроде я ни при чём, но потом
в каждом доме
 молва побывала,
дескать, нынче признали в одном
гражданине — апостола Павла,
мол, смешался он вскоре с людьми —
в жилконторе, в автобусе или...

Как не верить, когда о любви
даже в местной пивной говорили...

* * *

Сердечная смута и мне, безусловно, знакома...
Одна из бодрящих примет моего бытия —
тот факт, что сегодня “Записки из Мёртвого дома” —
от корки до корки — настольная книга моя.

Ну, так-то — в округе — пока никакого бабая,
далече тюрьма, и всегда по ночам тишина,
и к людям выводит — проверено лично — любая
тропа непременно, и даже — собачья тропа.

...Не вспомнить, куда выводила вон та человечья
тропа, что давно заросла многолетней травой...
Не в нашем ли доме гремела наместни под вечер
застольная песня о “детях страны трудовой”?..

* * *

Посёлок наш — сердечная округа,
и — в смысле тёплых чувств — не для скупца.
Почти на всех бытийная дерюга
одна — и наизнанку, и с лица.

Так повелось, что всякая обнова —
как ни верти —
 топорщится ежом,
а выбор из худого, но родного
душевней, чем из лучшего — в чужом.

* * *

В нашем клубе аншлаг не всегда,
но бывает — особенно, аще
хор поёт ветеранов труда,
из старушек одних состоящий.

Всякий здесь им сочувственно рад,
от поповых устав “погремушек”.
Приезжал тут один бюрократ —
прослезился, услышав старушек,
что, недугам своим вопреки,
вечность, кажется, преодолели...
Местным помнится: и старики
в этом хоре заслуженно пели.

Добрим словом помянем родных
песнопевцев и души согреем!..
Вот уж год, как последний из них
поселковым отпет иереем...

Хор поёт: “Нам года — не беда...”

...И подходит, как сдобное тесто,
с Божьей помощью время, когда
в этом хоре найдётся мне место.

В БОЛЬНИЦЕ

Распорядок здесь расписан мудро,
тут вам и лекарства, и ночлег...

В нашем отделении под утро
умер тихо старый человек.

На карнизе крошек ждёт синица —
он кормил сердешную... Родня
послезавтра с дедушкой простится,
послезавтра выпишут меня.

Здравствуй, птичка, трепетный комочек —
пух живой небесного крыла!..

...а бельё постельное в цветочек
санитарка Лена собрала.

* * *

Провыл барбос, не зная толком
о чём, и снова — тишина...
Взошла над Солнечным посёлком
на свет нежадная луна.

От сует ох, живём далече —
почти что в городе, но там,
где местным стать намного легче
и честно платят по счетам;
где ни в уме, ни на бумаге
не подбивают барыши,
где... сострадание к бродяге
равно бессмертию души.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

ПОВЕСТЬ-РЕКВИЕМ

Совесьть

Что такое совесьть, если мы умираем, если мы временные? Куда она уходит с нашей смертью? Она умирает вместе с нами? Или улетаёт вместе с душой? Или она одна из составных частей души? Как, когда зарождается она в человеке?

Сократу принадлежит мысль, что нельзя объяснить существование в людях нравственных деяний и норм, коль скоро упускается из виду Верховный нравственный законодатель. Английский учёный Тейлор заметил, что не было открыто до настоящего времени ни одного даже самого дикого народа, который был бы чужд тех или иных понятий о нравственно-добром и злом, об обязательности первого и непозволительности другого.

Может быть, совесьть зарождается и существует в нас независимо от нас? Она как бы стоит выше человека и господствует над его разумом, волей и сердцем, хотя и заключена и живёт в нём. Но в то же время такое ощущение, что она не плод самого человека. Иначе говоря, может, совесьть — это голос Божий в сердце человека?

Св. Григорий Богослов говорил, что человек совмещает в себе две природы — духовную и материальную, которые при существенном отличии и совершенной противоположности друг другу соединены в нём таинственным и неизъяснимым образом. Может быть, они соединены совесьтью?

Но совесьть, как бы меня ни убеждали в обратном, противится смерти, потому как требует беспредельного нравственного совершенствования человека. Но оно недостижимо в этом мире. Может быть, как раз это доказывает, что смерть не могла входить в творческие планы Бога при создании человека?

Жизнь без тебя...

Почему-то часто вспоминаю врача в раковом центре, ведущего соседние с твоей палаты, который никогда, даже кивком головы, не отвечал на моё приветствие — проходил мимо, глядя в сторону или в пол, словно меня не видел и не слышал. Я до сих пор мучаюсь в догадках: то ли он был настолько погружённым в себя, то ли, зная о твоей безнадёжности, чувствовал неловкость передо мной, его грызла беспомощность как врача перед раком.

Почти каждый раз, когда я изредка заезжал в церковь на вечернюю службу, встречал его там, стоящего позади всех или где-нибудь в углу, а потом посреди службы торопливо уходящего. Иногда мы оказывались с ним рядом или даже сталкивались в тесноте церкви лоб в лоб, понятно, что я в церкви не лез к нему с приветствием, но на следующий день, встретившись со мной в коридоре ракового центра, он по-прежнему меня не замечал...

Можно месяцами, годами, всю жизнь мучить себя мыслями о цели и смысле человеческой жизни, а вот шёл высоко в горах, ругая себя, что поддался соблазну, уговору друзей, как прежде, легко и радостно взойти на прекрасную и загадочную вершину Иремель, где раньше всегда было томительно хорошо моей душе, поехал и с ужасом обнаружил, что далеко ещё до вершины стал задыхаться, не только растренированное, но и надорванное твоим уходом сердце всё больше сжимала неизвестная сила; зачем-то ещё слишком тепло оделся и, взмокший, уставший до предела, отстав от всех, ни о чём не думая, лёг в снег, на спину, упершись глазами в низко пролетающие, даже задевающие меня или забирающие меня в себя облака, иногда поворачивая голову на юг, где далеко внизу лежали леса, города и сёла. Здесь были лишь снег, да камни, да близкое небо, и неожиданно пришла мысль, простая и ясная: “Может, смысл и цель человеческой жизни в том, что на Земле в тленном человеческом организме формируется в испытаниях, в соблазнах, муках, в потерях близких вечная душа человеческая, которая сейчас вот-вот вырвется из моего тела, нужная Богу для каких-то высших целей? С каждой новой душой Он увеличивает своё воинство, может, для преодоления смерти вообще, может быть, для борьбы с дьяволом, может быть, для спасения всей Вселенной, которая тоже временна, потому что и в неё вошло зло, и она вся кипит, взрывается, в отдельных своих частях рождается и умирает в мучительных противоречиях... Потому, вкладывая в человека при его рождении на Земле зародыш вечной души, которая является Его частицей, Бог сперва дал человеку разум, потом Истины, учитывая его младенчество, высказав их иносказательно, через пророков, через Евангелие, через которых Он ведёт человека к познанию Истины. Только это иносказание вышло и Богу, и человеку боком: каждый толкует это иносказание по-своему, а тут ещё, видимо, дьявол путает, подсовывает так похожую на истину лжеистину... Через пророков Бог лишь приоткрыл основы мироздания для того, чтобы человек уверовал в вечность своей души и знал, как надо жить на Земле. Но Бог почему-то не всемогущ, а на нашем пути столько соблазнов... Нет, Земля — не концлагерь, не исправительная колония, тем более не ад, а своего рода ясли, детский сад, может быть, начальная школа для человек. И раз так прекрасна Земля, и совсем не случайно Господь создал её такой прекрасной, рано или поздно мы должны на неё вернуться...”

Мои друзья уже спускались с вершины:

— Вставай!.. Уходим вниз...

— Вы идите, я догоню.

Мне было легко и покойно лежать в студёном снегу, не ощущая его холода, опрокинувшись глазами в бездонное небо, я сейчас был готов без всякого сожаления умереть, и неважно, кому достанется моя квартира, машина, только вот жалко было оставлять загородный дом, потому как был он в прекрасном лесу среди берёз и сосен, и всё там, пусть коряво, но было сделано моими руками. И ещё жалко было оставленных там собак. А так моя душа, кажется, была уже готова перенестись в мир иной.

Смогу ли я сохранить это светлое спокойное чувство, спустившись вниз, в земную суету?..

Вспоминаю. Жизнь ещё при тебе...

Это было лет десять назад. Совсем забыл об этом случае, а сейчас вдруг вспомнил...

Соседка по автобусу, незнакомая женщина лет сорока пяти, она — у окна, я — с краю. Оказалось, что мы выходим на одной остановке: в дверях я пропускаю её вперёд, выхожу следом.

Вдруг она поворачивается ко мне, называет по имени-отчеству:

— Простите, мы не знакомы, но я вас узнала по фотографиям... Можно я отберу у вас несколько минут?..

Я пожал плечами.

— Ещё раз простите, но я должна вам это сказать. У вас застарелый бронхит. Вы считаете, что вылечили его, а он притаился, перешёл в хроническую форму. Не нужно его запускать...

— А почему вы решили, что у меня бронхит? — стараясь сдерживать раздражение, спросил я. У меня действительно был хронический бронхит, время от времени дающий знать о себе, отголоски перенесённого в детстве плевропневмонии, но, во-первых, какое дело до этого незнакомым людям, а во-вторых, я, кажется, в автобусе ни разу не кашлянул.

— Прошу, не принимайте меня за сумасшедшую. Ещё раз простите, что, будучи совершенно незнакомой, лезу вам в душу, но в некотором смысле я ясновидящая и даже целительница. А потом: вы в автобусе несколько раз кашлянули, вы так привыкли к этому вроде бы безобидному кашлю, что не замечаете его. Не надо его запускать, хотя он у вас уже основательно запущенный. Я могу предложить вам несколько народных рецептов...

— Спасибо, не надо! — попытался я уйти от “ясновидящей”. Огромная армия проходивцев кормится на человеческой беде, а в смутные времена, да ещё во время массовой безработицы — тем более: чуть ли не десятая часть населения страны ходит в народных целителях и ясновидящих. Как Остап Бендер не додумался до такого надёжного, да ещё абсолютно уголовно ненаказуемого способа добровольного отбирания у граждан денег? Может, ему совесть не позволила? — А будущее вы не предсказываете? — усмехнулся я, надеясь на этом закончить разговор.

— Могу, но не предсказываю, — не обиделась женщина. — Человек не должен знать своего будущего, по крайней мере, до поры до времени. Пока ему посредством чего-то, может, болезни, иногда неизлечимой, не скажет Бог, чтобы человек, наконец, задумался о своём будущем, — не приняла она моей усмешки. — А вот насчёт вашего прошлого я кое-что могу сказать.

— Но своё прошлое я и сам хорошо знаю, — снова усмехнулся я.

— А я вам напомним. Во-первых, чтобы вы мне поверили, а во-вторых, от прошлого во многом зависит будущее. А потом я могу вам сказать о прошлом, которое вы никак не можете знать, например, кем вы были в прошлых жизнях. Или хотя бы в последней прошлой жизни... Да-да, — не дала она мне рот открыть, — я знаю, как православный вы не верите в переселение душ, но тем не менее. Может, просто любопытно будет узнать... Тем более, кто знает, как это бывает на самом деле. И противоречит ли это православию... Что же касается будущего, у вас после тяжёлой травмы или ранения головы сужены сосуды мозга левого полушария, и в связи с этим у вас уже в скором времени могут быть серьёзные проблемы, если их уже нет.

Я не знал, что ответить. Скорее всего, “девушка”, действительно, с приветом, но откуда она знает о моих проблемах с головой, что порой меня мучают сильные головные боли?

— Нет, я вполне нормальная, — словно прочитав мои мысли, улыбнулась незнакомка. — Меня зовут Наталья Петровна, я учитель русского языка и литературы в школе. Но с некоторых пор, после автомобильной катастрофы и клинической смерти, я обнаружила в себе дар ясновидения и целительства. Старалась не заниматься этим, но какой-то внутренний голос, а скорее, голос извне, заставляет меня это делать, и с некоторых пор — нет, я не лечу, всё-таки на это я не решаюсь, не говоря о том, что это отбирает много сил, — а диагностирую, потому как тот голос меня требовательно спрашивает: “Как ты можешь смириться с тем, что видишь, а человек не знает, что давно болен, и если вовремя не начать лечить, то может быть поздно? Тебе совсем не случайно дан этот дар. Как не случайно на время вернули с той стороны смерти. Нет, не с того света, как у вас в таких случаях принято говорить, а всего лишь с той стороны смерти. С того света не возвращаются. А с той стороны смерти, с пограничья, бесцельно не возвращаются.

А внутренний голос тебе подскажет, кому нужно открывать будущее, а кому нет”. Потому я иногда диагностирую. В таких случаях рекомендую как можно скорее обратиться не просто к врачам, а конкретно — к каким врачам. В каком-то смысле я и ясновидящая, иногда, вопреки моему желанию, вижу будущее человека. Не знаю, кто, но кто-то отвечает на мои вопросы, стоит мне к нему мысленно обратиться. Таким чётким, беззвучным способом. И что поразительно, я редко, очень редко ошибаюсь.

— И кому, по-вашему, принадлежит этот голос?

— Не знаю. Может, ангелу-хранителю. Или ещё кому. Иногда боюсь, что демону, подстроившемуся под ангела. Но словно кто-то постоянно рядом со мной, точнее, где-то сверху, над моей головой. Потому как я слышу как бы сверху. Я мысленно задаю ему вопросы, он отвечает. Иногда мне хочется уйти от всего этого, тогда он сам как бы заставляет задавать ему вопросы и тут же отвечает на них. Иногда мои вопросы строго останавливает: “Этого тебе не нужно знать!” Или: “Этому человеку этого не нужно знать! Всему своё время”. И вот сейчас: сижу в автобусе, узнала вас, и, ещё раз простите, без вашего разрешения обратилась к нему, что он может сказать о вас. Была какая-то пауза, а потом он ответил: “Я знаю этого человека...” — и начал словно диктовать, как бы читал по какой бумаге...

Видя, что я демонстративно смотрю на часы, ища повод, как деликатно откланяться, она спросила:

— Чтобы вы поверили, хотите, я расскажу о других ваших болезнях, которые вы перенесли, начиная с детства?

Я помедлил, не зная, что ответить; всё это было не очень приятно, но в то же время был соблазн любопытства, “ясновидящая”, воспользовавшись моим замешательством, начала перечислять, словно читала мою медицинскую карту, но и не только её...

Мне с трудом удалось скрыть, что я был поражён. Есть болезни, которыми по жизни, начиная с детства, болеют почти все. Допускаю даже, что она знакома с кем-нибудь из моих знакомых или даже с участковым врачом из поликлиники, но откуда она могла знать о тех моих болезнях, о которых, кроме меня, не знает никто?

— Признаюсь, когда шла за вами в автобусе на выход, я провела рукой вдоль вашей спины от затылка до поясицы, и мне было этого достаточно. Хотите узнать, что сказал о вас мой ангел-хранитель или ещё кто, не знаю?

Я пожал плечами.

— Он сказал: “Наталья, я знаю этого человека. Он живёт уже восемь жизней. В предыдущей жизни он был князем, жил в России. Имел жену и троих детей. Была любовница, в которой он души не чаял и очень страдал из-за любви к ней. В настоящей жизни этот человек призван быть тем, кого у вас называют писателем. Это его земной тяжёлый крест. Потому его душа не знает утешения. Печаль в нём живёт постоянно, нереализованность земного счастья изначальна. Господь покровительствует ему. Но он страдает. Дай, Господи, ему радости!”

— А ещё что он сказал обо мне? — неожиданно для себя спросил я. — О моём будущем?

— Он меня строго остановил на этом вопросе: не каждому человеку нужно знать, что с ним будет. А точнее: никому, кроме исключительных случаев, этого не нужно знать. Человеку опасно знать, что с ним будет. Но кое-что я увидела сама, я же сказала, что сама в некотором роде ясновидящая.

— И что вы увидели? — Я уже не мог остановиться.

— Этого я не имею права говорить... — На какое-то время она отвела взгляд. — А это вам нужно знать, что с вами будет? Как вы будете с этим знанием жить?.. А бронхит свой лечите. Не запускайте, этот очень опасно. Кстати, он в более опасной форме у кого-то из ваших близких. Это, может, самое главное, что сейчас вы в смысле будущего должны знать о себе. О своих проблемах с сердцем вы уже знаете, отнеситесь к ним серьёзно. И займитесь сосудами головного мозга. Это трудно излечимо, но хотя бы если не остановить, то замедлить процесс можно.

— Но если всё в нашей жизни заранее predetermined, если у каждого из нас судьба прописана с первого до последнего дня, значит, в нашей жизни уже ничего нельзя изменить?

— Не всё. Кое-что в наших силах. В зависимости от нашего поведения происходит, а точнее, проводится коррекция нашей жизни. Хотите, я оставлю свой телефон?

— Нет, спасибо, — сам не зная почему, решительно отказался я.

Потом я, может быть, жалел об этом... Наверное, нетрудно было бы найти её по телефонному справочнику, не так уж много в городе школ, а в них учителей русского языка и литературы по имени Наталья Петровна, но что-то меня каждый раз, как в случае с Вангой, останавливало...

Живёт-живёт человек, болеет разными болезнями, может быть, даже они хронические, но не роковые, потому не лечащие его душу, они идут по поверхности его души, почти не задевая её, и вдруг его ударяет, что у него рак, что его время сочтено. Это сообщение переворачивает его душу. Начинается настоящая подготовка к переходу в мир иной или в никуда, если человек озлобится, впадёт в отчаяние, восстанет против Бога, независимо от того, веровал он в Него или не веровал...

Жизнь без тебя...

Лежу в больнице на обследовании: на третий год после твоего ухода серьёзно стало сдавать сердце. И раньше, когда мы с тобой последние три года жили в ожидании твоей смерти, пытаюсь как-то противостоять ей, когда я жил ещё с тобой, но в то же время с ощущением, что уже без тебя, я, мягко говоря, чувствовал его, а теперь вот прижало серьёзно. И в правое, и в левое ухо я постоянно слышу, что я должен смириться с твоей смертью, что я должен как можно скорее жениться, пока ещё стою на ногах, что нужен элементарный режим, наконец, просто успокоиться...

Я попытался жениться. Нет, не отказавшись от тебя. Наоборот, я хотел, я готов был как бы в искупление вины перед тобой отдать встретившейся мне женщине и её малолетнему сыну, который привязался ко мне, как к отцу, море неистраченной теплоты и нежности. Всё вроде было хорошо, пока она жила у меня наездами. Но через неделю, как совсем переселилась ко мне, однажды утром, и не просто утром, а на Рождество Христово, она, заломив руки, встала передо мной на колени:

— Нет, не могу. Здесь по-прежнему живёт ваша покойная жена. Она не ушла отсюда. Она везде. И не просто везде, а постоянно напоминает о себе. Она не отпускает вас... Или вы не отпускаете её... Она против меня...

И, собрав свой скудный скарб и заказав такси, она уехала...

Я лежу в кардиоцентре, который во многих случаях — тоже почтовая станция в мир иной; по статистике, люди умирают от болезни сердца даже больше, чем от рака. Но, в отличие от рака, в большинстве случаев, — неожиданно для больного, и потому не так страшна такая смерть.

У меня появилось много свободного времени, потому много читаю.

“Мысль о земной кончине страшит лишь тех, кто не верует в Бога, или тех, чья вера слаба, хотя они думают, что она сильна, — так тоже бывает. Мы можем совершать бесконечные паломнические поездки, рыдать у святых мощей угодников Божиих, молиться всю ночь напролёт (а потом целый день спать), совершать, как нам кажется, подвиги во имя Христа, даже посещать все богослужения, что само по себе хорошо, но... Но леденящий жутковатый холодок внутри при мысли о смерти безошибочно покажет нам, как слаба наша вера в Милосердного Бога... Без веры думать о смерти страшно. И всё-таки думайте о смерти! Потому что рано или поздно эти мысли приведут вас к вере! Человек начинает жить подлинной жизнью, лишь осознанно принимая неотвратимость земной кончины и необходимость подготовки к ней...”

Верую ли я? Не знаю. Если не верую, а только обманываю себя, что заставляет меня время от времени ходить в храм и замирать там в неясном благоговении?

Если я действительно веровал бы, а не прикидывался верующим, обманывая прежде всего самого себя, если бы верил в тот прекрасный мир по ту сторону смерти, наверное, не была бы для меня так ужасна твоя смерть...

“По сотворению мира все Ангелы были связаны союзом святой любви и пребывали в великой святости и чистоте и имели мир между собой и Богом. Но вскоре Ангел, которому была вверена охрана Земли, не вынес чести и славы, дарованной ему Творцом, и допустил самомнение, высокоумие и гордость. Слово Божие говорит, что Денница (диавол) в помышлении своём пожелал взойти на небо, выше звёзд небесных поставить престол свой, сесть на горе высоце и быть подобным Всевышнему...”

Не в силах до конца понять сказанного, набираюсь наглости размышлять: но значит, с самого начала что-то ущербное было в творении Божиим, раз один из ангелов восстал, раз он захотел на Земле создать свой мир и, может быть, создал его?

Почему ангелы восстали против Господа?

Раз это произошло раньше появления человека, действительно, не создал ли Бог человека себе в помощь в борьбе с диаволом, возмечтавшим стать богом для Земли, а тот быстро переманил человека на свою сторону?

Остаться после смерти жить на Земле — это значит оставить скольконибудь благодарную память о себе, если не у всего народа, если не у всей деревни, то хотя бы у своих потомков, то есть жить как бы в двух мирах, которые потом, может быть, соединятся.

Если мы временные на Земле, то почему каждый старается после себя оставить память на Земле, прежде всего, в образе детей?

Иначе почему я так страдаю от того, что никого после себя не оставляю?

По мнению учёных, мозг наш задействован всего лишь процентов на десять. Остальные девяносто процентов как бы спят. Почему же мы умираем, не использовав даже малой доли возможностей мозга? Может, мозг человека специально заблокирован, чтобы мы чего-то не натворили по своей безнравственности? Может, эта блокировка произошла после грехопадения Адама и Евы? И опять, словно гвоздь в мозгу: но почему Бог не смог предвидеть и предотвратить их грехопадение? И наложил печать греха на всё последующее человечество?

Или же наш мозг — часть души, он остаётся задействованным всего лишь на десять процентов на будущее, чтобы проявиться где-то в другом месте, в другом мире? Где-то же должны проявиться в полной мере возможности нашего мозга!

В другой жизни? Но мы знаем, что мозг смертен, а бессмертна, если это правда, только душа. Но, может, действительно мозг — часть души? Может, действительно, наш мозг должен заработать в полную силу в результате нашей нравственной эволюции, когда он будет вторичен по отношению к душе, а не наоборот, как сейчас: мы сначала до всего доходим умом? Это совсем не противоречит божественному происхождению человека, наоборот, подтверждает его. Бог только дал толчок, как бы сделал первоначальную колодку человека, заложив в него душу и в помощь полностью подвластной ей ум, а дальше мы должны были нравственно расти сами, и неукоснительно главной должна быть душа, а ум подчинён ей. Но после того как первый человек сорвал плод с древа познания, а для этого испытания и было посажено дерево, Господь в печальном предчувствии, что может натворить человек, у которого ум переборол душу, заблокировал наш мозг, надеясь, что не навсегда?..

Читаю: “И сказал змей жене (Адама): “В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз возжеленно, потому что даёт знание, и взяла плодов его и ела; и дала мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и шили смоковые листья, и сделали себе опоясания”.

Сколько ни пытаюсь понять конечного смысла этих слов, но не могу...

Кто-то недобрый вселяет в меня мысль: “Бог наказал Адама и Еву за то, что они полюбили друг друга, а Он хотел, чтобы они любили только Его?”

Мой ближайший друг с детства — мусульманин. Без всякого сомнения, — я-то уж знаю, — он выше меня по нравственным и духовным качествам, но ему, по утверждению христианских священников, закрыты врата рая. Он как мусульманин должен считать соответственно, что врата его рая в принципе закрыты для меня, православного христианина.

У каждого свой рай?

Оба мы веруем или хотим веровать в Иисуса Христа, только я, православный, как в Бога, а он — как только в одного из пророков, посланников Бога. У нас с другом нет проблем по этому поводу, я мог бы сказать, что мы просто деликатно обходим стороной эту тему, но это было бы неправдой, потому что нас, кроме детства, кроме всего прочего, объединяет как раз то, что мы веруем в одно божественное существо, пусть и в разных ипостасях.

Но почему из-за этого, в общем-то, не принципиального для рядового верующего разногласия христиане и мусульмане раздраемы или специально раздраются, стравливаются между собой много веков, начиная с явления пророка Мухаммада, хотя по Корану он пришёл на Землю, чтобы как раз продолжить дело Иисуса Христа. Из-за этого в явных и тайных религиозных войнах уничтожены миллионы и миллионы людей. Мало того, сегодня мир стоит на грани действительно мировой, спровоцированной тайной беззакония христианско-мусульманской войны, за которой, может, и последует конец света, но совсем не тот, за которым мы ждём Всеобщего Воскресения, а действительно конец-пустота. Может, по этой причине погибали одна за другой, казалось, на самой вершине развития древние цивилизации, и кто-то специально стёр память о них, чтобы каждая следующая, в том числе мы, начинала с чистого листа? А мы так и остаёмся малыми злыми детьми, дерущимися из-за игрушек в песочнице?

Неужели мы с другом детства — друзья только потому, что я не в полной мере христианин, только обманываю себя, что верую в Иисуса Христа, а он — не в полной мере мусульманин? А если были бы полными каждый в своей вере, то тут же схватились бы один — за топор, второй — за ятаган?

Я всегда испытываю странное чувство, когда из иллюминатора самолёта смотрю вниз, на Землю, мыслью отстранившись от неё: почему, получив в дар её, невообразимо красивую, невообразимо прекрасную, люди разгородили её на государства, вместо того чтобы всем вместе, единым человечеством обихаживать её? Неужели это Богу не угодно? Занялись дележом её, кровавым выяснением отношений между собой?

И снова и снова прежний вопрос: почему Всевышний разделил людей по религиям, как до того разделил на расы, народы? На языки, ведь первоначально у нас был единый язык. Чтобы мы без конца выясняли между собой отношения и не поднимали головы к небу? Или мы сами разделились, помимо Его воли? Что Его так испугало в созданном Им самим человеке? Что Он поторопился отвернуть человека от неба и, вместо того чтобы заставить людей заняться своим нравственным самоусовершенствованием в общем богоугодном деле, заставил их всю короткую жизнь заниматься совершенно бесплодным и даже разрушительным делом: выяснять отношения между собой? Или это дело рук дьявола? Почему Господь — или кто иной? — так упорно отделяет Землю от того, рисуемого нам прекрасным потустороннего мира, а не стремится сделать Землю частью его? Или это случилось только после грехопадения человека?

Почему Всевышний после первоначального разделения человека на народы, языки и вероисповедания, словно этого разделения ему показалось мало, попустил ещё разделиться людям, даже исповедующим Его, на православных, католиков, протестантов... И ещё на десятки и даже сотни всевозможных сект, которые постоянно выясняют между собой отношения и доказывают свою единственную причастность к Нему, а ислам — на шиитов и суннитов, и тоже ещё на десятки и сотни всевозможных сект, у которых между собой вообще кровавые разборки. Или рождённый Им человек уже давно не подвластен Ему? И Он отказался от своего детища? Порой мне кажется, что человек давно брошен Богом, может быть, из отчаяния исправить

его. В таком случае мы, оставшиеся на Земле сиротами, своего рода — злые дети, по-прежнему младенчески, но теперь уже без отеческого присмотра копающиеся в песочнице. И только этим, отеческим или материнским неприглядным, можно объяснить многое, что мы успели натворить с Землёй, с самими собой. И нетрудно предположить, что нас, злых беспризорикиков, как крайним средством можно будет остановить очередным всемирным потоком или каким-то подобием его.

Мой знакомый, бывший военный лётчик, сбитый во время войны в небе над Афганистаном и получивший в результате тяжелейшей контузии и ранения некоторый дар ясновидения, по окончании войны вернулся в Афганистан, чтобы кое-что прояснить для себя, потому что он не испытывал никакой вражды к людям, с которыми не по своей воле доблестно воевал. Он встретился с бывшим полевым командиром, одним из выдающихся мыслителей ислама, Махмудом шахом Масудом и задал мучавший его вопрос:

— Самое страшное, что может быть впереди у человечества?

— Самое страшное случится, — ответил тот, — если ислам заменят лжеисламом, что сейчас и стараются сделать, а потом стравят его с христианами. Тогда погибнут в поистине мировой междоусобной войне не сотни тысяч, как сегодня, и даже не миллионы, а миллиарды людей, если вообще не наступит конец света, не в мистическом, а в самом прямом смысле этого понятия. После которого не произойдёт никакого воскрешения. После которого Всевышний, если у Него ещё осталась какая-то надежда на человека, поселит его, нового Адама, заставив, как уже было, забыть своё прошлое, скорее, даже не на Земле, а на какой-нибудь другой планете, может, даже в другой Галактике.

Может, подобное уже случилось на Марсе, после чего он стал пустыней, и мы пытаемся там найти следы прошлой жизни. А по Земле какое-то ещё время будут бродить отдельные одичавшие люди, вроде обезьян. И нынешние обезьяны, может быть, одичавшие люди, которых Всевышний, боясь, что они натворят страшного, непоправимого, лишил разума и божественного облика, то есть, может быть, обезьяна произошла от некогда уже развавшегося человека, спасшегося во время очередного мирового потопа, а не наоборот, как у Дарвина, что человек произошёл от обезьяны. Впрочем, Коран так и утверждает, что обезьяна произошла от человека:

“И заменили те из них, которые делали несправедливость, другим речением, чем было сказано им. И послали Мы на них наказание с неба за то, что они были несправедливы. Когда же они забыли про то, что Мы им напомнили, Мы спасли тех, которые удерживали от зла, и схватили тех, которые были несправедливы, наказанием дурным за то, что они были нечестивы. Когда же они (опять) преступили то, что им запрещали, Мы сказали им: “Будьте обезьянами презренными!”

Читаю Евангелие совсем другими глазами, чем раньше...

В речах Иисуса Христа, произнесённых им перед народом, в тесном кругу ближайших учеников, в молитвенных воззваниях к Богу-Отцу выбираю места, относящиеся к вопросу о смысле, о конечной цели человеческой жизни. Взятые вместе, они дают ясный ответ, что за порогом смерти нас может ждать вечная жизнь при условии, что мы будем вести себя должным образом на Земле. Выписываю для себя следующие места: “В доме Отца Моего обителей много, а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я” (Ин.14.2-3). “Отче! Которых Ты дал мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною. И Я открыл им имя Твое, и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них” (Ин.17.24-26). “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика наша награда на небесах” (Матф.5.8.11.12). “Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от сложения мира” (Матф.25.24).

Читаю всевозможные толкования Евангелия. Знаю, что читать нужно только само Евангелие и верить только самому Евангелию (холодный ум снова и снова подсказывает: если оно не ложно истолковано апостолами, неважно, сделано это из недопонимания или специально), но не всё в Евангелии доходит до моего сердца, может, потому, что я пытаюсь понять его, прежде всего, умом, а ум мой то и дело растерянно упирается в стену или в пустоту.

“По Евангелию, жизнь человеческая не прекратится всецело здесь, на Земле. Земная жизнь — лишь первая стадия человеческой жизни вообще, она продолжится и за пределами земной жизни, навеки, причём сознание, личность каждого человека останутся неприкосновенными... И вот там-то, за гробом, а не здесь, на Земле, конечная цель человеческой жизни, и там-то она вполне будет достигнута. Потому для нас смерть брата нашего по вере не должна заключать в себе горечи разлуки навсегда.

Человеку, грядущему на сон, не говорят: “Прощайте!” — Не правда ли, как было бы странно и смешно говорить это слово. А говорят: “Спокойной ночи! До утра! До утреннего свидания!”

Ты каждый день видишь смерть, видишь её и на улице, видишь её и в доме твоём, видишь её на чужих и своих, на взрослых и детях. Ты похоронил отца или сына, закрыл глаза жене своей, оплакал друга, и не веришь, что и ты умрёшь. Ты стар, одной ногой уже ступил в могилу, смерть висит у тебя на шее, а ты всё ещё надеешься на жизнь. Дьявол обманывает тебя, что ты не умрёшь”.

Читаю и пытаюсь принять сердцем, но оно почему-то противится.

А каков смысл моей оставшейся жизни здесь, на Земле?

“Отчаяние гони, как лютого зверя. Оно у тебя появляется от самонадеянности. Совершай то, что в твоих силах, а остальное восполняй смирением и любовью. У святых отцов сказано, что смирение без всяких подвигов может спасти человека. Вот и смирайся. Не горячись, не кипятись, не ищи каких-то особых подвигов, свойственных древним подвижникам, — твои подвиги в терпении немощей: своих и других.

Когда к тебе приходит состояние безотрадности, ты только взывай: “Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного Раба Твоего!” В эту минуту необходимо терпение и упование. Это время испытания. Полезно открыть такое состояние духовному отцу, прося его молитв”.

У меня нет духовника, и я не ощущаю потребности в этом, может, потому как врать ему нельзя, а говорить ему правду страшно.

Шепчу про себя: “Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного Раба Твоего!” Но не слышу ответа...

Читаю... Снова натываюсь на прежде покоробившее и даже возмутившее мою душу утверждение:

“Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон...”

Читаю и неожиданно для себя не чувствую прежнего несогласия, а, скорее, только удивление и, может, даже согласие:

“Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон. Она начинается словами, которые можно произнести только из глубины крепкой веры или напрягая все силы своего доверия к Богу: “Благословен Бог Наш...” Благословен Бог на жизнь, но и благословен Он и на смерть. Но вспомним: когда Христос стоял перед лицом Своей смерти, Он сказал ученикам: “Если бы вы Меня по-настоящему любили, то радовались бы за Меня, ибо я отхожу к Отцу Своему...” И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека, **и он приходит домой**”.

И странно: моя душа и разум хоть полностью ещё и не приемлют прочитанного, но уже не восстают против него... А слова: “И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека, и он приходит домой”, — вызывают надежду...

Вспоминаю, как это было... Сначала вижу всё как бы со стороны....

Несколько придавленных горем людей в чёрном около гроба в Крестовоздвиженской церкви, в одной из трёх сохранившихся в городе в безбожное время церквей. Рядом стучат поезда, спешат, везут людей по их земным делам на восток и запад по Великой Транссибирской железнодорожной магистрали. Люди из любопытства или чтобы убить время, смотрят из вагонных окон, глаза неожиданно упираются в купола церкви, кто-то редкий крестится, и никто из них не подозревает, что в церкви в эти минуты кого-то провожают в мир иной. Знакомый священник, татарин, отец Роман — у меня вдруг мелькает мысль: а если мы провожаем тебя в лучший мир, в истинную жизнь, почему священник в чёрном и почему вообще люди, уже в этой жизни отрешившие себя от этого мира, монахи, всегда в черном? — до духовной академии окончивший философский факультет университета, суть учения в котором состояла в том, что его в течение пяти лет убеждали, что Бога нет, — может, как раз это и привело его к Богу? — начинает читать последование по исходе души от тела:

— Благословен Бог наш...

Каждое слово гулко отдаётся то ли в сводах храма, то ли внутри меня, и я уже как бы не вспоминаю, а как бы снова стою над твоим гробом. Кажется, что и меня вслед за тобой отрывает от Земли, я стою на хрупкой грани двух миров и чувствую присутствие над нами или среди нас ещё Кого-то. И я не узнаю отца Романа, он внутренне преображается, как бы уходит в себя, его лицо становится торжественным и отрешённым, когда его взгляд натывается на меня, он словно не видит меня, он смотрит словно сквозь меня и словно видит за мной или надо мной что-то или Кого-то, чего или Кого, невольно оглянувшись, не вижу я.

Он торжественно и отрешённо повторяет: “Благословен Бог наш...” И я словно отрываюсь от Земли. Голос священника доносится до меня как бы издалека: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...” Я, словно проснувшись, замечаю, что кто-то высоким женским голосом начинает вторить ему: “Со духи праведных, скончавшихся душу рабы Твоей... Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче”...

Я настолько погружён в себя, что не сразу понимаю, что священник о чём-то спрашивает меня. Он вполголоса повторяет вопрос:

— Здесь закрываем гроб или на кладбище?

И я непроизвольно отвечаю: “Здесь”, — тем самым лишив себя последней возможности увидеть тебя. И он обыкновенным молотком с надтреснутой рукояткой забивает в крышку гроба обыкновенные по нищете церковной полуржавые гвозди. И эта обыкновенность меня потрясает. Но потом, на кладбище, к своему удивлению, у меня не будет желания открыть гроб и ещё раз увидеть твоё лицо; у меня будет чувство, что тебя уже нет в гробу. Ты осталась там, в церкви, или уже была где-то далеко. А тут тебя уже нет.

Забив гроб, священник неожиданно для меня читает псалом 90: “Живый в помощи”, который относится к живым и, знаю, обычно читается в опасности: “Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...”

Какая опасность ожидала меня в то время? Потеря веры со смертью самого близкого человека?..

Атлантида

Два моих соседа по больничной палате отпросились на воскресенье домой. Включаю телевизор. Передача о поисках Атлантиды...

Рождается и умирает не только отдельный человек, рождаются и умирают — одни тоже в длительных муках, другие внезапно в природных катастрофах — целые государства и даже цивилизации.

Почему погибла — или была уничтожена? — Атлантида, может быть, самая совершенная человеческая цивилизация на Земле, примерно около

1450 года до новой эры со страшным взрывом вулкана Санторин в Средиземном море и вызванной им огромной многометровой волной цунами? Города Атлантиды были построены с учётом высокой сейсмичности, они были в состоянии выдерживать самые сильные землетрясения и, видимо, не раз переносили их, но неожиданно были разрушены катастрофическим взрывом считавшегося потухшим вулкана, после чего большая часть Атлантиды была поглощена океаном, а на оставшуюся обрушилась гигантская волна цунами. Но как бы и этого кому-то показалось мало, потому что следом всё, что осталось после взрыва вулкана и цунами, было засыпано многометровым слоем пепла. Немногие выжили, и, хотя были уничтожены сады, поля, пастбища, как-то стали приспособляться к новым условиям, но примерно через полвека на оставшийся от Атлантиды остров обрушилась новая волна цунами, а за ней новая туча пепла, словно кто-то старался спрятать даже следы некогда существовавшей могущественной цивилизации. И потомки немногих оставшихся в живых и переселенцы с материка на остаток Атлантиды, остров Крит, до начала археологических раскопок в конце XIX века не подозревали даже, что под их лачугами похоронены великолепные дворцы, сады, дороги...

Почему Всевышний попустил это, если это произошло вопреки Его воле? Или Сам наказал? Что, все, начиная с младенцев, в Атлантиде были грешниками? Может, Атлантида была уничтожена, а у остальных народов планеты была стёрта даже память о ней за то, что она нравственно пала и стала угрозой для остального человечества? Или что её жители пытались построить рай на Земле? И если не рай, то более или менее гармоничное человеческое общество, и во многом преуспели в этом, в результате чего перестали думать об иной жизни, о спасении души, о Боге? Что, Всевышний наказывает не только отдельного человека, а целые народы? Даже цивилизации? И даже стирает память о них у потомков и других народов. Он как бы возвращает человечество в первобытное детство, чтобы оно, не зная и даже не догадываясь о пагубном прошлом, всё начинало сначала? Впрочем, кажется, однажды Он так уже поступил со всем человечеством, обрушив на него всемирный потоп. А может, это сделал не Он? Может, это, как бы сегодня сказали, диверсия дьявола на уничтожение как раз богоизбранного народа? Но почему Всевышний не противостоял этому? Не мог противостоять? Или — не захотел?..

О существовании Атлантиды не сохранилось никаких письменных свидетельств, кроме упоминания у Платона, который опирался уже только на смутную легенду, и мало кто ему поверил. Ничего не известно: что за народ населял её, на каком языке он говорил, во что веровал? Неизвестно даже, где Атлантида находилась. Многие учёные вообще сомневаются, существовала ли она, верящие же в её существование сходятся на том, что остатки её — нынешний остров Крит.

Открыл Атлантиду выдающийся английский археолог Артур Эванс в начале XX века. При раскопках царского дворца-лабиринта древнего города Феста, потрясшего учёных своей красотой и совершенством, был найден диск из хорошо обожжённой глины диаметром примерно в 16 сантиметров. С обеих сторон его покрывала, подобно причудливому узору, спирально идущая надпись. Долгие годы эта надпись не поддавалась прочтению, пытались расшифровать её с помощью греческого, хеттского, древнееврейского, лийского, харийского и других семитских языков. Правда, английский учёный Майкл Вентрис в 1952 году предположил, что языком Фестского диска и табличек мог быть язык этрусков, древних таинственных жителей Италии, возможно, переселившихся с одного из островов Средиземного моря, а потом так же таинственно исчезнувших. Римляне, видимо, знали или догадывались об этом, но это противоречило их историческим амбициям, и они за много веков до Майкла Вентриса своеобразно решили эту проблему, заявив: “Этрускан нон легатур — этрусское не читается”, — что им дало возможность провозгласить, что с них, римлян, начинается если не всемирная, то уж точно западноевропейская цивилизация и, разумеется, письменность. “Дешифровка этой надписи остаётся за пределами наших возможностей”, — расписались

в своей беспомощности и современные западноевропейские учёные. Никому даже не пришло в голову попытаться расшифровать этрусские письмена, к тому времени найденные, кроме Крита, на Апеннинском полуострове и во многих других районах нынешней Западной Европы, с помощью одного из славянских языков, потому как западная наука определила славян варварами, полудикими племенами, не имеющими сколько-нибудь глубокой истории и тем более уж древней письменности, а сами славяне почему-то не помнили своего прошлого, словно кто зомбирова́л их. Лукавые западные историки, потомки истинных варваров, хитро переадресовали своё ставшее нарицательным имя славянам. И тем более никому в голову не пришла мысль, более того, она показалась бы кощунственной, что эта надпись сделана именно на праславянском языке и что этрусски по своему происхождению были славянами. И даже когда в середине XX века российский учёный Геннадий Гриневич убедительно доказал, что надпись на Фестском диске и другие этрусские письмена, найденные в разных местах Европы, сделаны на праславянском языке и, отталкиваясь от этого, успешно расшифровал их, это было предано умолчанию и даже осмеянию и до сих пор остаётся известным только узкому кругу учёных.

И поразительно, этрусские письмена Крита, Апеннинского полуострова после расшифровки (потому что алфавит и слоговое письмо этрусов как бы специально стёрты были из памяти человечества, в том числе из памяти самих славян, и через много веков равноапостольным Кириллу и Мефодию пришлось заново создавать славянскую письменность для ознакомления славян с Евангелием) легко читаются и понимаются мной, современным русским, знакомым со старославянским лишь по краткому университетскому курсу, — так мало изменился язык за тысячелетия. Изменились мы за эти тысячелетия? И если изменились — то в какую сторону?

Теперь уже с определённой достоверностью можно утверждать, что таинственные этрусски были славянами — ответвлением так называемых эгейских пеласгов, догреческого населения Греции, Энеиды, а также и Крита. О них известно столь мало, что складывается убеждение, что кто-то старался стереть саму память об этрусках в истории человечества. Римский император Клавдий в I веке н. э. написал двадцатитомную историю этрусов, но его труд погиб при пожаре Александрийской библиотеки. Почему-то время уничтожило и другие труды античных учёных, посвящённые этрускам. “Отец истории”, великий Геродот писал, что Эллада раньше называлась Пеласгией. О пеласагах сообщается в гомеровской “Илиаде” и “Одиссее”. Этрусками называли пеласгов римляне, греки называли их “тирренами” — по местности, где они, изгнанные греками, поселились, сами же этрусски, как свидетельствует древнегреческий историк и ритор второй половины I века до н. э., автор “Римских древностей” Дионисий Галикарнасский, называли себя: рассена или русы.

До сих пор считается общепризнанным, что древние римляне являются учителями Европы. Хотя у древних историков можно найти свидетельства, что учителями этих учителей были как раз этрусски. Оказывается, римляне унаследовали от этрусов музыкальные инструменты, театр, мореходство, горное дело, производство керамики и обработку металлов, траволечение, мелиорацию... Более того, первые цари Рима были этрусками: Тарквий Приск, Сервий (Сербий), Туллий, Тарквиний Гордый. И Рим в действительности основан тоже этрусками, а этрусская система подземных каналов и сегодня является частью городского хозяйства Вечного города. Но откуда появились в Средиземноморье пеласги-этруски-рассена-русичи-русы?

Время их появления на Балканах, в догреческой Элладе, на островах Эгейского моря, в том числе на Крите, совпадает с исходом из Среднего Поднепровья и Дуная в начале второго тысячелетия до н. э. славянских племён, названных археологами “трипольцами” по местности, в которой впервые были раскопаны их поселения. Археологические раскопки красноречиво свидетельствуют, что исход имел катастрофический характер: “трипольцы” покидали свои поселения на берегах Днепра с такой поспешностью, что бросали в своих домах всё, вплоть до домашних святынь...

Почему они вдруг и куда ушли? В неизвестность, словно вообще исчезли с планеты, пока историки не обнаружили их на побережье Эгейского моря и на Крите уже под именем пеласгов или этрусков. Но по смутному преданию, здесь они оказались после гибели мощного государства, которое они основали на огромном острове или целом архипелаге среди океана (легендарная Атлантида?): катастрофа настигает их и здесь, вызванная страшным взрывом вулкана. Оставшиеся в живых так же поспешно, как тысячи лет назад в Приднепровье, бросают свои пепелища, уплывают на материк и, неспособные противостоять местным племенам, уходят на север, чтобы на рубеже 4-3 века до н. э., почти через две с половиной тысячи снова вернуться в Приднепровье, где возникнет государство восточных славян — Киевская Русь. И вспомнили своё прежнее имя, и приняли Иисуса Христа с таким чувством, что давно ждали Его. Более того, с чувством, что давно, даже изначально жили с Ним, по Его заветам, только по какой-то причине забыли Его имя или называли Его иначе. Или кто-то заставил забыть Его, и, может, как и заставил забыть своих предков пеласгов-руссов и стереть память о них у других народов? Сейчас вон столкнулись с загадочным и жутковатым явлением: человек вдруг обнаруживает себя где-нибудь далеко от дома, чаще всего на каком-нибудь вокзале или на железнодорожных путях и не может вспомнить ни своего имени, ни родителей, ни сколько ему лет...

Может, кто-то так поступил с целым народом, с целой цивилизацией?

Кто нас, славян-руссов, гонит по свету, время от времени меняя нам имя, стирая у нас память о своём прошлом? Или в этом кроме нас самих никто не виноват? Может, это от нашей генетической беспамятности, от генетического чувства, что мы временные на Земле? Ведь и ныне в большинстве своём мы не помним, в отличие от других народов, своих предков дальше двух-трёх поколений, и наши кладбища в большинстве своём заброшены...

Или нами в бесконечном переселении по планете двигало что-то другое? Может, тяга к перемене мест? Может, не случайно греки называли наших предков пеласгами — аистами? Может быть, за их особый склад характера? Вернувшись в Приднепровье, мы не остановились, а часть из нас пошла дальше на север, вплоть до Ледовитого океана. Север властно тянул нас, словно там, до Приднепровья и Крита, была наша прародина, легендарная Арктида, где мы, пока на планете не сместились или даже не поменялись местами магнитные полюса, жили на горах и в долинах, которые потом уйдут под воду и ныне зовутся подводным хребтом Ломоносова, пересекающим современный Северный полюс. Но и Ледовитый океан не остановил нас, вдоль его побережья мы, Дежнёвыми, Челюскиными, Шелиховыми, подобными им, пошли дальше на северо-восток, в огромную студёную страну, которые ныне зовут Сибирью, и, пройдя её, перешли через пролив на Аляску, на том, может, окончательно истощив свои силы. В чём смысл загадочной славянской души? Может, Бог, ведёт или гонит нас по планете, в то же время испытывая нас, для просвещения, для смягчения нравов других народов? Потому как мы, в отличие от евреев, не создаём народа в народе, не пытаемся подменять их собой или стать их тайными вождями, а растворяемся в них, становясь для них питательным навозом. Может, у Бога таков замысел о славянах-руссах, а ныне — о русском народе?.. Может, в этом смысл и страшного русского исхода в гражданскую войну?

На первой стороне Фестского диска было начертано:

*Горести прошлые не сочтёшь.
Однако горести нынешние горше.
На новом месте вы почувствуете их.
Вам послал ещё место в мире Божьем.
Распри прошлые не считайте.
Что вам послал Бог, обступите тесными рядами.
Защищайте его днём и ночью.
Не место — волю.
За мощь его радейте.*

Живы ещё чада её, ведая, чьи они в этом мире Божьем.

Это что — об исходе из Приднепровья, откуда они ушли после неведомой нам страшной катастрофы, скорее всего, не природной (точно можно сказать, что не извержение вулкана, не наводнение были тому причиной)? Под новым местом подразумевается Крит, на который они только что пришли и пытаются осмыслить свои прежние ошибки? Что же стало причиной столь поспешного катастрофического ухода целого народа из Приднепровья? Чума? На него обрушились соседние племена-народы, не просто приручившие лошадей, а превратившие её в силу своей безнравственности в средство войны? Славяне оказались бессильны перед ними в силу нравственных запретов? Они оказались беспомощны перед захватчиками, логика ведения войны которых, как и вообще логика поведения, была совершенно непонятна, как непонятна была бы логика инопланетян?

На второй стороне диска прочитывается:

*Не единожды будет, услышим мы:
Вы чьи будете, ры(у)сичи, что для вас почести;
В кудрях шлемы; разговоры о вас.*

Но есть ещё, будем ещё мы в этом мире Божьем.

Или, наоборот, это своего рода напутствие — оставшимся в живых после очередной катастрофы, на сей раз природной — извержения вулкана Санторин и вызванной им волны цунами, — и уходящим на север в неизвестность, в сторону прародины? Щемящая, несмотря ни на что, вера в будущее: “Но есть ещё, будем ещё мы в этом мире Божьем!”

Но зачем же мы тянем в земной истории века и тысячелетия свою судьбу, несмотря ни на что, теряя, меняя и обретая вновь своё имя, раз мы временные на Земле? Изгоняемые с одного места на другое не только греховными человеческими страстями, что было бы как-то понятно, но и как бы специально устроенными природными катаклизмами. Невольно снова и снова всплывает прежний вопрос: значит, всё-таки мы не временные на Земле, иначе тогда какой смысл во всемирной истории?

Жизнь без тебя...

Сосед по больничной палате — актёр театра, с язвой желудка. Увидев на моей тумбочке Евангелие:

— Мне упорно твердят: “Бог познаётся не разумом, но сердцем. В Бога можно только безоглядно, безрассудно верить, его нельзя познать опытным путём”. Но ведь так же безоглядно можно верить и в Сатану, искренне веря, что ты веруешь в Бога.

Всевозможные секты тоже построены на бесконечной вере рядовых её членов, не объясняемой разумом. Как отличить истину от лжи, хитро замаскированной под истину? Ведь находят же ключи к душам людей, вроде бы умных, образованных, как правило, искренних, зомбируют их адепты всевозможных сект-химер.

Чем секта отличается от истины? Количеством людей, верующих в её постулаты? Но количество не всегда свидетельство Истины. Не потерялась ли Истина где-нибудь между сектами? Может, Иисус Христос нам хотел сказать совсем не то или не совсем то, что ему приписывают? Ведь его учение мы знаем лишь в пересказе его учеников. Может быть, они донесли его до нас, исказив, если не сказать, переврав? Может, совсем не по злому умыслу, а по неготовности понять всю глубину его мысли....

Может, кто-то за Иисуса Христа придумал его земную и небесную историю, нашёл ключ к тайным пружинам в психике человека и вложил в его душу, а на самом деле за гранью жизни ничего нет? Или Иисус Христос был просто наивным инопланетянином, своего рода прилетевшим из другой

галактики миссионером, ужаснувшимся нравственным состоянием землян и попытавшимся каким-то образом подействовать на их нравственность? Может, он оказался в роли европейца-миссионера, пришедшего, по его мнению, просвещать или по какой-то другой причине оказавшегося среди племени пигмеев. Их вожди жестоко обошлись с ним, по-своему справедливо решив, что его не совсем или совсем не понятные проповеди ни к чему хорошему не приведут, так как в корне нарушают их образ жизни. И он после казни, чудом оставшись в живых, был забран своими соотечественниками-инопланетянами, а они восприняли это как Его Воскресение. Ему тяжело было с ними прощаться, он улетал и оставлял их, словно детей малых, понимая свою беспомощность что-нибудь для них дальше сделать. И он оставил им нечто вроде наставления, как жить дальше. Все, что он мог сделать для них — дать надежду, и он придумал красивую сказку об иной прекрасной жизни за пределами смерти, если будешь прилично себя вести на Земле в этой жизни. Я даже явственно вижу эту картину. И потрясённые его ученики в силу своего земного сознания оформили эту сказку в учение. Может быть, действительно, он был всего лишь инопланетянином-миссионером, или простым пилотом, оказавшимся на Земле в результате катастрофы космического корабля, или разведчиком, ищущим планету для переселения, потому как их планете грозит космическая катастрофа?

Я молчал. Актёр приподнялся на локтях, видимо, его насторожило его молчание.

— Вы не согласны со мной?

— Я внимательно слушаю, — ушёл я от прямого ответа.

— Тогда, с вашего позволения, я продолжу свою мысль... Загадочная и притягивающая своим мерцающим светом звезда Сириус. Откуда у дикого африканского племени знание о ней, а ещё более — о небольшой звезде в созвездии Сириуса, которая, по космическим меркам сравнительно недавно, взорвалась, погибла и которую учёные только недавно обнаружили в мощные телескопы? Может, он оттуда? Или мы оттуда, заброшенные с той планеты накануне катастрофы, а взорвалась она в результате нашей падшей нравственности, в результате устроенной безнравственным человеком техногенной катастрофы? Неужели мы, подобно пассажирам корабля Ноя, остатки там погибшей цивилизация? И так и остались неразумными сиротами во Вселенной? Может, нас, набедокуривших на какой-то другой планете, потеряв там надежду на наше исправление завезли сюда, на Землю, ради эксперимента и со стороны наблюдают за нами?.. Наверное, вы лучше меня знаете, что во многих местах Земли известны наскальные рисунки, где люди, а может, инопланетяне летят в ракетах, в скафандрах...

Вошла медсестра, пригласила его на укол.

А я вспомнил, что сам видел летающих в космических кораблях и в скафандрах людей, но не на древних наскальных рисунках, а на церковных фресках.

Это было в бывшей Югославии, в Косовской Метохии, во время последней балканской войны — недалеко от города Печ в сербском монастыре Дечаны, основанном в XIV веке. Ныне сербы уже изгнаны из Косова, и я не знаю, цел ли монастырь и сохранились ли в нём фрески. Фрески в Дечанах, согласно канону, описывают события Старого и Нового Завета. “Чудо” в Дечанах было открыто в начале 1964 года. Студент Белградской академии живописи с помощью телеобъектива сделал фотоснимки фресок, в том числе и фресок “Распятие” и “Воскресение” Иисуса Христа. То, что раньше не удавалось рассмотреть в подробности, так как фрески находятся на высоте пятнадцати метров, стало возможно обычному невооружённому глазу. Открылись детали, которые прежде никто не замечал. Оказывается, на этих фресках изображены люди, летящие в космических аппаратах. В первом “космонавт” держится за невидимый “рычаг управления” и оглядывается назад. Создаётся впечатление, что он следит за полётом следующего. Бывший со мной серб-воиник утверждал, что это ангелы. Но сидящие в аппаратах явно были без ангельского ореола. А “настоящие” ангелы, с ореолом, наблюдают за полётом аппаратов, закрыв глаза и уши руками и в ужасе отшатнувшись. В центре

композиции — фигура распятого Иисуса Христа. Таким образом, наряду с традиционными, каноническими деталями, фреска содержит ряд деталей, явно не канонических, которые трудно объяснить.

Но что меня ещё поразило: оба странных аппарата, изображённых на фресках, по своей конструкции, вплоть до деталей, были похожи на летательные аппараты, изображённые на критских глиняных табличках; кто-то из учёных, пытаясь определить, что это такое, назвал их “боевыми колесницами без колёс”...

Бог, по моему тёмному разумению, постоянно должен давать человеку какие-то знаки, признаки своей истинности, чтобы человек не метался из стороны в сторону и не соблазнялся подсовываемыми ему ядовитыми пряниками.

Он их даёт упорно и настойчиво — тем же огнём от своего гроба в Иерусалиме, но даже это нас никак не убеждает...

Читаю: “Учёные пришли к выводу, что сознание во время клинической смерти “живёт” независимо от работы мозга. Мало того, было выявлено, что сознание существует вообще независимо от мозга, и физическая оболочка людей — это не единственное место, где “обитает” наше сознание. Означает ли это, что человеческое сознание не умирает даже после смерти тела, гибели мозга? По выводам учёных, энергия и информация от умершего задерживается во Вселенной. Люди подобны звёздам: они постоянно испускают невидимые фотоны света, и эти фотоны устремляются в космос. То, что наша энергия, информация и наше сознание после смерти продолжают жить, так же вероятно, как и то, что свет от далёких, тысячи лет назад угасших звёзд продолжает распространяться по Вселенной; звёзд давно нет, а мы продолжаем их видеть и считать живыми”.

Учёные-атеисты не хотят или даже боятся себе признаться, что своими выводами они пришли к подтверждению существования души. Они испуганно спрятали её за понятиями “энергия”, “информация”...

Странное ощущение жизни, когда знаешь, что в любую минуту можешь умереть... Что, это и есть память смертная?..

Первоначально с этим ощущением жить было жутковато, но постепенно я свыкся, и меня уже почти не беспокоит, кому достанется моя квартира, загородный дом, машина, только вот разные бумаги, письма надо будет на всякий случай сжечь... В своё время я поразился или даже возмутился, когда старушка, у которой я квартировал, чувствуя приближение смерти, сожгла все свои фотографии, письма, — а среди них были письма Шалапина, который дружил с её мужем, а до того ухаживал за ней, — а теперь я её прекрасно понимаю...

Чукчи, эвены, эвенки, другие кочующие северные народы, — впрочем, не только северные, — не знают Иисуса Христа. Если они даже крещены православными миссионерами, вера их поверхностна, на уровне языческого обряда, пусть даже если это установка креста на могиле. Но в них даже глубже, чем в нас, христианах (а может, они даже больше, чем мы, христиане, может, они чувствуют Его на генетическом уровне?), вера в иной мир, который они называют Верхним. Мы приходим к этому осознанию, и то далеко не все, в результате мучительных исканий и даже страданий, чаще всего к концу жизни, а они знают о нём, чувствуют его с того времени, как только начинают осознавать себя, и потому, если соприкоснувшись с так называемым цивилизованным миром, не успевают заразиться им, не только не боятся, а с радостью принимают смерть, не как итог, а какую-то вежу в вечной жизни.

У них нет понятия дома в нашем смысле. Из-за того, что мох-ягель, которым питаются олени, если долго пасти на одном месте, восстанавливается лишь через десятилетия, они вынуждены постоянно кочевать, потому для них всё их огромное кочевье, порой многие сотни или даже тысячи квадратных километров — дом, а значит, и вся Земля — дом. И, в отличие от нас, они бережно относятся ко всей Земле, как и, в отличие от нас, они не разделяют тот и этот мир, они знают, что их душа рано или поздно из того мира вернётся обратно, пусть в другом человеке, они даже считают, что по

имени, на которое откликнулся новорождённый, они узнают, кто снова вернулся, они с самого детства живут с чувством, что временные на Земле, и в то же время с чувством, что они вечные на Земле, потому как рано или поздно они снова возвращаются на неё, только не все помнят, что уже на ней были.

Потому они не только не боятся, а с радостью принимают смерть, потому они не торопятся жить, всё успеть. Потому они, в отличие от нас, не суетливы в своих поступках. Они могут день ловить упрямого упрямого оленя, и порой, поймав его лишь к вечеру, снова отпускают, потому что ехать сегодня уже поздно. Это может повториться и завтра. Нас это, мягко говоря, удивляет, и если это касается нас, всё время куда-то торопящихся, раздражает: чего бы проще привязать наконец-то пойманного оленя до утра, но в самом процессе ловли оленя особая прелесть жизни, и раз мы временные, но в то же время постоянные, вечные на Земле — куда и зачем торопиться?!

У них, как у травы, нет высоких целей, которых мы себе напридумывали и тем самым вывели себя из естественного, может, запрограммированного для нас круговорота жизни. Святитель Игнатий Брянчанинов говорил, что одним из основных признаков кончины мира и близости Второго пришествия Господа будет “необыкновенное вещественное развитие: люди забудут Бога, забудут небо, забудут вечность и, в обольщении своём, как бы вечные на Земле, все внимание устремят на Землю, на доставление на ней себе возвышенного и неизменного состояния”.

А что касается, нас, русичей-русских: как только мы в конце века XIX в очередной раз, подобно иудеям, начали толковать о своём особом предназначении на Земле, ничего не делая при этом, Всевышний в XX веке наказал нас: напустил или попустил на нас две мировые войны, революцию между ними и, по всему, до сих пор продолжается это наказание...

“Не столько раздражают Бога содеянные нами грехи, сколько наше нежелание перемениться”, — говорит св. Иоанн Златоуст.

Жизнь без тебя...

Отпросился у лечащего врача на воскресенье “в отпуск”. В церкви, куда я зашёл поставить тебе свечу, неожиданно столкнулся с Фёдором-звонарём из храма во имя великомученика Дмитрия Солунского, покровителя всех славян, который теперь вот уже сорок лет назад мне удалось спасти от взрыва. Что тогда меня, совсем не верующего, двигало мной? Фёдора я не видел больше двух лет.

— Вы всё один? Одному тяжело. Одному можно только, как мне, монаху. В миру одному трудно. В миру одному нельзя. В миру надо найти такую же одинокую душу. Предназначение души на Земле: у нас, монахов, — служить Богу, а мирских — другой душе, созданной Богом...

Только сейчас я в полную меру понял, — как долго это до меня доходило! — что полудикую собаку Динку по твоей или, скорее, по чьей иной просьбе, потому как хоть и родилась она ещё при тебе, но ты уже не знала о её существовании, старшая Динка специально родила не просто под чужой верандой, а в закутке, откуда её без разбора кирпичной стенки невозможно было извлечь, не просто в своё продолжение, а в моё спасение. Да-да, в моё спасение! Чтобы мне было о ком заботиться! Чтобы, кроме меня, о ней никому было заботиться! Чтобы её дальнейшая жизнь напрямую зависела только от меня! Чтобы я от бессмысленности своей дальнейшей жизни не залез в петлю или не решил бы свой жизненный вопрос каким иным подобным образом! И потому полудикая собака Динка, в отличие от Дружка, который в моё продолжительное отсутствие, основательно проголодавшись, начинает рыскать по соседям, а то и вообще в поисках пропитания может податься на временное жильё в соседний дачный посёлок, никуда не отходит от моего дома, хотя по рождению он чужой ей. Полудикой собакой Динкой ты или кто иной меня накрепко привязали не просто к нашему загородному дому, полудикой собакой Динкой меня накрепко привязали к жизни и отрешили от

необдуманных поступков. Я раз и навсегда понял это, когда по вынужденным обстоятельствам однажды приехал в свой загородный дом через полмессаца, спокойный, что она если не кормится, то хотя бы подкармливается у соседей, и увидел её, с трудом вылезшую из-под веранды, до предела истощённой: одни рёбра да высокие, как у тушканчика, уши, да огромные даже не укоряющие, я не могу объяснить какие, глаза, словно ими на меня смотрела ты и ещё кто, кто сторожит мою судьбу и предупреждает меня от безрассудных поступков. И с этого дня для меня стало чуть не главным в жизни, несмотря ни на что: на погоду, на здоровье, на очень важные мероприятия и не очень, вроде выборов “народных” депутатов и не менее “народных” президентов, — я каждую субботу и воскресенье еду на дачу. И, может, сторож Игорь не случайно неожиданно для нас бросил садовый посёлок поздней осенью, когда уже невозможно найти другого, а кто-то специально подвиг его на этот шаг, чтобы я не перевалил свои заботы о Динке на него, чтобы я от безвыходности положения каждую неделю вынужден был ездить в сад кормить собак и варить им еду на неделю и, раз приехал, то брался за топор, за пилу, за снеговую лопату, и хоть немного отходила душа. Помимо всего прочего, всё здесь напоминало о тебе, это был твой сад, я даже чувствовал твоё незримое присутствие в посвисте синиц, которые, как мне казалось, укоризненно заглядывали и стучали в окна, и мне становилось стыдно видеть его неубранным, полузаброшенным, и я начинал прибираться в доме и около дома...

В иудаизме, в христианстве, в исламе, несмотря на все их противоречия, рай — это благоухающий сад. В буддизме, кажется, тоже. Как ты любила сад! Может быть, земной сад — прообраз рая? Может, если мы сумели бы превратить Землю в цветущий и мирный сад, Господь устроил бы рай на земле?

Снова и снова точит мысль: если душа из того — горнего мира, почему же ей так не хочется туда?

Мысли вслух...

В однообразной обыденной жизни, может, для укрепления непрочной веры, нам так хочется проявления ясной божеской воли, иначе говоря, чуда.

А всё вокруг — разве не чудо?!

Ведь чудо — во всём!

Вода — уже сама по себе — разве не чудо? А вода, превращающаяся в снег? А узоры на оконном стекле? И снег, снова превращающийся в воду?! А текущая миллионы лет из вечности в вечность река?! Зачем она течёт?! Чтобы мы любовались, кормились ей? А сам земной шар, заботливо укутанный атмосферой, спасающей нас от губительного космического излучения, разве не чудо?! А Вселенная, у которой нет границ? У всего есть пределы, а у неё нет — разве это не чудо? А закон земного притяжения, не дающий нам упасть с земного шара, как и не дающий сорваться с орбиты самому земному шару?! Этот ряд можно перечислять бесконечно...

А сам факт нашего рождения из ничего — разве не чудо?

И разве не чудо: рождаются независимо друг от друга, порой далеко друг от друга, даже в разных странах и на разных континентах, мальчик и девочка, из тысяч, миллионов встречающихся людей почему-то влюбляются именно друг в друга, женятся, становятся на свете самыми дорогими людьми друг другу, может, не считая Бога, если они верующие в Него, становятся ближе друг другу, чем родители, которые постепенно как бы уходят на второй план, и нет ничего страшнее потерять другого, даже когда знаешь, что мы всё равно умрём, что мы временные на Земле и что на том свете, может быть, или даже обязательно встретимся?

Разве не чудо: чтобы в сложении любви двоих родился новый человек, тоже временный на Земле, который, в свою очередь, тоже встретит другого человека, который будет ему дороже всех остальных — и так будет продолжаться без конца. В этом какой-то высший неведомый смысл, который я нарушил, оборвал...

Почему за каждым приятным в жизни обязательно грядёт неприятное, если не хуже? Это мы, как правило, начинаем замечать с возрастом. Со временем нам начинает казаться, что неприятное наваливается, обрушивается на нас всё чаще и чаще, и не обязательно вслед за приятным. Это как сначала первый неожиданный осенний постук синицы в окно, напоминающий о приближении зимы, а потом, с каждым днём, хоть и неназойливый, но всё более частый и настойчивый.

Что, таким образом, чуть мы начинаем обольщаться счастьем в этом мире, нам напоминают: не забывайте, вы временные здесь?

Что, это тоже своеобразная подготовка человека к переходу в мир иной?

Жизнь без тебя...

Получилось так — по воле случая, а может, по воле Божьей, — что заканчиваю я свои печальные записки в Париже, — в нём начинал, в нём и заканчиваю, — как и в прошлый раз, в маленькой и неудобной, выбранной по принципу подешевле гостиничке; ко мне на третий этаж нужно подниматься по крутой неосвещённой лестнице. Крошечное окно в моём номере упирается в глухую стену.

Большинство обитателей гостиницы — тихие русские женщины, ищущие работу, потерявшие её у себя в России. Русских женщин в Париже я без труда отличаю по особому свету глаз; у француженок в глазах уже давно нет не только этого смущённо-покорного света, но и вообще никакого света, о красоте я уже не говорю, у русских женщин словно на лбу написано, что они русские. Случайно ли Господом дана им такая красота? Чтобы они, горькой русской судьбой из века в век разбрасываемые по миру, смягчали нравы, приводили его хотя бы к относительной красоте?

Да, получив направление в кардиоцентр на обследование на предмет необходимости операции, я сорвался в Париж.

А было это так. Несколько дней я тянул со звоном в кардиоцентр. Наконец внутренне собрался, позвонил, но телефон молчал, на другой день — тоже, и так несколько дней, потом выяснилось, что заведующий хирургическим отделением, к которому я должен был явиться на обследование на предмет необходимости операции, как мне сказали, ушёл в отпуск (позже я узнаю, что ушёл он не в отпуск, а попал в онкоцентр с диагнозом “рак”). И тут подвернулась командировка в Париж.

Наверное, от неё нужно было отказаться. Но в то же время, почему бы не слетать, если подвернулась, как нынче говорят, такая халява? Но дело было не только в халяве. Мне неожиданно захотелось проверить своё прежнее впечатление о Париже. Ведь в конце концов он был мне родным, несмотря на то, что я не только не почувствовал с ним родства, а пережил в нём, чужом, холодном, вдалеке от тебя нелёгких десять дней в ожидании твоей неотвратимой смерти. Да, он был мне своего рода родственником, которого по тем или иным причинам не любят, но родственников не выбирают, к тому же именно в Париже я начал писать эти тяжёлые, изматывающие душу записки, и я подумал, что, может, в Париже я, наконец, смогу их закончить, они мне мешали дальше жить.

В прошлый раз я привёз из Франции воспоминания Ирен де Юрша, в девичестве Ирины де Гас-Переяславльцевой, дочери бывшего владельца курьезного санатория Шафраново на Транссибирской железнодорожной магистрали под Уфой, полуфранцуженки, полурусской, после большевистского Октябрьского переворота вынужденной бежать из России и добравшейся до Парижа целых десять лет! Записки потрясли меня своей любовью к России, несмотря на то, что она, француженка по отцу и по гражданству, потеряла в ней мать, брата, жениха и натерпелась столько страданий. На склоне лет она завещала своему двоюродному племяннику, чистому французу, католику, более того, профессору католического университета: после того как в России упадёт власть большевиков, узнать, сохранилась ли церковь в Шафранове, и если не сохранилась, по возможности поучаствовать в её восстановлении. Церковь, разумеется, не сохранилась. И вместе

с тоненькой, но полной горя и страданий книжицей воспоминаний я привёз из Франции тысячу евро, которую передал со мной её племянник и от которой по моему приезду отказался священник: “Вы ещё не приехали, а слух впереди вас пришёл, что такой-то француз миллион дал”, — и мы, чтобы сохранить память об этой удивительной семье, отказались от мысли купить несколько кубометров досок или несколько тысяч штук кирпича, а, добавив своих денег, заказали колокол, на котором отлили славянской вязью надпись, продиктованную племянником по телефону: “В память семьи де Гас, жившей в Шафранове с 1910 по 1917 год и беззаветно любившей Россию”.

Племянник, никогда не бывавший в России, не знающий ни единого русского слова, но беззаветно полюбивший Россию по рассказам своей тётки, два года назад умер — тоже от рака! Из его послесловия к воспоминаниям Ирен де Юрша я знал, что она была похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем рядом с мужем, отпрыском древнейшего литовского рода, капитаном Белой армии, так и не принявшим французского гражданства, который в своё время лёг рядом с её отцом, чистым французом, отпрыском древнейшего французского рода, потерявшим в России жену, сына, состояние, но принципиально пожелавшим — первым из семьи! — лечь как бы на клочке России, на кладбище русских изгнанников, то есть пожелавшим уйти в мир иной русским. И я почувствовал душевную необходимость найти их могилы: если мы временные на Земле, разве не всё равно, где и кем лечь в земле?!

Командировочных дел в Париже у меня было немного, уже на следующий день я их успешно решил и вечером в гостинице соображал, как мне завтра попасть на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Не зная языка, добираться до него на электричке, а потом на автобусе — не так-то просто. Я решил посоветоваться с Владимиром Николаевичем Сергеевым, который опекал меня в прошлый приезд во Францию. Позвонив ему, я искал удобный момент, как деликатно перевести разговор на нужную мне тему, как он вдруг, словно читая мои мысли, сам предложил утром поехать в Сент-Женевьев де Буа. Мало того, он попросил подбехать туда жившую недалеко от кладбища и хорошо знавшую его, потому как на нём лежали её родители, родственники и друзья, свою знакомую Татьяну Борисовну Маретте, в девичестве Флорову. Она даже время от времени подрабатывала тем, что проводила экскурсии по кладбищу для приезжающих из России. Но, увы, Татьяна Борисовна никогда не слышала имени Ирен де Юрша: “Нас же, русских беженцев, были в Париже десятки тысяч...” — словно оправдывалась она.

Могилы Ирен де Юрша, как и могил её отца, мужа, к моей полной растерянности, мы не нашли. Была суббота, и контора кладбища была закрыта.

— Давайте так, — успокаивала меня Татьяна Борисовна, тяжело передвигающаяся на палке, — недавно сломала ногу. — Мне тут рядом, всё равно завтра приеду в кладбищенскую церковь на службу и ещё поищу. И священника, прихожан расспрошу. А в понедельник пойду в контору, там же есть списки. И сразу вам позвоню...

Я долго ещё бродил меж могильных рядов... “Увидеть Париж — и умереть!” Умирали в тоске по России... Умирали в тоске по России, многие даже уже в третьем поколении.

Если мы временные на Земле, почему такая тоска по России?

И опять перед глазами вставала фотографии Ирен де Юрша. Какая вроде бы разница — а вот они, изгнанные из России, принципиально легли все вместе на русском православном кладбище, и первым лёг отец, чистый француз, католик, за годы жизни в России так толком и не выучивший русского языка, потерявший в России всё: жену, сына, состояние, чуть не погибший сам и вдруг почувствовавший себя русским.

На кладбищах обычно трудно долго находиться, кладбища угнетают, стараешься поскорее с них уйти, если даже на них похоронены твои близкие родственники. А это удивительно всегдо в любую погоду. Если была бы возможность, я спокойно и радостно остался бы здесь на ночь среди русских сосен и берёз, но непременно бы под открытым небом, только под себя что-нибудь

подстелил, чтобы не простыть. И опять не даёт покоя мысль: если мы временные на Земле, почему они умирали, и даже уже в третьем поколении, с такой тоской по России? Почему постарались в изгнании по возможности лечь все вместе?..

На следующий день, в воскресенье, на третьей неделе Великого поста, Крестопоклонной, я пошёл на службу на рю (улицу) Дарю, в русскую церковь Александра Невского, построенную печальными русскими беженцами. Это, может, единственное место в Париже, что грело мою душу в прошлый приезд. Здесь молилась по погибшим в России матери и брату и венчалась Ирен де Юрша, в девичества Ирина Альбертовна Переяславльцева-де Гас. Собираясь в церковь, я снова перечитал её воспоминания:

“Именно на вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал моё имя, и другой молодой офицер, который до этого слушал довольно рассеянно, подошёл к нему: “Прошу прощения, но нет ли у неё брата по имени Димитрий, который был вместе со мной в Добровольческой армии?” Мой кузен подтвердил, что я действительно сестра Димитрия... Мишель Юрша, с которым я подружилась в Киеве, когда навещала брата, отправился к моему отцу, и вообразите, каково же было моё удивление, когда несколько дней спустя я получила письмо от него! И вот каким образом, несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка.

Мишель был очень добрым человеком, очень простым, очень умным и всегда находил забавное словцо, чтобы посмеяться над трудностями, которых, как вы догадываетесь, мы не сумели избежать. Демобилизовавшись в Галлиполи вместе со своими товарищами из несчастной Белой армии, он получил нансеновский паспорт, который предоставлял русским беженцам, лишённым родины, защиту великих держав. Многие эмигранты просили гражданства в странах, где они нашли убежище; из верности России мой муж не хотел менять гражданства...

Радости и печали — всё было! — шли чередой. Мой любимый отец работал до самой своей смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который всё же оставался Россией...”

Перед службой ещё в пустом тихом храме я подошёл к церковному служаке, продающему свечи. Я познакомился с ним в прошлый приезд: Игорь Александрович Марков, сын полковника Белой армии, командира 3-го драгунского полка Александра Михайловича Маркова, в изгнании тоже прошедшего через печальное стояние на турецком полуострове Галлиполи, где многие нашли свой конец. Но почему Господь позднее землетрясением разрушил или дал разрушить памятник умершим на Галлиполи русским беженцам?

— Я рад вас снова видеть... — к моей радости, узнал он меня. — Случаем, не привелось побывать в Новочеркасске? Как там, на Родине? Вроде что-то стало образовываться... Нет, мне туда уже не собраться, даже в гости, только душу травить. Я перестал даже мечтать об этом. Так легче жить. Моя Россия здесь. Я кусочек её.

Церковь к началу службы постепенно заполнилась, стало негде встать. Странное чувство: словно я был где-то в России. Может быть, эта светло-печальная церковь, намоленная изгнанниками, тоже была частью России?

После службы ко мне подошёл небрежно одетый, со включенными волосами человек, протянул руку:

— Пошли обедать.

— Куда? — не понял я.

— Ко мне домой, я здесь рядом живу,

— ...

— Пошли, пошли, там и познакомимся... — И совершенно незнакомый человек ни с того ни с сего мне, совершенно незнакомому человеку, стал рассказывать свою жизнь.

Уже минут через пятнадцать, пока мы дошли, было ощущение, что мы знакомы с ним очень давно.

— Ну, а почему всё-таки ты подошёл именно ко мне? — спросил я Сергея уже на его кухне, рассматривая альбом с репродукциями его картин.

— Ну, здешних прихожан я преимущественно знаю. Ну и, кого в Париже можно встретить во фланелевой рубашке?!

— В гостинице не топят, немного подмёрз.

Сергей поразил меня своей открытостью. Через час я знал о нём буквально всё, даже то, во что стараются не посвящать не только посторонних. А тут, совершенно чужому человеку, с которым познакомился буквально час назад случайно на улице (потом, правда, в гостинице, анализируя, я уточнил для себя, что всё-таки не на улице, а около церкви), он рассказал о своих, в том числе семейных, бедах и несчастьях. Я, в свою очередь, к своему удивлению, как на исповеди, по каким-то причинам, скорее всего, из-за неизжитой гордыни, избегающий церковной исповеди, рассказал ему о своих бедах, о тебе, о своей вине перед тобой.

— Не убивайся! — Сергей положил мне руку на плечо. — Нам с тобой осталось на этой Земле совсем немного, — как-то очень легко, без грусти сказал он. — Здесь мы временно. Там все встретимся. Там мы всё простим друг другу...

Я сначала даже насторожился: всерьёз ли он всё это говорит? Но он говорил так естественно, с такой уверенностью, без тени печали или даже грусти, а даже с какой-то торжественной радостью, что я не то чтобы растерялся, но, может быть, окончательно поверил в существование того мира, — в чём, может, до сих пор сомневался, — где мы все непременно встретимся и простим друг друга, и, может, нас простят. Он верил в загробный мир так же безоговорочно, как Ирен де Юрша, могилу которой я искал и пока не нашёл, а почему-то мне это было очень нужно. Я испытывал неловкость или даже вину перед своими родственниками, на могилах которых бываю нечасто. Я снова и снова прокручивал в голове несколько строчек из её воспоминаний: “Пасхальной ночью племянник отвозит меня на обедню в Сент-Женевьев де Буа в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идём чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могилах моего отца и мужа. Я говорю им: “Христос Воскресе, и мы тоже однажды воскреснем, и мы найдём друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стоны, но только поклонение и радость”.

Я поверил ему больше, чем многочисленным толкователям Св. Писания и, может, даже больше, чем самому Св. Писанию. Он был бы как живым свидетелем одновременно этого и того мира, для него между ними как бы не было границы. Почему-то я ему безоговорочно верил. Мне стало даже неловко перед ним и перед собой, что я не обладаю такой верой. Я что-то начинаю понимать, самые простые истины, и то постоянно сомневаясь, только к концу жизни, — кто виноват в этом: сатанинская власть, отторгнувшая моих родителей от Бога, а я даже не знал о существовании Его? Но Сергей ведь тоже родился при той власти, из России уехал уже взрослым, но с раннего детства живёт с верой в Бога, не мучаясь никакими сомнениями. Или он познал Бога только в результате долгих и мучительных страданий после смерти своих детей, сгоревших ещё в России в пожаре?

Я не решился его об этом спросить.

— Может, останешься хотя бы ещё на неделю? Я отвёз бы тебя в православный монастырь, тут недалеко, под Парижем, у меня там дом. Хочешь, поживи в монастыре, хочешь, у меня рядом с монастырем. Поживи хоть немного, успокойся. Вижу, тебе надо успокоиться перед операцией. И вообще успокоиться. Вижу, мечешься. Я тебе дам телефон брата в Москве, он как раз кардиохирург, я его предупрежу, что ты позвонишь, он не только проконсультирует тебя, а сделает всё, что нужно. А болезнь порой Господь посылает, чтобы человек приостановил свой обычный жизненный бег, задумался, к какой пропасти его этот бег ведёт, изменился, покаялся. А насчёт, когда уходить... Господь сам решает, когда кого забрать. Не зря говорят: пути

Господи неисповедимы. У Бога свой замысел как о человечестве в целом, так и об отдельном человеке. В тебе ещё много от мира сего: резкости, категоричности. Надо прощать людям слабости. И даже зло, ибо Господь не случайно его попускает, может, злом Он испытывает нас. И иудеев Он терпит не зря и, может, специально на нас напустил, может, так нас проверяет... Мы по привычке судим по своим земным меркам обо всём и о Его поступках, порой они нам непонятны, порой готовы возмущаться, забываем, что у Него свои планы, потому как Он строит Царство не земное, а небесное... Когда у меня на глазах сгорели дети, мне вдруг было откровение, я вдруг увидел вечность: и рай, и ад. Потому живу как бы наполовину тут, а наполовину там... Надо жить, соизмеряясь с Его заповедями, а когда Он нас возьмёт и куда, не нам решать.

Мне хотелось спросить, какой он увидел вечность, но не решился, наверное, он имел на это какой-то внутренний запрет. Если мог бы сказать, то сказал бы без просьбы, догадываясь, что я мучаюсь этим вопросом.

Мне хотелось задать ему много вопросов, но я боялся, что они покажутся ему детскими, наивными. Будучи старше его на 15 лет, я чувствовал, что в вопросах истины, в вопросах жизни и смерти я был перед ним ребёнком. И самое главное: в отличие от ребёнка, моё отравленное атеизмом сердце было закрыто истине; если я и воспринимал её, то только рассудком.

Я понял, что встретил Сергея неслучайно, как уже знал, что многие встречи в моей жизни, особенно в последнее время, неслучайны, или я просто стал замечать это, и, может быть, именно для этой встречи меня кто-то толкнул прилететь в Париж, а командировка — лишь повод. Я ещё раз убедился, что в последнее время кто-то по жизни ведёт меня, кто-то если не прямо, то косвенно, если не руководит моими поступками, то подсказывает их или устраняет мне нужные встречи, подкладывает нужные книги, или я вроде бы случайно беру в руки лежащий на столе журнал и открываю его именно на той странице, где оказывается напечатанной статья с так нужными мне сведениями, о существовании которых я не подозревал. Сергей говорил и не догадывался, что каждая его фраза была для меня неслучайна, и я безоговорочно верил в неё, как не верил ни одному священнику, потому как у священников это было профессией, за которую получают зарплату. Я боялся, что не запомню всего того, что он говорил, мне хотелось взять ручку и записывать за ним, но это было бы нелепо, и только это меня удерживало. И, как я предполагал, приехав в гостиницу и схватившись за карандаш, я уже не смог толком что-то ясно выразить на бумаге, память моя с некоторых пор была словно решето, а может, память тут была ни при чём, может, кто-то специально затуманил сказанное Сергеем как знание, которое мне рано знать: только смутные отблески его простых и ясных мыслей блуждали в голове, и я бросил карандаш. Но я уже не жалел, что прилетел в Париж...

В понедельник вечером позвонила Татьяна Борисовна: могилы Ирен де Юрша в списках кладбища она не нашла. Мало сказать, что я был удручён. Неужели могила за отсутствием ухаживающих за ней родственников не сохранилась? Положили же умершего — от рака! — Андрея Тарковского первоначально в неухаживаемую могилу некоего есаула Григорьева.

Через день мне нужно было улетать, и на душе было неладно от того, что я не нашёл могилу Ирен де Юрша, её отца и мужа, француза и литовца, принципиально пожелавших быть похороненными на русском кладбище. Почему-то это было для меня чрезвычайно важно, хотя они мне никем не приходились, а я знал, что в Париж больше никогда не попаду и буду жить оставшуюся жизнь с чувством невыполненного долга, не знаю, перед кем, скорее всего, перед собой, перед этой удивительной русско-французской семьёй, хотя вроде бы перед ней ни в чём не виноват. В оставшееся время я так и не пошёл ни в Лувр, ни в другие музеи, чем, вернувшись в Россию, многих удивлю, хотя туда всё тот же любезнейший Владимир Николаевич устроил мне не просто бесплатный пропуск, а который давал возможность проходить без очереди; я не пошёл и в другие музеи. Я бесцельно до изнеможения, несмотря на холодный пронизывающий ветер, бродил по Парижу, а к вечеру снова пошёл в русскую церковь на рю Дарю, может, Игорю

Александровичу Маркову удалось что-нибудь выяснить у прихожан. Увы! Что меня поразило: на службе, кроме священника и Игоря Александровича, я был, кажется, один. Всё, как в России...

По дороге в гостиницу решил, что если сегодня Татьяна Борисовна ничего не прояснит, то завтра поеду в Сент-Женевьев де Буа рано утром на поезде, чтобы до отлёта ещё раз внимательно пройти по кладбищу. Но поздно вечером Татьяна Борисовна обрадовала:

— Я нашла... Уж очень неприметная табличка на французском, касающаяся её отца и мужа. А её — всего лишь временная; когда её похоронили, так и осталась. Она заржавела и совсем почти не читается. И вот что я выяснила в муниципалитете: место на кладбище в день её похорон было оплачено на тридцать лет, срок оплаты истёк, обычно, год-два ещё ждут, а потом, если не объявляются родственники, в любое время в эту могилу могут похоронить другого человека. Потому-то её и нет в списках конторы кладбища, но какое-то время, видимо, они ещё выжидают...

Я позвонил ещё одной знакомой, обрётённой в Париже, врачу Ольге Назаровой, занесённой во Францию третьей волной эмиграции и начинавшей жизнь в ней певицей кабаре. У неё завтра был напряжённый день, но она сумела перепланировать его. Утром, по пути забрав Татьяну Борисовну, мы заехали в муниципалитет г. Сент-Женевьев де Буа, где я написал заявление, что я приехавший из России родственник Ирен де Юрша и что я гарантирую в течение месяца оплатить просроченную оплату могилы, хотя я ещё не представлял, как это сделаю.

С волнением я шёл меж могильных рядов. Оказалось, что я не раз проходил мимо этой могилы, но, во-первых, надпись на кресте была на французском, мелким шрифтом и её имени на табличке не было, оно было на другой, ниже, проржавевшей, и почти не читалось, а во-вторых, я представлял могилу более богатой, что ли, меня отвлекали окружающие её пышные и яркие надгробья. И уж точно — более ухоженной. А оказалось: простой деревянный крест с жестяной крышечкой, как на каком-нибудь деревенском кладбище в России, скромная, мелким шрифтом, металлическая табличка, которую с моим зрением можно прочесть, лишь подойдя вплотную, чему мешали соседние могилы.

Я долго стоял над могилой, словно здесь были похоронены мои родственники. У меня в кармане был плоский флакон с коньяком, на всякий случай, вместо сердечных таблеток, у Ольги в багажнике оказалась вареная курица и, несмотря на Великий пост, мы пошли в кладбищенскую сторожку к мусульманке, мароканке Фариде и по-русски помянули усопших. И было легко и светло у меня на душе.

Вечером позвонил Сергей:

— Я договорился с Юрой-десантником, он заберёт тебя завтра утром хоть на пару дней в монастырь.

— Серёжа, я внимательно посмотрел билет: оказывается, улетаю не в воскресенье, а уже завтра.

— Жалко!.. А завтра я не смогу тебя проводить. Буду далеко за городом. Прилетай обязательно ещё.

— Ты думаешь так просто: взял — и полетел.

— А я тебе оплачу билет туда и обратно.

— Серёжа, я обязательно приеду, но я ещё в состоянии сам заработать на билет. Но если ты серьёзно, можешь оплатить просроченную аренду могилы на кладбище Сент-Женевьев де Буа?

Он задумался всего на несколько секунд:

— Да, конечно. Есть кому тут без тебя выписать счёт?

— Есть... Спасибо, Серёжа! Я обязательно приеду...

Я улетаю из Парижа почти счастливым. Я уже совсем не жалел, что поменял кардиоцентр на Париж, чем бы для меня это ни закончилось. Я знал, что не случайно и не зря в него прилетал.

Нет, моё отношение к Парижу мало изменилось. Да, конечно, это был совсем другой город, чем в прошлый мой приезд, более светлый, более, может, тёплый. Значит, всё-таки что-то изменилось в моей душе. Но родным он мне

всё равно не стал. Меня по-прежнему тяготили его величественные католические храмы, они не поднимали мою душу, а, наоборот, придавливали к земле, меня почему-то угнетала их утончённо-прекрасная холодная каменная вязь, они тоже свидетельствовали об ином мире, но он меня пугал своей жестокостью наказания... Сколько-нибудь родным Париж для меня делало кладбище Сент-Женевьев де Буа, на котором лежали тысячи и тысячи русских беженцев и их потомков, и потому оно стало частью России, на нём была могила Ивана Алексеевича Бунина, на нём была могила Ирен де Юрша, её отца и мужа, которых неожиданно для себя я почувствовал родственниками, особенно после того, как оказалось, что кроме меня о ней больше некому позаботиться... Я уже говорил, что кладбище Сент-Женевьев де Буа не ощущается мной как кладбище. На нём нет ощущения смерти. Оно торжественно и светло. Словно оно было частью того, горнего мира, встреча с которым нас так тревожит, встречи с которым мы так боимся. Оно примиряло меня со смертью.

Родным Париж делала русская церковь на рю Дарю.

Родным мне его сделал Сергей, который, теперь я точно знал, не случайно встретился на моём пути.

Когда я пришёл к Сергею во второй раз, то застал у него почти уже в дверях глубокого сухонького старичка.

— Раздевайся, книги вон посмотри, пока я его провожу, — сказал Сергей. — Это мой тесть, — вернувшись, пояснил он. — По матери я из Голицыных, а жена — в девичестве Осоргина.

Сергей стал рыться в книжном стеллаже. Нашёл “Архипелаг ГУЛаг” Александра Солженицына, стал листать:

— Ты, конечно, это читал, но прочти, вспомни вот этот отрывок, а я пока чайник поставлю.

“Кроме духовенства, никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь. Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошёл на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезённому на Анзер епископу Петру Воронежскому отвёз мантию и Св. Дары. По доносу посажен в карцер и приговорён к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трёх дней, как только она уедет — пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, — не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, что муж взялся за голову с мукой. “Что с тобой?” — “Ничего”, — прояснился он тут же. Она могла ещё остаться — он упросил её уехать. Черта времени: убедил её взять тёплые вещи, он в следующую зиму получит в санчасти — ведь это драгоценность была, он отдал их семье. Когда пароход отходил от пристани, Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу...”

— Ну, прочёл? — вернувшись, спросил Сергей. — Мой тесть — ребёнок, зачатый во время этого свидания.

Я долго сидел молча, не в силах что-нибудь сказать...

— Пошли пить чай, — нарушил моё оцепенение Сергей.

Жизнь без тебя...

Я возвращался домой с очередной годовщины кончины сестры, которая неожиданно опередила тебя: умерла на полгода раньше. Автомагистраль А-5, известная между водителями больше как “дорога смерти”, пересекала Уральские горы, на ней раньше времени без покаяния можно попасть в мир иной.

Перед этим, в июне, после моего возвращения из Парижа были совсем не летние холода, и так хотелось тепла, а теперь вот вторую неделю стояла изматывающая, казалось, разжижающая мозг в кисель, давящая сердце жара. Потому я выехал поздним вечером, надеясь, что к ночи жара немного спадёт. Но жара перешла в не менее давящую духоту, и я свернул к блеснувшему справа от дороги озеру.

Была прекрасная ночь, раствориться бы в ней, но жутковатое чувство неприютности в этом мире вновь скрутило меня. Разумеется, каждый из нас задумывается о смысле жизни и над тем, что нас ждёт за рубежом жизни, если вообще что-то ждёт. Хотя легче жить, до поры до времени не утруждая мыслями обо всём этом. Как я уже писал, после твоей смерти я стал почитать умные книжки на эту тему, которые в изобилии продаются в церковных лавках. Как правило, они начинаются главой с названием “Смысл жизни”, а заканчивались главой “Жизнь после смерти”. И, оказывается, что в этой жизни нет никакого смысла, кроме познания Бога и подготовки к иной жизни. То есть подтверждение, что мы на Земле всего лишь, как в детском саду или исправительном лагере.

Я уже писал, что ничего для себя я в этих книжках не вычитал. Более того, они оставляли в душе странный, если не сказать тяжёлый осадок. То ли не пришёл ещё мой час безоговорочной веры, то ли... Прежде всего, труды так называемых старцев, подвижников веры или их толкователей меня отталкивали тем, что они как бы тяготятся этим миром и меня призывают им тяготиться. По сути дела, они призывают меня чувствовать себя на Земле инопланетянином. И ещё меня, мягко говоря, смущала, говоря земным языком, социальная несправедливость того мира: оказывается и там, как на Земле, если ещё не в большей степени, не все равны, а все, в зависимости от земных заслуг, разделены на чины и звания, есть там своего рода секретари райкомов и даже своего рода президиум, только не знаю, с красным ли сукном, и степень халявности и выдачи мягких перин зависит от этих чинов или выстрадавших на Земле заслуг, то есть как бы существуют своего рода спецраспределители и ЦКБ для членов правительства и депутатов. А когда не все равны, то это везде, на этом или на том свете, рано или поздно у неравных всегда вызывает зависть, а к чему это рано или поздно приводит, на этом свете мы хорошо знаем. Коммунисты и то, обещая рай на Земле, соблазняли равенством и общим счастливым трудом на Земле, другое дело, что это по какой-то причине, может быть, даже как раз по неземной, по воле Бога, по заложенной Им в человека сути, оказалось невозможным. Отрицатели же коммунизма, оправдывая тем самым волчью несправедливость капитализма, ссылаются на то, что несправедливость установлена самим Богом, что все равными не могут быть даже на том свете, а об этом уж и говорить нечего. Может, по этой вселенской причине в своё время и появились падшие ангелы?

И я бросил читать подобные книжки, они нечто вроде наркотиков, и опасны, как наркотики, я чувствую в них скрытый обман или благостный самообман, нельзя придумывать и выдавать за истину то, что от человека по какой-то причине скрыто. Они внесли в мою душу только ещё большее смятение.

Все эти умные (или хитрые?) книги про тот прекрасный мир были написаны для того, чтобы вселить в меня надежду, спасти от отчаяния, от чувства конечности жизни, а я им не то чтобы не верю — не принимаю душой. Новое знание о жизни и смерти, иначе говоря, память смертная, почему-то не подняли меня над Землёй, а, наоборот, придавили к ней, если не сказать, вдавили в неё. Я давно смирился с тем, что я на Земле временный, но я никак не мог смириться с тем, что все мы на Земле навсегда временные, что мы никогда не вернёмся на неё. Пока мы будем жить с этим чувством, никогда на ней не будет порядка, мы постепенно превратим её в ядовитую, непригодную для жизни свалку. Может, в своё время подобное случилось с Марсом? Если мы на неё никогда не вернёмся, даже в другом состоянии, то почему Бог создал её такой прекрасной? Рай после Страшного суда и всеобщего Воскрешения я почему-то представляю только на Земле. Может быть, мы всё-таки предназначены готовить её к Всеобщему Воскресению, к своему возвращению, превратить её в цветущий сад, а кто-то от имени Бога стремится увести нас с неё?

С этими гнетущими мыслями я снова сел за руль. Через сотню километров в лучах фар справа высветился дорожный указатель в сторону деревни моего детства. В последнее время я никак не могу найти времени, чтобы не

спеша пройти просёлками, тропами детства, напиться воды из его родников. Всё наскоком, всё некогда. Странное свойство времени. Оно разное в зависимости от возраста. Чем взрослее становишься, тем оно стремительнее несётся. Какой долгий день в детстве: сходил в школу, поиграл на улице, сделал уроки, вздремнул, снова поиграл, а дню всё нет конца. А чем взрослее, тем день короче, а к старости: встал — не заметил, как наступил вечер.

Страна детства спала сладким предутренним сном. Серпантинном я заехал на гору детства, которая отвесной скалой нависала над притихшей ночной рекой, хотя, наверное, её перекаты переговаривались с вечностью ночью не тише, чем днём. Но, может, действительно, река на ночь тоже притихает?

Внизу под скалой на противоположном берегу стояли палатки, кто-то сплавлялся по реке, любуясь её красотами. Думают ли эти люди о том, что они временные на Земле, или спокойно, в отличие от меня, знают это и стараются унести реку в своей памяти в тот неведомый мир, для того и сплавляются?

Постояв на скале, я заехал на самую вершину горы, где, теперь уж много лет назад, вернувшись из истекающей кровью Югославии, показал друзьям детства, где хотел бы быть похороненным. Там, в Югославии, мне было не столь страшно умереть, сколько страшно было умереть в похороненном вдали от Родины, хотя вроде должно быть всё равно, где быть похороненным, раз мы временные на Земле, и она лишь условно поделена нами на государства и границы. Почему я хочу быть похороненным именно здесь, если я после своей смерти никогда сюда не вернусь? Может, я подсудно знаю, что моя душа, живя в лучшем мире или скитаясь по неведомым мирам, будет время от времени или постоянно возвращаться сюда, иначе — почему мне, моей душе так хочется, чтобы я лёг именно тут, чтобы была видна деревня, в которой я родился, изгиб реки, слышен клёкот коршунов, шелест ветвей одинокой сосны? Разве это нужно моему телу, которое через несколько лет превратится в прах? Значит, это нужно моей душе, которая будет время от времени посещать мою могилу? Зачем? Чтобы я когда-то после Страшного Суда встал из неё?

Я долго смотрел на редкие огни родной деревни далеко внизу. Они меня не грели, потому что ночные огни, как правило, — свидетельство беды: кто-то там тяжело болен, может, даже умирает...

Повернулся, чтобы идти к оставленной машине, — и вздрогнул: прямо передо мной, почти надо мной, другим своим краем спускаясь к юго-восточному горизонту, висели серебристые облака. Ещё полчаса назад точно их не было, я не мог их не заметить, со скалы я смотрел как раз в ту сторону, а сейчас они висели и чуть заметно мерцали в треть горизонта.

От неожиданности я растерялся, было такое чувство, когда к тебе тайком подкрадываются со спины. Неприятный холодок побежал по спине, но скоро я почувствовал, что от облаков идёт мягкий доверительный свет, и мне стало неловко за своё прежнее чувство подозрительности или даже страха.

К этому времени я перечитал всё, что касалось серебристых облаков, учёные вроде бы меня убедили в их чисто физической природе. И в то же время, вопреки всему, во мне всё больше росло убеждение, что они живые. Как живые — родники, реки, моря... Что они неслучайно время от времени появляются на ночном небосводе и в трудную минуту разговаривают не только со мной, Мне кажется, что они тоже имеют душу или что это даже чьи-то уже оторвавшиеся от Земли души, но не успешные улететь или не желающие улетать в иные миры. Иначе почему они таким странным образом волнуют мою душу, и не просто волнуют, меня при появлении их сразу покидает чувство безысходного одиночества, но в то же время душа начинает необыкновенно томиться по чему-то неведомому и высокому, она ещё больше начинает страдать от одиночества, но совсем в другом, не безысходном смысле, который я только смутно чувствую, но не могу объяснить. Словно они мне что-то говорят о том главным, что я всю свою жизнь пытаюсь понять, а я, как ни стараюсь, не могу понять смысл того, что они мне говорят, только смутно догадываюсь, и от этого ещё больше томится душа. Но главное: каждый

раз при встрече с ними вслед за растерянностью, что за тобой тайком подматривают, и тревогой обязательно проходит чувство безысходности.

И сейчас: я по-прежнему был один в ночи, и в то же время уже не один. И, затаив дыхание, смотрел в перламутровый ласково-тревожный свет, ниспадающий на меня сверху, и не знал, то ли мне принадлежат вдруг пришедшие мысли, то ли я считываю их с таинственных облаков.

И я решил, может, с великим опозданием для себя, что высший смысл, материалистический ли, религиозно-христианский, мистический ли по так называемой Живой Этике — надо радоваться, насколько это возможно, самому дару жизни, раз она тебе дана, а она дана тебе неслучайно, надо радоваться каждому данному тебе дню, но жить нужно прежде всего для ближнего, а потом только для себя, а потом окажется, что жил как раз для себя. И раз мне по каким-то причинам запрещено знать раньше времени, что будет со мной после смерти, значит, не надо гадать, на халявных перинах или ржавых гвоздях я там буду возлежать, ибо, в конце концов, не в этом дело.

Я уверен, что про халявные перины придумано нищими телом и духом людьми, какими бы святыми словами и даже делами они ни прикрывались, они в этом мире мечтали о халяве, и раз тут не получается, они мечтают о ней в мире ином, это не имеет ничего общего ни с христианством, ни с Иисусом Христом. Я не приемлю рая, в каком виде они его описывают, я не хочу туда, хотя туда меня и не пустят, а если вдруг пустили бы, то уже на третий день, наверное, я полез бы на стены, мучаясь от безделья, для меня страшнее самого страшного ада.

Просто надо жить, не лукавя, прежде всего с самим собой. И ты не умерла и не покинула Землю, пока я жив и на Земле. Пока я молюсь за тебя, моя молитва оставляет тебя, по крайней мере, для меня, на Земле.

Я почему-то знаю, что тебе легче там, когда захожу в церковь и ставлю свечу тебе. Есть ты там или нет, я тебя чувствую по ту сторону свечи. Потом как бы в подтверждение этому я прочту у Иоанна Дамаскина: “Несчастливы те из умерших, о которых не молятся на Земле живые!” Во спасение своей души, есть мир иной или нет, надо сделать хоть что-то, чтобы и за меня потом кто-то молился на Земле. Может быть, в этом главный смысл этой жизни и связь этого мира с тем.

Я только сейчас понял, как крепко мы связаны с тобой невидимыми узами, наверное, даже больше, чем при жизни. И если раньше даже сама мысль — жить с привкусом постоянного ожидания своей смерти, — была страшна, то теперь я не только свыкся с ней, но заметил, что, живя с ней, стал, несмотря на болезнь, несмотря на годы, каждый день успевать больше. В своё время я у кого-то из подвижников веры прочитал: “Живи так, чтобы всегда быть готовым к смерти!” Меня покорила эта мысль. Теперь же я поймал себя на том, что не заметил в себе той грани, когда произошёл перелом, после чего мне уже казалось, что я сам пришёл к этой простой и ясной мысли, что это ранее покорилившее меня утверждение принадлежит мне.

Память смертная — это не значит постоянно помнить, что ты умрёшь, и пребывать от этого в ужасе. Память смертная — это ясное и спокойное осознание, что ты рано или поздно всё равно умрёшь, но это может случиться уже завтра или даже через час, а потому надо как можно больше в жизни успеть сделать, хотя, вроде бы, зачем всё это, когда ты всё равно умрёшь, и все умрут, и, возможно, что уже через несколько десятилетий планетные магнитные полюса поменяются местами, и всех нас ждёт всемирная катастрофа, подобная библейскому потопу. И нужно стараться как можно меньше причинить боли и тем более зла людям, прежде всего, своим ближним, животным, природе. И тем самым, может, предотвратим убийственную смену полюсов. Я только никак не могу смириться с тем, что, в отличие от души человеческой, души животных, потому как животные якобы неразумны, неотделимы от тела и распадаются вместе с ним и что я не встречу там ни Динку, ни души загубленных людьми в своих кровавых разборках коней.. Если судить по разумности некоторых человеческих поступков, невольно приходишь к мысли: может, и наши души, по крайней мере, у многих, умирают вместе с телом?

Память смертная — это ясное осознание того, что за рубежом смерти придётся давать ответ за прожитую на Земле жизнь, если даже этого отчёта и не будет, даже если там вообще ничего не будет. Это самоконтроль за своими поступками и даже мыслями. Память смертная — это не страх умереть, а страх совершить грех, а если совершил, то успеть раскаяться в нём на Земле, ведь одному Господу или случаю известно, когда наступит наш смертный час. Но память смертную в то же время нужно соединить с чувством, что ты живёшь на Земле вечно, что ты бессмертен, иначе она придавит тебя.

Было такое чувство, что всё это я считывал с серебристых облаков или мне они это говорили. Стоило мне снова подумать о тебе, я как бы услышал ответ: “Если ты всем сердцем желаешь помочь ей, не допуская сомнений в спасении её души. Своей оставшейся жизнью, памятью и молитвой ты способен изменять её загробное состояние. До Страшного суда ныне живущие на Земле должны помогать друг другу и в состоянии изменять загробное состояние ближних и всех, кто тебе был дорог на Земле...”

“А что такое Страшный суд?.. И что такое Конец света?” — осмелился я спросить.

“Не мучай себя этими вопросами. Главное, как в случае с памятью смертной, — всегда помнить об этом, что то и другое у тебя впереди, как и у всех, никто не минет Страшного суда. А может, ответ со временем сам придёт тебе. А может, это понятие иносказательное. Главное: у каждого человека должен быть свой страшный суд над самим собой, который страшнее всех других судов. Тогда ему будет не страшен тот, Вселенский суд. До всеобщего Страшного суда есть время помогать другу, как здесь, на Земле, так и находясь в разных мирах. Всем усопшим, за которых на Земле приносится Бескровная Жертва, пусть даже это скромная милостыня нищему на паперти, пусть даже если ты видишь, что он прикидывается нищим, этим самым приношением прощаются некоторые грехи. Ты же читал у Святого Иоанна Златоуста: “Почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук”. И ещё ты у кого-то читал: “Если ты идёшь в церковь, и денег у тебя мало, и берёт тебя раздумье, дать ли нищему или свечу поставить, — то лучше дай нищему, а сам стань свечой Богу: гори верой и свети любовью ко всему Божию миру”.

Ты, словно ребёнок. Мучаешься, сжигаешь себя пустым вопросом о смысле жизни. Смысл один — стать свечой Богу, рабом Божиим, даже если ты допускаешь мысль, что Он просто придуман для того, чтобы было легче умирать. Пусть тебя не пугает понятие раб Божий. Человек из-за гордыни извратил это понятие, боясь, что Бог превратит его в низменного раба, подобного рабочему скоту, а раб Божий — это работник, соратник Божий, потому как человек задуман Богом не просто как свободно-разумное творение, а как образ Свой, хотя и неизмеримо низший своего бесконечного Первообраза, но отражающий в своей духовной природе Его Божественные свойства и способный к их развитию в себе до степени нравственного богоподобия и бессмертный по своему назначению.

Уверуй, что душа человекам не умирает вместе с телом, а остаётся бессмертной. Иначе почему она с самого детства так томится, словно ей тесно в теле? А потому всю жизнь и томится твоя душа, и не просто томится, а по чему-то неведомому, и никогда не успокаивается на достигнутом, никогда не ощущает полноты счастья, что она, в отличие от тебя, твёрдо знает, что то неведомое, с которым она, наконец, обретёт всю полноту счастья — за пределами земной жизни.

Но в то же время живи с верой, что рано или поздно, может, после Страшного суда, если ты не сам, то хотя бы кто-то снова вернётся на Землю, потому благоустройвай её, сколько в твоих силах, для других, которые будут жить после тебя, как для себя. Надо жить на Земле так, словно ты на неё рано или поздно вернёшься. И, может, на самом деле вернёшься. Может, просто нужно заслужить право снова видеть закаты и рассветы...

Наступал рассвет. Серебристые облака стали не то чтобы меркнуть, а уходить за горизонт. Но, как бы на прощанье, я услышал: “Остановись, задумайся, наконец, почему Бог уже много раз в самый последний момент

спасает тебя на краю гибели? Он тебя предупреждает, напоминает, чтобы ты, наконец, задумался, зачем Он тебя держит на этом свете, а ты уже на следующий день забываешь об этом. Вспомни, сколько раз ты оказывался на краю смерти, и кто-то словно в последний момент отводил руку. Остановись, переосмысли всю свою прежнюю и оставшуюся жизнь.

И ещё: ты ужасался подвига монашества, тебя по-прежнему приводит в ужас сама мысль об этом. И в то же время страшит ужас одинокой старости. Ты прав: спасаясь от одиночества, не идут в монахи, в монахи идут от безграничной веры в Бога...”

Серебристые облака уплывали, растворяясь в рассвете. Я оставался один.

И вдруг неожиданно для себя я стал читать псалом 90, который читает-ся человеком в крайней опасности:

“Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...”

Р. С.: 8 ноября рано утром я за двести верст торопился на утреннюю службу на престольный праздник в церковь во имя Дмитрия Солунского, покровителя всех славян, которую, теперь уже более сорока лет назад, тогда уже полуразрушенную, мне, случайно, а может, не случайно оказавшемуся рядом, удалось спасти от взрыва. На одном из скользких поворотов машину занесло, видимо, задремал водитель, она сорвалась с крутой дорожной насыпи и, несколько раз перевернувшись, снова встала на колеса. Меня смятой крышей так придавило, что голова оказалась между ног. Выброшенный или выпрыгнувший во время смертельного кульбита водитель с трудом ломиком сумел выковырять то, что осталось от двери, и с таким же трудом вытащить меня. Какое-то время, в полузабытьи полежав на припорошенной снегом земле, боясь пошевелиться в ожидании боли от переломанных рук и ног, а то и позвоночника, я осторожно встал. В голове стоял тонкий гул, переходящий в свист, похожий на звук взлетающего истребителя, который по сей день так и не прошёл, но, кроме нескольких мелких порезов на голове от осколков лобового стекла, других ран я на себе не обнаружил. В результате мы успели только к концу службы. Отец Пётр, бежавший с Западной Украины от братьев во Христе, униатов, годный мне в сыновья, вместо сочувствия строго сказал мне: “Бог не убивает, но наказует. Это знак тебе. Задумайся, так ли живёшь...”

А через два с половиной месяца, 21 января кардиохирурги буквально вытащили меня с того света. Меня спасли сразу пять счастливых, следующих друг за другом обстоятельств; исключи одно, любое из них, и я не писал бы эти строки. И как тогда, когда незадолго до твоей смерти я увидел во сне или придумал в полузабытьи таинственную женщину в светлом ореоле, по-матерински успокаивающую меня, которая, как я потом гадал, могла быть Матерью Божьей, теряя на операционном столе сознание и последнее, что слыша: “Давление ноль, сердце остановилось, мы его потеряли, может, нет смысла начинать...” — я отчётливо увидел над собой ушедшую в изгнание с частью русского народа и мечтающую вернуться назад, в Россию, на место первого явления ей Табынскую икону Божией Матери, и услышал тот же голос, как тогда, мягкий и ласковый, как голос матери над колыбелью младенца: “Не беспокойся, у тебя всё будет хорошо...”

И живу теперь я с вопросом: что за грозные предупреждения мне одно за другим были, суть которых я так и не могу осмыслить?

Зачем Всевышний меня всё ещё держит на этом свете?..

СВЕТЛАНА ПЕШКОВА

ТОЛЬКО КРЕСТ И КОЛОКОЛ

ПИСЬМО ДРУГУ

Здесь жизнь сурова и безжалостна,
земля — трясина, воздух — яд.
Мой друг, спаси меня, пожалуйста,
верни в счастливые края.
У нас разруха и распутица,
цветов под грязью не видать,
где скоро мачеха распутится —
за пару дней завянет мать.

Здесь жизнь бесцельна и безвыходна,
глаза — в дыму, язык — в огне.
Едва враньё из горла выдохнешь,
уже заглываешь гнев.
Хватает зависть, тянет волоком,
на шее стискивая пасть.
В округе только крест и колокол
смогли, поднявшись, не упасть.

Здесь жизнь пустая и порочная.
Мой друг, найди меня, верни,
узнай по долгим многоточиям,
по ломким линиям чернил.

ПЕШКОВА Светлана — филолог, поэт. Родилась и живёт в Липецке. Стихотворения публиковались в журналах “Звезда”, “Подъём”, “Наш современник”, “Москва”, “Литературная газета”, “Урал” и др. Лауреат российских и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг стихотворений.

А если сразу не найдёшь меня,
пройди по разным адресам,
здесь всюду души безнадёжные —
бери любую и спасай.

* * *

За ночь одну суметь перебороть
и ревность, и болезненную жалость,
шептать то приворот, то отворот,
стыдиться, что от слёз не удержалась.
Когда в окно начнёт сочиться свет,
найти свой пульс под смятым одеялом
и выйти, чтоб сказать тебе: “Привет!” —
как будто этой ночи не бывало.
Проснётся сад, закружатся шмели,
я вынесу твой завтрак на террасу.
У кошки, у собачки не боли —
ни у кого не заболи ни разу.
Ты, видимо, не выспался, устал —
крошится булка прямо на колени.
Чем больше мёда на твоих устах,
тем сладостней моё выздоровленье.
Закончишь завтрак, сядешь под зонтом
и больше не проронишь ни полслова.
И я смолчу о многом. И о том,
что я переболела. Я здорова.

МАМЕ

Когда затихнет суховей,
Нальётся солнцем сад,
Погладь меня по голове,
Как много лет назад.

И снова жёлтый свет горит
В квартире угловой.
Там шепчет строчки из молитв
Мой дед, ещё живой.
Готовит мясо в казане
Седеющий отец.
Там отражается в окне
Дымящаяся ТЭЦ,
Сидит в кадлушке щучий хвост,
Пускает стрелы лук.
А мы с сестрой сверяем рост
По чёрточкам в углу.
Ты насыпаешь в пиалу
Изюм и курагу,
Отец, смеясь, зовёт к столу,
И я на зов бегу.

И сердце бьётся всё сильней,
И остаётся там.
Погладь меня по седине,
Погладь, как в детстве, мам...

ПРАЗДНИК

Однажды я вернусь, устав бродить по свету,
Сниму замок с двери, обмою грязь с калош,
Войду в забытый дом, чтоб поклониться деду,
А он мне скажет: “Ишь! На лавку вещи ложь
Да в хату проходи! Вот бабке будет праздник.
Давнѣхонько мы с ней не видели внучат.
Про мёртвых там, у вас, судачат всяко-разно,
А наши о живых — всё плачут да молчат”.
У деда важный вид, как будто на параде, —
Подкручены усы, натёрты ордена.
Вот бабушка пришла, она до смерти рада,
Затеяла блинцы и кашу из пшена.
Ворчит в печи казан, потеют в окнах стѣкла.
Привычен скрип дверей, настенное “тик-так”.
Достанет дед гармонь, и сразу сердце ёкнет —
Да где ж я столько лет шатался, как дурак!
Призывно загремит железное корыто.
Мне бабушка шепнёт: “Обычай наш простой —
Дитя спокойно спит, когда оно помыто”, —
И ну тереть меня шершавой берестой.
Сотрёт печной золой налипшее, чужое,
И грязь, и шелуху, и сглаз, и худобу.
До самого нутра она меня отмоеет,
Чтоб чистый, аки свет, я крепко спал в гробу.

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

ТАК ХОРОШО. ТАК ТРЕПЕТНО.
ТАК СТРАННО...

* * *

Что ж ты, Ева, себе не рада?
Плод познания червив и горек.
Знай же, сын твой ударит брата,
А потом захлебнётся горем.

На исходе смурного века
В каждом встречном нам виден Каин.
Человеком о человека
Время искренность высекает.

А искра разжигает пламень,
Распалает в нас злость друг к другу.
Каждый встречный — тяжёлый камень,
Попадающий нам под руку.

ТИХОНОВ Александр Александрович родился в 1990 году в пос. Большеречье Омской области. Заведующий экскурсионным отделом Исторического парка "Россия — моя история. Омская область". Произведения публиковались в журналах "Наш современник", "Роман-газета", "Молодая гвардия", "Сибирские огни" и т. д. Автор нескольких книг стихотворений и романов. Лауреат литературных премий им. М. Ю. Лермонтова, им. Ф. М. Достоевского, "В поисках правды и справедливости", "Русские рифмы" и др. Живёт в Омске.

* * *

Словно в поле колосок к колоску,
У ребёнка волосок к волоску —
Белобрысый сорванец.
Всё целует его в темечко мать
И не хочет до поры понимать —
Скоро детству конец.

Глядь: а время, словно серый волчок,
Норовит его схватить за бочок.
Не ложись на краю!
Может, пуля где-то ждёт, может, меч.
Не уйти, не отступить, не сберечь...
Баю-баюшки-баю.

Баю-баю... Смотрит сны и растёт.
Сны, где он в горячий пепел растёт,
Долг свой выполнив дотла?
Там, во сне, он русский русский солдат.
Что за битва, сквозь огонь не видеть.
Голова его бела...

Там, во сне, солдат пропал без следа.
С той поры он и земля, и вода,
Да за печкою сверчок.
Он и пламень, он дождь, коли так.
Он гудящие в ночи провода,
Бьющий в поле родничок.

* * *

Колючим снегом сыплет высота,
Осенняя шуга на Иртыше...
Есть что-то от дворового кота
В замызганном соседе-алкаше.

Кот знает толк в охоте на мышей,
Но чуть мороз — скорей спешит домой.
Ценою обмороженных ушей
Он помнит, что случается зимой.

Он видит первый снег не в первый раз,
Ведь часто гнали из подвалов вон.
Он ночевал на трубах теплотрасс,
Простуженно мяукал в домофон.

Толкался там, где водку продают,
С баулами сновал по городам,
Но вот теперь нашёл себе приют
В соседнем доме у одной мадам.

Зима ещё не научилась петь
На вьюжном, на метельном языке,
А он уже устал её терпеть
И занимает очередь в ларьке.

* * *

Бессонницей отмечено окно.
На девять этажей оно одно.
В полночный час там нет теням покоя,
И кто-то бродит от стены к стене.
Из сотен окон лишь оно такое,
И оттого столь непонятно мне.

Да что там дом! Спит городской квартал,
И лишь окно — таинственный портал
В мир грёз, который не постичь иначе,
Как только разузнав, что свет в окне

Не просто так, и что-то явно значит
Он для кого-то не внутри, а вне...
Быть может, он ниспослан, явлен мне,
Как чудо, что порой зовём удачей.

О ком грустят там, думают о ком?
Кому горит печальным маяком
В районе спальном, тёмных окон между,
Как суть всего, без шелухи причин,
Когда не важно, кто же свет включил,
Вольфрамовая ниточка надежды?

* * *

В провинции господствует весна,
Придя на смену долгой зимней грусти.
И кажется — моя судьба ясна
Любой пичуге в здешнем захолустье.

Весна поёт на птичьем, на лесном,
На языке природно-прописном,
Что не отпустит никогда отныне
Таёжный край, замороженный сном,
Меня к бетонным джунглям (нет — пустыне)
С глядящим в душу сумрачным окном.

Куда бы впредь судьба ни завела:
И в чаще дел, и в будничном урёме —
Я буду помнить, что весна была,
И где-то у забытого села
Черёмуха качала в полудрёме,
Как мать качает малое дитя,
Пьянящий цвет... И пели, пели птицы!

Куда б ни шёл, я помню, уходя,
Что мне сюда однажды возвратиться,
Коль верить птичьим трелям, суждено,
А вовсе не туда, где сквозь окно,
Как сквозь прицел, маячит мегаполис,
И компас стрелкой норовит не полюс
Мне указать, но берег Иртыша.
Ликуй, весна! Лети туда, душа!

* * *

По классике: делили апельсин.
Все получили поровну, по дольке.
Жевали мякоть сочную, да только
Затем добавки каждый попросил.

Рассорились. Катались по земле,
Лупя друг дружку, набивая шишки.
Грозилась разойтись на много лет
Ещё недавно дружные мальчишки.

Для них страшнее не было беды,
Обиды горше, апельсина слаще.
А в будущем их доля: кровь и дым,
И прошлое вприкуску с настоящим.

* * *

Над улицей, понурой и неброской,
Пятиэтажной, вписанной в сюжет,
Завис герой романа с папироской
На пятом, на последнем этаже.

Хоть у романа чёткая структура,
Он вышел между строк на перекур.
Глядит, как на балконе арматура
Торчит из-под бетона и текстур.

А в комнате молчит жена, поскольку
Ей реплики не вложены в уста,
Ведь автор вышел покурить, да только
Забыл о ней. И вот она пуста.

Герой глядит, как слазит краска с рамы
И обнажает грязную труху.
А в том романе — истины ни грамма!
Стоит герой, не прикрывая срама,
Как автор жизнью выше, наверху.

Пусть холодит бетон босые ноги,
И горечь прожигает до кишок...
Герой вдруг отчеканит в монологе:
— С чего ты взял, что пишешь хорошо?

* * *

На смешенье путей, поколений, надежд, эпох,
За бетонным творением Лахмана, за стеной,
Ходит грузный механик, а может — усталый Бог,
Отмеряя деталям и винтикам срок земной.

Над трамвайным депо фонари и гудящий гнус.
Краснобокие чудища здесь завершают путь.
От полыни с крапивой у воздуха горький вкус.
Я гляжу между плит, чтоб увидеть хоть что-нибудь.

Но не к Райскому Саду приписан пустой трамвай,
Тот, который для многих и ныне — “болтов ведро”.
Ну же, ну же, глазастенький, маленький, оживай.
Мастер тычет отвёрткой в распахнутое нутро.

Все однажды к механику в руки, но не сейчас.
Так представь, будто мы в темноте пробрались ползком
Под одной из приподнятых плит в этот мрачный час,
Чтоб на старый трамвай посмотреть лишь одним глазком.

Усмехнётся механик, а может — усталый Бог.
— Возвращать на маршрут, — тихо скажет, — нелёгкий труд.
На смешенье путей, поколений, надежд, эпох
С нами красный трамвай повстречается поутру.

И узнает того, кто глядел меж бетонных плит,
И покатит привычным маршрутом с людьми внутри,
И никто не поверит, что ржавый металл болит.
Лишь полынь да крапива, да горькие фонари...

* * *

Разорённый курган ловит небо распахнутым ртом.
От беззвучного крика в степи высыхает трава.
Скот обходит такие места беспокойным гуртом,
И боится народ заглянуть в потемневший провал.
Говорят, там легко растерять все остатки ума,
Говорят, там легко обрести седину в волосах.
Из беззубого рта вырывается сизый туман,
Да ночами маячат огни и звучат голоса.

Местный скажет с прищуром, мол, всё это — бабье враньё,
Но туристов вести не решится — причина ясна:
Над разверстым курганом в безумстве кружит вороньё,
Словно мечутся души, лишившись покоя и сна.

Всё с собой у “туристов”: детектор, лопаты, кирка
И заветная карта, что точно сулит барыши.
Суеверный старик из глубин пропитого мирака
Непонятен, как мысль о возможном бессмертье души.
Но они пропадут без следа, лишь успев рассмотреть
Наконечники стрел, ржавый нож и фигурку божка.
Ведь курган затаился и будто стал ниже на треть...
Словно хищная кошка за миг до прыжка.

* * *

Так жизнь встаёт меж августом и мной.
Светает в восемь и темнеет в восемь.
Исполненная мудрости земной,
Приходит осень. Остаётся осень.

Нельзя назад. Танцует дождь в саду,
И яблоко срывается без звука,
Но сквозь туман, озябнув, я пройду,
Поймав его в протянутую руку.

Приходит осень. Остаётся там,
Где раньше лето плакало и пело.
Пройдя по увядающим цветам,
Хрустит плодом познания переспелым.

Нельзя назад — дождь мечется в ночи,
Срывая все намеченные планы.
Так хорошо. Так трепетно. Так странно.
А воздух пахнет прелью и горчит.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

ПОВЕСТЬ

НА ПРОМЫСЛЕ

Подкова уже который год пятого и двадцатого числа каждого месяца приезжал с автолавкой в Верхи. Сегодня как раз был один из таких дней. Раздав почту, пенсию и то, что было заказано в предыдущий приезд, он не остался ночевать в посёлке у приятелей, коих у него было немало, а поехал на свой промысловый участок. По дороге в село Подкова уже побывал там: проверял капканы, расставлял на тропках и у привады новые. Снял двух соболей, а всего с начала сезона на его счету было уже пять хвостов. Сейчас же на участок торопился из-за ночного снегопада, завалившего капканы на подрезку. Ехал на пониженной передаче: дорогу снегом выровняло так, что колея едва угадывалась. Ориентировался по подступавшим с двух сторон деревьям. Крутя баранку, гадал:

— Попался ли кто за прошедшие сутки или нет?..

И сам себе отвечал:

— Вряд ли. Штатные охотники говорят, что в снег ни колонок, ни соболей не ходят.

Подъехав к ключу, по берегу которого висала к зимовью прорубленная им тропа, заглушил двигатель, надел окамусованные лыжи, закинул за плечи рюкзак и широко зашагал. Выйдя на прямой участок заснеженного русла, обратил внимание на две скачущие чёрные точки. На фоне красновато-бурых коры кряжистого кедра они на миг превратились в беляка. Ему наперез бежала россомаха.

Это был Топ. Увидев человека, он от неожиданности присел, хоркнул и, сгруппировавшись, пружиной метнулся в сторону. Сзади гроыхнуло. Резкая боль ожгла голову. Кровь начала заливать глаза. Чтобы стереть её, Топ на ходу тыкался мордой в снег. Остановился, когда отбежал достаточно далеко. Опершись передними лапами на присыпанную снегом валежину, прислушался. Убедившись, что погони нет, закопался в мягкую, сыпучую перину.

События последних дней с завидным постоянством убеждали в том, что люди стали жаждать его смерти. Он хорошо запомнил круглое лицо ранившего его двуногого.

Окончание. Начало см. в №2 за 2023 год.

Через две недели, вновь увидев Круглолицего на своём участке, Топ решил понаблюдать, чем этот человек занимается на его территории. Проходя за ним весь день, россомаха увидела, что он разносит мясо по пещеркам, устроенным в снежных кучах, и около них закапывает какие-то железки. Когда стало смеркаться, обидчик вернулся в бревенчатое логово, а утром прошёл к широкой тропе и уехал на огромном железном чудовище в сторону бесконечной равнины.

Это обрадовало Топу. Охота не ладилась, а в “схоронах” двуногого было припрятано мясо. Теперь можно было безбоязненно съесть его. Настораживало только, что Круглолицый всегда оставлял возле мяса какие-то железки. Интуиция подсказывала — в них может таиться опасность, правда, какая, непонятно.

Подойдя к ближайшей куче, Топ тщательно обнюхал снег возле входа в пещерку. Пахло смолой и мясом. Странно, но запаха железа не было. Он успокоился: значит, двуногий здесь железку не поставил, и уверенно шагнул. В тот же миг снег вспучился, и переднюю лапу пронзила боль. Зверь отпрянул, но железная челюсть не отпускала. Охваченный ужасом Топ рванулся что было силы и, сдирая шкуру, освободил зажатые пальцы.

Ему повезло — этот капкан предназначался для поимки более мелких зверюшек. Тронь он мясо в следующем амбарчике — несдобровать бы ему. В том, что россомаха не учуяла запах железа, не было ничего удивительного. Подкова, по совету бывалых промысловиков, перед установкой капканов опускал их в кипяток с расплавленной смолой. После такой процедуры покрытый янтарной глазурью капкан железом уже не пах.

Напуганный Топ стал обходить стороной кладовые Круглолицего. А неприязнь к этому человеку ещё больше возросла.

ЧП НА ДОРОГЕ

Промысловый сезон близился к завершению. Охотники один за другим возвращались в село. Кто с богатыми трофеями, кто не очень. Но в целом план по пушнине и заготовке мяса госпромхоз выполнил. Сдав охотоведу добытые за четыре месяца меха, промысловики получили небольшой аванс и занялись накопившимися за зиму в домашнем хозяйстве делами. А вот для Степана Ермиловича настала самая ответственная пора. Тщательно чистил, сортировал принятую пушнину по цветам, сортам. Складывал получившиеся “пачки” в мешки. Как только сошёл паводок, и дорога чуть подсохла, загрузил всё это богатство в коляску служебного мотоцикла “Урал” и поехал в город сдавать мягкую рухлядь на меховую базу.

Дорога через марь была сухой, но ручьи местами размыли её. Приходилось заваливать эти промоины травянистыми кочками и сушинами. В итоге до города добрался лишь под вечер. Переночевав у однокурсника-кинолога, со вторника по четверг занимался сдачей пушнины: спорил, добивался справедливых цен по каждой позиции, оформлял передаточный акт, уточнял график расчётов. В итоге удалось почти полностью отстоять не только сортность и цветовые категории, но и получить приличный аванс. Договорились, что полный расчёт, как обычно, будет произведён после пушного аукциона.

В пятницу полдня протегал по кабинетам областного охотуправления: выписывал бланки для летнего и зимнего учёта, журналы ежедневных наблюдений, а главное, получил, наконец, свою зарплату за три месяца. Поставив точку в служебных делах, накупил полную коляску продуктов и всевозможных городских вкусностей к предстоящему совершеннолетию дочери. Пообедав в столовой, выехал в Верхи.

Степан любил прокатиться с ветерком. Но разогнаться можно было лишь на пятнадцатикилометровом участке от города до моста. Прямая, как стрела, дорога в этом месте шла по высокому берегу. Доехав до заветного места, охотовед крутанул ручку газа до упора и помчался так, что в ушах зашумело. Надо ж было такому случиться, что наперерез ему из чащи выскочили лосиха с лосёнком. Степан резко взял влево. “Урал” занесло, и гружёная

коляска потащила его на край обрыва. Мотоцикл перевернулся и полетел в воду. Степана же спасла хорошая реакция — успел прыгнуть буквально в метре от обрыва. Вскочив на ноги, он подбежал к месту, куда сорвался его “железный конь”. Напористое течение со скрежетом тащило перевернутый мотоцикл по камням. Впереди наперегонки по воде неслись, исчезая и вновь выныривая, пакеты, коробки. Степан побелел: там же сумка с деньгами. Хватаясь за кусты, он скатился вниз. Тем временем мотоцикл, вытолкнутый мощным сливом на столообразный камень, встал на колёса и застыл, как корабль на рифах. Пробежав вперёд, Степан обогнал плывшие коробки и, не раздеваясь, кинулся им наперерез. Выхватывая их из воды, перекидал на берег. Пристально всматриваясь, он простоял в холодной воде ещё минут пять, но сумка с деньгами так и не появилась. По дну протаскило лишь батон колбасы.

“Сумка тяжёлая, могла и застрять между камней или зацепиться ремнём”, — прикинул Степан и двинулся вверх по руслу, внимательно оглядывая каждый сантиметр дна. Нашёл ещё пару банок консервов, а вот сумки нигде не было. Может, она так и лежит в коляске? Подойдя к подрагивающему от напора воды верно прослужившему двенадцать лет “коню”, охотовед заглянул в люльку. Фартук разорван, внутри пусто. Даже сидишку вышибло. Не доверяя глазам, Степан прощупал рукой каждый выступ, каждую выемку, как будто сумка могла спрятаться в них. “Наверное, она выпала и застряла на месте падения”, — предположил он, и пошёл вверх по течению, тщательно осматривая дно. В том месте, где рухнул “Урал”, обнаружил только деревянный ящик с инструментом. Почувствовав в ногах ломоту от студёной воды, охотовед вышел на берег и побежал к шумевшему метрах в двухстах мелкому галечному перекату: если сумку унесло течением, то она должна была застрять там. Увы, на гальке белела лишь размокшая коробка с зефиром.

Степан прошёлся ещё несколько раз по речке вверх, вниз. Результат нулевой. Ноги уже ломило нестерпимо. Он вышел на берег и, надёргав сухой травы, сунул её под кучу сучьев и веток, нанесённых в половодье. Доставая из нагрудного кармана зажигалку, нащупал пачку — это была его зарплата. Степан на миг обрадовался: ладно, хоть эти деньги уцелели!

Через минуту костёр полыхал в полную силу. Развесив на воткнутых в песок палках штаны, носки, сапоги, Степан собрал уцелевший груз, и разложил его вокруг огня для просушки. Всё делал автоматически, без конца поглядывая на речку: вдруг сумка проплывёт.

Согревшись, опять зашёл в воду, но в косых лучах заходящего солнца она вглубь почти не просматривалась. Стало ясно, что поиски придётся отложить на завтра. А пока солнце не совсем село, лучше осмотреть мотоцикл. Его состояние ещё больше расстроило Степана. Удар был настолько силен, что из колёс половину спиц выбило. Проржавевшую раму в двух местах разорвало, руль погнуло, а бока искорёжило так, будто по ним кувалдой били.

“Даже на запчасти не согонится... Ну, с “Уралом” как-нибудь разберусь, а деньги мужикам где взять?.. Нет, завтра, как солнце поднимется, буду искать, пока не найду... А если не найду?.. Придётся занимать. У кого?.. Как не вовремя всё это. Послезавтра у Маруси день рождения!” — пронеслось в голове.

Степан вышел на берег и нервно заходил взад-вперёд. Мысленно перебрал всю родню и знакомых, он пришёл к выводу, что занять можно только у Подковы. Тот частенько ссужал сельчан под проценты. Но даст ли он такую большую сумму?

Надев подсохшие вещи, Степан задумался: где ночевать? До города километров тринадцать. Если быстрым шагом — часа два. А на попутке вообще десять минут. Правда, шансов на неё мало — за всё время лишь две машины прошумели.

Поколебавшись, Степан всё же решил идти в город: ведь и начальству надо доложить о случившемся. Спрятав собранный груз в кустах, он поднялся на дорогу.

Начальник охотуправления рассказ Степана об аварии и порче бланков выслушал на удивление спокойно.

— От беды, Степан Ермилович, никто не застрахован. Слава богу, сам цел. Бланки вообще не проблема. Мы их в типографии сразу на три года отпечатали. Да и мотоцикл твой давно пора списать — два срока отслужил. Все уж поменяли, а ты всё ездешь... Пиши объяснительную, дальше моя забота. Начальник ГАИ — свой человек. Думаю, с учёта снимем без проблем. Вот только дать тебе взамен пока нечего. Как-нибудь пешим ходом обходись.

Степан не верил своим ушам: так просто разрешилась одна из двух проблем. Он почему-то сразу уверовал, что, вернувшись, найдёт и сумку. Воодушевлённый тем, что не придётся обращаться к Подкове, он заторопился к речке. Но, как в народе говорят, лишь чёрта помяни, он тут как тут. Сзади послышалось натуженное урчание мотора, и из-за поворота выкатился на малом ходу знакомый ГАЗ-66.

Увидев охотоведа, Семён Львович затормозил.

— Здравствуйте, Степан Ермилович! Какими судьбами?

— Пушнину сдавал.

— На вас лица нет. Заболели, что ли?

— Да нет... Мотоцикл вчера угробил... В речку с обрыва улетел. Вот иду посмотреть, что на запчасти можно снять.

— Неприятная история. Сочувствую! Далеко идти-то?

— До поворота на мост.

— Садитесь, подброшу.

Вода в реке за ночь поднялась и сильно помутнела: похоже, в верховьях прошёл обильный дождь. Искать что-либо в такой мути было бесполезно. Осталось одно — просить деньги у Подковы. Степан не стал ходить вокруг да около и откровенно рассказал ему о своей беде.

Когда озвучил необходимую сумму, экспедитор аж присвистнул. Он обрадовался, но вида не подал. Причина радости была проста. Подкова давно мечтал заполучить лайку охотоведа. И неудивительно — его Мавр имел столь выдающийся экстерьер и навыки, что редко с какой выставки возвращался без медали. К Степану он попал щенком от того самого одnogруппника, у которого ночевал в городе. Его отец, известный в стране кинолог, всю жизнь занимался селекцией западносибирских лаек.

Семён Львович понимал, что охотовед ни за что не продаст своего медалиста, а тут такой подходящий момент. Что-что, а вести переговоры прожжённый коммерсант умел.

— Да-а уж! Влипли вы, Степан Ермилович, как кур в ощи! — Вздохнув, продолжил: — Вот вы, поди, думаете, Семён деньги лопатой гребёт. А я ведь в Верху иной раз в убыток езжу. Знаешь, сколько бензина за рейс жгу? Так он ещё каждый квартал дорожает. А я за все годы ни разу закупочные цены не снизил... А машина! Удивляюсь, как она по такому бездорожью до сих пор не развалилась! Да что тебе объяснять — сам ездешь... Двигатель давно пора менять, но никак не наберу нужной суммы. Всё по мелочам расходится. То резина облысела, то радиатор потёк, то аккумулятор сдох. Контора-то на ремонт ни копейки не даёт. Говорят, ты на хозрасчёте.

— Семён Львович, я всё это понимаю, но больше не к кому обратиться! Выручай! На тебя вся надежда. Не подведи. За год, максимум за два, рассчитаюсь.

Подкова, выдержав паузу, пошёл в атаку:

— Ермилыч, ты же знаешь, охотник я зелёный, а участок на отшибе. Вокруг ни души. Страшно вато одному. Толковая собака позарез нужна. Вот, если б ты Мавра на годик дал, я бы тоже постарался.

Степан опустил голову. Задумчиво водя рукой по лицу, зашуршал щетиной. Собака для него была главной отрадой. Любил он её до дрожи в груди. И Мавр отвечал безоглядной преданностью. Сколько раз, рискуя не только шкурой, но и жизнью, выручал! Но, похоже, выхода нет: придётся согласиться! “Не навсегда ведь”, — уговаривал он сам себя, а вслух сказал:

— Семён Львович, ты ж понимаешь, собака — это не ружьё и не машина. Собака существо особое. Она привязанность имеет. Не знаю, примет ли тебя?

— Ты не переживай. Я цену этой собаки знаю, уж как-нибудь подлажусь.

Степан опять задумался, взвешивая все “за” и “против”. Он понимал, что найти такие деньги больше нигде. После недолгой внутренней борьбы произнёс осевшим голосом:

— Согласен. А как быстро ты всю сумму сможешь набрать?

— Часть у меня есть, а остальное, думаю, друг даст. К нему съездим и сразу в Верхи...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО. МЕСТЬ

Когда автолавка подкатила к Степановому дому, и во двор уверенно зашёл Подкова, у Мавра почему-то похолодело в брюхе. Пёс нутром почувал беду. Этот улыбочивый, с розовой лысиной человек в потёртом синем халате, противно пахнущем одеколоном, ему никогда не нравился. Его неуловимый, скользкий взгляд вызывал у Мавра озноб, словно от сквозняка. Особенно встревожило лайку то, что Хозяина будто подменили: он непривычно ссутулчился, был хмурым и каким-то потерянным. Собака заглянула ему в лицо: “Что случилось? Чем помочь?” — спрашивала она и, виляя хвостом, демонстрировала готовность исполнить его любое желание.

Степан отвёл глаза и, тяжело вздохнув, прошёл в дом. Вернулся с красной папкой. Мавр сразу узнал её: с ней они всегда ездили на собачьи выставки. “Значит, ничего страшного, куда-то поедем”. Но Хозяин почему-то передал её Лысому, и они сели за стол под кустом сирени. Сначала что-то писали, потом долго считали, складывали в пакки разноцветные бумажки. Мавр знал, что за них Хозяин получит от Лысого кучу разных пакетов. В одном из них обязательно будут любимые им сладкие камушки. Он с нетерпением ожидал этого момента. Бумажек много, значит, угощение будет щедрым. Но Хозяин почему-то унёс их все в дом. Вернувшись, подошёл к Мавру, обнял за шею, долго гладил по спине. Поцеловав в нос, прошептал:

— Прости, Мавруша, но по-другому никак.

Степан встал и подвёл Мавра к столу, за которым сидел Подкова.

— Нюхай! Это твой новый хозяин! Слушай его, — отчётливо, с расстановкой произнёс он.

Мавр, поняв, что его отдадут в чужие руки, возмущённо рыча, попытлся: “Я не согласен!” Пёс был уверен, что Хозяин одумается и отменит своё решение: ведь он всегда служил ему верой и правдой!

— Гляди-ка! Понял! — пробормотал Подкова.

Взволнованный Степан, едва сдерживая дрожь в голосе, твёрдо повторял:

— Иди, Мавр! Иди! Иди! Теперь он твой хозяин.

Не нюхом, а необъяснимым сверхчутьём Мавр понял, что должен подчиниться. Он приник к ноге Хозяина, потёрся об неё плечом — это означало: “Тяжело, но подчиняюсь”. Степан благодарно потрепал лайку за загривок и, передав поводок Подкове, решительно подтолкнул растерянного пса к калитке. Семён Львович хотел было погладить Мавра, но заметив в его глазах сатанинский блеск, передумал.

— Не укусит? — спросил с тревогой он.

— Смотря как вести себя будешь, — горько улыбнулся Степан. Помолчав, добавил, напирая на каждое слово: — Главное, не обижай. Собака — существо преданное. Её обидеть — большой грех.

— Не беспокойся! Притрёмся! — заверил Подкова и осторожно, как бы проверяя настрой Мавра, всё же провёл рукой по спине. Лайка внутренне напряглась, но стерпела.

— Я тут намордник на всякий случай прихватил. Надену пока.

— Валяй, коли взял.

Намотав на руку поводок, прикрепленный карабином к ошейнику, Семён Львович повёл собаку к машине. Мавр не сопротивлялся, но у калитки обернулся, всё ещё надеясь, что Хозяин его позовёт. Но Степан стоял опустив голову.

Посадив лайку в кабину, Подкова выехал из Верхов. Ему надо было ещё захватить на участок подремонтировать крышу промысловой избушки. Оставив, как обычно, машину прямо на дороге (кроме него и Степана, тут мало кто ездил), закинул на спину рюкзак с провиантом, на плечо — обёрнутый полиэтиленом рулон рубероида и, взяв на поводок Мавра, зашагал к зимовью. Когда переходили ключ, из-под поваленной осины выскочила лиса. Ринувшийся за ней Мавр с такой силой дёрнул поводок, что Подкова, влекомый тяжёлым рулоном, со всего размаха впечатался лицом в сырую землю. Очищаясь от налипшей грязи, он прохрипел: “У, сука, убью!” Эти слова Мавру не были знакомы, но в их интонации слышалась такая злость, что шерсть на загривке вздыбилась, а в горле вскипело рычание. Момент был серьёзный.

— Ты чего?! Виноват, а ещё крисишься! Раз такой приткий, сам тащи эту дуру!

Подкова достал из рюкзака верёвку, сложил её пополам. Свободные концы привязал к рулону, а петлю, накинув на загровок, пропустил подмышками передних лап собаки. Привычный таскать нарты Мавр спокойно потянул чёрное “бревно” по лесной тропе. Оно то и дело застревало между стволов, и тогда Подкове приходилось подправлять рулон. В одной из низинок рубероид скатился в заиленную лужу и засел в ней столь крепко, что Мавр, пытаясь вытащить его, порвал верёвку. Подкове пришлось лезть в болотину, связывать верёвку и вдвоём вытаскивать рулон. Весь перепачканный, он, срывая злость, со всей силы пнул пса. Тот, обнажив два ряда острых зубов, зарычал и посмотрел с такой угрюмой свирепостью, что Семёна Львовича будто огнём опалило. Это окончательно вывело его из себя. Притянув лайку за поводок к стволу берёзы, он отломил от сухостоины увесистую ветку и стал наносить собаке удар за ударом. Один из них пришёлся по носу. Мавр едва не завыл от боли.

Ещё удар, ещё!

— Не смей так смотреть!.. Не смей так смотреть! — орал Подкова, в ярости брызжа слюной.

Пёс понял — лучше смириться. Он опустил голову и заскулил. Человек удовлетворённо присипел:

— То-то! Давай шагай, осталось немного...

Мавр никогда не симпатизировал Лысому, но после этого инцидента просто возненавидел его. Подкова же, довольный результатом воспитания, шёл в приподнятом настроении.

— Ну, вот и прибыли! — произнёс он, по-хозяйски оглядывая избушку, лабаз — всё ли цело? Привязав собаку под пихтой, бросил ей кусок колбасы и принялся за дела. Подправил дверь, оббил тонкой жестью четыре столба, на которых стоял лабаз — дабы мыши не могли взобраться до сложенных в нём припасов. После этого перекрыл новым рубероидом порванные участки на крыше. Щель возле трубы замазал глиной. Закончив работу, сварил кашу, поел сам и поставил полную миску лежащей под деревом лайке. Но Мавр даже головы не повернул.

Утром они выехали в город. На разбитой дороге трясло и бросало так, что Мавр едва сдерживал приступы рвоты. Ближе к обеду дорожное полотно стало ровней, и собака перевела дух. Вскоре показался большой город. Запахи, рокот от пронсящих машин, множество тесно стоящих многоглазых домов Мавру были знакомы. Здесь он с хозяином уже не раз бывал.

Поселили его не в конуре, а в чистом сарайчике на краю обширного двора. Пол застелен войлоком, у двери — две кастрюли: одна — с водой, вторая — с похлёбкой, заправленной кусками мяса. Рядом несколько сахарных косточек. Такая щедрость удивила Мавра. Да и самого Лысого словно подменили. Заходя в сарай, он безостановочно что-то ласково бубнил. Что именно,

пёс не понимал — ещё не привык к его голосу. Утром и вечером расчёсывал гребнем шерсть. Всё это для Мавра было странным и необъяснимым.

Причина такой перемены в поведении оказалась проста. Если б Мавр мог посмотреть на себя со стороны, то он непременно восхитился бы совершенством своего экстерьера. Подкова и взял лайку не столько для охоты, сколько для заработка на случке. Прекрасная родословная и девять медалей, из них четыре золотые, на региональных выставках поднимали цену Мавра как производителя.

На пятый день непривычного внимания и мясного изобилия к дому Семёна Львовича подкатила сверкающая машина. Из неё вышла солидная парочка с молодой, изящной лайкой на поводке. Подкова надел Мавру намордник и повёл через двор к гостям.

Послушно следуя за ним, пёс изучал обстановку: калитка закрыта, забор невысокий, лес рядом. На светло-серую молодую сучку и стоящих рядом с ней людей глянул мельком. Всё его внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить удобный момент для побега.

Хозяева лайки внимательно осмотрели кобеля. Мужчина, от которого исходил дурмящий запах, попросил Подкову открыть собаке пасть. Тот, погладив Мавра, снял намордник. Пёс без слов понял, что от него требуется, и с гордостью продемонстрировал ослепительно белые, здоровые зубы. Все довольно заулыбались. Семён Львович шире всех.

— Умница! — не удержался, похвалил он. Струющаяся улыбка не сходила с его лица. — А нюх такой, что любую вещь найдёт. Сейчас убедитесь.

Подкова дал Мавру понюхать ключ и, накинув ему на голову платок, отбросил его метров на пятнадцать. Отстегнув поводок от ошейника, приказал: — Ищи!

Мавр понял, что удобный момент настал. Он прижался к своему обидчику боком и, задрвав заднюю лапу, помочился на брюки. Ошеломлённый Семён Львович принуждённо засмеялся:

— Какой шалун!

Пёс тем временем триумфально прошествовал мимо остолбеневших гостей и одним махом перепрыгнул через ограду. Скорей, скорей в спасительный лес! Скорей, скорей под его защиту!

Оказавшись в зелёной чаще, Мавр понёсся, перепрыгивая через валежины, пни, огибаая кусты. Вот и дорога. Она была знакома — тут они несколько раз проезжали с хозяином, а совсем недавно — с Лысым. Ободрённый пёс побежал по обочине прочь из города. Сзади послышался знакомый гул — Лысый?! Мавр сиганул в кусты. А вон и машина. Она пронеслась, оставив за собой пыльный хвост.

“Значит, в селе появляться нельзя. Ничего страшного, у них с Хозяином есть дом в лесу. О нём Лысый не знает. Поживу там. Буду охранять его. Когда Хозяин придёт и увидит, что дом цел, он поймёт, что Мавр самый лучший, самый надёжный друг, и больше его Лысому не отдаст”, — такая цепь рассуждений пронеслась в голове лайки.

Дождавшись, когда пыль оседет, Мавр вышел на дорогу и затрусил по обочине. Вот и речка зашумела. Сразу после моста вправо должен быть съезд на старую лесовозную дорогу. Точно — память не подвела.

Пёс был горд собой: удались и мечь, и побег! Теперь можно передохнуть.

В ТАЙГЕ. ДРУЖБА С ТОПОМ

Светает в начале лета рано. Как только засерело утро, Мавр был в пути. Пробежав изрядное расстояние, увидел горы. Где-то среди них должен быть дом Лысого. От этого места надо держаться подальше. Лучше перевалить отрог и до хозяйского участка пробираться лесом. Бежалось так легко, что пёс и не заметил, как добрался. Тут всё знакомо. Под защитой патлатых кедров на прогалинах белели пышные клубы ягеля, атласно зеленели плотные листики брусники. На полянке избушка. Под обрывистым берегом широкое полукружье серой гальки, намытое вытекающим из распадка ключом.

Мавр помнил, что под крыльцом должна лежать припрятанная им зимой сахарная кость. “Сейчас попирую под навесом!” — размечтался он.

Увы! Его ожидало разочарование: кость исчезла, подстилка была засыпана наметённым ветром мусором, затянута паутиной. Всё выглядело уныло и неустроенно. Ожидаемой радости не получилось. Наоборот, на душе стало прескверно. А каково ещё может быть собаке, привыкшей получать утром и вечером полную миску еды, привыкшей, чтоб её мыли, вычёсывали, смазывали ранки и ссадины. Теперь же пищу надо было добывать самому. Охотясь в паре с хозяином, Мавр был обучен находить зверя по запаху, держать его до подхода охотника, а вот умерщвлять не обучен. Хозяин всегда отгонял его от загнанной добычи.

Чтобы утихомирить желудок, он сжевал пару клубков ягеля. Невкусно, но голод ослаб. Мавр прилёг на крыльце и задремал. Во сне ему привиделась сахарная кость. Он жадно принялся. От неё почему-то пахло росомахой. С расстройства пёс даже открыл глаза. Кость исчезла, а вот запах росомахи, наоборот, окреп. Похоже, она совсем близко. Лайке даже показалось, что ощущает её взгляд... Точно! Вон в листве блеснули чёрные бусинки, донёсся шелест удаляющихся шагов.

Связываться с воюющей у Мавра не было желания: в памяти были свежие уроки прежних лет. “Хорошо, что ушла”, — обрадовался он и спустился к ручью. Напившись воды, прилёг на песчаном бугре: на нём комарья поменьше. Тут уши уловили лёгкий скрежет гальки. Пёс напрягся. В прибрежных кустах смородины мелькнул тёмный нескладный силуэт. Мавр оторопел — россомаха шла прямо на него. “Ну, что ж, буду биться! К зимовью подпускать нельзя”, — решил он и принял боевую стойку.

Россомаха же шла спокойно, не проявляя признаков агрессии. Более того, Мавру показалось, что она рада их встрече. Что-то в её дружелюбном взгляде напомнило ему одного из двух россомахат, которых они с хозяином прежде не раз навещали. Неужели это Топ?!.. Точно! Он!

Топ же, сбитый с толку абсолютным сходством Мавра с другом детства, был уверен в том, что перед ним Амур. По его напряжённой позе он решил, что тот всё ещё сердится на него из-за мускусовой атаки зимой.

Но вот и собака приветливо закачала из стороны в сторону хвостом-калачом. Топ от радости перекувыркнулся через голову, ещё раз, ещё... Мавр узнал эти коронные прыжки и подбежал к старому знакомому. Только тогда Топ по запаху определил, что это Мавр, а не его дружок Амур.

С этого дня россомаха и пёс стали жить вместе: охотиться на пару легче и добычливей. Особенно на зайцев. Тут они действовали по простому сценарию. Мавр, преследуя бегающего, как правило, по кругу зайца, выгонял его на затаившуюся в засаде россомаху. Топ выскакивал наперерез и валил косоглазого. Со временем пёс перенял от россомахи и другие приёмы охоты и стал таким же добычливым, как и его широколапый друг.

Единственное, чему Мавр так и не смог научиться, — промышленная охота. В этом смысле он был обычным псом, законным сыном той первородной Собаки, которую страх перед темнотой и ненависть к луне привели к пещерному костру и побудили обменять свободу на службу человеку.

Не было дня, чтобы Мавр не вспоминал Хозяина. “Может, сбежать в село?” — колебался иногда пёс. Ведь так много важного надо сообщить ему: о том, что они с Топом охраняют избушку. Что она цела. Правда, во время недавней грозы повалило навес. Что Топ многому научил его и теперь он сможет лучше помогать Хозяину в охоте. Как он это расскажет — пса не волновало. Он об этом даже не задумывался. Просто знал, что Хозяин поймёт, так же, как и сам он понимал его.

Тропу в село Мавр знал с детства: каждый год по несколько раз пробегал по ней. Но страх оставить без присмотра зимовье каждый раз останавливал его.

Как-то в середине лета он всё же не утерпел и отправился в село. На двери дома висел замок. По совсем слабому запаху Хозяина пёс понял, что тот давно здесь не был. Нестрашно! Выпадет снег, и он всё равно придёт в свою лесную хижину.

Откуда ему было знать, что Степан, чтобы побыстрее рассчитаться с Подковой, продал корову, бычка и, поскольку ягоды и орехи ещё не поспели, жил и работал на госпромхозовской пасеке, где у него свои ульи. Жена же с дочерью уехали в город: Маше надо было перед поступлением в институт походить на подготовительные курсы.

НОВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН

С наступлением холодов в тайге появились люди, зазвучали выстрелы, залаяли собаки. Пока снег неглубок, охотники промышляли пешим ходом, но после первого обильного снегопада встали на широкие охотничьи лыжи. С этого дня белую перину дырявили не унты и валенки, а резали на ломти бесконечные парные борозды.

После снегопада Подкове поспело время везти в Верхи почту, пенсии, заказанные селянами товары. Выехал он не двадцатого числа, как обычно, а на два дня раньше, чтобы спокойно обойти участок и расставить на путиках капканы. Высокий снег не успел уплотниться, и ГАЗ-66 легко пробивал снежные надувы.

После полудня машина уже стояла у тропы, ведущей к зимушке. Вокруг с едва слышным шорохом сыпал мелкий крупчатый снежок. Белая пелена радовала кружевами заячьих следов и лосиных набродов. Из-за удалённости от села на его участке лет пятнадцать никто не промышлял. Обитатели тайги быстро вычислили эту зону покоя, поэтому зверья тут было заметно больше, чем на других угодьях.

Пока шёл к избушке, настрелял рябчиков для еды и для приманки. В зимовье холодно, неприятно, пахло затхлым: как никак, больше месяца не заглядывал. Набив в железную печь смолистых поленьев, он запалил берёсту. Не прошло и трёх минут, как пламя забушевало в тесном чреве. Бока быстро раскалились до малинового цвета. Таёжное жилище под весёлое потрескивание поленьев ожило, задышало. Очищаясь от затхлости, быстро наполнялось жилым духом. С потолка посыпался отмякший иней. Подкова разбирает капканы; регулировал, подпирал сторожки — готовил их к предстоящей установке.

К вечеру избушка приобрела жилой вид. Бревенчатые стены высохли, посветлели. На столе задымилась картошка и поджаренный на сале рябчик.

Допив чай, Семён Львович загасил керосиновую лампу и забрался в спальник. В приоткрытую дверцу из-под хлопьев седого пепла ему приветливо подмигивали угли. Пара головешек ещё хранила невысокое ровное пламя. Посвистывал, оцупывая стены, ветер, а в зимовье тепло, приятно...

Плотно позавтракав, Подкова сложил в рюкзак капканы, куски привезённой с собой лосятины для привады; в боковые карманы сунул сало, хлеб, термос с чаем и отправился бить путик. Ниже порожка, дымящегося молочными завитками, речку уже перехватило крепким льдом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки краснотала, он съехал на него. Ослабив крепление, чтобы в случае чего успеть скинуть лыжи, Подкова осторожно засеменял по льду. Он никак не мог понять, на самом деле тот под ним пружинисто прогибается или это ему только кажется. И тут от него во все стороны с треском побежали невидимые стрелы. Подкова осторожно просукал лёд посохом. Да нет, вроде держит! Перейдя на другой берег, обнаружил, что собольих следов на нём намного больше. Вдохновлённый перспективой богатой добычи, он весь день без усталости раскладывал приманку и маскировал ловушки.

Удаляясь в поисках добычи всё дальше и дальше, Топ с Мавром вышли на свежую парную колею. Исходящий от неё запах им обоим хорошо знаком: для Мавра это был тот самый Лысый, что в начале лета избил его, Топ же признал в нём ранившего его Круглолицего. Эти запахи-воспоминания разбередили старые обиды обоих, и им захотелось досадить этому двуголому.

По характеру следа друзья легко определили, в каком направлении прошёл их недруг, и направились в обратную сторону — туда, где стояла его избушка. Двигаясь по двойной борозде, они вышли к амбарчику — снежному конусу с краснеющим в глубине пещерки аппетитным куском мяса. Он источал такой соблазнительный аромат, что Топ сглотнул слюну. Однако, помня, что мясо в таких пещерках всегда охраняет больно кусающаяся железная пасть, он обошёл её стороной. Мавр же, взяв в зубы обломок ветки, смело направился к снежной куче.

Дальнейшие его действия были и вовсе необъяснимыми: он тыкал веткой в снег перед мясом до тех пор, пока тот не вспучился и не раздался резкий металлический лягз. Топ рефлекторно отпрянул. Напарник же безбоязненно протянул лапу к мясу. Рядом осталась валяться ветка с вцепившейся в неё железной пастью.

Топ был потрясён. Мавр же в своих действиях не видел ничего особенного. Так всегда “убивал” железные челюсти и его хозяин. У второго амбарчика он повторил эту же операцию и, весело покачивая закрученным в бублик хвостом, подошёл к Топу и положил перед ним очередную “добычу”.

Перекусив, друзья продолжили путь. Прodelав эту нехитрую процедуру ещё несколько раз, они так наелись, что стали относить “добычу” подальше и зарывать её в приметных местах. Это отнимало довольно много времени и до логова обидчика они в тот день так и не добрались. Сытые и довольные, заночевали неподалёку.

Весь следующий день Подкова расставлял ловушки на втором путике, а утром третьего уехал в село. Друзья, наблюдавшие за ним, отправились за новыми порциями мяса. Избалованный обилием лёгкой “добычи”, Мавр теперь расстораживал самоловы выборочно — там, где кусок побольше. Наблюдая за его уверенными действиями, Топ осмелел настолько, что решил сам рассторожить присыпанную снегом железную пасть обломком ветки. Урр-ррр! Получилось!

Когда он расстораживал следующий капкан, послышался шорох. Росомаха вскинулась столбиком. Фу ты! Ложная тревога!

Оказывается, это белка шелушила еловую шишку. Вон ещё одна... вторая. Все выкунявшие*: с почерневшими спинками и посеребрёнными боками, с кокетливыми кисточками на ушках. Хвосты распушённые, бархатистые. Красавицы, да и только!

Когда поднялись на седловину, от амбарчика молнией метнулся зверёк. По шоколадной шубке с серебристыми искорками Топ сразу определил — соболь! На его задней лапе бренчал капкан с цепочкой, тянущейся к стволу берёзы. Увидев росомаху, соболь замер. В его взгляде мелькнула надежда на спасение. Но когда показалась трусившая сзади собака, он быстро зарылся в снег, правда неглубоко — дальше цепочка не пустила.

Поскольку в пещерке мяса уже не было, Топ с Мавром даже не стали подходить. Обойдя за несколько дней все амбарчики, парочка рассторожила большую часть ловушек. Что-то из привады они съели, что-то прикопали на будущее. После этой удачной охотничьей эпопеи друзья на какое-то время расстались. Мавр вернулся к зимовью дожидаться Хозяина: раз снег лёг, стало быть, скоро и он придёт. А Топ отправился побродить по горам. Разгуливая по склону, он время от времени заглядывал на путики охотников. Обнаружив амбарчик, долго кружил вокруг, топтался, принохивался. Убедившись, что человека поблизости нет, подошёл и аккуратно расстораживал железную челюсть. Он стал таким привередливым, что мелочь вроде сойки игнорировал: пока её съешь, всю пасть пухом залепит. Попавших в капканы соболей, норок Топ прятал поблизости: выкапывал траншейку и, опустив в неё тушку, забрасывал снегом. Затем, крутясь на месте, трамбовал его и ставил пахучую метку. Иногда для большей надёжности неподалёку делал ещё два-три “ложных” схорона. Случалось, что его тайниками

* Выкунять — сменить летний мех на зимний, при этом мездра (шкура) становится толстой и белой.

пользовались рыси. Одну из них Топ застукал. Схватка оказалась упорной. Несмотря на превосходство в размерах, рысь вынуждена была отступить перед яростным напором возмущённого хозяина.

Обходя путик, Подкова сначала никак не мог понять: что за чертовщина? Приманка почти везде исчезла (осталась только там, где лежала мелкая привада: крылышки, лапки рябчиков), капканы сработали, но в них никого нет. Из металлических дуг одни палки торчат. Разгадку подсказали следы — везде походила росомаха и ещё какой-то зверь, вроде волк. Точно неопытный охотник так и не определил. С этого дня Подкова только и думал, как её отвадить. Из рассказов бывалых промысловиков он знал, что если росомаха повадилась на участок, охоты не будет.

Восстанавливая разграбленный путик, Семён Львович обнаружил в кедраче замёрзшего оленя и хорошо натопанную к нему росомашью тропу. Олень уже на одну треть был съеден. “До чего ж ненасытная! Всё ей мало! Попробую-ка тут на неё капканы поставить!”

Подойдя к сбежке, охотник вырезал деревянной лопаткой рядом со следом снежный куб. Вынув его, почистил, утрамбовал площадку уже непосредственно под следом и установил на ней взведённый капкан. Теперь след росомахи от тарелочки капкана отделяла лишь снежная корка толщиной в сантиметр. Потаск с цепочкой вдавил в пушистую перину, снежный куб вернул на место. Нервозности пригладил лопаточкой, а отступая, засыпал следы снегом, сверху “засеял” воздушными снежинками.

Памятливый Топ сразу обратил внимание на едва заметные нарушения снежного покрова возле его тропки. Чтобы не рисковать, к туше подошёл с другой стороны. Насытившись, ушёл, ступая чётко след в след.

Весь следующий день Подкова обходил Длинный путик, проложенный по гребням отрогов. В избушку вернулся в приподнятом настроении — снял соболоньку. Переночевав, не завтракая, помчался к оленьей туше — проверить самый главный для него капкан. Он не сомневался в том, что зловередная росомаха попалась, и даже захватил с собой большой рюкзак. Подходя, издали всё высматривал вытопанный в снегу круг и меховое пятно на нём, но вместо этого обнаружил возле оленя лишь свежие следы. Всё ещё надеясь на чудо, Семён Львович, подошёл почти вплотную. Увы! Росомаха обошла ловушку стороной, а чтобы он не сомневался в том, что она разгадала его коварный замысел, нагадила рядом.

— О, боже! — простонал зверолов.

Видимо, всё-таки запах металала учуяла! Надо попробовать по совету Лукьяна опустить капканы в ключевую воду: из-под корочки льда запаха железа не слышно.

Вернувшись в избушку, Подкова взял оставшиеся капканы и, окунув их в ближайшей промоине, установил у оленя сразу шесть штук: два под следами на тропе, остальные вокруг туши.

Проголодавшийся Топ появился на вторую ночь. Приглядевшись, он определил, что появились две новые ловушки. Они стояли прямо на его пути. Зверь осторожно приблизился к капканам и рассторжил их, как обычно, обломками веток.

Власть поужинав, гордый тем, что очередной раз перехитрил своего обидчика, Топ решил отгрызть у оленя ногу и перетащить её в более надёжное место. Перегрызая кость, он подходил к ноге то с одной, то с другой стороны, пытался. Вдруг взвился вверх и тут же рухнул на снег, словно его кто-то резко осадил: в заднюю лапу вцепилась “пасть” на цепочке. Пытаясь вырваться, росомаха заметалась и угодила передней лапой во второй капкан.

К счастью, стальные дуги этой ловушки захватили лишь когти. Отличаясь поразительной для своих размеров силой, росомаха довольно быстро освободила переднюю лапу. Правда, пришлось пожертвовать двумя когтями. А вот капкан на задней лапе сомкнул челюсти выше широкой ступни, и держал намертво. Напрасно зверь рвался, бегал по кругу, зарывался в снежную

толщу, грыз ненавистную железку. Многочасовая борьба изнурила Топа. Настал момент, когда он настолько обессилел, что едва шевелился. Чтобы не замёрзнуть, бедолага вырыл в снегу пещерку и свернулся в ней калачиком.

ПОВЕЗЛО

Утром следующего дня Подкова шёл к приваде в премерзком настроении. Он понимал, что если обнаглевшая мародёрка обхитрит его и в этот раз, то лучше бросить охоту. За две недели в меховой копилке всего одна небольшая соболошка. Её не хватит даже на покрытие расходов на кашканы. В то же время хотелось продолжить сезон. Ему всё больше нравилось это азартное занятие. Даже летом во время поездок в Верхи он всегда на день-два задерживался на участке. Благоустроивал зимовье, расчищал тропы для будущих путиков, пилил сухостой, колол на зиму дрова. А чаще всего просто отдыхал от городской суеты. Но появившийся грабитель порушил все планы, свёл его труды на нет.

Увидев у оленьей туши глубоко вытоптанную арену, Подкова просиял: наконец попалась! — и прибавил шаг.

В боковых стенках утрамбованного круга чернели глубокие дыры. К одной из них вела туго натянутая цепочка. Охотник ликовал: “Хитра, но я хитрей!” Дрожжаниями от счастья руками он расширил лаз и вытащил холодную, но ещё не застывшую росомаху. Разжав дуги, освободил лапу. Потом раскрыл рюкзак, чтобы засунуть в него добычу. В этот момент лежащий на снегу косматый зверь вскочил и помчался вниз по косогору. Подкова до того растерялся, что, когда схватил прислонённое к стволу дерева ружьё, росомаха уже скрылась в чаще.

Натерпевшийся страху Топ, обойдя владения заклятого врага стороной, вернулся к Мавру и какое-то время промышлял вместе с ним. Однако клочкотавшая в нём жажда мести не давала покоя. В конце концов, он набрался смелости и отправился на разведку. На этот раз Мавр последовал за ним. Там, где снег был особенно глубок, они переходили на накатанную тропу двуногого.

Избушка врага встретила их побелевшим от инея окошком. Удостоверившись, что хозяина нет, Топ подошёл к двери. Запустил длинные когти в щель и осторожно открыл её. В нос ударили десятки запахов. Самый сильный из них — ненавистный запах обидчика. Внутри логово оказалось просторней, чем представлялось снаружи. Вдоль стен на полках стояли железные банки, коробки, с потолка свисали туго набитые мешочки, на пристенных крючьях висела одежда. На широком топчане лежали шкуры, спальный мешок.

Топ первым делом с яростью набросился на вонючий овчинный полушубок, потом переключился на подвешенные к матице узелки. Прыгая со стола, вонзал в ткань когти и, раскачиваясь, с треском раздирал мешковину. Оттуда струйками сыпались мелкие камушки, белая пыль. Она щекотала, забивала ноздри. Топ драл всё подряд. Мавр поначалу с недоумением наблюдал за другом, но вскоре, заражённый его яростью, тоже принялся рвать, трепать всё, что попадалось на глаза.

Сбросив на пол стоящие на полках банки, Топ лизнул рассыпавшиеся по полу белые крупинки. Они оказались настолько горько-солёными, что он с отвращением зафыркал и вцепился зачем-то в столешницу; успокоился лишь тогда, когда отгрыз от неё изрядный кусок. А Мавр в это время с аппетитом поглощал мелкие кристаллики, рассыпанные рядом. После неудачной дегустации Топ не решился последовать его примеру. Окропив нары пахучими выделениями, он напоследок выдал лапой оконное стекло.

Озирая результаты погрома, росомаха, сладко жмурясь, вытянула пушистый хвост в одну линию со спиной. Эта поза означала: “Отличная работа!” Мавр согласно помахал хвостом: “Да уж! Постарались!”

Подойдя к займке, Семён Львович снял лыжи и принялся старательно отряхиваться от нападавшей с деревьев кухты. Только тут он заметил, что дверь приоткрыта.

Представшая взору разруха сначала ошеломила его, а потом привела в бешенство. В адрес грабительницы понеслись такие проклятия, что, осуществись они даже наполовину, росомаший род прекратил бы своё существование. Несколько остыв, Подкова обратил внимание на чётко отпечатавшийся на рассыпанной муке след, похожий на волчий. Выходит, росомаха бесчинствовала не одна — с ней был волк. Хотя волк с росомашой — это абсурд! И тут незадачливого охотника прожгла догадка: “Неужели Мавр! Как же он с росомашой-то сошёлся?.. Стоп, стоп, а не тот ли это росомашонок, что у Пули жил? Тогда понятно, почему он такой наглый”.

С этого момента зловредная парочка занимала все его мысли. Как же их изничтожить?! Собак нет, да и стрелок он никудышный. Капканы как ни обрабатывай, они чувят, и даже попав — уходят. Надо что-то более надёжное.

Наскоро устранив последствия погрома, Подкова поехал в Верхи. Не стал даже проверять капканы — зачем лишний раз огорчаться? И так ясно — добычи в них не будет. Завершив в селе торговые дела, прошёл по домам штатных охотников: может, кто чего и подскажет. Из опытных промысловиков дома застал лишь деда Ермила.

Старик встретил хозяина автолавки настороженно, но за стол всё же пригласил. Пока старуха ставила самовар, пропустили втихаря по маленькой. Видя, что дед подобрел, Подкова рассказал о своей беде, утаив только, что на пару с росомашой орудует собака.

— Да уж! Не позавидуешь тебе. Росомаха — хитрая животина. Мне тоже от неё досталось. — Тут дед замолчал, погрузившись в раздумье: дать совет или нет? Поколебавшись, произнёс:

— Вот что я тебе скажу. Есть один способ избавиться от неё — яд стрихнин. Правда, он под запретом. Даже Степан не смог достать. Коли добудешь — росомаше конец.

— Найду, лишь бы толк был. Мы ведь с разными конторами и городами работаем. Где-нибудь отыщем... А как им пользоваться?

— Проще простого. Берёшь небольшой, так чтобы зараз в пасть взяла, кусок мяса, делаешь надрез и таблетку поглубже закладываешь. Тока опосля руки хорошо помой. Дюже опасная штуковина. До войны мой брательник через неё отравился. Три дня блевал. Чуть не очокурился. И ещё: на приваду, чтоб птицы не склевали, два-три пера положи, тогда не тронут.

Не сразу, но Подкова раздобыл-таки упаковку стрихнина. Жажда реванша в тот же день погнала его в тайгу. Пройдя по Дальнему путику, он отыскал свежие следы росомаша. Разложив приваду, Семён Львович три дня безвылазно просидел в зимовье — боялся вспугнуть.

Но его задумка сработала наполовину. Приманку со стрихнином съел Мавр. Топа же, обладающего более тонким нюхом, смутил едва уловимый непривычный запах, исходящий от аппетитных кусков мяса. Появившиеся вскоре изменения в поведении друга только усилили его подозрения. Лайка вдруг принялась жалобно скулить. Затем начались конвульсии, сопровождающиеся рвотой. Когда спазмы в желудке отпускали, Мавра начинали одолевать видения.

Вот он, чтобы спасти Хозяина, вцепляется в медвежий зад. Вот, после удачной охоты, подходит к костру, садится рядом с другими собаками и зачарованно наблюдает за изменчивой игрой красных язычков. Вот уже сам Хозяин выручает его, застрелив наседающего медведя. Вот они возвращаются с добычей, пораненные и помятые, полные взаимной любви... И тут до него донёлся неповторимый голос Хозяина. Он не звал его, а просто звучал где-то рядом. Пёс кинулся на голос и провалился в чёрную бездну...

Топ, конечно, не понимал, отчего умер Мавр, но интуитивно связал смерть друга со странно пахнущим мясом.

Промысловики, завершая сезон, расстораживали последние капканы, опускали пасти, кулёмки. Иные, загрузив волокуши, уже ушли с добычей

в село. Когда исходящие от людей запахи ослабли, а следы от их длинных “лап” стали пахнуть лишь снегом, Топ принялся педантично наведываться в избушки и других охотников. Забравшись внутрь, остервенело рвал, грыз всё, что попадалось на глаза.

Он понимал, что его разбой не могут оставаться безнаказанными. Что могущественные двуногие будут добиваться его смерти. Что теперь следует быть особенно внимательным. Перед каждым шагом осматриваться и принохиваться — не таится ли в снегу лязгающая челюсть. А самое лучшее — покинуть этот край. Тем более что после смерти друга его здесь ничто не держало. Воинственный пыл пропал, а переполнявшая сердце жажда мести была сполна удовлетворена.

Снег растаял, а Топ всё не уходил. Он уже колебался: может, остаться? Тут всё так привычно! Еды в достатке. Да и люди ушли из тайги — чего спешить?

НОВЫЙ УЧАСТОК

В разгар лета на обширном горельнике поспела малина. Её уродилось так много, что нижние ветки склонились до земли. Сладкоежка Топ зачастил сюда. Однажды, лакомясь сочными алыми ягодами, он услышал голоса людей. Привстав на задние лапы, разглядел поднимающуюся по горельнику большую “стаю” двуногих и мельтешивших среди них собак. Они шли прямо на него. Появление людей в тёплое время года было для него столь необычным, что он не сомневался:

— Это за мной. Надо бежать!

А куда, Топ давно определился: за синевший вдали острозубый хребет, который находился дальше всех от места обитания двуногих.

На второй день пути он достиг водораздела, представлявшего собой плоский щебнистый гребень, поросший короткой и редкой травой. По нему вилась каменистая тропа, набитая за многие годы медведями. Кое-где видны их свежие лёжки: клочья шерсти, помёт, примятые, погрызенные ветки. Ниже — тощие языки кедрового стланика. Жадно цеплялись в каменистую почву карликовые берёзы, изредка, где-нибудь в затишке, можно было встретить невысокую, скрюченную ветрами и морозами лиственницу.

От ближнего скального зубца ветерок донёс запах мохноногого канюка. Вскарabкавшись по уступам, Топ обнаружил гнездо — хаотичное нагромождение сучьев с плоским дном внутри. Вокруг валялось много погадок — комочков непереваренной шерсти и костей грызунов, оторванных птицами из желудка. Но птенцов в гнезде не было. Видимо, уже встали на крыло.

Отсюда были видны три расходящихся веером кряжа, разделённых межгорными долинами. Их склоны за многие тысячелетия изрезали ручьи и ледниковые сходы. Над ними, на уровне облаков, парили беркуты. В одной из долин слезой поблескивало озеро. Прежде чем начать спуск к нему, осторожный зверь ещё раз внимательно прощупал глазами незнакомую местность. Не обнаружив ни единого намёка на присутствие людей (остальное его не беспокоило), запрыгал по шаткому курумнику вниз.

Путь к водоёму преграждал перестойный пихтач с участками многоярусных ветровалов. Свисавшие с нижних ветвей сизые бороды лишайника то и дело облепляли морду паутиной. Приходилось смахивать её лапой.

Вот и озеро. Над водой мечутся крикливые чайки. В высокой траве тихо переговариваются гуси. Топ замер: попробовать подкрасться? Опыт подсказывал, что днём эту сторожкую птицу ему не добыть. Он побрёл по берегу, принохиваясь к витавшим вокруг запахам. И тут ветер нанёс самый чудный из всех известных. От этого аромата Топ всякий раз терял контроль над собой. Это был запах мёда. Лихорадочно процеживая воздух, быстро определил источник — старая сосна.

Проворно взобравшись на неё, нашёл в ребристой коре крохотное, отполированное до блеска отверстие, сквозь которое туда-сюда неутомимо курсировали пчёлки. Запах, сочащийся из дырочки, пьянил. Чтобы расширить

отверстие, Топ обхватил одной лапой ребристый ствол, а второй расковыривал леток. Немного увеличив диаметр, дальше работал зубами. Грыз, не обращая внимания на укусы расшвирипевших хозяек. Они жалили не только покрытую короткой шерстью морду, но умудрялись с противным жужжанием протискиваться сквозь густую шерсть и к животу, и к груди, вонзая свои копьеподобные жала в места, где шкура понежнее и почувствительнее.

Когда отверстие стало достаточно большим, Топ принялся извлекать куски сот, истекающие янтарными тянучками. С жадностью поглощая их прямо с прилипшими пчёлами, он время от времени потирал искусанный нос тыльной стороной лапы. В его урчании слышались как восторг от неповторимого наслаждения, так и страдальческие нотки от болезненных укусов. Наевшись, Топ отправился к озеру: после сладкого хотелось пить. Утолив жажду, взобрался на утёс и вытянулся на прогретой за день плоской глыбе. Зверь был в прекрасном расположении духа — новое место очаровало его.

СЧАСТЛИВЫЕ МОЛОДОЖЁНЫ

Год пролетел незаметно. Очередное лето выдалось тёплым и щедрым на пищу. Буйная растительность не только скрадывала шаги, но и хорошо маскировала. Это значительно облегчало охоту. В покое и сытости Топ заматерел, налился подкожным жиром. Шерсть на спине и боках залоснилась, а на ногах и животе отливала вороновым крылом.

Как и положено в эту пору, Топу стало одолевать любовное томление. Хотелось ласки и нежного общения с себе подобной. Половая зрелость у росомах наступает, как правило, после двух полных лет жизни. В прошлом году у него уже была семья, но, выкормив потомство, они расстались. Теперь в поисках подруги он, оставляя на холмиках и камнях любовные послания, удвоил суточный ход. Обследовал распадки, поднимался на окрестные вершины, но своей старой партнёрши не находил. Зато на стрелке хребта обнаружил след другой соплеменницы. От него исходил до того чудный запах, что Топ от охватившего волнения задышал шумно и часто.

По чередованию размеренного шага с лёгкими прыжками он определил, что это молодая, полная сил росомашка. Вытянув вперёд влажный чёрный нос, Топ помчался по струйке понравившегося ему запаха. Вот и её мочева метка. Понюхав, он буквально опьянел: по телу волной прокатилась сладкая дрожь. Ему захотелось пропитаться ароматом этого влажного пятна. Топ припал к нему и, извиваясь, стал тереться. Затем вскочил и побежал, забыв обо всём на свете. Нагнав росомашку, он замер от восхищения. До чего красивы были её глаза, шубка с золотистой плесёй! Покорённый самец принял галантно прохаживаться перед красавицей, делать свечки. Но она не реагировала.

Отдышавшись, кавалер предпринял последнюю попытку: разбежался и, высоко подпрыгнув, перевернулся в воздухе. Приземлившись, с надеждой глянул на избранницу. Но она смотрела так, как будто ожидала большего, а не дождавшись, разочарованно потрусилась дальше. Всё ещё на что-то надеясь, незадачливый ухажёр последовал за ней. Покачивая хвостом, он всячески проявлял симпатию. Однако стоило ему попытаться приблизиться, как росомашка зло шерилась.

Топу обескуражил этот явный провал, но он не терял надежды найти себе пару. Проходя в день десятки километров, выловил, наконец, в струях ветра ещё один волнительный дух. Следуя за ним по лесной тропе, догнал самку с полуторагодовалой дочкой. В предыдущий год во время гона росомаха не обзавелась кавалером. Оставшись пустой, ходила с детёнышем прошлого помёта.

Мамаша отреагировала на его появление весьма благосклонно. Чтобы закрепить успех, Топ был обходителен как никогда. Его старания оценили. Выражая симпатию, росомаша подошла и обнюхала его. Когда то же самое попыталась сделать взрослая дочь, мать злобно цвыркнула на неё.

После знакомства звери встали на задние лапы и, тыкаясь чёрными носами, перешли к “поцелуям”. А успешная вечерняя охота ещё больше скрепила их союз.

С появлением галантного жениха общество дочери стало тяготить пару. Мать всё больше охладевала к ней. Держала её на расстоянии, а к концу второго дня окончательно прогнала. Через неделю уже самому Топу пришлось отстаивать право на обожаемую подругу перед другим самцом. Порванные уши и многочисленные шрамы на морде конкурента выдавали в нём заядлого драчуна. Беспочвенно подойдя к Топу, он угрожающе обнажил клыки, но когда их взгляды скрестились, пришелец уловил в глазах Топа такую силу и уверенность, что смутился и, наигранно ворча, удалился. А Топ с Лаской продолжили наслаждаться любовными играми.

Летняя пора для пернатых и четвероногих обитателей тайги самая благодатная: тепло и кормов вокруг хоть отбавляй. Под пологом прогретого леса созревали, сменяя друг друга, жимолость, земляника, черника, костяника, голубика. Отъедались на щедрых дарах тайги выводки тетеревов, рябчиков, глухарей. Без усталости пополняли свои кладовые шустрые белки, подвижные, как ртуть, бурундуки.

С середины лета даже такие хищники, как медведь и соболь, переключаются на вегетарианское меню. Не осталась в стороне и наша парочка. Их стол разнообразили сладкие, сочные ягоды, молочные орешки кедрового стланика. Не ленились они забираться и на высоченные кедровые шишки. Там, среди пучков длинной хвои, гроздьями висели уже отяжелевшие связки шишек. Росомахи сбрасывали их на землю. Быстро спустившись, собирали в кучу и, сев рядом, расплющивали каждую шишку зубами. Когтями выбирали ещё мягковатые скорлупки с ядрышками и, тщательно разжевав, с наслаждением проглатывали.

Как-то росомахи столкнулись с волчьей стаей. Молодожёны приготовились к обороне, но серые даже не остановились. Отвернув морды, они протрусили стороной: в эту пору все сыты.

Незаметно подкралась пора жёлтых листьев. С запада напозвала армада тяжёлых, низких туч, и, как бы разминаясь, медленно и лениво закрапал холодный дождь. Вскоре полило так, что росомахи вынуждены были укрываться под елью. Водяная пелена временами становилась столь плотной, что контуры ближних деревьев размывались. Монотонный шум бессчётных капель, усиленный порывами ветра, сливался с рокотом быстро набухающего ручья. Затаились звери, птицы. Притихли даже кедровки с сороками.

Обложилось основательно: дождь лил, то стихая, то усиливаясь, трое суток. Тайга пропиталась водой до такой степени, что капли проникали даже сквозь самые густые кроны елей. Мучительный озноб не оставлял промокнувшую парочку ни на минуту. Чтобы не замёрзнуть в отсыревшей шубе, звери вырыли под корнями ели нору и забрались в неё. Когда дождь заставил Топа выбраться из обжитого убежища, он с удивлением обнаружил, что дождь прекратился, но тайгу накрыла такая волна хлынувшего с севера холода, что ветви берёз, хвоя елей одели стеклянные чехольчики, а стволы заплыли прозрачной глазурью.

В налетавших порывах нос уловил запах медведя. Топ с этими громилами никогда не связывался, но не брезговал поживиться остатками их трапез. Поводя носом, он шумно засопел. Запах шёл с противоположного берега озера. Осторожно обойдя его, Топ обнаружил на оледенелых листьях вмятины от медвежьих лап. На некоторых замёрзшие капельки крови. Вон и сам миша. Прячась за валежинами, Топ осторожно приблизился к косматой горе. Из полураскрытой пасти торчали жёлтые, в обломках коры клыки. Шерсть на ногах вся в ледышках, на широких лапах — смёрзшиеся комочки грязи. На задней — громадный железный капкан. Между мощных дуг белела оголённая кость. С носа свисала сосулька. Всё ясно! Околел, горемыка!

Поев сухого жилистого мяса, напоминающего по вкусу и жёсткости древесину, Топ привёл к туше Ласку. После трапезы они обосновались неподалёку. Заморозки по утрам выбеливали траву и кусты. В изумрудное поле

елей влетались огненным янтарём лиственницы. Стайки берёз на склоне соседней сопки стояли, облитые золотом. С трудом верилось, что ещё вчера они были зелёными. Но праздник не вечен. Деревья изо дня в день теряли своё роскошное убранство. Опавшие листья покрывали землю жёлто-красным ковром и, высыхая на солнце, скручивались в хрустящие под ногами лодочки.

В этом году белки необычайно рано сменили неказистую летнюю шубку на шикарную зимнюю. Топ знал, что это верный признак скорых морозов. И точно, лес за несколько дней оголился и оцепенело застыл до весны. Там, где недавно царил сумрак, стало светло и просторно.

Теперь сюда частенько заглядывали низовые ветра. Они поднимали в воздух упавшие листья, сметали их в ямы, забивали в расщелины. Две выбеленные солнцем сухостоины, раскачиваемые ветром, соприкасаясь, жалобно скрипели. Топ любил эти “песни” леса.

ЗИМА

Начало зимы выдалось студёным, бесснежным. Невысокое бледное солнце скупо делилось теплом. Мороз пронизывал всё живое. Прокалённые стужей стволы звонко лопались. Едва прикрытую снегом почву испещрили глубокие трещины. Холод вливался сквозь них и рвал, скручивал корни деревьев, замораживал закопавшуюся в землю живность.

Мороз до того силен, что кормившиеся на ольхе рябчики попеременно поджимали то одну, то другую лапку: согревали их внутри перьевого муфточки. У них к зиме на пальцах (так же, как и у глухарей и тетеревов) выростала роговая бахрома. Она в два раза увеличивала площадь опоры при ходьбе по снегу, а в гололёд помогала удерживаться на обледенелых ветках. Если летом ноги рябчиков оперены только до колена, то сейчас их тёплые, несколько расклеванные “штанишки” опускались до самых коготков.

Добывать пропитание становилось всё сложнее. Росомах выручали сделанные осенью запасы. Но вот и они кончились. Топ припомнил, что на мшистых редицах, на бруснике всю прошлую зиму держались большие стаи куропаток и одиночные глухари. Может, и сейчас они там?.. Увы! На снегу ни единой лунки, да и ягод почти нет.

Середина зимы для росомах — самое голодное время. Старые заначки съедены, а зайцы и олени по ещё неглубокому снегу легко уходили от них, тихоходов. Олени к тому же ещё полны сил — запасы осеннего жира не иссякли, да и ягель пока легко копытить. Вот навалят снега, тогда шансы уйти от росомах у них невелики. Так что супругам приходилось довольствоваться чужими обедами. Мяса на них немного — в основном кости, но и над ними потрудиться стоило. Особенно, если они были трубчатые — ведь внутри них необычайно сытный костный мозг. Лишь мощные челюсти и крепкие зубы росомах в состоянии добраться до этого лакомства.

Ситуация изменилась после обильного снегопада с затяжной метелью. Теперь вероятность успеха в охоте у обладателей лап-снегоступов заметно возросла. Как только непогода утомилась, Топ отправился в пихтач, обвешанный бородачатыми лишайниками. Там жила кабарга — пятнистый и как будто сгорбленный из-за непропорционально длинных задних ног оленёнок с большими грустными глазами. Вместо рожок у него изо рта торчат острые, слегка загнутые клыки. Топ уже несколько раз пытался догнать его, но безуспешно. Оленёнок всякий раз играючи уходил по натоптанным тропкам. Нынче их засыпало, и кабарга вряд ли сумеет бежать столь прытко.

Притаившись в том месте, где тропки скрещивались, Топ дождался её. Увидев летящий мохнатый шар, кабарожка сумела в немыслимом отскоке вернуться от когтей и запрыгала, увязая миниатюрными копытцами в пухлой перине, к скале. Топ кинулся вдогонку. Задевая ветки, он оставлял за собой снежные шлейфы от падающей кухты. Через несколько минут перепачканный кровью ловкий хищник уже нёс добычу к своей избраннице. С этого дня Топ с Лаской не испытывали недостатка в пище.

В зиме тем временем наметился перелом. И хотя морозы ещё кусались, разгоровшееся солнце несло первую весть о скорой весне. Это было очень кстати — у Ласки подходила пора щениться. Однажды она встала и повела Топа в глухой, заметённый снегом распадок с несколькими башнеобразными останцами в изголовье. Чтобы надёжно спрятать выводковое логово от непрошенных гостей, супруги вырыли в снежной толще многометровый канал. Его конец удачно упёрся в просторную скальную нишу. Здесь, прямо на камнях, чуть прикрытых ветками и листьями, устроили “родильную палату”.

ПОТОМСТВО

Три незрячих щенка явились на свет ночью. Счастливая мать тщательно вылизала каждого с головы до хвостика. Первые дни малышей покрывала не шёрстка, а кремовая, слегка вьющаяся подушь с более длинными и тёмными волосками на лапках. Сами подошвы ещё долго были голыми.

Детёныши, оккупировав вкусно пахнущее, тёплое и мягкое материнское брюхо, либо спали, либо энергично сосали густое молоко. Теперь вся забота о пропитании легла на одного Топа. В жилистом и сухом мясе падших оленей не было недостатка, а вот за парным надо было побегать. Чтобы резкий запах не выдавал его, Топ перед каждым выходом тщательно вылизывал свою шубу и подолгу барахтался в снегу.

Самой подходящей для охоты погодой были безветренные, сопровождающиеся снегопадом дни. Особенно хорошо, если снег шёл крупными, пушистыми хлопьями и так густо, что видимость падала до двадцати метров. Обладающему тонким нюхом Топу это не мешало: он подходил к намеченной жертве, ориентируясь по преимуществу на запах.

В один из таких благоприятных дней Топ забрёл в старый, основательно заросший молодыми соснами и осиною горельник, полого спускающийся к ключу. Сквозь частую сеть снежинок он разглядел несколько бурых пятен. Поцедив воздух, определил — лоси!

В перестойной, душлистой тайге, в которой животные не могли дотянуться до тонких, нежных веточек, а кора старых деревьев была грубой, лоси до предела ослабели. Стадо только вчера обнаружило этот богатый сочными кормами подрост. Животные с жадностью откусывали пучки хвои, тонкие мёрзлые побеги; обгладывали длинными, крепкими зубами горьковатую осиную кору. Чтобы добраться до самых нежных веточек, грудью пригибали молодые стволы и, пропуская их между ног, объедали аппетитные верхинки.

Лоси были до того слабы, что пока пробивали траншею к следующему дереву, несколько раз останавливались отдыхать. От напряжения у них даже бока вздымались. Видя такую беспомощность, Топ решил атаковать немедленно. Шанс заполучить гору парного мяса так воодушевил его, что силы удвоились.

Заметив приближающуюся росомаху, стадо скучилось, приготовилось к обороне. Однако, стоя по брюхо в снегу, сохатые были лишены возможности использовать своё страшное оружие — копыта. Дрожа от возбуждения, Топ подошёл к стоящему несколько поодаль худому комолу бычку. Запрыгнув ему на спину, он стал вгрызаться в холку. Бычок, пытаясь сбросить наездника, отчаянно затряс, замотал головой, но безрезультатно...

Убедившись в смерти сохатого, Топ издал торжествующий рык и на глазах всего стада, не жуя, набил желудок парным мясом. Затем отгрыз от туши увесистый шмат, и поспешил к семье. Двигаясь по туннелю, Топ тихонько урчал. Его “песня” вызвала в логове радостное оживление. Беззубые, тупомордые малыши, неуверенно ступая неокрепшими лапками, подошли к нему и полизали аппетитно пахнущую плоть: есть мясо они пока не могли. Зато их мать одолела его в один присест.

На двадцатый день глаза малышей открылись, но в них ещё долго стояла голубовато-молочная муть.

Как ни противилась зима, но настал день, когда весна, вооружённая жаркими лучами ожившего солнца, окончательно одолела её. Пропитанные тёплой влагой пузатые тучи в два приёма съели отмякшие сугробы. После этого надолго установилась ясная солнечная погода. Ласковые апрельские ветры мигом высушили южные склоны. На открытых бугорках проклюнулись сиреневыми платочками цветки сон-травы. Их уже обхаживал дородный, с оранжевым загривком шмель. Преображались и деревья: лиственницы покрылись лёгкой, седоватой дымкой, “заплакали” берёзы, ветви сосен затопорщились розовато-кремовыми свечками, припудренными белой пылью.

По пробуждающемуся от зимней спячки лесу то и дело рассыпалась чистая и пронзительная дробь дятлов. Этим трудяг природа не одарила красивым голосом и, чтобы не пугать самочек своим неблагозвучным пением, ухажёры пользуются отщепами и сучками деревьев, которые играют роль музыкальных инструментов. Подобные серенады их подругам, похоже, были по душе.

Подбадривая неловких щенят, Ласка вывела детей на волю. Яркий свет ослепил глаза и напугал малышей. Но уже в следующую вылазку они вели себя посмелей. Как просторно вокруг! Сколько красок! Какой горячий шар над головой! Пошатываясь, они обследовали камни, заросли кедрового стланика, от которого шёл пьянящий смолистый дух. Мамаша отщипывала пучки хвои и жевала. Ребятня следовала её примеру.

Занятый заботами о пропитании, Топ всё же находил время и на воспитание детей. Учил подкрадываться, пластаться по земле, надолго затаиваться и молниеносно, без промаха нападать. Такая учёба шла ежедневно: к осени малыши должны быть готовы к самостоятельной жизни.

А учителем он был строгим. Не обращая внимания на отчаянные вопли, без колебаний наказывал неслуха болезненным шлепком либо рычал так, что провинившийся от ужаса припадал к земле. Если это не помогало, хватал не в меру расшалившегося отпрыска за холку и хорошенько встряхивал. В результате детёныши слушались отца не только с полуслова, но и с полувзгляда.

В конце мая семья спустилась в долину. Здесь, на речной пойме, уже всю зеленели не только осины, но и лиственницы, а загустевший лес оглашался звонким пением лесных птиц.

Детвора росла быстро. В три месяца они внешне уже мало отличалась от родителей, только были в четыре раза меньше весом. После каждой удачной охоты и сопутствующей ей трапезы молодняк принимался беззаботно развиваться: гоняться друг за другом, кувыркаться, нападать из засады. Взрослые не отставали. Кувыркались, прыгали вместе с ними. Тут уж начиналась общая свалка.

Мирно и безмятежно протекали долгие летние дни. Семья обычно отдыхала в пещерке возле родничка, бьющего прямо из-под корней ели. В ней не докучали мошкара и прочие кровососы, а в жару было прохладно. У входа на каменной плите частенько грелись под солнцем свернувшиеся в клубок змеи. Когда россомахи проходили мимо, те, шелестя кожей, расплзались по своим убежищам. Звери не обращали на них внимания — еды и без того хватало.

К июлю, когда стали поспевать ягоды, выводок перебрался в горельник. Первой вызрела жимолость. Тёмно-синие продолговатые ягоды имели приятный кисло-сладкий, с лёгкой горчинкой вкус. Следом подошла черника, красящая язык в чёрный цвет.

Вот и любимая голубика поспела. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны тёмно-синими, будто припудренными плодами, что за ними почти не было видно листочков. Набив желудки, звери ложились на спину и, радуясь солнцу, переворачивались с боку на бок. Лениво помахивая хвостами, урчали от удовольствия.

В начале сентября неожиданно выпал снег. Не сбросившие листву ветви под его тяжестью ломались, а некоторые, согнувшись до земли, образовали шатры. Снег вызвал необычайный восторг у молодняка. Они купались, резвились, барахтались в искрящемся пуху. Опрокидываясь на спину, скатывались со склона. Взирались обратно и, раскачавшись на гибких ветвях

черёмухи, плюхались на снег и вновь съезжали вниз. Особенно им нравилось, что мягкий, пушистый покров приятно холодит ступни. Дурачились так до тех пор, пока мать строгим стрёкотом не призывала их к себе.

Топ с наступлением холодов оставил семейство и принялся, как обычно, бродяжничать в одиночку. Обойдя несколько отрогов и ключей, он не встретил ни одной достойной внимания добычи. Приходилось довольствоваться лишь нерасторопными куропатками. Ему всё чаще вспоминались тропы двуногих, на которых всегда можно было поживиться мясом из амбарчиков. Эта лёгкая добыча дразнила, не давала покоя.

ЧАСТЬ III ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уничтожение диких животных — это предостережение людям, указывающее на то, что ожидает их самих в недалёком будущем.

Бернгард Гржимек

С очередной почтой Подкова привёз Степану бандероль из охотуправления. Отдав её, не преминул напомнить:

— Степан Ермилович, долг-то не весь погашен. За просрочку уже проценты пошли.

— Да помню, помню. Рассчитаюсь. Но и ты не забывай, что Мавра должен вернуть.

— Сколько объяснять — сбежал он от меня почти сразу.

— Это не моя проблема. Ко мне он не приходил. Так что и с тебя проценты будут.

Подкова хотел было что-то возразить, но передумал и поспешно вышел. Степан распечатал бандероль. В ней оказалось несколько пачек бланков по учёту и письмо с заданием отловить и доставить в город одну росомаху. В отдельной коробочке — капсулы для усыпления животного и инструкция по их применению. Так же сообщалось, что в охотуправление пришёл для него мотоцикл. Наконец-то!

Окрылённый охотовед засобирался в тайгу. Расспросив мужиков, где кто видел в последний раз росомашьи следы, решил начать поиски с перевальной седловины у Сахарной Головы. Росомашьих следов там действительно обнаружилось много. Соорудив три амбарчика, в крайних оставил по глухариному крылу, а в средний положил аппетитный кусок оленины. В него предварительно вложил две капсулы снотворного. Чтобы привлечь росомаху, разбросал между амбарчиками накроху. А сам устроился в буреломе, метрах в ста пятидесяти. Чтобы не замёрзнуть, накидал на снег лапника и забрался в меховой спальный мешок.

Росомаха появилась в тот же вечер. Охотовед с удивлением наблюдал, как она отгрызла ветку и, потыкав ею у входа, ушла. Степан сообразил, что это та самая росомаха, которая безнаказанно опустошала путики промысловиков и гадила в их избушках. Что же ей не понравилось? Почему ушла? Видимо, смутило отсутствие капкана. Теперь сюда вряд ли вернётся.

Когда рассвело, Степан попил из термоса какао, вытащил приманку со снотворным и перебрался в соседнюю ложбину, где тоже встречались следы росомахи. Соорудил новые амбарчики и, установив на входе капканы, положил в пещерки приваду.

Две ночи дежурства прошли впустую. Степан уже подумывал сменить место, но на третью ночь его терпение было вознаграждено. Прежде чем приблизиться к амбарчику, росомаха долго нарезала вокруг него круги, подходя с каждым разом ближе. Принохивалась, присматривалась. Наконец,

отгрызла ветку. Когда железные челюсти вцепились в неё, безбоязненно вытаскала мясо. Съев его, запрыгала дальше.

Выждав минут двадцать, Степан вылез из спальника и пошёл по следу. Опустошив вторую пещерку, зверь направился в долину. Прыжки становились всё короче. Прежде прямая строчка завилыла. Метров через четыреста охотовед наткнулся на росомуху, лежащую за валежиной. Увидев его, она с трудом встала и, сделав несколько неуверенных шагов, опять легла. Охотовед, дождавшись, когда зверь окончательно уснёт, подошёл. Теперь росомуха на его приближение не прореагировала.

Степан никогда не признал бы в этом матёром, холёном звере милого, весёлого увальня Топа, если б не характерное белое пятнышко на груди.

— Так вот кто донимал Подкову! Ай да Топ! Прямо-таки таёжный мститель! Робин Гуд!

Пока зверь не проснулся, охотовед поспешил связать лапы. При этом для надёжности задние притянул к передним. После чего надел на голову мешок из плотной ткани. Накидав на снег еловых веток, уложил на них спящего пленника, а сам побежал за оставленными в засаде вещами. Степан तोпорился — действие препарата скоро закончится. Засунув росомуху в спальный мешок (обездвиженный зверь быстро замерзает), привязал к нему верёвку и, выбирая путь почище, повёз спящего пленника к избушке.

Очнувшись, Топ никак не мог понять, что с ним происходит. Во тьме и непривычной тесноте его затуманенный препаратом мозг фиксировал лишь мягкие толчки. Потом его приподняли и вывалили на пол. Колпак с головы слетел, и Топ зажмурился от света. Когда глаза привыкли, огляделся. Он находился в бревенчатой, пахнущей дымом избушке. Она была ему хорошо знакома. Это её они с другом сторожили. А вон и хозяин Мавра. Сидит, наблюдает. “Наверное, думает, что это я убил его собаку, и решил отомстить. Как же ему объяснить, что Мавр умер от плохого мяса?”

Топ заворочался, пытаясь встать, чтобы позой, выражающей дружелюбие, “сказать” что он не причастен к смерти его собаки. Но прочные путы не позволили ему даже приподняться. Стремясь освободиться от них, он извивался, дёргался всем телом, но безрезультатно. Зверя охватила паника. Прежде он никогда не испытывал ощущения такой беспомощности. От нервного перенапряжения Топ забился в конвульсиях. Подобная реакция не обеспокоила охотоведа. Он знал, что у диких зверей, особенно взрослых хищников, попавших в неволю, такие припадки не редкость. Конвульсии тем временем становились всё слабее и, наконец, прекратились. Степан подошёл к росомухе и присел напротив.

— Не бойся, Топ! Я тебе ничего плохого не сделаю. Ты меня узнал? — Охотовед погладил росомуху по спине.

Топ опять попытался выразительным взглядом донести до человека, что он неповинен в гибели собаки. Степан чувствовал, что зверь пытается ему что-то “сказать”, но истолковал по-своему.

— Топ, дорогой, мы, конечно, друзья, но я тебя не отпущу. Поедешь в зоопарк. Там кормят, лечат. Тут тебе опасно оставаться. Ты так насолил здешним охотникам, что они рано или поздно тебя убьют. Зоопарк — твоё спасение.

По тому, что зверь немного успокоился, Степан решил, что он его понял. Переночевав в зимовье, охотовед на следующий день перевёз Топа домой. Сколотив из толстых плах клетку, стал ожидать пятого декабря (автолавка приезжала в Верхи два раза в месяц: пятого и двадцатого числа). Степану не хотелось лишний раз обращаться к Подкове, но по-иному росомуху в город не доставить. А не хотелось потому, что опять начнёт ныть насчёт долга, обвинять его в том, что он сам и выкрал Мавра.

Эту поездку Топ запомнил на всю жизнь: на ухабистой, с ребристыми налётами снега дороге постоянно трясло, кидало из стороны в сторону, больно било о деревянные стенки клетки. От едких, щиплющих нос и глаза выхлопных газов его тошнило.

Степан с сотрудником охотуправления сдали росомуху в багажное отделение аэропорта. Уходя, охотовед обернулся:

— Прощай, Топ! Пусть на новом месте тебе будет хорошо.
Он не предполагал, что их дороги вновь пересекутся. И пересекутся при весьма необычных обстоятельствах.

НЕВОЛЯ

В зоопарке Топу поместили в клетку из железных прутьев, стоящую в отдельном помещении. Весь день к нему подходили люди в синих халатах и восхищались:

- Красавчик!
- А мех-то, какой: пышный, блестящий!
- Такой росомахи у нас ещё не было!

После томительного двухнедельного карантина под присмотром ветеринарного врача Топу перевели в просторный вольер. На металлическую сетку повесили табличку “Росомаха. Самый крупный представитель семейства кунных. Возраст — 4 года. Кличка Платон”.

Вправо и влево от Топу тянулись вольеры с другими обитателями зоопарка. Очутившись после тесной клетки в просторном, обтянутом сеткой вольере с грудой камней и массивных коряг, Топ опрометью бросился вдоль стенки, ища лазейку, но тщетно. Его нос повсюду упирался в стальное сито. Попробовал разорвать зубами, да лишь сколол эмаль на одном из них.

Цепляясь когтями за ячейки, взобрался наверх. Однако сетка оказывалась повсюду. Тогда Топ начал рыть когтями землю, но вскоре упёрся в бетонный пол. Убедившись, что отведённое ему пространство не имеет выхода, успокоился. Съев оставленное ему мясо, забрался в бревенчатое логово.

Ночь прошла спокойно, а утром вокруг зашумело, забурлило: в проходы хлынул разношёрстный поток двуногих. Топу поразило невероятное число запахов, исходящих от них. Он довольно быстро привык к тому, что люди толпились возле его ограды, и старался не обращать на них внимания. Если кто допекал, он нервно скалился и отворачивался. Единственный двуногий, приход которого радовал Топу, — человек в синем комбинезоне. Он каждый день кормил его и убирал внутри вольера.

Справа за сеткой жила волчица. Она смирилась со своим положением, и даже летевшие в неё камешки не будили в ней духа мщения. С утра до вечера лежала, положив голову на лапы с равнодушным видом, поглядывая на посетителей исподлобья. По ночам же наводила своим воем тоску на всю округу. Зато в вольере слева всегда кипела жизнь: в отдельных секциях деловито сновали огненные колонки, с достоинством прогуливались знающие себе цену красавцы-соболя.

Когда утром раздавался тугой, округлый звук: “Платон! Платон!” — Топ понимал, что сейчас он получит порцию мяса и вылезал из выкопанной под конурой норы. Высокий, с белой шерстью на морде человек подкатывал тележку и, выложив еду, начинал с ним беседовать. Что он говорил, Топ не понимал, но ласковые нотки в голосе успокаивали его, напоминали счастливое детство.

Как-то зритель принёс в вольер металлический шар. Топ сразу принялся с азартом катать его по полу. Потом запустил под него длинные когти и, когда ему удалось поднять шар, прижал к груди и перекувыркнулся с тяжёлой, скользкой игрушкой через голову. И так несколько раз подряд. При этом его небольшие живые глазки светились такими весёлыми огоньками, а мешковатые движения выражали такую радость, что зритель невольно заулыбался.

— Ну ты, Платоша, даёшь! Циркач! А говорили: осторожно, осторожно! Зверь, мол, злобный, пакостливый. Ну, какой же ты злобный — вон какой весельчак да игрун.

Несмотря на хорошее питание, просторный, удобный вольер, неволя тяготила бродягу Топу. Стоило ему закрыть глаза, как памятный взор уносил к лесистым распадкам, бурливым ключам, воскрешал моменты удачных

охот, игры с нежной подругой. Эти воспоминания наполняли сердце тоской, вызвали страстное желание бежать.

Наступило время долгого, высокого солнца, и сразу больше забегало по дорожкам зоопарка маленьких звонкоголосых человеческих детёнышей. Крики, постоянный гвалт утомляли зверей. Топ тоже стал раздражительным и большую часть времени прятался в норе.

В один из таких дней обитателей зоопарка не покормили. Стемнело, но никто из зрителей так и не появился. Привыкшие к чёткому распорядку голодные звери выли, ревели, скулили, грызли, бодали сетку и железные прутья.

Только в середине следующего дня по зоопарку поплыли запахи, предвещающие еду. Донеслись шаги, скрип колёс. Следом показались два человека. Белобородого среди них не было. На тележке стояло два бачка с похлёбкой, фляга с водой и ящик с мясом. Раздавая еду, люди переговаривались между собой. Тот, что толкал тележку, сразу не понравился Топу. Пустые рыбы глаза, тонкие губы, искривлённый улыбкой рот, а главное — запах, шедший от него, выдавали зловонную натуру. Бросив на ходу росомaxe кусок мяса, люди прошли дальше.

На следующий день Рыбий глаз опять появился, но уже один. Подойдя к вольеру Топы, он прочитал вслух: “Росомаха... Платон...”. Возле двери табличка поменьше “Внимание! Входя и выходя, запирай замок”.

Оглядев Топы, он пропел: “Пла-а-а-тон — из тебя выйдет хороший ша-а-а-пон!” — и заржал довольный. Топ же продолжал катать шар.

— Чё, брат, хорошо на дармовых харчах? Играй да играй себе!

Введённый в заблуждение добродушием и игривостью симпатичного “медвежонка”, он зашёл в вольер, чтобы убраться, но дверку до конца не прикрыл. В тот же миг бурая молния метнулась в образовавшуюся щель и сажеными махами понеслась между клеток.

СВОБОДА!

Выскочив на улицу, Топ помчался, высоко вскидывая зад, отчего в какие-то моменты все четыре лапы не касались земли. Бежал без остановки, подгоняемый страхом и криками людей, заглушаемыми рёвом накатывающихся то сзади, то с боков железных чудищ. Прохожие в страхе шарахались в стороны. С демонически горящими глазами и хриплым пенным придыхом, Топ и впрямь был ужасен.

У столба с круглым красным глазом на него чуть не наехал железный дом на колёсах (точь-в-точь, как у Круглолицего). Перепуганный зверь понял, что из этого кишачего людями и машинами муравейника ему сейчас не выбраться. Надо где-то спрятаться и дождаться ночи...

Когда шум вокруг стих, загнанный зверь выбрался из убежища и при свете фонарей пошёл, подчиняясь древнему инстинкту ориентировки, на северо-восток, туда, где находился его родной горный массив.

Перед рассветом на смену высоким многоглазым каменным домам появились деревянные. За ними просматривался лес. Скорей под его защиту. Вбежав в высветленную белыми стволами берёзовую чащу, росомаха перешла на размеренный шаг. Жадно вдыхая чистый, настоящий на травах и листьях воздух, Топ с наслаждением углублялся в родную стихию. Кое-где торчали одряхлевшие пни, зияли, карауля неловких, рытвины, прикрытые ажурным папоротником. Топы весь этот лесной кавардак только радовал: он обрёл самое дорогое для дикого зверя — свободу! От избытка чувств беглец запрыгал, закувыркался, путаясь в высокой траве.

Двигаясь в выбранном направлении, он невольно оглядывался на каждый треск и шорох. Если обзор закрывали кусты, вставал столбиком, чтобы посмотреть, не преследуют ли его. Убедившись, что погони нет, опускался на передние лапы и продолжал бег.

За месяцы, проведённые в неволе, Топ отвык от длительных переходов, и сейчас его сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку.

Следовало отдохнуть и перевести дух. Взбежав на лесистый увал, он растянулся на траве.

Ненавистную вонь железных чудищ сменили ароматы прелой листвы, сырой земли. Над головой на кончиках сосновых веточек светились полупрозрачные капельки смолы. Они наполняли воздух знакомым с детства запахом. Передохнув и успокоившись, беглец продолжил путь. Как весной птиц тянет на север на родные гнездовья, так и Топа генная память вела туда, где он родился.

Завершался первый день свободы. На смену тягучим сумеркам как-то незаметно пришла ночь, а Топ всё бежал. Далеко позади остались огни человеческого жилья. Но вот впереди сквозь чуть шелестящие от ветра кусты мелькнул слабый свет. Проступили тёмные силуэты домов.

Уже вторые сутки бежал, радуясь вновь обрётённой свободе, Топ. Но, как ни велико было желание побыстрее удалиться от города, желудок всё настойчивей требовал пищи. Топ, конечно, подкреплялся на ходу травой и ягодами, но чтобы восстановить силы, необходимо мясо. Тут очень кстати изпод берега шумно сорвалась пара крякв и понеслась по воде, оставляя на ней две дорожки жемчужных кружков. Одна из уток, всем видом убеждая росомаху, что ранена, стала отставать. Но опытный хищник на неё даже не глянул. Сразу полез в траву. В ямке между кочек обнаружил пятерых утят и одно яйцо. Они составили его ужин и завтрак одновременно.

На исходе дня Топ, пересекая плотную, отполированную бобрами тропу, увидел уныло бредущее по берегу пушистое, похожее на бочонок существо. Оно с мрачным видом поглядывало по сторонам. Иногда останавливалось и рылось в береговом мусоре. Это создание было похоже на косматую короткомордую собаку. Топ прикинул: размером с меня, но больно неуклюж — справлюсь.

И тут до него донеслись едва уловимые шорохи. Он замер и, двигая ушками, прислушался. Создание тут же куда-то исчезло. А в глубине леса замелькали призрачные тени. Из-за высокой травы и густого кустарника Топ не сразу распознал в них свору собак. Разойдясь в цепь, они окружали его. Что-то зловещее было в их молчании и слаженных движениях.

Убегать бессмысленно — в два счёта догонят. Тратить драгоценный мускус жалко — дорога длинная, ещё не раз может пригодиться. Оглядевшись, Топ отступил к дереву и, вскарабкавшись по стволу до первой толстой ветки, растянулся на ней во всю длину. Разномастная стая расселась под ним. Решили взять измором!

Из-за горы выкатилась и зашныряла в разрывах туч жёлтая долька луны. Тут собаки отчего-то заволновались, вскочили и побежали, то и дело оглядываясь. По их следам вскоре протрусили волки. Учув запах росомахи, они на неё едва глянули: знали, что от вонючки следует держаться подальше. Вскоре чуткую тишину леса разорвал душераздирающий визг.

Топ же долго ещё лежал на развилке дерева, принохиваясь и всматриваясь во всё, что происходило внизу. Убедившись, что ему больше ничего не угрожает, прыгнул на траву. В ней его внимание привлекла то разгорающаяся, то почти гаснущая точка. Раздвинув стебельки, разглядел маленького жучка, излучающего мягко тлеющий свет. У себя в тайге он таких не встречал.

Шёл третий день свободы.

Чтобы экономней расходовать силы, Топ старался пользоваться хорошо натопренными звериными тропами. На закате со стороны реки послышалось громкое чавканье. У комля могучего дерева копошился огромный незнакомый зверь. Туловище клиновидное, шерсть бурая, грубая. На голове высокие, мохнатые уши. Вытянутый нос венчал подвижный пяточок, по бокам грозно поблёскивали круто загнутые клыки. Вепрь, а это был он, ворошил листву, “пахал” мощным рылом дерновину, что-то выбирая в земле. Его тощий волосатый хвостик беззаботно вертелся.

Из-за поваленного дерева показались ещё одни мохнатые уши. Они подвигались, как локаторы, и вскоре вышла, бдительно оглядываясь, старая

кабаниха — вожак табуна. Она недоверчиво покосилась на Топа и что-то прохрюкала. И тут же выбежали с визгом шерстистые детки с вертикально задранными хвостиками-ниточками.

Вдруг многодетная мамаша резко остановилась, словно наткнулась на незримую преграду. Хвост её, как флажок, взметнулся вверх и застыл, приняв форму вопросительного знака. В наступившей тишине Топ услышал сопение — чушка усиленно втягивала в себя воздух. Затем утробно ухнула и понеслась вниз по косогору. Семья устремилась за ней. Замелькали вразной полосатые поросята, подвинки, чёрные молодые кабанчики.

Топ не стал выяснять причину столь стремительного бегства незнакомых зверей. Подгоняемый безотчётным страхом, он тоже поспешил ныряющими прыжками дальше.

Лес расступился, пошли болота, измазанные слоистыми пластами тумана. Куда ни глянь — кочкарник, топи, вода. Сколько уже Топ перевидал их! Одни чистые, безлесные, с тесно стоящими в ржавой воде высокими кочками. Другие — изумрудная гладь, напоминающая пастбище с одинокими берёзками, а ступишь — зелёные волны кругами расходятся. По таким зыбунам могут ходить лишь широколапые росомахи. Все остальные звери ищут обход. Но самые пакостные и труднопроходимые болота таятся в густых, мшистых чащобах. Они представляют собой бесконечную череду затхлых, пузырящихся ям, опутанных корнями деревьев. На таких болотинах ухо следует держать остро даже росомахам — того и гляди засосёт.

Голодный Топ пробирался по кочкарнику к горному массиву. Кругом торчала осока, между её пучками — неглубокие озерца, больше похожие на заиленные лужи. Топ понимал, что тут добыть что-либо маловероятно, а организм всё настойчивей требовал мяса.

Неожиданно из-за густой стены осоки открылся бойкий водоток, полный рыбы. Высовывая рты, они хватили насекомых, тучами вьющихся над водой. Топ стал прикидывать, откуда лучше подойти, чтобы не спугнуть стайку. В этот момент впереди в тумане кто-то зашевелился. Проступили нечёткие очертания горбоносого лося с вильчатыми рогами, говорящими о его молодости.

Осторожно озираясь, поводя большими ушами, он выходил из заводи, где спасался от гнуса. В слегка колеблющихся от лёгкого ветерка молочных струях тумана животное напоминало сказочное видение. Бык то и дело кашлял, фыркал, пытаясь освободиться от раскормившихся в слизистой оболочке носа личинок оводов.

Лось с каждым шагом приближался и скоро должен был оказаться рядом с Топом. У того взвился азарт охотника: смогу ли одолеть? Хоть и молодой бык, но попробуй, доберись до вены или шейных сухожилий: прочная кожа и густая шерсть — надёжная защита от клыков.

А лось уже совсем близко. Теперь он казался Топу просто огромным. Однако голод порой помогает совершать безрассудные поступки. Помощник ветер тянул на росомаху, и сохатый не слышал её запаха. Когда он поравнялся с Топом, тот прыгнул. Метил в шею, но чуть промахнулся. Быстро перебирая когтистыми лапами по мокрой шерсти, добрался до загривка. Работая мощными челюстями, стал остервенело рвать, грызть шкуру. Обезумевший от боли и ужаса лось понёсся по болоту, пытаясь скинуть страшного наездника, но длинные когти росомахи держали надёжно. Долго носился, роняя пену, великан, но когда Топ, наконец, перекусил шейные сухожилия, увенчанная шерстистыми, ещё не окостеневшими рогами голова безвольно упала на грудь. Сохатый зашатался и рухнул в густую осоку...

Утолив голод, росомаха прилегла. Когда она вновь приступила к трапезе, ей показалось, что лось как-то странно дёрнулся. Топ насторожился и приподнял голову. В этот момент передняя нога-ходуля “выстрелила” из-под брюха ему в морду. Придя в сознание, Топ еле разомкнул челюсти. Половина передних зубов была выбита. По очереди вытаскивая языком их обломки, с радостью убедился, что клыки целы. Спёкшаяся кровь закупорила распухшие ноздри так плотно, что дышать росомаха могла только ртом. Пройдя к воде, Топ опустил в неё морду. Потихоньку фыркая, прочистил

носовые проходы и вернулся к своему трофею. Но как ни подступался к туше, оторвать даже небольшой кусочек мяса травмированной челюстью не смог. А есть хотелось. Зверь огляделся. На холме возле болота могут быть куропатки, подумал он. Надо проверить. Ему повезло: куропатки там действительно были. Подкрепившись, Топ продолжил путь.

Характер леса постепенно менялся. На смену светлому, преимущественно лиственному начался дремучий, тёмнохвойный. Под его плотным сводом редко увидишь кустарники, подлесок, траву. Устланная пышным моховым ковром земля бугрилась старыми обомшелыми валежинами, колодами, дряхлыми пнями. Молчаливая, угрюмая и бескрайняя, как океан, страна — тайга! Видимость из-за густых зелёных лап, обвешанных бородами лишайника, падала до трёх-пяти метров. (Изредка встречались открытые пространства, утыканные чёрными скелетами горелых стволов.)

Хорошо, что у зверей есть внутренний компас. Без него в такой чаще можно плутать годами. Шёл Топ в основном ночью, когда вероятность встречи с двуногими была минимальна. Перед рассветом выбирал скрытное место для отдыха и чутко дремал. С приближением сумерек подкреплялся, чем придётся, и продолжал путь.

Когда дорогу преграждала речка, Топ безбоязненно входил в воду и, загребая широкими лапами, как вёслами, переплывал на другой берег. Дважды его путь преграждали большие полноводные реки. На них, как ни старался Топ плыть прямо, мощное течение сносило на километр, а то и на два. На илистых и песчаных берегах всё чаще встречались отпечатки медвежьих лап. А сегодня Топ вышел прямо на семью косолапых. Она отдыхала на краю хорошо продуваемого берегового уступа. Медведица блаженно развалилась на дерновине, подставив солнцу грудь и брюхо. Передняя лапа расслабленно свешивалась вниз. Этим не преминул воспользоваться один из малышей. Подпрыгнув, он ухватился за неё и моментально взобрался на живот к матери, где и устроился, словно на мягкой перине. Вскоре рядом появился братец, и они стали, потешно фыркая, барахтаться на мамаше. Она же басовито урчала, щурилась от удовольствия, но, уловив в ветре чужой запах, беспокойно огляделась. Увидев Топу, рывкнула на него так грозно, что тот поспешил ретироваться.

Ясная сухая погода разнообразилась грозами. После того, как однажды у Топу на глазах от удара молнии раскололся и загорелся большущий кедр, он боялся грозы и при её приближении начинал, забыв обо всём, зарываться в землю. Грозе всегда предшествовал шквалистый ветер. Под его натиском мохнатые папахи деревьев, судорожно всплскивая ветвями, мотались из стороны в сторону, роняя на землю обломки сучьев, а стволы трещали, натужно выгибаясь. Некоторые из них лопались. А иные, выворачивая корнями пласт земли, валились целиком. Бесчинствовал ветер, как правило, недолго, но ветровальи оставлял значительные. Топ не понимал, как это невидимое существо творит такую разруху.

Лишь только напор ветра ослабевал, с небес начинали низвергаться косые струи. Тайга озарялась слепящими вспышками и вздрагивала от раскатов грома. Порой ливень был столь обильным, что безобидные ручьи на глазах превращались в клокочущие мутные потоки, несущие ветки, коряги, а прибрежный песок буквально вскипал под ударами дождевых капель. Бывало, что дождь переходил в град. Тогда ледяные шарики срезали траву, кромсали листья деревьев, ударяясь о камни, разлетались в разные стороны.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Косматый зверь брёл нескончаемой сумрачной тайгой двадцатый день. Его шаг оставался ровным, чётким, как и в первые дни пути. По прямой линии следа было видно, что он точно знает, куда идёт. Позади остались сотни километров. О том, что его ждёт впереди, и когда покажутся горы, где он родился, Топ не знал. Он просто шёл, подчиняясь зову родины. Когда

появлялись попутные зверовые тропы, он пользовался ими. Это было не только удобно, но и полезно — то и дело набегали зайцы, олени.

В одной из горных долин Топ уловил запах дыма. Снедаемый любопытством, он круто отклонился от нужного направления. На галечном берегу шустрой речушки чадил дымокур. Рядом — убежище двуногого из туго натянутой гладкой шкуры цвета пожухшей травы. Поодаль по колено в воде — человек. Зачерпывая корытцем гальку с песком, он покачивал его, сливая содержимое в речку. Эта странная процедура повторялась всё время, пока Топ наблюдал за ним. Как ни силился зверь понять смысл этих однообразных движений, так и не смог найти им объяснение. В нём даже пробудилось сочувствие к этому несчастному, занятому бессмысленным перекачиванием камушков в корыте.

Завершался второй месяц пути. Равнины с мрачными мшистыми ельниками всё чаще чередовались холмистыми возвышенностями, заставленными бронзовыми колонными сосен.

С наступлением тьмы тайгу теперь частенько тревожил страстный рёв-стон сохатых. Настала пора, когда быки разыскивают нежных подруг и бьются с соперниками за право быть их возлюбленными. “Мычание” неслось с разных сторон и эхом металось по лесу. Один лось простонал совсем рядом. Вскоре оттуда донёся стук рогов, прерывистое дыхание и треск сучьев под копытами. Вот в орешнике замелькали охристые “лопаты” с многочисленными отростками, налитые кровью глаза, вздыбленная на загривке шерсть, широкая грудь, поджарый круп таёжных великанов. Быки, упершись рогами, месили копытами землю, отстаивая право огулять стоящую поодаль лосиху. В это же время главный информатор — ветер — принёс Топу волнующую весть — где-то рядом косой. Росомаха медленно двинулась на этот запах....

Ночь неохотно сдавала свои позиции, но медленно восходящее светило с каждой минутой неузнаваемо преображало мир: гасило звёзды, сдирало мрак сначала с макушек холмов, затем и со склонов, обнажая ложбины. Вот и кедровки проскрежетали побудку. Пovýлезали из земляных норок и молниями замельтешили по лесу бурундуки, слетели с деревьев в траву кормиться ягодами рябчики. Тайга пробуждалась, а Топ, вычистив шершавым языком морду и лапы от крови наполовину съеденного зайца, наоборот, готовился ко сну на мягкой рыжей перине накопившейся за многие годы хвои.

На следующем переходе его ожидал приятный сюрприз: сквозь бронзовые стволы сосен показались зазубрины гор. Вид острых вершин, подпирающих небесный свод, необычайно воодушевил Топ: значит, дом близко! Он любил горы. Ему нравилось чередование серых потоков из громадных валунов с зелёными языками кедрового стланика, нравилось, как по межгорным ложбинам сбегает шумные пенистые ключи и как из узких, холодных расщелин, заваленных гранитными глыбами, выползают, цепляясь за выступы скал, ключья тумана. Долина, по которой поднимался Топ, сужаясь, постепенно превращалась в тесное ущелье.

Придерживаясь правого склона, Топ продолжал упорно углубляться в лабиринт гор. Скалистое ущелье всё поднималось и поднималось уступами, местами почти отвесно. Чем выше взбирался Топ, тем холоднее становился воздух. В расщелинах забелели снежники. Их становилось всё больше, а изголовье ущелья и вовсе оказалось сплошь забито крупнозернистым снегом. Слева, на севере, высился остроконечный, ослепительно белый пик, безраздельно господствовавший над всей округой. Он венчал суровый, безжизненный водораздел одного из хребтов.

Перевалив на его восточный склон и спустившись в долину, Топ опять попал в лето. Полное безветрие, богатейшее разнотравье, стаи куропаток, сосновые боры очаровали уставшего путешественника, и он решил задержаться тут.

Обосновался на межгорном плато, ограждённом от северных ветров гребнем, состоящим из множества игольчатых пиков. Его подножье подпирали заросли кедрового стланика. На загнутых вверх ветках висели грозды

бурых, с фиолетовым отливом шишечек. Спрятанные в них орешки обеспечивали сытую жизнь многим обитателям этих мест.

МЕДВЕДЬ

День ото дня холодало. Северный ветер безостановочно гнал в тёплые страны стаи птиц, а по земле перебирались поближе к глухим дебрям медведи. В заваленных снегом берлогах они спокойно проспят до весны. Могучие звери шли напролом, каждый своей дорогой, оставляя дымящиеся в прохладном воздухе колбаски непереваренных кедровых скорлупок: прежде чем залечь в берлогу, они должны полностью освободить кишечник.

Топа приближение зимы не пугало. Пищи полно. В один из промозглых, холодных дней он после удачной охоты на куропаток брёл по неровно затвердевшей от утренника земле мимо почерневших стволов к роднику. Под лапами гремел пожухлый лист, потрескивал новорождённый ледок. День только начинался, но из-за посыпавшихся из туч хлопьев снега было светлее обычного. “Белые мухи” бесшумно падали весь день. К вечеру тайгу укрыло белоснежным одеялом. Поднявшийся ветер загонял снежинки в щели, полости, надувал за скалами сугробы. За долгую зиму там вырастут целые холмы. Зайцы и куропатки, не успевшие сменить свой серенький наряд на белый, были хорошо заметны на снегу. Это облегчало Топу охоту. После очередной успешной вылазки он, как обычно, взобрался на возвышенное место — скалистый утёс. Соскрёб когтями налипший на широкие ступни снег и, пригретый полуденным солнцем, свернулся в клубок. Разбудил его треск веток. По долинке брёл мосластый медведь. Коричневая шерсть, слипшаяся от смолы и репья, свешивалась с боков клочьями. По тому, как часто косолапый отдыхал, было件件но, что он идёт из последних сил: то ли болен, то ли стар.

Топ сразу определил — миша не жилец, но он так плотно поел, что поленился преследовать топтыгина. Только через день, когда желудок опустел, он двинулся по его следу. Там, где медведь ложился, от груди отпечатывался глубокий жёлоб. По нему и вмятинам от острых локтей было件件но, насколько худ зверь.

Всё говорило о том, что у Топа хороший шанс занять гору мяса. Чем дальше, тем чаще встречались лёжки. Редкая, особенно на животе, медвежья шуба не защищала от мороза. В одном месте в остекленевший снег впаялись коричневые шерстинки, — видно, долго лежал. Следы вели к роднику с солоноватой водой. Он не замерзал даже в сильные морозы, и его любили посещать копытные.

Здесь снега было меньше, и вместо борозды тянулась цепочка ямистых отпечатков. В них виднелись пятна крови: похоже, голые ступни полопалась и кровоточили. Возле родника медвежьи следы смешались с волчьими. По ним Топ прочитал: серые взяли бедолагу в кольцо и атаковали. К пятнам крови прибавились клочья шерсти, как медвежьей, так и волчьей. Ветер успел согнать их в снежные стаканы. Миша каким-то чудом вырвался из “оцепления”, и толчая следов протянулась, сходясь и расходясь, вдоль берега ещё метров на сто. Развязка наступила под обрывом.

Частокол белеющих рёбер обозначил место пиршества волчьей стаи. На истопанном снегу валялась и недоеденная голова. Это всё, что осталось от некогда могучего зверя.

Сделав большой круг, Топ убедился, что серые покинули эту территорию, и вернулся к останкам медведя. Прожив здесь несколько дней, он доел не только голову, но и перемолол, перетёр крепкими коренными зубами мозговые кости. На медвежий дух как-то забрёл старый волк. Твёрдый, тяжёлый взгляд выдавал в нём неподомого бирюка. Топ отдыхал в это время неподалёку. Он был сыт и не стал отстаивать свои права. Серый попытался погрызть оставшиеся кости, однако зубы старика не смогли с ними справиться. Похватав от безысходности пропитанный кровью снег, так и удалился ни с чем. Когда от медведя ничего не осталось, и Топ покинул это место.

Зима достигла пика своего могущества. Украшенные алмазной бахромой деревца трещали от стужи. В эти дни мало кто отваживался высунуть нос из своих убежищ — мороз сразу пробирал до нутра. Лишь ворон, украшенный заинделевшими бакенбардами, продолжал шушать крыльями над тайгой, оставляя за собой след кристаллизованного пара. Заметив кого-либо, он от удивления оглашал промороженное пространство раскатистым “кр-р-у-у!”.

Топ тоже отлёживался в глубокой снежной норе. Однако голод заставил его выбраться. Вышел не в сумерках, а днём — солнце всё же смягчало стужу.

Мороз сразу вцепился когтистой лапой в морду. Пронзив калёными иглами ноздри, вытек из глаз слепящей влагой. А лоб заломило так, словно с головой провалился в полынью.

В тугом, жгучем воздухе Топ не чувствовал ни единого запаха — всё выстужено. Выручали глаза. Изучая на снежной пелене немногочисленные следы, он видел только старые. Чтобы не обморозить нос, Топ периодически прятал его под мышку. Подушки лап, несмотря на то, что густо опушены шерстью, тоже приходилось по очереди вжимать в мохнатое брюхо.

Из распадак донёса странный стук: как будто кто-то стучал дубиной по стволу. Спустившись пониже, Топ увидел одного сохатого, дившего оставшейся “лопатой” по стволу берёзы: лесной великан решил избавиться от второго рога — устал, видимо, ходить с перекошенной на один бок головой.

Неожиданно сверху посыпалась, кружась, шелуха кедровых шишек — не белка ли? Увы! Это были недоступные Топу клесты! Дойдя до круто обрывающегося склона, он свернулся в клубок и скатился на дно впадины, оставляя за собой гладкий, волнистый жёлоб. Отряхнувшись, двинулся вдоль заваленного снегом русла. Его внимание привлекла струйка пара, поднимающаяся из-под каменного козырька. Взобравшись на снежный намёт, Топ увидел отверстие, густо обрамлённое пушистым инеем. Что же там внутри? Может, берлога? Принюхался — медведем не пахнет.

Протискиваясь в чёрный зев, он коснулся головой игольчатой бахромы. Холодная осыпь прошелестела по спине. Когда глаза немного привыкли к мраку, он разглядел невысокий грот. Стены ребристые, с выходами слоистых пород. Здесь было заметно теплей. Любознательный зверь решил осмотреть пещеру. Осторожно ступая по камням, он прошёл в более просторный зал. Тут чувствовался сквозняк. Двигаясь навстречу воздушному потоку, Топ услышал мелодичные звуки: как будто серебряный молоточек бил по наковальне: тинь... тинь... тинь. Чем дальше он шёл, тем громче тинькало и прозрачней становилась тьма. Пройдя поворот, Топ увидел сноп голубоватого света, льющегося сверху сквозь высокий, узкий пролом. Снег, окаймлявший его, от тёплого воздуха таял, и капли со звоном падали в озерцо.

На берегу лежали крупные кости каких-то животных. Голодный путешественник попытался погрызть их. На вкус они напоминали обычный камень. В воздухе что-то прошуршало. Топ поднял голову и разглядел тёмные комочки. Это были летучие мыши, свисавшие с шершавого свода вниз головой. Их было много: сотни, если не тысячи.

Цепляясь когтями за неровности стены, Топ вскарабкался повыше и снял один комочек. Мяса немного, но оно оказалось нежным и приятным на вкус. Радости росомахи не было предела. Топ даже подпрыгнул от восторга: теперь можно не беспокоиться о пропитании! А если учесть, что в этом каменном мешке тепло и полно воды, будущее представлялось сытым и спокойным.

ВЕСНА

Тёплая пещера и летучие мыши помогли Топу довольно легко пережить зиму. Когда мороз слабел, он выходил охотиться наружу. Летучих мышей, до которых было легко дотянуться, становилось всё меньше. На плато уже пахло весной. Всё длиннее дни, всё выше над застывшими горами солнце и ласковее его лучи. Снег кое-где залоснился настом.

Деревья, тронутые первыми вздохами тепла, оживлённо зашептались. У приствольных кругов завитал едва уловимый запах прелых листьев, прошлогодней травы и влажного мха. С пропелшин доносился дикий хохот ошалевших от весенних страстей петушков куропаток, перемежающийся с жизнерадостным теньканьем весёлых синичек.

Как только сошёл снег и подсохла земля, Топ продолжил путь в родные края. Со скальной гряды хорошо просматривалась вереница конусовидных гольцов главного хребта. В глубоких морщинах пенельных склонов лежали не успевшие растаять плотные надувы. Зубцы гор, уходя на север, растворялись в лёгкой дымке.

Топ потрясла мощь и высота этой горной цепи. Водораздела неутомимый путник достиг за дневной переход. С него открылись более низкие отроги, переходящие в зелёную равнину, поблёскивающую площадками озёр. Казалось, дальше уже нет ничего, кроме этой изумрудной глади. Но где-то там, вдали, должен быть горный массив, к которому так стремится Топ. Издавая трубные крики, над ним пролетел на север журавлиный клин. Теперь в нём звучала ликующая радость, не то что осенью, когда, покидая родовые места, журавли курлыкали протяжно и печально.

Предвкушение встречи с родным краем прибавило зверю сил: прыгая с камня на камень, он устремился вниз. Спускаясь вдоль ручья, Топ то и дело вставал на задние лапы. Делал он это не только, чтобы выбрать лучшую дорогу, но и чтобы не встретиться с людьми — ведь тут они уже должны быть. Когда до равнины оставалось совсем немного, склон неожиданно оборвался отвесной стеной. С неё с разбегу слетал, рассыпаясь на стеклянные гроздья, окрепший ручей. Косматый путешественник спустился по гранитным уступам к водобойному котлу. Возле него на обширной площадке, густо заросшей берёзками и осиной, стояли длинные серые строения, окружённые столбами с колючей проволокой. Они были похожи на те, что встречались за хребтом, но здесь за изгородью ходили собаки и двуногие. Чтобы не попасть им на глаза, Топу пришлось сделать петлю.

НА РОДИНЕ

Когда ровную линию горизонта вновь изломали лиловые зубцы, у Топа не было сомнения — это его горы! В центре истосковавшийся взор ласкал белоголовый купол, по бокам — столообразные вершины пониже.

Последние километры преодолел без единой остановки. Взойдя на первый кряж, прилёг отдохнуть в окружении разлапистых кедров. Воздух, густо насыщенный ароматом хвои, хотелось вдыхать бесконечно долго. Горы от него разбегались так далеко, что казалось, нет им ни конца, ни края. На самом же деле этот горный массив был не столь и велик: не более восьмидесяти километров в самой широкой части.

Здесь Топу всё было знакомо. Прямо перед ним — родной участок. Там он встретился с Лаской... Найдёт ли её? Этот вопрос волновал его больше всего. Подлетела сорока и, прыгая по веткам, с воодушевлением что-то протараторила, словно поприветствовала старого знакомого.

В надежде найти свою подругу, Топ направился к пещерке, в которой они частенько отдыхали и прятались от мошки. Вот и падь с родничком-живуном, бьющим из-под узловатых корней. Его даже в самые сильные холода обмётывало льдом лишь у берегов. Где-то тут и должен быть проход в пещерку. Точно — вон он.

Забравшись в сухой грот, Топ с волнением обнюхал мох, листья, устилавшие каменный пол. Они до сих пор хранили родные запахи, но свежих среди них не было. Улёгшись на прохладную плиту, он прикрыл глаза. Давние, уже полузабытые события вдруг стали всплывать из тайников памяти, звучать и видиться, будто наяву. Вспомнил, как счастливо и беззаботно они с Лобастым жили у двуногих, с каким воодушевлением он осваивал науку самостоятельной жизни, как выручил его Амур, как с Мавром наказали Крутлолицего, как с Лаской растили малышей. Всё в прошлом! Эх, найти бы её!

Топ страстно желал встречи с милой его сердцу росомашкой ещё и потому, что настало время гона. Но сколько ни ходил он по участку и за его пределами, следов подруги не обнаружил. Ушла! Куда? Неизвестно!

Поскольку в пещерке даже в самые знойные дни было прохладно и не доучал гнус, Топ в ней и поселился. Жил, придерживаясь простого распорядка. В течение дня, спасаясь от жары, дремал в гроте. С приближением вечера вставал и отправлялся на охоту. Вернее, даже не на охоту, а на кормёжку: как известно, летом с питанием проблем нет. Тут тебе и сочные коренья, и мёд, и яйца, и птицы, и грызуны.

Как ни странно, со временем Топ потянуло к двуногим. Во сне ему всё чаще виделись пышнотелая хозяйка, добрейший Пуля. Как хорошо и весело жилось с ними! Эти сны-воспоминания бередили душу зверя, но он так и не решился сходить в село.

РАЗГУЛ БРАКОНЬЕРСТВА. НА СЕВЕР

В начале осени Подкова, наряду с товарами повседневного спроса, привёз в Верхи два снегохода “Буран” и предложил их взять в аренду промысловикам, про которых знал, что те втихую браконьерят. По условиям договора, они должны были в течение двух лет ежегодно сдавать ему по двести килограммов брусники, клюквы, по восемьдесят штук рябчиков, двадцать тетеревов, десять глухарей, а главное — по полторы тонны мяса. Чтобы охотвед не поднял шум, какого мяса в договоре не указали. При выполнении этих условий снегоходы переходили в собственность охотника.

В следующий заезд парк снегоходов пополнился ещё одной машиной и бочками бензина к ним. Обладатели скоростной, не знающей усталости техники теперь могли загнать любого зверя. Оставалось только дожидаться, когда ляжет снег. А лёг он буквально день в день с открытием промыслового сезона — 15 октября. Уже через неделю выбеленные окрестности покрыла густая сеть следов от траков снегоходов. Две гусеницы и одна опорно-поворотная лыжина позволяли “Буранам” без особого труда передвигаться по таёжной глухомани, легко раздвигая подрост своим полукруглым носом.

Ребристые ленты на снегу появились даже в прежде не доступных местах. Рядом зачастую виднелись следы в ужасе бежавшего зверя. О развязке красноречиво повествовал окровавленный снег.

Добычливей всего “охота” была на безлесых горельниках и марях. Да и непролазная тайга день ото дня делалась всё более доступной: стремясь побольше заработать, опьянённые лёгкой добычей браконьеры не ленились растаскивать завалы или прорубать, пропиливать мотопилой в них проходы.

Заготовки мяса у Подковы резко возросли. Он ликовал — доходы с каждого рейса утроились, и деньги, вложенные в снегоходы, отбились в первый же сезон. А алчные арендаторы радовались, что обзавелись такими замечательными помощниками. Увещевания же Степана не превышать нормы отстрела не останавливали их: милиция далеко, а охотвед пошумит, пошумит, да перестанет — ему тут жить.

Больно было Степану Ермиловичу видеть, как тайга скудеет, но время стало лихое — мир перевернулся, зло торжествовало! Иные мужики словно с цепи сорвались. И получалось, чем бессовестней и наглее вёл себя человек, тем больше зарабатывал. Казалось, что этому безумству не будет конца...

Пусто стало в тайге. Прежде каждый шаг в лесу был наполнен сладостным, счастливым ожиданием: вот сейчас из-за куста выскочит заяц, или из снежной спальни вылетит красавец глухарь. Теперь это всё в прошлом.

ЛАСКА

Окрестная тайга за три года превратилась в безжизненную пустыню. Можно было пройти несколько вёрст, а на снегу встретить лишь миниатюрные строчки мышинных следов, разделённые кое-где тоненькой ниточкой от

хвоста. Среди зверей уцелели лишь те, кто посмекалистей. Одни из них забрались на неприступные для снегоходов крутяки, другие и вовсе покинули этот горный массив.

Бродя зимой по осиротевшим распадкам в поисках чего-либо съестного, Топ вдруг оживился: ветер принёс давно искомый, но уже успевший несколько стереться в памяти запах. Прихватив запашистую струйку, он побежал по ней, веря и не веря: это был запах Ласки. Вскоре увидел и её следы, чётко отпечатанные на уплотнённом ветрами снегу. Они неторопливо вихляли среди деревьев парной строчкой. Топ очумел от радости. Дальше след пошёл прямо, без отклонений, а шаг стал шире. Интересно, куда это она зашлепала?

Топ припустил что было сил: ему не терпелось увидиться с росомашкой. Вскоре Ласка и вовсе перешла на махи. Похоже, её что-то испугало. Сбоку появилась широкая ребристая лента, оставляемая железным чудищем, на котором теперь ездили многие двуногие. В носу от неприятного запаха засвербело.

Ласка бежала к изголовью распадка. Широкая лента, спрямляя изгибы, не отставала. И тут Топ упёрся в небольшой вытоптанный круг, весь в пятнах крови. Следы Ласки в этом месте обрывались...

Потрясённый Топ был готов вцепиться в горло и разорвать двуногого, убившего его подругу, но понимал, что железное чудище ему не только не одолеть, но и не догнать. В другом распадке тоже появились ребристые ленты. У одной из них лежали головы и внутренности трёх оленей. Топ понял: люди достигли такого могущества, что могут убивать столько, сколько захотят. И, если он не хочет повторить судьбу Ласки, лучше покинуть эту территорию. Куда, он давно решил — на север! Однако выход Топ откладывал со дня на день — с обжитым участком всегда тяжело расставаться. К тому же всё бойчее капало с выбеленных снегом ветвей, и двуногие стали покидать тайгу.

Надежды на то, что быстро тающий снег, как обычно, обнажит останки погибших в морозы животных, не оправдались: в омертвевшей тайге их уже и не могло быть.

Топу давно хотелось нежной, парной зайчатины. По схваченному утренником глянцевою снегу, сохранившемуся ещё на северных склонах, загнать косо было несложно. Наст в это время столь прочен, что на нём оставались лишь царапины от когтей. Зверь вспомнил, что на днях на берегу Ворчалки упала здоровенная осина, и он ныряющими прыжками направился туда: зайцы обожают мясистую, горьковатую кору. Но увы! У дерева ни одного следочка — повсюду лишь девственный снег. Пришлось опять довольствоваться мышами. Хорошо хоть их было в достатке.

Во сне Топу стали видеться то громадные туши лосей, то табунки доверчивых куропаток. Голод и эти навязчивые видения, наконец, погнали его прочь из опустевшей тайги.

НА СЕВЕРЕ

На ветках прибрежных ив уже плотными семейками высыпали пухлявые комочки вербы, припорошённые золотом сладкого нектара. Не отставали от верб и осины. На одних деревьях серёжки висели красноватые, на других — зеленоватые: мужские и женские дары Флоры. Луговые цветы ещё спали. Поэтому ровный гул пчёл стоял только над этими деревьями.

Топ спустился с хребта к широкой полноводной, местами рассыпающейся на узкие рукава реке и зашагал туда, откуда ветер всегда приносил холод и дожди. Гладь равнины изредка пучили длинные песчаные увалы, поросшие соснами. Пружинистый слой из опавших хвоинок чередовался с серебристыми полями шарообразных клубов ягеля. На солнцепёке он был низким и хрупким: стоило наступить на мшистый клубок, он с лёгким хрустом рассыпался. А вот в тенистых и влажных местах ягель превращался в упругую противоположность: под лапой податливо проминался, а как только Топ убрал её — тут же принимал исходную форму.

Болотистые участки устилал ковёр, сотканный из корней травянистых растений и низкорослого кустарника. Он был столь хлипким, что только широколапые росомахи могли пройти по нему.

Эти топи то и дело разрывались голубыми блюдцами озёр. На них в изобилии гнездилась водоплавающая. Вечерами от их криков вибрировал воздух. В этом многоголосье можно было различить и надрывное кряканье уток, и гоготание гусей, и пронзительный свист куликов. Птиц влекли сюда богатые корма и недоступность их гнездовых для вороватых лис и песцов.

Топ же, благодаря широким лапам, ходил по этим болотинам свободно. Бесцеремонно стогняя с гнёзд мамаш, он с удовольствием лакомился лежащими в них яйцами, отдавая предпочтение крупным гусиным: надкусывал скорлупу и высасывал содержимое через образовавшееся отверстие. Опорожнённые таким образом яйца внешне выглядели целыми. Топ, в отличие от песцов, клал их обратно в гнездо. После такого хитроумного ограбления некоторые гусыни продолжали добросовестно высиживать пухляшки.

Шагая по берегу одной из протоков, Топ вышел на широкий, со слабым течением плёс. От него нёсся шум, напоминающий треск сучьев. Ничего ещё не видя, зверь привстал на задние лапы: протоку переплывали дикие олени. Животные плыли так плотно, что ветвистые рога, стучаясь друг о друга, издавали этот необычный треск.

Запрыгивая на обрывистый берег, олени шумно отряхивались. После чего жадно хватали подвижными, мясистыми губами всё, что росло под ногами: кустики карликовой берёзы, брусники, траву, отдавая предпочтение сытному ягелю.

Топ дождался, когда эта лавина двинется дальше, и тоже переплыл протоку. Вскоре он обнаружил, что за стадом оленей следует две росомашы семьи. Осторожный зверь поначалу держался на некотором удалении от них. Но видя, что его появление соплеменниками воспринято доброжелательно, присоединился к ним.

Охотились, вернее сказать, пасли оленей росомахи просто: ложились в двадцати-тридцати метрах от пережёвывающего жвачку стада и наблюдали. Определив, кто послабей, гнали его несколько десятков метров. Если чувствовали, что спеху не догнать, оставляли в покое. А если намеченная жертва бежала непрытко, продолжали погоню. Когда животное начинало сдавать, делали резкий рывок и валили с ног. Иных и преследовать не приходилось: доставали в несколько прыжков.

Правда, один олень, круто повернувшись навстречу преследователям, встал на дыбы и принялся так неистово молотить передними ногами воздух, что росомахи, поражённые необычной храбростью животного, отступили.

Топ среди сородичей оказался самым сильным и дерзким. Он мог схватить оленя за шею и ещё живого таскать по траве или ивовому стланнику из стороны в сторону, хотя вес жертвы в четыре-пять раз превосходил его собственный.

Несмотря на обилие мяса, росомахи никогда не оставляли костей — разгрызали даже самые толстые. Особенно долго приходилось возиться с рогами. Удерживая основной ствол передними лапами, они, с усилием ворочая головой, перепиливали-перетирали его коренными зубами. Тут уж хищники не считались со временем: роговые опилки были их излюбленным лакомством.

Иногда намеченного к трапезе оленя выручала близость реки или озера. Хотя росомахи хорошие пловцы, в воду они заходят неохотно. Поначалу самые азартные пытались продолжать преследование и в реке, но олени, будучи намного выше в ногах, дождавшись, когда они подплывут, с хриплым мычанием били преследователей копытами. После пары таких уроков росомахи перестали атаковать оленей в воде.

Смекалистый Топ изобрёл более безопасный способ охоты. Приблизившись к стаду, он падал навзничь и, тяжело дыша, начинал кататься из стороны в сторону, якобы корчиться в судорогах. Олени прекращали кормиться и с любопытством наблюдали за странным поведением хищника. В это время его соплеменники подкрадывались к стаду почти вплотную и атаковали, как правило, успешно.

Правда, в жаркие дни эта хитрость не давала нужного результата. Облепленным слепнями и оводами животным было не до зрелищ. Они безостановочно били по брюху и бокам задними и передними ногами либо стряхивали резким подёргиванием шкуры вонзивших в них острые носы-стилеты кровососов.

В лесотундре встречались и домашние олени, но росомахи с ними не связывались: они находились под охраной некрупных, но необычайно голосистых оленогонных собак и их двуногих хозяев. Зачем рисковать, если еды и так достаточно?!

К середине лета, когда арктическое солнце, едва коснувшись далёких холмов, снова отскочило вверх, росомахи переключились на другую, ещё более лёгкую и доступную добычу: на линных гусей. Встав цепью, они отрезали беспомощным птицам дорогу к воде и гнали в тундру, где давили сначала тех, кто на виду, а потом добирали затаившихся в зарослях карликовой берёзы.

В конце лета тундра кишмя кишела расплодившимися леммингами и пищухами. Топ первым переключился на этих разжиревших на разнотравье и сочных корешках грызунов.

Животы у росомах от обильной кормёжки округлились, чёрные смординки глаз весело и беззаботно блестели. Охватившее Топа любовное томление побудило его сойтись с одной из самочек, но через месяц она стала тяготить его своей бестолковостью. Когда Глупышка очередной раз испортила охоту, он оставил её.

Росомахи не брезговали и отъевшимися за лето песцами. Топ презирал этих “собачат” за трусость, но давил и ел их с удовольствием, тем более что мясо у них было питательным и вкусным.

В начале осени, когда миновала комар-пора, стада копытных хлынули обратно в тайгу. Главная причина осенней миграции северных оленей на юг в леса состоит в том, что на открытых пространствах тундры снеговой покров под воздействием ветров сильно уплотняется, что делает невозможным добывание кормов. “Пасшие” их росомахи двинулись следом. Топ же остался: зачем уходить, когда вокруг столько еды и двуногие не докучают. Он с недоумением смотрел вслед удаляющейся лавине оленей и бегущим за ними сородичам. В это время в небе что-то загудело, и из-за низких облаков вынырнула огромная зелёная птица. Покружив над тундрой, она хищно зависла над оленями. До Топа донеслись резкие щелчки огнебойных палок. Стадо разделилось на две части и в панике понеслось в разные стороны. Несколько оленей осталось лежать на земле. Росомахи же гурьбой кинулись обратно. Птица стала их преследовать.

Топ видел, как его бывшая подруга волчком закрутилась на месте, а её отец сунулся в траву, словно провалился в глубокую яму. Рокочущая громада опустилась рядом. Из неё выпрыгнули двуногие и, забрав убитых, улетели. Топ был потрясён: ведь и он мог оказаться на их месте!

Световой день тем временем становился всё короче, а тени длиннее. После нескольких волн холода тундру накрыли снега. Робко выплывавший по утрам диск поблёкшего солнца, прокатившись вдоль линии горизонта с востока на запад, спешил укрыться от пронизывающих ветров за холмами.

Настал день, когда к земле пробился последний, жиденький луч — прощальный привет светила, покидающего этот край на три недели. Следующие два дня небосвод в полдень ещё подсвечивался невидимым уже солнцем, но на третий полярная ночь окончательно вступила в свои права.

Жизнь съёжилась, попряталась в сугробы, расплзлась по глубоким норам. Каждый выживал, как мог. В этом оледенелом полуночном крае мороз порой достигал такой силы, что белая сова, распушив перья, становилась похожа на шар.

Топ хоронился от стужи и пронизывающего ветра, зарываясь в снег. Затянувшаяся ночь его жизнь не осложнила. Он и прежде предпочитал охотиться в сумерках или темноте. Плохо было то, что кишевший всевозможной живностью край теперь словно вымер. Выручали устроенные с лета запасы. Не все схороны уцелели, но и оставшихся было достаточно.

Как-то небо несколько посветлело. По чёрному, украшенному гроздьями созвездий своду ритмично забегала полупрозрачная серебристая лента. Дрожая и пульсируя, она, казалось, дышала. Временами по ней с шорохом прокатывались зеленоватые сполохи, но вскоре нежные переливы потухли, и поднялся ветер. Над промороженной тундрой понеслись, многоголосое вой, выравнивая всё на своём пути, снежные вихри. Чтобы сберечь тепло, Топ опять глубоко закопался в снежную толщу.

АВАРИЯ

Несмотря на то, что в тундре жизнь была сытной и спокойной, Топ уже на второй год затосковал по горам и тайге. Ему стало казаться, что нет на свете места краше и богаче, чем его родной край. Конечно, там много двуногих с громобойными палками, но Топ хорошо изучил их повадки и был уверен, что сумеет избежать опасных встреч и ловушек.

Была ещё одна причина, по которой его потянуло на родину. Спокойная, размеренная жизнь угнетала его. Ему не доставало некоей состязательности с прямоходящими. Раньше он гордился тем, что, сколько бы они ни ставили на него ловушек, сколько бы ни гоняли по тайге, он всегда выходил победителем. Это было для него своего рода увлекательной, сопряжённой со смертельным риском игрой.

Очередная волна морозов стала последним толчком: он-таки отправился на родину. Чтобы облегчить путь, воспользовался самой удобной дорогой — широкой лентой закатанной в лёд реки. Правда, были в этом выборе и свои минусы. Не имея преград, ветер на некоторых участках разогнался так, что сквозь мутную позёмку не всегда можно было разобрать, где же русло.

Бежал Топ по косым, тянущимся поперёк реки заструтам практически без остановок. На берег выходил лишь подкрепиться и передохнуть где-нибудь в затишке. Любимых белых куропаток добывал ночью из снежных спален, а если голод давал о себе знать днём, засекал их на белоснежном покрове по чёрным бусинкам глаз и нескольким тёмным перьям в хвосте (эти перья помогают куропаткам не терять друг друга в полёте).

Когда до родных гор оставалось полтора, от силы два перехода, Топ решил побаловать себя зайчиной. В заваленной снегом ложбине, обрамлённой с трёх сторон чешуйчатыми стволами лиственниц, снег был исчиран не только набродами столовавшихся куропаток, но и топаниной беляков. Затаившись у хорошо натоптанной тропы, хищник стал поджидать косога. Вот и он.

Прыжок! Осечка! Матёрый беляк ловко увернулся, а Топ плюхнулся в снег крайне неудачно: острый сучок поваленной лиственницы пробил ступню задней лапы насквозь. Росомаха сгоряча кинулась было в погоню, но почти сразу встала — из-за застрявшего обломка каждый прыжок отдавался острой болью. Пришлось сесть, чтобы выдернуть “занозу” зубами. Боль сразу ослабла. Зализав рану, Топ побрёл с намерением добыть хотя бы куропатку. Увидев след рыси, свернул на него: надеялся поживиться остатками её трапезы. Пробежав с километр, разглядел за застругом рысь, рядом с ней лежал недоеденный беляк. Крапчатая кошечка, подняв голову, нервно двигала ушами-локаторами. Заметив Топу, устрашающе зашипела. В этот момент с неба донёсся слабый рокот. Он становился всё явственней. Топ узнал его: так же рокотала зелёная птица, напавшая на стадо оленей и убившая семью росомах.

Приглядевшись, засёк на фоне свинцовых туч и самого грозного стервятника. Он быстро рос в размерах. Похоже, птица тоже заметила их — стала снижаться. Когда она зависла над росомахой, вокруг поднялась снежная круговерть, а от нестерпимого грохота заложило уши. Топ, помня, что его сородичей в аналогичной ситуации не спасло даже бегство, нырнул в снег и, зарываясь в него, одновременно уходил в сторону.

Он не видел, как открылась дверца, и человек направил на убегающую кошку карабин. Как из него вылетали огонь и клубки дыма. Как рысь, кувырнувшись через голову, неловко распласталась на пушистой перине. Зато

слышал, что рокот вдруг резко усилился, и земля содрогнулась от удара. После этого наступила пугающая тишина.

Топ замер и ещё с полчаса не шевелился... От горячего дыхания снег перед его носом протаял и не мешал дышать. Время шло, а тишина ничем не нарушалась. Осторожно высунув морду из убежища, росомаха увидела, что грозная птица “сидит” на почерневшем снегу в нескольких прыжках от него. С её зелёной спины свисают узкие крылья, а из-под смятого брюха идет дым. На грязном снегу распластался человек, чуть поодаль — мёртвая рысь.

Раздался скрип, и дыра в боку птицы расширилась. Из неё показалась голова двуногого. Топ тут же спрятался в снежной норе и опять превратился в слух. Сверху временами доносились непонятные звуки: стук, скрежет. Вслушиваясь в них, росомаха не заметила, как заснула.

Степан Ермилович при падении вертолётки, можно сказать, легко отделался: расшиб голову, колено и, судя по острой боли при вздохе, кажется, сломал ребро. Его спасло то, что он был пристёгнут к сиденью. И не просто пристёгнут, а плотно притянут к его спинке. Он всегда бравировал тем, что игнорировал ремень безопасности, но когда они взлетали с Трофимова участка, почему-то пристегнулся и, подчиняясь чьей-то безмолвной команде, даже затянул ремень до упора.

“Никак ангел-хранитель подказал!” — с благодарностью подумал Степан, глядя повлажневшими глазами на небо. Опираясь на стенку, он пробрался в кабину. Командир полулежал, уткнувшись лицом в залитую кровью приборную доску.

— Иван Петрович, как ты?

Ответа не последовало. Осторожно приподняв голову, Степан невольно содрогнулся от застывшего взгляда расширенных зрачков. Пульс не прощупывался. Сомнений не было: командир мёртв. Бездыханное тело второго пилота лежало на земле — при ударе его выбросило в открытую дверь.

Голова гудела, но мысли пролетали одна за другой: “Надаться на помощь бессмысленно: на всю округу и был-то один вертолёт, и тот теперь разбит... До Верхов не больше пятидесяти километров, а до промысловых избушек и того меньше... За три дня всяко одолею, но прежде надо второго пилота в вертолёт как-то затащить...”

Поскольку стёкла кабины были выбиты, охотовед, дабы звери не попортили тела вертолётчиков, перенёс их в мятый, но без разрывов салон. Порылся в сумках. Добыча скудная — четыре пирожка с картошкой. Зато оленины и дичи, сданной промысловиками, достаточно. Нарубив топориком мороженой мякоти, сложил её в полиэтиленовый пакет и засунул в рюкзак.

— И чего я спальник с лыжами не взял? Не на себе ж было нести, — расстраивался Степан.

Пока собирался, солнце перевалило зенит. Открыв дверцу, охотовед попытался сходу спуститься, но не тут-то было — земля почему-то поплыла: то удалялась, то приближалась, то вообще уходила вбок.

— Ого! Похоже, сотрясение!

Он с минуту не мог понять, куда ставить ногу. Поймав, наконец, момент, когда примятый снег замер, встал на него. Притянув обрывком стального тросика деформированную дверцу к фюзеляжу, поковылял, с трудом переставляя травмированную конечность, на юг. Поначалу каждый шаг давался через силу, но постепенно мышцы и связки разогрелись. Боль и скованность притупились. Но на душе становилось всё горше и горше: Степан считал, что именно он повинен в гибели людей.

Когда в иллюминатор увидел одновременно росомаху и рысь, его ликования не было предела: звери возвращаются в их леса! Окликнув командира, выразительно затыкал пальцем в стекло. Тот заулыбался и, сбавив до предела высоту, подал знак второму пилоту сделать фотографии. Он же, открыв дверь, вместо этого принялся палить из карабина. Командир обернулся на выстрелы и что-то прокричал ему. В этот миг вертолёт качнулся и резко пошёл вниз...

ТЯЖЁЛАЯ ДОРОГА

Топ разбудил приближающийся хруст снега “скрр-скрр” и шумное дыхание. Шаги всё ближе! Неужели обнаружили? Нет, кажется, удаляются! Росомаха осторожно высунула нос и поцедила воздух. В нём появилось несколько новых запахов. Один из них Топу показался знакомым. Где он слышал его? Ого! Так это ж запах того странного двуногого, который в детстве подкармливал его, а после поймал и отвёз в тесном ящике в громадный человеческий муравейник. От него можно ожидать любого подвоха — надо быть начеку.

Топ выбрался из снежной норы лишь спустя час после того, как стихли шаги. Вокруг царило такое безмолвие, что уши улавливали шёпот падающих снежинок. Железная птица уже не чадила. Снег вокруг был в ямистых следах двуногого. Вот тут он срубил и очистил от веток берёзку и пошёл туда же, куда собирался пойти Топ.

Вскоре зверь догнал его. Человек шёл медленно, опираясь на палку. Но это была не огнёмётная, а обычная палка — из той срубленной берёзки. Топ забежал вперед, дабы воочию убедиться, что нух не обманул его. Да, это был тот самый двуногий с мордой, густо заросшей шерстью.

Степан, прислонившись к дереву, восстанавливал дыхание: сломанное ребро мешало дышать полной грудью. Стоило вдохнуть чуть глубже, как бок пронзала боль, а лоб покрывался испариной. Ко всему прочему земля под ногами опять закачалась. Ему бы полежать дня два-три, но нет — надо идти. И чем быстрее, тем лучше. Однако прибавить скорость не давало распухшее колено.

Отдыхая, охотовед прокручивал события сегодняшнего дня. “И далась нам эта клюквенная настойка! — ругал он себя. — Взяли б с собой и вечером дома посмаковали... Эх! Задним-то умом все сильны!..”

Зная, что зверя в их тайге почти не осталось, а попытки остановить браконьерский беспредел не находили поддержки ни у начальства, ни у милиции, Степан Ермилович в прошлом году договорился в областном земельном комитете, чтобы госпромхозу выделили промысловые участки на главном хребте, и оформил их на семерых надёжных, честных охотников. Самый ближний участок находился в 180 километрах от Верхов. Для пешей заброски далекоавато. Хорошо, что командир авиаотряда пошёл навстречу землякам: выделил единственный исправный вертолёт. Правда, пришлось пообещать ему трёх соболей для жены.

А с Подковой и охотниками, выбившими почти всю живность на снегоходах, договора на аренду старых участков были расторгнуты. Но главным своим достижением Степан считал увольнение Подковы из потребсоюза. Теперь на автолавке к ним ездил сын Макарьча.

Уже в первый же рейс жители села с удивлением обнаружили ощутимую разницу в закупочных ценах. Оказывается, Подкова занижал их на тридцать процентов. Люди кляли пройдоху и радовались, что теперь будут получать за свой труд заметно больше. Из снегоходов на ходу остался лишь Лукьяновский. Поскольку участка он лишился, когда у него поспевала брага, напиравшая и бесцельно гоняла по озеру, горланя: “Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает”.

Сегодня Степану удалось облететь все новые участки и принять у промысловиков заготовленное мясо, пушнину; раздать продукты, боеприпасы до конца сезона. На последнем хлебосольный Трофим угостил клюквенной настойкой. Для пробы по кружке выпили, потом повеселили душу второй.

— Хорошо у тебя, Трофим! Такая красота вокруг. Пожить бы пару недель, — вздыхал расчувствовавшийся второй пилот.

Промысловик оживился:

— Так в чём дело? Оставайтесь! Поохотимся, погуляем маненько! Настойки хватит!

— Спасибо, отец! Нам пора. Давай по последней.

Вот ведь! И в самом деле, последняя получилась! Степан тяжело вздохнул и пошёл дальше.

Укрытая снегом марь в этом месте даже зимой не промерзала: будто кто подогревал изнутри. При каждом шаге под ногами чавкало. От коричневой жижи унты отяжелели. Это тревожило путника: хватит ли сил дойти до ближайшей зимушки? При воспоминании о зимовье в голове сразу зароились вопросы: цела ли там будет печурка? Найдётся ли что поесть?

Беспокоился он не случайно. В последние годы многие промысловики из-за отсутствия зверя побросали свои участки. Если в прежние времена невозможно было представить зимовье без железной печки, дров возле неё, подвешенных под потолком полотняных мешочков с сухарями, солью и крупой, то сейчас в ином и спичек не сыщешь.

“Хорошо бы на Петрову избушку выйти. Она ближе всех будет. У него наверняка порядок, хозяйственный старик ... Обсушусь, обогреюсь, чайку попою, отлежусь в тепле, а уж потом домой”, — размечтался охотовед.

Короткий зимний день отгорал. Марь местами пучилась невысокими гривками, утыканными худосочными елями. На одной из них Степан и решил обустроиться на ночь. Переведа дух, первым делом сбил с унтов оледеневшие ошмётки. После этого натаскал кучу сушняка. Наломав мелких веточек, вынул из кармана коробок спичек, завернутый в полиэтиленовый пакет, и выскер одеревеневшими пальцами огонь. Порывистый ветер, как ни закрывался от него охотовед, тут же задул пламя. В ход пошла вторая, третья спички — все гасли.

“Не торопись! Подожди, когда порыв ослабнет”, — уговаривал он сам себя. Наконец огонь перекинулся на сухие палочки. Через пару минут перед Степаном полыхал костёр. Окрестности сразу скрыла стена непроницаемого мрака. Мечущееся на ветру, словно лисий хвост, пламя временами вырывало отдельные куски пространства, но через секунду они вновь исчезали в тьме. Одежда заклубилась паром.

Немного согревшись, охотовед стянул унты и повесил промокшие носки на воткнутые палки сушиться. Сами унты грел издали: боялся, что покоробится кожа. Икры ног то и дело стягивало болезненной судорогой. Чтобы избавиться от неё, приходилось подолгу массировать одеревеневшие мышцы.

Сухие ветви, тонкие стволы прогорали быстро, и охотовед вынужден был за ночь несколько раз отправляться за дровами. А уходить нужно было всё дальше и дальше. Поблизости осталась лишь трухлявая осина. Но даже когда костёр горел в полную силу, спать толком не получалось. Приходилось каждые пять минут поворачиваться к огню то грудью, то спиной: пока грудь согрется, спина заледенеет.

Рассвет встретил, как избавление. Ночёвка сил не только не прибавила, а наоборот — убавила. Настрогав оленины, Степан позавтракал и, проваливаясь между кочек, продолжил путь через болотины. На одной из гривок наткнулся на кусты, увешанные плодами шиповника. Съев их вприкуску с двумя оставшимися пирожками, путник, обласканный лучами солнца, прилёг, положив под голову рюкзак. От тепла и сытости по телу растекалась такая приятная истома, что он задремал.

Степан не видел, как по нему проплыла широкая тень и на матовую спину соседнего сугроба неслышно спланировал орлан-белохвост. Сложив огромные крылья, стервятник пытливно вглядывался в неподвижно лежащего человека. Приспущенные крылья подрагивали от нетерпения, крючковатый с зазубринами клюв то и дело хищно приоткрывался. Решив, что человек мёртв, орлан издал торжествующий клёкот. Приоткрыв глаз, Степан увидел рядом с собой громадную птицу и непроизвольно вздрогнул.

— Ишь ты! Моей плоти захотел! Шиш тебе, разбойник! — произнёс он и потянулся за посохом.

Стервятник, сверкнув жёлтыми глазищами, нехотя отлетел. Степан же поспешил встать. Голова сразу пошла кругом, в глазах потемнело. Опершись на посох, он всё-таки устоял. Когда ему получше, зашагал под звуки негодующей перебранки снежинок, безжалостно сминаемых оледенелыми подошвами.

До вечера одолел ещё порядка семи километров. В морозном мареве уже проступали знакомые с детства силуэты горных вершин и самая высокая среди них — Сахарная Голова.

Выбрав место, где было больше всего сухостоин, Степан, прежде чем рыть в снегу яму под кострище, привычным движением попытался скинуть рюкзак и... взвыл от ужаса — его за спиной не было. Вспомнилось, что после перекуса, рюкзак подложил под голову... Выходит, там оставил... Слава богу, что спички в кармане. Правда, всего семь штук. Чиркнул одной — головка прошипела, но так и не вспыхнула: видимо, отсырела. Степан вынул оставшиеся, и разложил вместе с коробком на ствол посушиться. Солнце хоть и склонилось к горизонту, ещё немного грело. Через минут двадцать предпринял вторую попытку — на этот раз удачную.

Огонь, задавленный густым дымом, наконец, пробился крохотным язычком пламени. И вот уже трепещет увенчанный искрами костёр. Снег здесь был плотным, и Степан, немного обсохнув, стал вырезать ножом кирпичи. Из них сложил отражающую стенку. Благодаря этому вертеться ночью не пришлось.

Утром напомнил о себе голод. Порылся в карманах — ни единой крошки. Нашёл только скомканный фантик от конфеты. Развернул, — “Мишка на севере”. Жена дала в дорогу. Вспомнив про полный мяса рюкзак, Степан тяжело вздохнул. Но не возвращаться же за ним. Хоть и голодный, а надо идти дальше.

Преодолевая приступы тошноты и головокружения, встал и побрёл к темнеющим горам. Поначалу, как всегда, шлось туго, но шаг за шагом размялся. Эх! Были б лыжи, уже б чай гонял! На них куда быстрее. Да кто ж думал, что так получится! Через пару часов почувствовал, что выдыхается. Тем не менее, подгоняемый быющими в спину студёными вздохами ветра, продолжал с тупым отчаянием идти, утопая временами в снежных наметах по пояс. Вконец измотавшись, понял: надо сделать хотя бы снегоступы! Без них никак!

Нарезав ножом гибких ивовых веток, сплёл две округлые площадки. Разрезал ремень на три полоски. Двумя притянул получившиеся снегоступы к унтам, а третьей подвязал штаны. Поскольку теперь ноги почти не проваливались, идти стало полегче. “И чего сразу не сделал? Столько мучился! — удивлялся сам себе Степан. — Бестолковым становлюсь. Старею, что ли?”

В разрыве туч показался слепящий глаз солнца. Сразу потеплело. Обласканный его лучами, охотовед решил передохнуть. Удобно привалившись к стволу ели, долго полулежал, перебирая всплывавшие в воспалённом мозгу обрывки воспоминаний и мыслей, не имея сил связать их воедино...

Вот он ловит на реке вещи, выпавшие из люльки мотоцикла, вот палит из тяжеленного, выше него, дедовского ружья и безбожно мажет, вот радуется весеннему буйству пернатых на озере, вот мастерит из перчатки соску для росомашат...

Веки то и дело утомлённо смеживались. Путник не заметил, как впал в забытё. Проснулся от того, что кто-то царапал его бушлат из солдатского сукна. Огляделся — никого. А в голове настойчиво звучало: “Вставай! Иди!”

Степан подчинился. Прочитав единственную известную с детства молитву “Отче наш”, пошёл, опираясь, дабы не перегружать травмированное колено, на посох. Впереди, метрах в ста от него, сквозь заволакивающую глаза муть просматривалось тёмное пятно. Поначалу Степан не обращал на него внимания — мало ли с чего съехал снег и обнажил черноту. Но когда он пошёл, пятно стало удаляться. И, что интересно, удаляться в сторону Верхов. А может, всё это ему мерещится от голода? Отгоняя морок, путник потёр глаза. Но пятно не исчезло. Всё так же мутно маячило впереди. Степан остановится, и оно замрёт. “Кто это может быть? Наверное, волк пасёт, выжидает, когда отдам концы? Нет, скорее всего, деревенская собака ведёт в деревню. Хотя нет, собака подошла бы... Может, одичавшая?”

Пытаясь догнать таинственного проводника, охотовед неимоверным усилием воли заставил себя прибавить шаг. Прошёл час, но расстояние не сокращалось. Тем временем задувший с севера ветер оттеснил облака за горизонт. Эта перемена не обрадовала путника: знал, что следом окрепнет мороз. И точно: бороду и воротник бушлата вскоре стал выбеливать иней.

В воздухе густо замельтешили искорки изморози. Чтобы ночью не замёрзнуть, следовало, не дожидаясь сумерек, подобрать место для ночёвки.

Устроился под защитой бурелома. Лес здесь был поосновательней, и Степану удалось свалить для костра три выбеленные временем сухостойны. Уложив их так, чтобы две оказались снизу, а третья сверху, запалил под ними костёр. Когда стволы объяло пламенем, от них пошло такое ровное и щедрое тепло, что Степан проспал несколько часов, что называется, без задних ног.

Разбудила пронзившая, как стрела, мысль: “Замерзаю!”

Лесины прогорели. Обнажившаяся земля, пропитанные влагой от растаившего снега трава и листья вокруг кострища ещё парили, но фиолетовые язычки пламени едва попыхивали. Одна головешка, стрельнув, вздрогнула, будто в агонии, и рассыпалась в прах. Только слабая струйка дыма говорила о том, что жар всё ещё прячется где-то в углях. Степан почувствовал, как сильно застыл. Руки он ещё ощущал, а вот ног как будто не было. “Надо оживить костёр, иначе околею!”

Подложив оставшийся хворост, охотовед раздул огонь. Когда пламя окрепло, подтянул к нему концы обгоревших стволов. Согревшись у набравшего силу костра, снял унты. Белые, как мрамор, пальцы ног промёрзли так, что не сгибались. Степан принялся растирать их колючим снегом. Минут через пять ступни стало покалывать. По мере восстановления кровообращения боль нарастала. Вскоре, скрючившись на снегу, он выл на весь лес:

— А-а-а-а-а-а! Ещё-ё по-о-охо-одим! А-а-а-а-а-а!!

Вытерев насухо порозовевшие пальцы, надел тёплые носки и стал разминать мышцы ног. Когда кровь, наконец, зациркулировала, подремонтировал снегоступы и, собрав волю в кулак, поковылял дальше. Тут Степан с тревогой заметил, что и зрение стало подводить: ни с того ни с сего всё расплывалось, теряло очертания, меняло цвет. Да и головные боли усилились. Тёмное пятно впереди исчезло, но появилось ощущение, будто кто-то его преследует. Обернётся — никого! Однако это ощущение было до того явственным, что он продолжал то и дело оглядываться. Неужто смерть? Не её ли тёмная тень сейчас мелькнула среди деревьев? Выжидает своего часа, гадина! Не дождётся!

Временами одолевали слуховые галлюцинации. Степан отчётливо слышал то лай собак, то голоса людей, то колокольный набат. Он уже не сознавал толком, куда и зачем идёт. В мозгу пульсировала одна мысль: не останавливайся... не останавливайся...

Наконец, в цепочке уже отчётливо видимых гор показался приметный проём со скалой-пальцем. Степан сразу узнал его — километрах в пяти отсюда отцово зимовье.

— Как я промахнулся? Целил ведь на Петрову избушку.

А расстраиваться было от чего: от этого места до села было намного дальше. К тому же впереди ещё два перевала. Невысоких, но ему сейчас и по ровному-то идти в тягость.

— О, Боже! Дай мне силы...

Опять задул, тараня горы серыми и плоскими, как льдины, тучами, северный ветер. Сухая крупа, шурша, текла по заснеженному руслу ручья. Ветер напирал, заходя то с одной стороны, то с другой. На прямых участках он разгонялся так, что снег, свиваясь в плотные смерчи, валил с ног. Колючие крушинки забивали рот, глаза... Каждый шаг давался со всё большим трудом, но Степан брёл и брёл за вновь появившимся впереди “проводником”. Когда силы оставляли его, прислонялся, словно умирающий зверь, к дереву и, прикрыв глаза, отдыхал. Стоять и не шевелиться было истинным наслаждением! А самым трудным — оторваться от ствола...

Открыв глаза после очередного привала, он обнаружил лежащую у ног куропатку. Она была ещё тёплая. Степан не удивился. Он воспринял её появление, как должное, полагая, что это дар лесного духа. Мужики рассказывали о ещё более удивительных случаях.

Сняв привычным движением шкурку с перьями, путник, почти не жуя, съел неожиданный подарок. Идти стало легче. Уже смеркалось, а избушки

всё не было. И “проводник” исчез. Степан растерялся. Он уже не понимал, где он и куда идти. Поэтому решил остановиться на ночёвку.

Кое-как свалив несколько сушин, Степан запалил предпоследней спичкой костёр. Ели вокруг стояли разлапистые, с густой хвоей, и охотовед устроил себе из их ветвей роскошное, пружинящее ложе. Рухнув на него, почти сразу провалился в бездну. Костёр прогорел, а путник продолжал спать. Разбудили мягкие и настойчивые толчки в спину. Открыв глаза, огляделся. Никого! Степан так устал, что у него не было сил даже удивиться этому. Подтянув оставшиеся хвосты сушин к центру, дождался, чтобы огонь охватил их, и опять повалился на лапник. А окрепший мороз времени не терял. Когда через пару часов Степан попытался освежить костёр, ни руки, ни ноги не слушались. Да и дрова кончились.

“Всё. Крышка”, — лениво подумал он и задремал. Перед его глазами всплыло лицо жены и дочери. Представив, какое горе им принесёт его смерть, переборол апатию. Нельзя сдаваться!

Сначала каким-то чудом завалился набок, затем после нескольких попыток перевернулся на живот. Самым трудным оказалось подтянуть под себя ноги и встать на колени. После этого, опираясь на посох, принялся по частям поднимать тело.

Перед тем, как сделать первый шаг, долго стоял, шатаясь и трясясь от непрекращающегося озноба. На него в эти минуты страшно было смотреть. Глаза глубоко запали, почерневшая, потрескавшаяся от мороза кожа на лбу и остро выступающих скулах свисала струпами. Зубы стучали, сотрясая подбородок и спутавшуюся бороду.

Перед Степаном опять встал вопрос: куда идти? Ах, да! Вон “проводник” чернеет... “Вперёд! За ним!” — приказал он себе. Но сделав несколько шагов, сообразил, что не надел снегоступы. Один нашёл сразу — торчал из-под лапника, а от второго остался лишь кусок покоробившегося ремня — остальное сгорело в костре. Видимо, пока спал, нечаянно столкнулся ногами.

Как быть? Снежный покров в горах заметно глубже и рыхлей. Каждый шаг требовал немалых усилий. Что делать? Подумав, охотовед переломив несколько самых густых лап пополам, положил их друг на друга и притянул остатком ремня к подошве унта. Получилась широкая, плотная площадка. Опираясь на неё, мог идти не проваливаясь. Правда, через час от такой ходьбы кровь так запульсировала в висках, что, казалось, вот-вот треснет черепная коробка. Перед глазами замерцали цветные круги — красные, зелёные, жёлтые. Возникая ниоткуда, они наплывали один на другой, переплетались в яркий клубок, после чего разбегались, чтобы вновь соединиться.

Слуховые галлюцинации от переутомления усилились. Но особенно тревожило ухудшение зрения. Всё стало нечётким, расплывчатым. Степан с трудом различал лишь контуры ближних деревьев и уже почти не ориентировался. Хорошо хоть чёрное путеводное пятно впереди не исчезало. Огненные круги завертелись всё быстрее и быстрее, в глазах потемнело, и путник потерял сознание.

СПАСЕНИЕ

— Как он?

— Слава Богу, оживел.

— Ермильч, ты нас слышишь?

Охотовед открыл глаза и, обведя людей блуждающим взглядом, промычал что-то нечленораздельное.

Его приподняли и дали попить горячего чая. Взгляд Степана стал более осмысленным. Он огляделся. Напротив него сидели на корточках Лукьян с Пулей. Поодаль снегоход. Вокруг тайга.

“Искали! Не бросили!” — сообразил, наконец, охотовед. В голове опять что-то зазвенело, и он отключился.

Окончательно пришёл в себя через сутки уже дома. Здесь было тепло. Пахло дымком самовара, свежесваренным чаем, геранью, стоящей в горш-

ках на подоконниках, и тем духом надёжного семейного гнезда, которое свивают любящие супруги годами.

Жена, осторожно смазывая ноги, лицо и руки гусиным жиром, рассказала ему, что когда вертолёт не вернулся, командир авиаотряда, взяв троих людей, вылетел на “аннушке” с лыжными шасси на поиски. Место падения обнаружили на второй день. Одним рейсом вывезли погибших и весь груз.

— По следам поняли, что ты жив и идёшь в сторону Верхов. Мужики на лыжах с собаками вышли на поиски. А Лукьян с Пулей ездили на снегоходе вдоль хребта. Они и нашли тебя. Фельдшер отец Сергей сказал, что, чуть припоздай, сердце от мороза могло бы встать.

Вечером, узнав, что Степану получше, к нему заглянул и сам батюшка, следом ввалились соседские мужики. От радостного возбуждения они то и дело слегка похлопывали начальника по плечу, как бы убеждаясь, что он жив.

— Спасибо, мужики! Спасибо! Большое спасибо! — только и повторял растроганный Степан. — А вам отдельная благодарность! — обратился охотвед к Лукьяну с Пулей.

— Ты не нас благодарить должен, а росوماху.

— То бишь Топа, — уточнил Пуля. — Это он нас привёл к тебе. Так бы не нашли — всё замело. Зверь, а тоже с понятием. Правда, как увидел, что мы тебя откопали, ушёл в горы. Представляешь, даже не обернулся. Вроде как обидели его чем.

Степан смутился:

— Так оно и есть... Обидели...

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ОЛЕГ МОШНИКОВ

* * *

Рождение сына — возможность дышать
Спокойно, грядет продолжение... Но
Попавшее в землю зерно из мешка
Тяжёлое поле засеять должно.

Потом эти зёрнышки нужно смолоть.
Построить навес, допотопную печь.
По ходу надежд Робинзоновых — хоть
На угольях хлеба буханку испечь!

Подарок подзольных и каменных нив —
Кусочек горелый, желанный такой...
Засим понимаю, ломоть преломив:
Отцовскому сердцу неведом покой.

ДИКОРОС

*Памяти вепского поэта
Михаила Башнина*

Убегая в тайгу от тоски городской,
Нелюдимый поэт оживает в лесу:
Невзначай можжевельник заденет рукой,
Ненароком стряхнёт с паутины росу.

На лешачьих заблудах, в чашобях глухих,
Где гудит заполошно осенняя медь,
Не дано отрешиться ему от других,
Не дано после смерти совсем умереть.

Даже если на вырубке старой в груди
Защемило сильнее вселенской тоски,
Он не может споткнуться и сбиться с пути —
Озаряющей вепское слово, строки!

Всё темнее волна дикоросов и мхов,
Достающих до плеч, до небесных высот...
Завтра выведут к людям тропинки стихов,
Замуравленной книги его перевод.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Ни дня без строчки...

Юрий Олеша

Задержался в лесу перелётный октябрь
Вязью троп, паутинной тесьмой...
До внезапной зимы, до морозов хотя б
Отпустить с листопадом письмо.
В нём признание в любви, и желанье, и мысль —
Неслучайно ты рядом со мной;
Неслучайно тобой перевернутый лист —
Жёлто-рыжий, печально-смешной —
Начинает кружение с новой строки,
С ярких чувств, не сгоревших допрежь!..

Я признание в любви — холодам вопреки —
Допишу до весенних надежд.

г. Петрозаводск, Карелия

ВЛАДИМИР СКИФ

* * *

Снова томится и душу мне застит
Край мой угрюмый, слепая тоска.
Поле родное, открытое настезь,
Нет на селе твоего мужика.

Срубы замшелые смотрят убого,
Сердце деревни сгорело дотла.
И проступает, как вена, дорога
На пустыре у больного села.

Рухнули слёзы на старую школу,
На зерносклад, от разора пустой,
Где одинокий скрывается голубь,
Вставший, как Ангел, в селе на постой.

МОЛИТВА

Спаси меня, Господи, неотторжимый
От сердца России, от русской души.
Какие бы нас ни глушили режимы,
Какие б ни путали нас миражи.

Мы молим единого Господа Бога
О нашем народе, чтобы выстоял он.
Верши свою проповедь,
Господи, строго.
Тебе мы несём за поклоном поклон.

Спаси меня, Господи, верный и правый,
От зла, от болезней, от смуты в душе.
Не надо мне злата и ветреной славы,
А надо Всевышнего чуда уже.

г. Иркутск

АРКАДИЙ ГОНТОВСКИЙ

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Протащится тяжёлый воз
Грозы по гулкой черепице,
И тихий свет сойдёт со звёзд,
И в каждой капле отразится.

Мы возвратимся на балкон,
Смахнём дожди со старых кресел.
Как тихо здесь — прозрачный сон
Покой миров уравновесил —

Как будто смыты рубежи,
И проговорены эпохи.
И в каждой капле мир дрожит,
И время замерло на вздохе.

* * *

*И, придя, находит их
опять спящими.*

От Матфея 26:43

Только огонь и ветер
Знают из первых уст,
Что в уходящем свете
Видел в ту ночь Исус,

Что придумали сами
Люди через года,
Что сохранила память,
Что унесла вода.

Что мы? — покуда вяжет
Времени колесо.
Только огонь расскажет
И позабудет всё.

* * *

Не отступайся в одночасье.
Пусть жизнь нещадна и груба,
Ищи потерянное счастье,
Как жаждут вера и судьба.

И собирая по крупичам
Большое, все не забудь,
Не властимущею десницей
Начертан человеческий путь.

Вглядись, взглядишь, когда мир дремлет,
Какие россыпи горят!
И кровь услышит голос древний,
Так звёзды с сердцем говорят.

Так говорят леса и реки,
Так шепчут волны на песке
О небесах и человеке
На позабытом языке.

г. Прокопьевск

АЛЕКСАНДРА АЛИДАРОВА

ВЕСНА

*С благодарностью
Кубутаевой Т. Ш.*

Листьев клейких аромат,
Голос вкрадчивый желаний,
Солнца радостный набат,
Речек звонкое журчанье.

Ночи в отсветах овал —
Тайной радости блаженство!
Леса дальнего глава —
Высших сил святое действо!

Грёза — как узор парчи,
Звёзд сиянье — дар небесный.
Глубже и сильнее звучи
Ты, шафранной жизни песня.

А любви глаза, о, мать...
Взор живой — блеск изумруда!
Как же сладко ей внимать —
Спаса слог святой как будто.

Звуков мне не перечеть,
И оттенки счастья в жизни.
Лишь творцу воздам я честь,
Судеб он хранитель присный.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЕЧЕР

С. К.

Синий ветер, вечер синий,
Завились листы осины.
Тёплый дождь полил с небес —
Слышу капель тихий плеск.

В поле мак умыт до блеска.
Ключ забился звонким плеском —
Мир он песней умилил.
Весел юный лик земли.

Вкруг — колье из светлых капель.
Перелесье — яркий штапель.
Чудный вышил дождь узор,
Свода счастлив мокрый взор.

В дланях жизни бойки спицы...
Вновь запели шумно птицы!
К певчим я примкну свой глас:
Мир, как чудо, в этот час!

БЛАГОСТЬ

*Проректору по учебной работе МГМСУ
замечательному Ярыгину Н. В.*

Как жемчужное сиянье,
Ваша честность средь людей.
Искрой яркой — обаянье...
Вкруг становится светлей.

Светом искренним посмотрят
Вдруг правдивые глаза.
Им глаголы правды вторят,
Усомниться в них нельзя.

Как ручей хрустально чистый,
Слов разумных льётся ход.
Добродетелей сын истый...
Сердце искренность прядёт.

И от Вашей благодати
Безмятежно стало всем.
Только бы нам не утратить
Благодушья Вифлеем.

ОСЕНЬ

*Есть люди, которых невозможно не любить.
Декану ф. к. п. Сироте Н. А.*

Как пестра ты, осень — древний Рим!
Мир тоской неясною томим.
Стелешь листопад ты, словно мех.
Чей в тиши я слышу чистый смех?

Будто счастья зов, несётся лист!
Им залюбовался старый лис.
И ворона с завистью глядит,
Бросила вослед ему: “Пиит!”

Со скалы и горный тур следит:
“Как самозабвенно он летит”.
Высоко взлетает до небес
Лист, он в силу верует чудес.

Слился со свободой до конца.
Словно луч державного венца,
Как играет, и несхож на всех...
Не его ли слышу чистый смех?

Силою загадочной влеком,
Лист в хитоне жёлто-золотом.
“Он неподражаем, — шепчет тур, —
Это свойство редкостных натур!”

г. Москва

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

РОМАН

Глава девятнадцатая ДВИЖУЩАЯЯ МИШЕНЬ

Окна просторной квартиры на Потылихе выходили одни — на восток, другие — на запад. На востоке за “Мосфильмом” простиралась Москва, над Москвой вставали рассветы. На западе распахивалось Подмосковье, яблоневые да вишнёвые сады, пруд, на котором снималось Ледовое побоище.

Сталин, посмотрев впервые его “Александра Невского”, сказал:

— Наконец-то Эйзенштейн снял настоящее кино. А главное то, что накануне возможной войны с Германией у нас появился по-настоящему сильный пропагандистский фильм. Он способен вдохновлять людей на подвиги, он зовёт на бой за Родину. Наконец-то мы увидели русских людей не уродами и не дегенератами, как в предыдущих фильмах Эйзенштейна, а могучими, красивыми, полными душевной энергии.

И наградил режиссёра орденом Ленина.

Над Подмосковьем творились закаты. Тридцать шагов на запад, тридцать на восток, так он ходил туда-сюда от окон до окон, когда загружал свой мозг программой или когда нервничал, как сейчас, или просто так, чтобы размяться, и говорил:

— Я, как Россия-мать, всё время мечусь между востоком и западом. И — простираюсь!

Эта квартира на Потылихе — уже третья его московская. В двадцатые он получил большую на Чистых прудах, в тридцатые вместо неё — ещё более просторную на Смоленке, ближе к “Мосфильму”, а в сороковые поменял Смоленку на Потылиху, совсем, можно сказать, на главной московской киностудии.

Фильм Эйзенштейна “Броненосец “Потёмкин” был признан самым лучшим фильмом всех времён и народов. Но в Советской России очень быстро сошёл с экранов, а самого режиссёра стали травить, доказывая, что всё его авангардное направление в искусстве есть дурь и блажь, сумбур вместо образов, оглушение зрительских масс. Эйзенштейна не арестовали и не расстреляли в тридцатые годы, когда людей уничтожали, смахивая в небытие, как пыль. Нет, он постоянно то оставался на плаву и даже что-то там возглавлял, то оказывался на краю пропасти, когда его фильмы запрещали и даже

смывали с плёнки, как это случилось с фильмом “Бежин луг”, в котором он воспел Павлика Морозова. Но Сталину не понравилось такое откровенное заискивание перед Советской властью.

Посмотрев сорокаминутный отснятый материал “Бежина луга”, главный зритель мрачно произнёс:

— И это великий и гениальный? Какое беспощадное глумление над русским народом! Десять минут показывать, как беснуются, уничтожая церковь... Не люди, а бесы какие-то. И этот мальчик отвратителен, тоже какой-то бесёнок. Почему у него волосы постоянно торчат дыбом? Кстати, я просматривал материалы дела Павлика Морозова. Там всё было совсем не так, как представляют сейчас. Отец Павлика никакой не кулак. Бывший командир Красной армии в годы гражданской. Он вообще являлся председателем сельсовета. Бросил жену с четырьмя детьми, сожительствовал с соседкой. Отвратительная личность. Любил подъехать к дому брошенной жены на коляске и на глазах у всех целовался с сожительницей. А потом попался на присвоении себе вещей раскулаченных. Вскрылись другие мерзкие делишки. И никакой Павлик отца не выдавал, это кто-то набрехал его деду, и тот решил отомстить за сына. А двоюродный брат Павлика и его крёстный отец зарезали и Павлика, и его младшего братишку. Их за это расстреляли. Дед потом в тюрьме окопнулся. А этот негодяй папаша Морозов получил срок, отбыл его на Беломорканале и вернулся через три года в родное село. Даже с орденом. Потом перебрался куда-то дальше в Сибирь и живёт там себе, в ус не дует, мерзавец. А Эйзенштейн снова искажил правду факта якобы во имя правды искусства. Только вот искусства я что-то не вижу тут. Фотография хорошая, а лица у всех... Не лица, а морды, зачем он нарочно таких набирает? Мы что, для таких уродов социализм строим? Нет, не для таких. А главное, мальчик этот крайне неприятный. Мы должны ему сочувствовать, а он сочувствия не вызывает, особенно после сцен глумления над святынками церкви. Где все ржут, как осатаневшие. Если главный герой не вызывает сочувствия и сострадания, художественное произведение не достигает своей главной цели. Катарсиса. Духовного очищения. Нет, эта фильма никак не получилась у Эйзенштейна.

Сам Эйзенштейн выступал трусовато, признавал свои ошибки, просил дать ему возможность их исправить, но картину не просто запретили, её смыли с плёнок. Эйзенштейн несколько раз выступал на разных собраниях с покаянными речами. А поскольку в стране уже развернулся ежовский террор, поговаривали, что признанного мирового гения кино вот-вот арестуют как врага народа.

Нарком кино Шумяцкий уволил Эйзенштейна из ВГИКа и написал Сталину записку с требованием вообще запретить создателю “Броненосца” дальнейшую работу в качестве режиссёра. Сталин посоветовался с ближним кругом и поддержал предложение не Шумяцкого, а Молотова: Эйзенштейна дальнейшему ostrакизму не подвергать, но придумать ему новое задание и проследить за исполнением. Так председатель Совнаркома спас режиссёра. Эйзенштейн просил предоставить ему возможность снять фильм по сценарию Всеволода Вишневского “Мы русский народ”, но ему предложили выбрать картину на исторический сюжет: либо о Минине и Пожарском, либо об Иване Сусанине, либо об Александре Невском. Он выбрал последнего и снял фильм, который понравился главному зрителю. Сталин заказал следующую картину об Иване Грозном.

Огромнейшие средства затребовал Сергей Михайлович ради исполнения главного государственного заказа. Какого только реквизита не налопатили! Лишь на изготовление костюмов Совнарком специальным распоряжением выделил триста килограммов золотой и шестьсот килограммов серебряной парчи. Три года Эйзенштейн мурзил подготовительную работу, год в Алма-Ате снимал и вот, наконец, выдал из себя первую серию.

Предварительный закрытый просмотр для членов недавно созданного худсовета состоялся в Малом Гнездиновском в октябре. Министр кинематографа Большаков потом рассказывал, как он сидел, смотрел и чувствовал себя, наверное, так же, как Довженко на разгромном заседании Политбюро. Какая чудовищная халтура дохнула и хлынула на него с экрана!

Начинается с венчания на царство, Ивану семнадцать лет, лицо почему-то гладко выбритое. Большаков досконально изучил всё о государе, имевшем такое же прозвище, как у него. Интерьер Успенского собора нарочито примитивный, а ведь его расписывал не Казимир Малевич и не Марк Шагал, а сам великий Дионисий со учениками. Митрополиту Макарию было в том 1547 году за шестьдесят, а тут он дряхлый старец. Иностранцы карикатурные до невозможности, среди них какие-то три лысых придурка в огромных круглых жабо. Венчальное пение должно звучать радостно и торжественно, а тут оно погребальное, будто Агитпроп уже посмотрел картину и запретил её. Про две косы ещё после “Александра Невского” делалось замечание, что только после свадьбы девушка из одной косы делала две, а тут опять натездрасьте, Настасья Романова ещё пока невеста, а уже две толстенные косы на всеобщее обозрение выкатили. Что ли хочет показать, что Иванушка уже овладел ею до свадьбы? Тогда дура. Причёсочка у Ивана — цирк! Сверху прилизано, а сзади некий замысловатый круглый бампер устроен. Чтобы шапка Мономаха на этот круг села. А на лице косметики сколько! Губы крашенные, реснички крашенные и вверх, как у блудливой бабы. Или того хуже — у мужеложца. Боже мой, что скажет главный зритель!

Единственное утешение — качество съёмки идеальное. У протодиакона бас изумительный. А всё остальное — сплошная фальшь.

Вторая сцена — свадьба Ивана и Анастасии. Всего-то две или три недели прошло, а у Ивана уже и усы, и бородка успели вырасти. Получается, пока не был царём, не росла лицевая овощь, а венчался на царство — сразу полезла. Тётке Ивана Ефросинье Старицкой тогда лет тридцать было, а тут баба лет шестидесяти. Рожа противная. А ведь это ты сам, Иван Григорьевич, не утвердил на роль мятежной тётки Фаиночку Раневскую, на теперь, жри утверждённую тобой же Серафиму Бирман!

Господи, ну зачем же столько грима на лицах у мужиков, что у Черкасова в роли Ивана, что у Курбского, которого играет Названов, у Кольчева в исполнении Абрикосова, у Кадочникова, играющего Владимира Старицкого. Как будто не на свадьбу к государю московскому, а в педерастический клуб все явились. Может, и впрямь не случайные слухи об Эйзенштейне распространяют недоброжелатели?

А это ещё что за дурость? Каких-то гигантских птиц, явно из папье-маше, несут на свадебные столы. Ох, халтура! Ох, фанаберия! Как любит говорить Сталин, повторяя слова Бывалова из “Волги-Волги”, просто хочется рвать и метать!

А вот сцена с казанским послем недурно снята. И казанский поход совсем неплохо. Натурные съёмки делал Тиссэ, молодец, есть ещё порох в пороховницах. Суть изначального конфликта Ивана с Курбским правильно показана, Курбский при взятии Казани выказывал излишнюю жестокость. Аналогия с Троицким. Можно немного спокойнее вздохнуть. Но на локоны у царя глядеть тошно! Он что, возил с собой парикмахера и каждый день с утра завивался? И почему-то царь с Курбским косметикой пользуются, реснички накладные вверх стрелочками торчат, а простой русский народ и казанцы вполне нормальные, не красятся.

Во время просмотра то в жар бросало Большакова, то в холод. Слава Богу, штурм Казани лихо показан, мастерски. Разве что только пушки стреляют и не откатываются назад, а ведь тогда безоткатных орудий ещё не существовало. Но это мелочь, не так бросается в глаза, как позорная косметика или икона, висящая в палатах государевых, изображающая никак не Спасителя, а страшного демона, намалёванного главным художником картины Оськой Шпинелем, если не самим Эйзенштейном. Придурки! Что скажет Церковь, которую год назад Сталин обласкал, назначил вновь на Руси Патриарха, открыл храмы? А что сам Сталин скажет, увидев эдакое паскудство?

Болезнь царя. Эффектно накрывают его лицо огромной Библией, будто шатром. Владимир Старицкий смешно мух ловит. Вот только не помнится, разве он был слабоумным? И тоже на ресницах тушь, на губах помада, как баба или гомосек. В отличие от своей матери, которая косметикой не пользуется и больше похожа на мужика.

Царь при смерти, но думает о единстве Русской земли, это впечатляет, Черкасов очень хорошо сыграл эту сцену. Диалог Курбского с Анастасией тоже неплохо, вот только опять эта лжеикона, перед которой они изъясняются, демон вместо Христа. А виноват будет он, Большаков!

Выздоровление Ивана благодаря причастию святых даров хорошо показано. Вот только что за странная конфигурация головы у него появилась после болезни, затылок подозрительно удлинился? Что за странный режиссёрский ход?

А это что такое? Откуда на стене может быть такая огромная тень? Красиво, конечно, но неестественно. Только с помощью прожектора можно так осветить человека, чтобы он столь чудовищную тень на стену бросил. Формалистическая халтура! А с усами у Ивана что? Зачем он под носом их выбривает? О-о-ох!

А вот хорошая сцена, в которой царь постановляет только тем давать земли, кто верой и правдой Отчизне служит. Это главному зрителю должно понравиться.

То умирал царь, теперь царица умирает, отравленная Ефросиньей. Только зачем её гроб так высоко под потолок вознесли? Опять идиотская причуда великого киногоения! Понятно, чтобы царь к ней изо всех сил тянулся, выпучив глаза, как будто к небу. Но очень глупо и вычурно выглядит. Не умея заставить актёров играть так, чтобы зрителя прошибало, Сергей Михайлович всё ставит на дешёвых театральных приёмах. Так и не избавился, бедолага, от своего юношеского перетрушничества. Всех актёров заставляет так выпучивать глаза, чтобы сверху между зрачком и веком белая полоска глазного яблока. А сам зрачок должен бегать из одного угла глаза в другой. Давно уже эту эйзенштейновскую манеру высмеивают: глазки налево, глазки направо!

Финальные кадры, когда в Александрову слободу к царю идёт огромная вереница народа, а он смотрит на неё откуда-то сверху, обязательно будут нахваливать на все лады. Смотрится и впрямь впечатляюще. Люд московский поёт единодушно: “Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояния Твое...” Здесь и музыка уместна. Только непонятны странные изменения царского черепа, затылок у него ещё больше удлинился, голова, как яйцо, острым концом назад торчащее. И шапка на государе такая, чтобы голова сзади могла в неё беспрепятственно расти дальше. Смысла такой деформации черепа Большаков не улавливал.

— Седлай коней в Москву скакать, — говорит Иван Грозный. — Ради Русского царства великого.

Конец первой серии. И вот на это потрачены колоссальные деньги? Уму непостижимо! Иван Григорьевич прослушал немало лекций во ВГИКе, там всегда говорилось о гармонии между натурными и павильонными съёмками, которые желательно чередовать и чтобы их было примерно одинаковое количество. А тут? Натурные съёмки из ста с небольшим минут фильма занимают десять минут при взятии Казани и пять минут в финале. Всё остальное — душные сцены среди стен дворца и храма. Как это понимать, Сергей Михайлович?

Когда первую серию “Ивана Грозного” показали в кремлёвском кинотеатре Сталину и остальным членам Политбюро, все пришли в такой же ужас, как Большаков. Главный зритель тоже остался недоволен, но решение принял неожиданное:

— Нет, фильма на экраны выйдет, и баста! Главное, что тема крепкой руки в едином государстве звучит чётко, а на остальные фигли-мигли закроем глаза.

И Эйзенштейн даже получил Сталинскую премию первой степени 1946 года. Намеревался и за вторую серию получить Сталинку, но на расширенном заседании Оргкомитета Политбюро в сентябре того же 1946 года главный зритель устроил порку многим деятелям искусства и литературы, а про вторую серию “Ивана Грозного” сказал грознее некуда:

— Омерзительная штука!

А потом в личном разговоре окончательно растоптал:

— Не вполне правильно само осмысление образа царя. Иван Грозный был великим и мудрым правителем, он ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. Впервые в России ввёл монополию внешней торговли. Кстати, после него это сделал только Ленин. Кстати, почему он в тридцать лет выглядит у вас как одряхлевший старик? Или как больной, измотанный болезнью.

— Сказалось огромное напряжение, товарищ Сталин, — ответил тогда Эйзенштейн.

— Посмотрите на меня, — усмехнулся главный зритель. — Мне через два года семьдесят, а я выгляжу так же, как ваш тридцатилетний Иван. Может, скажете, у меня не такое огромное напряжение, как у него?

— Вы молодо выглядите, товарищ Сталин, — вымученно улыбнулся Сергей Михайлович.

— И почему у Ивана Грозного такой вытянутый затылок? — спросил Жданов.

— Такова моя бинарная логическая импликация образа, — туманно ответил режиссёр, все переглянулись и к вопросу странностей трансформации черепа царя вернуться не решились.

— А кто, по-вашему, опричники? — спросил Молотов.

— Это... — Эйзенштейн заиграл глазками и залопотал в своей манере говорить нечто то ли заумное, то ли гениальное: — Это изобретённый Иваном Грозным великолепный гаджет, устройство для расщепления атомов, из которых состоит народ, для получения мощной энергии, направленной на поляризацию структурирующих и деструктивных сил. Сей невиданный аппарат стерилизации одних потоков и концептуализации других в ближайшем будущем станет основой основ в науке...

— Минуточку, — перебил его словоизвержения Сталин. — Вы историю изучали?

— Более или менее... — промямлил Эйзенштейн.

— Более или менее? — вскинул гневно бровь Сталин. — Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клукс-клан. Как у Гриффита в “Рождении нации”.

— Но они у Гриффита одеты в белые колпаки, а у нас — в чёрные, — попытался защититься Эйзенштейн.

— Разве это принципиальная разница? — усмехнулся Молотов.

— Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета, — продолжал костерить Сталин. — Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения. Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI... Вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?... Нет? Так вот, наш Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Пётр Первый — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Ещё больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра Первого был русским двором? Разве двор Николая Первого был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы. Замечательным мероприятием Ивана Грозного стало то, что он первым ввёл государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первым, кто её ввёл, Ленин — второй.

— А ваш Иван Грозный получился неврастеником, — вставил слово Жданов.

— Да вообще, сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчёркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний, — добавил Молотов.

— Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю, — продолжил главный кинокритик. — Так, например, в первой серии неверно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось.

— Картина сделана в византийском уклоне, и там тоже это не практиковалось, — снова встрял Жданов.

— Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа, — добавил Молотов. — Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

— Иван Грозный был очень жестоким, — продолжил Сталин. — Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Я считаю опричнину для своего времени явлением прогрессивным. А руководитель опричнины Малюта Скуратов — крупный русский военачальник, героически павший в борьбе с Ливонией. Вы согласны с такой трактовкой?

— Если смотреть с точки зрения имплантабельности, — промолвил Сергей Михайлович, откровенно нагледя, — то, безусловно, да.

— А какие ошибки допустил Иван Грозный? — спросил хозяин кабинета, несколько сбитый с толку.

— Мне кажется, его главный недостаток — инфаллибельность, то есть, невозможность заблуждаться, — сказал режиссёр. — А политик обязан дифференцированно делать промахи.

— Инфаллибельность это, конечно, недостаток, — кивнул Сталин, явно принимая игру, затеянную хитрым строителем аттракционов. — Но я имею в виду конкретные ошибки.

— Полагаю, он был тем, что французы называют андубитабль, то есть, безошибочен. — И Эйзенштейн хлопнул ладонью по столу.

— Тут я с вами не согласен, — выпустил Сталин большой клуб дыма. — Даже Сталин далеко не безошибочен. А одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довёл до конца борьбу с феодалами. Если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени. — Сталин усмехнулся: — Тут Ивану помешал Бог. Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает грех. А ему следовало не каяться, а действовать ещё решительнее!

— Решись, и ты свободен! — вставил своё слово исполнитель главной роли Черкасов красивым голосом повелителя.

— Исторические события надо показывать в правильном осмыслении, — произнёс Молотов. — Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного “Богатыри”. Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.

— Конечно, мы не очень хорошие христиане, — усмехнулся Сталин, — но отрицать прогрессивную роль христианства на определённом этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток. Только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию с тем, чтобы быть оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его “Иваном, не помнящим своего родства”. Историю мы выбрасывать не можем... Что скажете, товарищ Черкасов?

— Я работаю над образом Ивана Грозного не только в кино, и в театре, полюбил этот образ и считаю, что наша переделка сценария может оказаться правильной и правдивой, — ответил актёр.

— Ну что ж, попробуем, — ответил Сталин, обращаясь к Молотову и Жданову. И засмеялся: — Дай вам Бог каждый день — Новый год.

— А ещё борода, — сказал Жданов. — Вы, товарищ Эйзенштейн, слишком увлекаетесь тенями, что отвлекает зрителя от действия. Ещё увлекаетесь бородой Грозного. Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы было видно его бороду.

— Хорошо, обещаю в будущем бороду Грозного укоротить, — зло буркнул Эйзенштейн.

И вторую серию запретили. Спасибо, что не смыли. Растоптали Сергея Михайловича, заставили всё переснять заново. Но он уже не спешил “исправлять ошибки”...

В эту ночь с десятого на одиннадцатое февраля 1948 года он работал над статьёй о цветном кинематографе, слал стрелы-векторы его будущего развития и очень сильно нервничал. Потому что приближалась чёрная пятница, одна из двух в этом году, следующая предстояла в августе. Какая из них? Февральская или августовская. В зимнюю промёрзлую землю или в тёплую летнюю? Нет, только не в землю! Он давно оставил жене завещание о кремации. Скорее всего, урну поставят в колумбарий на Новодевичьем. Хотя он так и не выкинул рисунок с надгробием в виде силуэта броненосца.

“Когда тебе исполнится пятьдесят, в чёрную пятницу”, — предсказала ему в молодости гадалка. Всё остальное, что она предсказывала, сбылось. Слава, мировой успех, роскошная жизнь, нелюбовь у властей, но ничего эти власти не сделают, будут беречь и холить, дабы не возмущать мир. Три жены, причём сначала одна, потом вторая, а потом снова первая. Пера первая — Лиза вторая — Пера третья, она же первая.

С кинокритиком Перой Аташевой, урождённой Перл Фогельман, он сошёлся на съёмках “Броненосца”, верная и неверная, покорная и непокорная. Не умея быть в сексуальном смысле мужчиной, он не давал ей этого счастья, и бедняжке приходилось встречаться с разными другими на стороне. Из них многие предлагали руку и сердце. Маленькая, кругленькая, хорошенькое личико, большие и выразительные еврейские глаза. Но она все предложения отклоняла, оставаясь верной подружкой своего идола. Именно так и называла его:

— Ты мой идол. Мой истукан. Мой тьмутараканский болван. Мой броненосец в потёмках.

Покорная его приказам, никогда не покорялась в спорах. Он не хотел, чтобы она постоянно жила с ним, и Пера смиренно уезжала в свою крохотную квартирку у Кропоткинских ворот, а потом — в трёхкомнатную, но тоже тесную, на Гоголевском бульваре, и — о, какое счастье, когда он всемиловейше позволял ей остаться у него ночевать!

Но всегда отстаивала свою точку зрения и спорила с ним по всякому поводу, совершенно не надеясь, что истукан смиритесь с её мнением. Идол он на то и идол, чтобы все ему поклонялись. Никогда, ни в каких случаях величайший гений не соглашался ни с чьим суждением, ибо только из его уст исходила истина.

Вот и сейчас, стараясь писать статью, броненосец в потёмках то и дело вскакивал из-за письменного стола и принимался ходить с запада на восток и обратно, как Россия-мать, и бубнить, споря со своим главным врагом, единственным человеком, мнения которого он не смел высмеять и растоптать, глядя тому в лицо, потому что это равнозначно попытке задуть своими руками электричество.

— Изучал ли я историю... Не дурак ли ты, паря? Это история должна меня изучать. Я творю историю, а не она меня. И как я нарисую, так оно и будет, олух ты усатый. Прослушка? Так и прослушайте, что вам говорит творец истинной истории! Всё равно конец один.

Сегодня ещё пока ночь со вторника на среду, но чёрная пятница уже стояла в третьем ряду, не желая садиться и смотреть его картину дальше. Стояла и говорила: “Давайте уже закругляйтесь!” И, ненадолго приземлившись к письменному столу, он писал две-три фразы и бросал перо, разбрызгивая мелкие кляксы, похожие на следы пребывания клопов. Или на чёрную оспу,

которую он получил в дар от бывшего владельца одного из своих многочисленных ковров. Любил их, подражая своему учителю Мейерхольду, говорившему, что в коврах хранятся все тайны о людях, живших среди них, лежавших на них, на ворсинках записаны все разговоры и песни, признания и обвинения, слова любви и ненависти.

Но тайна очередного купленного им ковра едва не убила его. Оказалось, что вирусы чёрной оспы способны много лет сохраняться на ворсинках. Впервые в жизни верная Пера получила возможность долго-долго находиться при своём истукане, когда он много дней находился при другом идоле — при смерти. Но не должен был умереть и в бреду бормотал:

— Нет-нет, ещё далеко до пятидесяти!

И она втайне мечтала, чтобы он подольше ещё поболел, знала о предсказании и верила в его силу: не сейчас, после пятидесяти, в чёрную пятницу. И не от чёрной оспы, не то получится безвкусица, от чего-то белого и ослепительного, должна же сохраняться контрастность, как в его фильмах.

А он, идолице поганое, едва только выздоровел, сразу же бросил верную Перу.

— Это я своей любовью вырвала тебя из лап смерти, — сказала она ему.

— Тогда я отныне слишком многим тебе обязан, а обязанность — обуза, — ответил он ей.

О, эта Елизавета Вторая! Женщина-гренадёр, как называли её другие актёры. Высокая, статная, красивая. Настоящей русской, а не какой-то там еврейской красотой. А гению давно надоело чувствовать в себе дыхание еврейской крови, и когда его окружали соплеменники отца, призывая войти в их кагал, он отшучивался:

— Думаю, в сорок лет делать обрезание — это очень больно.

Гений не должен иметь национальности, в его жилах не еврейская и не русская кровь, в них течёт тот самый нектар, которым питались боги Олимпа. Вон, главный его ненавистник не хочет считать себя грузином, всегда подчёркивает, что он русский грузинского происхождения, но на самом деле и он считает свою кровь божественной и внеациональной.

— Чаурели! Подумать только! — возмущённо восклицал идол, снова вырвавшись из-за письменного стола и бросившись ходить с запада на восток и обратно. — Это не фамилия, так кричат грузинские петухи: чи-а-у-ре-ли! Кукареку какое-то! Ты хоть соображаешь, кому даёшь премию своего имени? Да в четвёртый раз! В чет-вёр-тый! Уму непостижимо. За такую туфту, за такое срамное лизоблюдство, за такую бездарнейшую бездарь!

Чаурели не только его одного возмущал. Все тайком негодовали. В сорок первом добродушный и льстивый Мишико отхватил первую Сталинку за “Великое зарево”, где показал Сталина главным руководителем Октябрьской революции при Ленине, позволяющем ему начальствовать. В сорок третьем снова Сталинку за халтурнейшую историческую дребедню о Георгии Саакадзе, который всё объединял да объединял Грузию, объединял да объединял, да никак не объединил. И, конечно же, в профиль этот Саакадзе — выпитый тот, кому польстить только ленивому некогда. Ну хорошо, получил две, надо и честь знать. Так нет же, выходит вторая серия этого ерундопеля, и в сорок шестом Мишико снова лауреат главной премии страны! Где справедливость? Он, гений всего мирового кино, только две Сталинки получил — за “Невского” и первую серию “Грозного”, а лизоблюд и ничтожество уже целых три!

— Ты кому премии даёшь, сукин ты сын! — возмущался между западом и востоком гений. — Почто, царь языческий, так издеваешься? Худшего определяешь в лучшие, бездарного объявляешь даровитым! Проклятье тебе!

Он мог бы хоть чуть-чуть и простить, если бы тоже получил третью Сталинку за вторую серию “Грозного”, но не только не получил, а получил по зубасам, кровавые куски мяса вырвал из него своей глупейшей критикой царь языческий. А льстивый Мишико тем временем снял “Клятву”, где изобразил проклятого грузина божеством, великаном, исполином, разящим врагов, побеждающим Гитлера, и — нате вам! — четвёртая Сталинка, и снова первой степени! А кроме того, у Мишико уже два ордена Ленина, “трудоличок”

и Трудовое Красное Знамя, а у него лишь один Ленин да “Знак почёта”. Гений в навозе, а бездарь в сахаре.

Топая своими крепкими, как у белого гриба, ножками с востока на запад и обратно, он подскочил к рисунку, лежащему на старинном бюро красного дерева, и синим карандашом подписал: “Дайте дышать!” Рисунок изображал парня в русской косоворотке, который сам же себя и душит.

Оглядевшись по сторонам, он словно впервые увидел свою квартиру, всё огромное пространство которой наполняли груды книг, рукописей, журналов, разбросанных и расставленных всюду, где только можно, и бесчисленная утварь — ковры, ковры, ковры; японские маски демонов; мексиканские маски смерти — белые оскаленные на все лады черепа; китайские вышитые по шёлку драконы, львы и толстые голопузые улыбочатые хотей; кресты, кадила, кандила, семисвечники и прочие церковные причиндалы; гнутые конструктивистские стулья — только ничего в стиле модерн, которому так ревностно служил когда-то его папаша, понастроивший в Риге домов в духе буржуазного арнуво или югендштиля; огромное количество русских деревянных игрушек, медведей, колющих дрова, петухов, клюющих зерно, девочек, качающихся на качелях, расписных глупых матрёшек; аляповато размаляванные прялки; тёмные угрюмые иконы; на письменном столе в стеклянном ящичке — высушенный скелетик ацтекского ребёночка; большая фотография грустного негра... Всё это вдруг ожило и смотрело на него множеством глаз, как на жертву.

Когда в сорок первом его спросили: “Какая у вас воинская специальность?” — он подумал и остроумно ответил:

— Движущаяся мишень.

И теперь он особенно остро почувствовал себя движущейся мишенью между востоком и западом. Откуда-то из всего бесчисленного хлама, коим он, подобно гражданину Кейну во дворце Ксанаду, всю жизнь наполнял пустоту своего жилища, в него прицелились из снайперской винтовки, желая попасть пулей в то самое отверстие его сердца, врождённый порок, дырку между двумя половинками жизненного мотора, вечную угрозу смерти.

Наступал двадцатый день с тех пор, как исполнились роковые пятьдесят, пятёрка и ноль, дырка от бублика, сквозное пулевое отверстие, вход в небытие.

Он подошёл к глобусу, вставленному в углубление в стене и обрамлённому позолоченной барочной рамой, круглой и тяжёлой. Сейчас глобус был повернут на западное полушарие, сверху донизу бежала Америка, Северная огромным коршуном нависала над Южной, вцепляясь ей хищными лапами в доверчивый загривок, а та повисала меж двух океанов, поджав лапки и вытянув вниз свой хвост из двух перьев — Аргентины и Чили.

А посередине на бедре коршуна горела золотом, пела и плясала, отбивала чечётку и била в барабаны волшебная страна, из которой ему так не хотелось уезжать пятнадцать с половиной лет назад. В ней перед самой войной убили ледорубом того, кто в самый день своего рождения устроил революцию, а потом его прогнали и вымарали из скрижалей истории. “Революция не кончается, всегда и везде!” — таков был его лозунг. Революция и есть жизнь. А всё остальное — смерть, небытие.

Изучали ли вы историю? Изучали, знаете ли! Её как повернёшь, так и изучай, хочешь — наизнанку, хочешь — вниз горловиной.

Он стоял перед Западным полушарием и смотрел на свою настоящую, духовную родину, и Мексика — ке viva Мехико! — плыла ему навстречу во всей своей красе, приближалась, становилась видна барельефно, рельефно, архитектурно, пирамидально, кактусово.

— Спрашиваешь, гад, что за шишка на затылке у Грозного? — зло рассмеялся он. — Этого никто никогда не узнает. Я унесу тайну в могилу.

Там, в Мексике, его однажды повели в потайное подземелье, где покоится мумия древнего ацтекского царя, выхода из преисподней. Он принёс в жертву Оперённому Змею — богу Кетцалькоатлю — самое большое количество людей, своей рукой ежедневно вырезал и сжигал сердца юношей и девушек, стариков и детей. И чем больше он орошал человеческой кровью

пирамиды Теночтитлана, тем длиннее год от года становились его ноги, а от затылка отрастал черепной нарост. Вид мумии привёл гения в неопишувемый ужас — кости ног от колен и до ступней вдвое длиннее, чем положено нормальному человеку, но ещё страшнее голова, лежащая на левой стороне — длинные белоснежные зубы, все целые, не тронутые кариесом, словно сахарные; пустые глазницы не круглые, как у всех, а треугольные, расширяющиеся к носу; но самое удивительное — заострённый и удлинённый затылок, превращающий профиль головы тоже в вытянутый треугольник, где лицо — одна из сторон, а затылок — противоположный лицу угол.

Долго снилась потом впечатлительному гению мумия кровожадного урода, приходила в кошмарных снах. Когда она очнётся, он умрёт, и она начинала шевелиться, а он пытался кричать, что ему ещё не исполнилось пятидесяти, но голос отсутствовал, царь-убийца продолжал воскресать, и он просыпался, но не в смерть, а по-прежнему в жизнь.

Постепенно ужас стал забываться, но снова воскрес, когда поступил государственный заказ снимать картину об Иване Грозном, и мгновенно возник образ удлиняющихся конечностей и затылка. В начале фильма царь будет нормальный, а постепенно к концу станет превращаться в урод с треугольным профилем головы. Но сию тайну он не поведал никому, даже верной жемчужине Пере, ведь Перл — значит 'жемчужина'. Ни, тем более, гренадёру Лизе.

Сейчас рядом с ним нет ни той, ни другой. Может, хотя бы радио включить? Он крутанул глобус, и тот развернулся к нему всей ширию Родины-матери, Союза Советских Социалистических Республик, и в сердце сильно кольнуло и ударило, будто сначала серпом, а потом молотом.

Движущаяся мишень двинулась к радиоприёмнику и включила его, радиоприёмник запел из Гришкиной комедии: "Нам нет преград, ни в море, ни на суше..." Чёрт с ним, пусть поёт, пусть не будет преград.

После чёрной оспы, как после воскресения из одной жизни в другую, ему хотелось, чтобы всё обновилось. Даже уничтожение "Бежина луга" не воспринимал столь убийственно, как все близкие, боявшиеся, что от горя он умрёт, не дожив до пятидесяти.

Русская красавица Елизавета Сергеевна Телешева, выведенная Булгаковым в "Театральном романе" под именем Евлампии Петровны, в "Бежином луге" играла председательницу колхоза.

— Хороша, как Мать-Родина! — восхищался ею режиссёр. На шесть лет его старше и на полголовы выше, мхатовская актриса относилась к нему, как языческому богу Сварогу, замерев, слушала и никогда ни о чём не спорила, а Перкины возражения уже ему поперёк горла, и, выйдя на солнечный свет из чёрной тени оспы, он принялся приударять за Телешевой.

Где Станиславский, а где броненосец в потёмках? Но будучи доселе самой преданной поклонницей и пропагандисткой идей великого Константина Сергеевича, отныне — "о, женщины, вам имя вероломство!" — превратилась в поклонницу гения, с гневом отрицавшего станиславщину в любых её проявлениях.

Всюду они стали ходить под руку, иногда он, приподнимаясь на цыпочки, нарочно целовал её прилюдно в щёчку, и взял в свою следующую работу.

— Скажите, кого у вас в "Александре Невском" будет играть Телешева?

— Известно, кого, Мать-Родину, — отвечал он на полном серьёзе, и все представляли себе, как она восходит в небесах над полем брани и зовёт Русь на бой с захватчиками.

Но он взял её всего лишь на роль консультанта по работе с актёрами, учитывая, что Елизавета Сергеевна двадцать лет преподавала драматическое искусство, сначала в студии МХАТа, потом — в студии Хмельёва, потом — в ГИТИСе, во ВГИКе и, наконец, перешла на хорошо оплачиваемые индивидуальные занятия у себя дома в хорошей квартире. Частные уроки у неё брали Софья Пилявская и Любовь Орлова.

Бедная Мать-Родина, она всё ждала, ну, когда же гений повалит прекрасную и величественную статую её тела в постель, но сей вожделенный миг не настаивал и не настаивал, а самой швырнуть его на ложе любви ей

мешало дореволюционное благородное воспитание. А вот первой предложить расстаться воспитание не мешало, что она и сделала накануне сорокового года, и на “Иване Грозном” с актёрами работал уже другой консультант. И пути в эвакуацию у них разбежались: он — в Алма-Ату, она — в Саратов. Писала ему письма: “Даже гению следует внимательнее и нежнее обращаться с людьми, а не быть таким деспотом и тираном, как вы. Помните пушкинское: гений и злодейство...”

— Да пошла ты со своим злодейством! — возмутился он. — Подтереться твоими письмами, да и только.

Но не подтирался, а всё-таки бережно хранил её назидательные эпистолы для будущих архивов и музеев.

Елизавета Сергеевна умерла в Москве летом сорок третьего в возрасте пятидесяти одного года, а он даже не поинтересовался, по какой причине.

— Всё равно я умру на год моложе тебя, — сказал он тогда, твёрдо уверенный в правоте зловещего предсказания.

Отшагав своё с востока на запад и обратно, киногоений вернулся за стол, посмотрел на засушенного младенца, задумчиво начертил на отдельном листке бумаги: “Мать-Родина”, отвлёкся мыслью и уже забыл, что собирался написать дальше. Взгляд его упал на свидетельство о браке с Фогельман Перрой Моисеевной, которое он накануне достал и положил на стол, да и забыл, зачем, что хотел с ним сделать, порвать или взять под стекло и повесить в золотой рамочке рядом с глобусом.

Вот уже несколько минут сердечная дырка назойливо болела и, как всегда в таких случаях, хотелось воткнуть туда палец, прочистить отверстие, освободить от гари и копоти, пусть не болит больше. Сейчас очень бы не помешало присутствие Перки. Позвонить ей? Час ночи, неловко, он и без того пожизненно виноват перед нею, а у неё накануне давление скакануло на фоне диабета. Эх, Перка, Перка, на кой ляд тебе повстречался твой тьмутараканский болван! Жила бы себе с каким-нибудь более надёжным Роммом или Роомом, верная еврейская жена. Милая, круглолицая, круглоглазая.

Едва он тогда расстался с Телешевой, Перка вскоре узнала и первая прискакала к нему:

— Ну что, истукан, не стала тебе поклоняться русская красавица? Так тебе и надо, броносец в потёмках!

И всё с ней пошло, как и прежде, только на сей раз она настояла зарегистрировать брак:

— А то окочуришься, достанется всё какой-нибудь дурёхе, она и разбазарит, сволочь. А уж я-то, не бойсь, сберегу, музеи устрою, экспозиции, пропозиции. С лекциями буду выступать. Но только на правах жены. Иначе идите боком, товарищ матрос.

Однако жена — не жена, а жили по-прежнему врозь, и лишь изредка, раз в две недели, не чаще, она ночевала у него на отдельной кровати. Можно бы и как Орлова с Александровым — живут вместе, а спят в разных комнатах, но идолище поганое воспротивилось:

— Мне нужен воздух свободы творчества на пространстве всей жилплощади.

Вот сейчас он один на всём своём пространстве, сквозное отверстие в сердце болит, но сегодня не тринадцатое, а значит, в очередной раз обойдётся. Чёрная-то пятница — вон она, в третьем ряду, по-прежнему машет:

— Кончай свою киношную муть-растудуть! Я уже скоро.

Он опять глянул на засушенного ацтекского младенчика, с которым то и дело разговаривал:

— Ну что, Сергунчик, сколько нам жить осталось?

Затем он прибегнул к излюбленному средству — достал из шкафчика флакончик с ацетоном, откупорил тугую пробочку и с наслаждением втянул в ноздри аромат. Ацетоном склеивали при монтаже плёнку, а монтаж — самое благодатное для него время, рай на земле. “Искусство режиссёра есть искусство монтажа!” — провозглашал он.

О, ацетон, дружок, дай ещё тебя нюхнуть. Звезда прекрасной эпохи и соперница Сары Бернар французская актриса Режан, умирая, потребовала

перенести её в свою гримборную, чтобы перед смертью надыхнуться запахом кулис. А он послезавтра откроет все склянки с ацетоном и станет дышать запахом монтажа. Да будет так, аминь!

Он закрыл флакончик, поставил его обратно в шкафчик, прошёл в спальню и лёг навзничь на огромную кровать, раскинувшись звездой во все стороны и смотрел на резных ангелов в углах потолка — крылышки синие, мордочки розовые и точь-в-точь, как у него маленького на рижских фотокарточках. Под ними в углах спальни — длинные фигуры скорбных деревянных апостолов из той же взорванной церкви, откуда и ангелочки.

Утром придёт домработница тётя Паша, приберётся и напечёт его любимых пирогов. Старая дура, никак не поймёт, что ему с его пороком сердца и постоянным ожирением вредит жирная пища. Но перемонтировать меню тёти Паши даже он не решался, настолько это вкусно. А блины! А пельмени! О, Боже, пропади оно всё пропадом!

Нет, Перу он призовет в пятницу. Или даже в ночь с четверга на пятницу. Пусть присутствует. Пусть услышит его прощальные слова. А что он скажет? Надо подумать. Просто так великие не уходят. Христос сказал: “Свершилось!” Оскар Уайльд пошутил в адрес присутствующего врача: “Одному из нас придётся отсюда уйти”. Дюма-отец сокрушался: “Я так и не узнаю, чем всё это закончится!” Король-солнце возмутился: “Чего вы ревёте? Думали, я и вправду бессмертен?” А что же скажет он, самый великий мировой киноидол?

— Может: “Спасибо, Гриффит”? — усмехнулся гений и вскочил с кровати. Снова вспомнил врага, как тот сравнил его опричников с кукуклуксклановцами изобретателя монтажа. — Ишь ты, поди ж ты, он и Гриффита знает, а не только своего Мишку Кукареку. Нет, Гриффит не годится. Получится, что я второстепенен.

И он снова стал ходить с востока на запад и обратно, лапая себе левую грудь, будто женскую. Да она и на ощупь у него мягкая, женская, приятная. И неужели умрёт и остынет вот это всё, родное и милое тело, тёпленькое, подвижное, ну и что, что толстенькое, гений имеет право себе позволить любую оболочку. Наполеон тоже был толстенький и не переживал. Начхать на всех вас! Вон, пусть Черкасов красуется художбой и стройностью. Хороший актёр, но всего лишь актёр, актёры не люди, а материал для лепки.

Однако у Черкасова тоже две Сталинки и орден Ленина. Где справедливость? У гения должно было быть сейчас двадцать Лениных и десять Сталинок. Нет! У гения должна быть Главная Сталинская премия. Или даже не так. Главная Небесная премия. И орден Всех Звёзд.

Может, процитировать Шекспира? Сказать, как Гамлет, столь нелюбимый Вождём Народов: “Дальше — тишина”. Или лучше из сонета: “Restfull death”. Красиво, но опять вторично. Его слова должны быть только его последними словами, а не чьей-то цитатой.

— Монтаж закончен, — осенило его. Именно так он и скажет, умирая. Одно плохо: что, если произнесёт, а умрёт ещё часов через пять? И все пять часов талдычить, что монтаж закончен? Глупо? Глупо! Да всё глупо. Какая-то смерть, какой-то внезапный капут. Жизнь ещё только вошла в стадию кульминации, а уже ни с того, ни с сего — финал. Конец фильма.

— Можно, кстати, и так произнести: “Конец фильма”. Что скажешь, дружище? — спросил он у грустного негра на фотографии.

— Да ничего, — молча ответил негр и продолжал грустить.

Гений оглянулся по сторонам и снова почувствовал себя движущейся мишенью. Бросился к письменному столу, как к надёжному брустверу, сел, продолжил писать, строка перешла на следующую страницу, где внизу оказалась надпись “Мать-Родина”, и тут сердечное отверстие загудело от боли, и он написал: “Здесь случилась сердечная спазма. Вот её след в почерке”. Встал, шатаясь, побрёл с запада на восток, где ещё очень нескоро встанет солнце. Послезавтра чёрная пятница, в каком виде явится к нему смерть? В виде Ефросиньи Старицкой? Или кровожадного ацтекского царя

с треугольной головой? Не приведи Бог, в виде ехидного генералиссимуса и Отца Народов!

Высушенного младенца он считал собой, но умершим пятьсот лет назад. Такой же лоб, занимающий половину лица.

— “Наедине с тобою, брат, хотел бы я побывать. На свете мало, говорят, мне остаётся жить”, — процитировал он Сергунчику из Лермонтова.

Может быть, стоит всё-таки сжечь похабные рисунки?

Гений рисовал всегда и везде, уже пятилетним мальчиком не расставался с блокнотом и карандашом. Рисунок был для него способом думать, мысли протекали не столько в мозгу, сколько в карандашных линиях, он мгновенно набрасывал пластику человеческих движений, порывов, глаза и руки. Однажды во время Первой мировой войны он зарисовал целую очередь, выстроившуюся к магазину “Чай-кофе-сахар”, сто с лишним фигурок, и каждая со своим характером, линии контуров движутся, перетаптываются с ноги на ногу, смеются, встряхивая раскрытые газеты, и быстро возникает ощущение, что они живые. Каждый кадр его фильмов сначала возникал в рисунке, получал в нём образование, и только потом отправлялся служить кинематографу.

Тысячи рисунков и набросков в толстых папках хранились в шкафах. Ими можно заполнить всю экспозицию если не Эрмитажа, то Пушкинского музея. Но среди них тайно водились и такие, от которых многие отвернут нос в негодовании: какая мерзость! В них бродили и гнили его сексуальные фантазии, порой настолько чудовищные, что нескольких таких рисуночков вполне хватило бы, чтоб отправить рисовальщика в дурдом. Или ещё хуже — на восемь лет исправительных лагерей по статье о мужеложстве.

Но когда он умрёт, и они всплывут, какой дурак отправит покойника в психушку или на нарды? Пера или сама сожжёт, или тайно сохранит до будущих времён, когда всякие такие статьи отменят и терпимее станут относиться к извращениям типа него.

Вдруг!.. Ему показалось, что Сергунчик шевельнулся. В ужасе он вскочил и отшатнулся от письменного стола. Нестерпимая боль ударила движущуюся мишень в самое сердце, как шпага тореадора пронзила скакущего быка на съёмках корриды в Мексике, и зазвучали трубы, закричали зрители: “То-ре-ро!” — закружились пышные юбки мексиканок, закачались гамаки, в которых, как в банановой кожуре, сплились в экстазе соития сладострастники, заплясали участники карнавала в масках смерти и в масках конкистадоров, загремели гитарные струны...

К нему возвращалось его самое любимое детище — фильм “Мексика”, конфискованный голливудскими негодяями, и до сих пор неизвестно, где хранящийся. Его отняли у него, как его самого отец отнял при разводе у любимой маменьки Юленьки и заставил жить с собой. Но маму он мог хотя бы навещать два раза в год, на Рождество и Пасху, а свою отснятую любимую “Мексику” он даже навещать не имеет возможности.

И вот теперь она к нему возвращалась, оживая каждым кадром, не угасавшим в его памяти. И даже по радио уже звучало не про льды и облака, а плыло и таяло: “Целуй меня, целуй меня больше”, — песня мексиканской пианистки Консуэлы Торрес...

Преодолевая нестерпимую боль в сквозном отверстии сердца, движущаяся мишень всё-таки бросилась звать о помощи, с трудом дошла до батареи отопления, рядом с которой на подоконнике лежал большой гаечный ключ, схватила его и из последних сил несколько раз ударила.

“Здесь случилась сердечная спазма. Вот её след в почерке”, — последнее, что успел не сказать, а начертать миру умирающий гений.

Живший по соседству сбоку режиссёр Константин Юдин, автор фильмов “Девушка с характером” и “Сердца четырёх”, не спал и тоже слушал “Целуй меня больше”. Услышав бой батареи отопления, в домашнем халате устремился в квартиру Эйзенштейна, звонил, стучал кулаком и ногой — без толку; сбежал к вахтёру, разбудил его и взял запасной ключ от квартиры своего знаменитого на весь мир соседа. У дверей он встретился с кинокритиком

Ильёй Вайсфельдом, и они вместе проникли в жилище, простирающееся от окон до окон между востоком и западом.

Но было уже поздно.

В чёрную пятницу он не умер, в чёрную пятницу его хоронили. 13 февраля в Доме кино по адресу Васильевская улица 13, и панихида началась в 13-00. Пришли все, кто любил его или не любил, боготворил или считал шарлатаном от искусства. Орлова и Александров, Герасимов и Макарова, Марецкая и Пудовкин, Ромм и Роом, царь Иван Грозный — Черкасов и Ефросинья Старицкая — Бирман, пырьевские трактористы Алейников, Борисов и Крючков — кто только не пришёл в Белый зал Дома кино!

Чёрная пятница в Белом зале — контраст света и тени всё же присутствовал. Мостик, связующий кино и власть, министр Большаков стоял, подобно часовому на посту.

И все смотрели, как движущаяся мишень лежит в гробу неподвижно.

Чёрный бархатный ковёр, дивно расшитый золотом, укрывал покойного. Этот ковёр нашли у него дома, он взял его со съёмки “Ивана Грозного” на “Мосфильме” и вроде как бы присвоил. Но когда в крематории гроб стал медленно опускаться на встречу с огненной смертью, прибежал запыхавшийся администратор картины Эйдус, смело прыгнул за гробом и вскоре вынырнул, сорвав с покойного расшитый золотом чёрный ковёр. Вытащив, он принялся его бережно складывать, потом оглянулся и произнёс:

— Успел-таки! Уж извините, товарищи, реквизит!

Глава двадцатая ПОБЕДИТЕЛИ

Очень хороша смотровая башня на вершине горы Ахун, похожая на генуэзские крепостные башни. В разное время дня она разная: в яркий солнечный полдень — сиреневато-серая, в предзакатные часы — цвета индиго, на рассвете — светло-серая, когда дождь — как океанская синь, ночью — антрацит.

В один из сентябрьских дней 1950 года двое стояли на самой верхней площадке Ахунской башни и любовались закатом. Оба примерно одного роста, но в остальном — очень разные.

Один — синеглазый, высоколобый, с тяжёлым подбородком и чувственными губами; одет в светло-сиреневую рубашку с коротким рукавом, лёгкие серые брюки, застёгнутые на белый ремень, на ногах — белые сандалии.

Другой — седой, с невысоким лбом, кареглазый, усы тоже седые, в уголках глаз — морщинки лучиками. Одет в кремовый летний хлопчатобумажный китель, над левым нагрудным карманом — одинокая золотая звёздочка с серпом и молотом, светло-серые неширокие шаровары, на ногах — мягкие холстяные коричневые сапоги.

Солнце садилось прямо в море, оранжево озаряя ребристую грудь скал в отдалении, и седой сказал:

— Эту башню я попросил построить, чтобы ещё с большей высоты смотреть на окрестности. Архитектор Воробьёв за десять месяцев соорудил. Красиво получилось. Вон те — Орлиные скалы. Так бы и полетел туда, чтоб от туда увидеть ещё более широкий простор.

— Да уж, вы у нас орёл, — с еле заметной усмешкой ответил лобастый.

— Слушай, Георгий, давай, когда мы наедине, говорить друг другу “ты”. Никогда не забуду, как однажды в сорок первом ты бросил мне в гневе: “Воюй сам!”

— Готов ещё раз извиниться за ту несдержанную выходку. — И лобастый прижал к сердцу широкую ладонь с растопыренными крупными пальцами.

— Не извиняйся, — махнул седой. — Я именно тогда понял: вот человек, который выиграет войну. Если он смог грубо ответить Сталину. Согласись, дошёл тебя в тот момент зануда Сталин?

— Если честно, допёк, — рассмеялся лобастый. — Но вы и должны были допекать всех, чтобы яснее понимать ход военных действий. Я не имел права срываться.

— Не вы, а ты. Как тогда.

— Ну, коли так, то ты. Честно говоря, не ожидал, что захочешь со мной встретиться. Галя так испугалась!

— Галя это кто? Жена?

— Судьба.

— А предыдущие?

— Как оказалось, мне понадобилось прожить пятьдесят четыре года, чтобы встретить своё настоящее счастье.

— Слушай, Жуков, сколько у тебя вообще баб было?

— Не так много, Маша, Саша, Лида, ещё семь-восемь совсем случайных. Но ни на одной я не женился.

— Как? А разве Александра не законная жена?

— Мы не расписаны.

— А у Рокоссовского сколько баб было и есть?

— О нём вообще мифы сложили. У Константина жена Юля, дочь Ариадна, и ещё есть Галя, военврач, он с ней во время войны сошёлся, она тоже дочь родила, Надю, ей уже лет шесть. А правда, что ты тогда сказал: “Завидовать будем”.

— Что сказал? Кому сказал?

— Ну, якобы Берия стал жаловаться на любвеобильность Рокоссовского и спросил: “Что будем делать?” — а ты ответил: “Что делать? Завидовать будем”.

— Да, было такое, — припомнил седой и улыбнулся. — Только разговор тот шёл не о Рокоссовском, а о Черняховском.

— Тогда понятно, — развёл руками лобастый. — Данилыч был красавец, к нему липли. И, заразы, все такие красотки!

— С Рокоссовским у меня другая история вышла, — продолжал улыбаться седой. — Он себе такую дачу отгрохал, дворец, каких ни у какого из Людовигов не было. И меня пригласил. Я поднял тост за его здоровье: “Молодец Рокоссовский, какой хороший детский дом на свои деньги построил!”

Лобастый засмеялся, но тотчас стыдливо потупился и перевёл разговор на другую тему:

— А ещё есть анекдот, что когда ты осенью сорок первого освободил Рокоссовского из лагерей и спросил, хорошо ли он знаком со структурой и вооружением германской армии, он ответил, что не имел возможности их изучить, потому что сидел. А ты тогда сказал ему: “Нашёл время отсиживаться!” Было такое?

— Слушай, Георгий, — прищурился седой и ткнул лобастого в грудь концом мундштука трубки, которую не курил, а так только крутил в руке, — хочю, чтобы мы тут, пока садится солнце, без свидетелей поговорили напрямик, как тогда в сорок первом, когда ты сказал: “Сам воюй!” В сорок первом я тебя допекал, а после войны упёк сначала в Одессу, потом на Урал. Будто я пекарка какой-то.

Солнце коснулось морского горизонта и из оранжевого сделалось кроваво-красным.

— И что же ты хочешь, что бы я тебе сказал? — спросил лобастый.

— Скажи честно, злишься на меня? Ненавидишь?

— Скажу честно: злился и ненавидел, но теперь я так счастлив с Галей, что подумал: какая это всё ерунда по сравнению с радостями настоящей любви.

— Прямо, как у Пушкина: “Отечество почти я ненавидел, но я вчера Голицыну увидел и примирён с Отечеством моим”, — тихо засмеялся седой.

— Да, я помню это забавное стихотворение, — улыбнулся лобастый. — Признаюсь как на духу, я злился и обижался вплоть до самого недавнего времени.

— А как ты хотел, чтобы с тобой поступили? — рассердился седой. — Столько нахапать! Эшелонами тащить награбленное из Германии! Стыдобища

какая! Я думал, ты мой Суворов, а Суворов никогда ничего не хапал, всю жизнь оставался аскетом. Скажи спасибо, что я тебя не разжаловал, как одного такого же, как ты, хапугу. Он мне принёс рапорт с просьбой, чтобы перестали задерживать его барахло на контрольном пункте, и я написал резолюцию: “Вернуть полковнику его барахло”. Он поблагодарил, но уточнил: “Я не полковник, я генерал-полковник”. А я ему: “Тут всё верно написано”. Глянь, как Орлиные скалы стали красными от солнца! Где ещё такую красоту увидишь?

— Я не злился, что меня обвинили в хапужести, — ответно рассердился лобастый, не желая любоваться красными скалами. — Надо было и впрямь сдать государству всё, что по моему приказу вывозилось из Германии. Согласен, Суворов бы именно так и поступил, себе ничего бы не присвоил. Но зачем было врать, будто я присваивал себе заслуги других полководцев? Уж этого-то никогда я не делал. У меня собственных заслуг такая гора, что приписывать ещё чужие даже глупо. Получится, один Жуков и победил. Сволочь Булганин приписал мне ещё и такой грех. Берегись Булганина, самая что ни на есть сволочь.

— Он превосходный хозяйственник, — смутился седой.

— Так пусть бы и занимался хозяйством! — возмутился лобастый. — Зачем ты его министром вооружённых сил сделал? Какой он тебе военный? Всю войну возглавлял Государственный банк, и пусть бы себе был министром финансов.

— Но в войну он тоже отличился, — пытался оправдать Булганина седой.

— Отличился, как же! — зло засмеялся лобастый. — Всюду лез с нимоверными глупостями, мешался под ногами. Немецкие бомбардировщики летят над позициями, он даёт приказ их сбивать, я едва успеваю этот idiotский приказ отменить, он аж трясётся. Еле удалось его убедить в том, что вражеские бомбардировщики будут сбивать зенитчики за линией фронта, иначе они станут бомбить наши позиции. Этот подонок Булганин и затеял расправу надо мной. Не хотел, чтобы я стал министром вооружённых сил, и в итоге занял моё место. Вот увидишь, и твоё место займёт. Хотя ты, возможно, этого уже и не сможешь увидеть.

— Хочешь, завтра же сброшу его с поста и тебя поставлю на его место? — спросил седой сердито.

— Не хочу, — всё больше распалялся гневом лобастый. — Теперь не хочу. Хочу, чтобы больше времени оставалось на общение с любимой женщиной. Международное положение наше упрочилось, особенно после того, как у нас появилась ядерная бомба. Теперь американцы сто раз подумают, прежде чем начать с нами войну. Так что я теперь не очень-то и нужен в качестве руководителя вооружёнными силами. Да ты и не станешь Булганина менять на меня. Ты вообще иной раз так плохо разбираешься в людях! Преданных и верных тебе устраиваешь, а всякую сволочь типа Булганина, Маленкова, Хрущёва приближаешь. Я как-то раз посмотрел фильм, за который ты свою Сталинскую премию дал первой степени, “Битва за Берлин” называется. Любимого твоего лизоблюда Чиаурели. Кто там только не руководит взятием Берлина — и Ворошилов, и Конев, и Рокоссовский, и Василевский, и Антонов, и даже Берия с Булганиным. И только Жорка Жуков где-то сбоку-припёку! — И лобастый матерно выругался, потом извинился: — Прости, я знаю, что ты не терпишь мата.

— Самолюбие уязвили, — хмыкнул седой.

— Уязвили! Представь себе, уязвили! Я брал Берлин, я выиграл войну, меня стали называть маршалом Победы. Однако ты у нас генералиссимус, а Жорка Жуков — всего лишь командующий Уральским военным округом.

— Да, устроили балаган с этим генералиссимусом! — стыдливо усмехнулся седой. — Самому до сих пор противно и стыдно. Суворов — да, был настоящим генералиссимусом. Все остальные — опереточные. В Испании, вон, диктатор Франко тоже генералиссимус, а какие победы? Республиканцев в собственной стране задушил? Молодец. А дальше что? Чан Кайши тоже генералиссимус, а в пух и прах проиграл войну Мао Цзедуну, теперь на

Тайване себя провозгласил президентом Китайской республики, а вся его республика — один этот остров. И смех, и грех. Генералиссимусы! Ты, однако, можешь заметить, что я этот опереточный мундир генералиссимуса никогда и нигде не надеваю.

— Хорошо хоть это, — смиряясь, промолвил лобастый. — И звёздочку, как я погляжу, только Соцтруда носишь, Героя Советского Союза не прицепляешь к кителю.

— Не прицепляю, — кивнул седой. — Если ты не Суворов, то я и по-давно не Суворов. А войну всё-таки не ты один выиграл, и Берлин не ты один брал. Хотя, согласен, твою роль в фильме у Чиаурели несправедливо принизили. Извини.

— Да ладно! — махнул рукой лобастый. — Чёрт с вами со всеми! Я не для собственной славы воевал. За барахло теперь очень стыдно, а вот что затёрли меня — обидно. Галя успокаивает, говорит... Кстати, тоже о Суворове. Что его придурочный царь Павел тоже одно время задвинул, а когда припекло, обратно призвал воевать. Если всё же америкаки и англичашки с немчурой вместе решатся против нас выступить, про Жорку-то Жукова сразу вспомните.

— Что ж, и вспомним.

— Кстати, раз уж мы откровенный разговор завели, кто придумал внешний вид этой вот твоей звёздочки?

— Мержанов. Кстати, родной племянник Айвазовского.

— И Героя Советского Союза тоже Мержанов. А дачи тебе кто спроектировал здесь и в Волынском? Мержанов. А на Холодной речке? Мержанов. Но где он теперь, твой любимый архитектор? За что его арестовали? Кому он-то не понравился? Берии? Булганину? Хрущёву? Маленкову?

— Ну, во-первых, арестовали его за дело, — прокрихтел седой, глядя на игру солнечных лучей, постепенно исчезающих. — Он скрывал, что служил добровольцем в армии у Деникина, участвовал в штурме Царицына.

— Тогда понятно, — кивнул лобастый. — Мог даже в товарища Сталина стрелять. И убить.

— Напрасно ёрничаешь, — снова рассердился седой. — Нашлись свидетельства, что Мержанов рьяно сражался за белых. Его вообще можно к стенке поставить, а ему только десятку влепили. А на твой вопрос, где он сейчас, могу ответить: он здесь.

— Где здесь? — лобастый стал поворачиваться во все стороны. — Что-то я его не вижу.

— В Сочи. После ареста Мержанов работал в Комсомольске-на-Амуре, построил там дворец культуры и ещё несколько зданий. А сейчас тут, в Сочи, достраивает санаторий имени Дзержинского, настоящий дворец, лучшее его творение. Он продолжает работать, хоть и числится в лагерях. Могу тебе Мержанова предьявить.

— Вот как? — озадаченно произнёс лобастый. — Тогда ладно.

— Так что бы ты ещё хотел мне откровенно сказать? — спросил седой.

— Хотел. Зачем полякам две трети Восточной Пруссии отдал? Наши кровь проливали, а мы получили только Кёнигсберг да окрестности. Думаешь, поляки добро помнят? Пройдёт несколько десятилетий, они и Кёнигсберг себе потребуют. Подлейшая нация, особенно в своей ненависти к России. Зачем хохлам столько привилегий? Песенки их любящих слушать, это понятно, но они тоже добра не помнят и москалей ненавидят так же, как и поляки. Кавказцев и крымских татар целыми народами переселил в казахские степи, а почему так же не поступил с прибалтами и западенцами? Они гораздо больше Гитлеру жопу лизали. Ими можно было весь Казахстан заселить, а заодно целинные земли там освоить. Да мало ли у нас пустующих территорий? По Даурии едешь, часами ни одного селения, а край благодатный. У Украины надо решительно забрать Донбасс, всю Новороссию, Харьков, Одессу. А ты готов и Крым им подарить.

— Нет, Крым не подарю.

— Хоть за это спасибо.

— Ладно, — помрачнел седой, — давай лучше про кино.

— “Сталинградскую битву” я тоже смотрел, — ответил лобастый. — Меня там нет вообще, но это правильно, за Сталинград я не сражался. Там главная заслуга Чуйкова и Василевского. Но при чём здесь Хрущёв, Берия, Маленков, Каганович, Калинин, Жданов? Почему они тоже фигурируют в качестве полководцев? Этот поросёнок Никитка только мешал всем, как мне Булганин, его только и делали, что посылали в известное отверстие. Какую историю делают сейчас твои кинорежиссёры? Фальшивую! И им за это — Сталинку!

— Что, прямо уж так все фильмы плохие? — обиделся седой.

— Нет, “Молодая гвардия” отличный фильм, “Русский вопрос”, “Повесть о настоящем человеке”, “Подвиг разведчика” тоже туда-сюда. Я раньше кино не очень любил, а теперь Галя меня приручила и водит смотреть киношку.

— Завидую тебе, — усмехнулся седой. — Всё Галя да Галя. А я вот, как овдовел, так и кукую в одиночестве.

— А говорят, у тебя тоже любовь. Валентина.

— Кто говорит?

— Фамилий называть не стану, но из твоего ближнего круга. Власик, к примеру.

— Власик?! Вот свинья! — рассвирепел седой. — Получит у меня. Никакой любви. Просто привязанность. Она верная жена своего мужа. Да и как бы я мог, покуда её Иван на фронте, с его женой кувыркаться? Ты себе это представляешь?

— Пожалуй, зная тебя, нет, не представляю.

— Вот то-то же. Скажи всем, кому сможешь, что Сталин, хоть и страшный человек, но не подлец. Понятно?

— Понятно.

— Ладно, Георгий, огорчил ты меня многими своими словами, но я не стану злиться. Пора нам уходить с этой башни. Поедем ко мне на дачу кино смотреть. Можем и Галю твою позвать. Молоденькая?

— Двадцать четыре года.

— А тебе?

— Пятьдесят четыре исполнится в декабре. Мы же с тобой оба декабрьские.

— Давай обнимемся, — вдруг предложил седой, и они обнялись. — Простим друг другу.

— Я уже простил, — от неожиданности пустил слезу лобастый.

— И я прощаю, — промолвил седой. — Что ты не оказался во всём, как Суворов. И как тебя угораздило столько нахапать, Георгий? Жену, что ли, ублажал?

— Если честно, хотел Лиде дворец устроить и с ней там жить, — покраснел лобастый.

— Лида, как я понимаю, твоя походно-полевая жена? — с укоризной спросил седой и стал первым спускаться с башни.

— Военный фельдшер Лидия Захарова, — отвечал ему вслед лобастый. — Со мной всю войну прошла, с самой осени сорок первого. Я ей очень многим обязан. Горь хлебнула много. Я и хотел, чтобы она после войны во дворце жила.

— Ладно, нечего мне в твою личную жизнь лезть, как мышь на кухню. Про наш разговор никому ни слова. Узнаю, что проболтался, рассержусь.

— Можешь во мне быть уверен.

— Слушай, Георгий, ты ведь в юности начинал как скорняк?

— Начинал. Мать меня десятилетнего устроила в Москву, в скорняжную мастерскую к своему родному брату, моему дяде Мише. Скорняжное дело вонючее, долго не мог привыкнуть к нестерпимой вони.

— А сейчас сможешь шкурку обработать?

— Да запросто.

— Жаль, что тебя Булганин на Урал загнал, а то бы к нашему сообществу ещё и скорняк добавился. Ну всё, спустились, теперь переходим опять на “вы”.

— А что за сообщество?

— Да так... “Волшебный фонарь” называется. Цех любителей кино.

Когда спустились, Сталин схватил Власика за локоть и оттащил в сторону, до ушей Жукова донеслось:

— Если ещё раз от кого-нибудь услышу... Сгною!..

Потом Сталин и красный от стыда Власик вернулись, и Сталин добавил:

— Обеспечить, чтобы ни одна сволочь не знала о том, что мы стояли на башне.

— Слушаюсь! — вытянулся бы в струнку Власик, если бы в последнее время не наел себе такое пузо.

Георгий Константинович несколько не пожалел Николая Сидоровича, и вот почему: Жуков и Власик были одногодки, Жуков всю жизнь воевал, Власик воевал в Первую мировую и за храбрость даже получил солдатского Георгия, в гражданскую вместе со Сталиным оборонял Царицын, но потом перешёл в органы и с конца двадцатых вот уже четверть века служил начальником охраны и личным телохранителем Вождя Народов. Никто не спорит, работёнка та ещё — никакой собственной жизни, всегда рядом со Сталиным, готовый исполнять его приказания. Всюду, где жил Сталин, неподалёку от его комнаты располагалась и комната для Власика, семья видела его лишь изредка и мельком, недолго.

Это да. Но! В победный год Николай Сидорович получил звание генерал-лейтенанта. Это он какими такими военными операциями командовал? Три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Кутузова первой степени, орден Красной Звезды. Это за какие такие великие боевые заслуги? Жуков знал о том, как, приехав вместе с Хозяином в Берлин, верный слуга и телохранитель тоже баракхальничал, увёз с собой не один десяток чемоданов. И ещё. В течение всей войны при виде Георгия Константиновича Николай Сидорович именно что в струнку вытягивался, а как только Жукову надавали по шапке, Власик вмиг сделался холоден, мол, фу ты, какой-то Жуков тут нарисовался, разговаривал через губу. А теперь, когда Сталин звал к себе оказавшегося в Сочи на отдыхе Жукова, Власик снова смотрит на него с обожанием, ресничками хлопает. Вдруг да восстановят Маршала Победы, а Булганина турнут?

— Пойдёмте, товарищ Жуков, — сказал Сталин и повёл Жукова с собой в бронированный трёхрядный лимузин, где маршал и генералиссимус сели в среднем ряду кресел, а водитель Удалов и телохранитель Власик — впереди. И почему это своего бессменного шофёра Сталин тоже не произвёл в генералы? Ввёл бы звание генерала автомобильных войск, например.

Всё-таки, хоть и обнялись, а Жуков продолжал злиться на Сталина.

— Булганин, как только стал министром, взялся учиться ездить верхом, — сказал Сталин. — Мол, буду принимать парады на Красной площади. Я как глянул! И говорю: “Ты на лошади выглядишь как начальник военторга”.

— Смешно, — хмыкнул Жуков без малейшего намека на смех.

Вскоре они приехали на сочинскую дачу Сталина, такого же изумрудно-зелёного цвета, как в подмосковном Волынском, из-за чего кто-то придумал называть Иосифа Виссарионовича ещё и Волшебником Изумрудного города по сказке Александра Волкова, ставшей сказочно популярной ещё перед войной. По замыслу Мерджанова, в краску обильно добавляли окись хрома, отчего и получался такой цветовой эффект. Хозяин повёл своего гостя показывать имение. Дом окружали разнообразные пальмы, листовые деревья, пицундские кедры, цветущие кустарники. Да и сама дача имела наименование “Зелёная Роща”.

— Здесь равномерно смешиваются морской воздух и горный, — говорил Сталин. — Отсюда получается особый микроклимат. Летом никогда не бывает пекла.

Они вошли в просторный дом, интерьер всюду одет в дерево ценных пород, полы не скрипнут, мягкие ковры, приятный запах чистого жилища. В кабинете на столе бросался в глаза письменный гарнитур из чёрного мрамора, горного хрусталя и серебра. Хозяин взял карандаш и постучал им по чернильнице:

— Это мне Мао Цзедун подарил, когда приезжал в прошлом году на моё семидесятилетие. Не хотите в Китай? Вас бы там на руках носили. Создали бы им армию такую, что американцы сдохли бы от ненависти. Вижу, что не очень хотите.

— Не люблю, когда меня на руках носят, — фыркнул Жуков.

— А сероводородные ванны любите? Я постоянно принимаю.

— Да, тут в Мацесте они изумительные. Суставы стали побаливать, здесь мгновенно всё как рукой сняло.

— Это мне Микоян посоветовал здесь обосноваться. Левая рука сохнет, а тут оживает. Хотите, в бильярд сразимся, пока вашу Галю привезут?

Они прошли в бильярдную и стали играть. Сталин брал правой рукой левую, устанавливал её на зелёном сукне и клал на неё кий. Бил хлётко, умело. Жуков думал о разговоре на башне, об Орлиных скалах. Вроде бы они всё друг другу сказали, всё выяснили, но оставалось неясно, что будет дальше, подкинут ли Маршала Победы вверх или скинут ещё дальше вниз. Он и не заметил, как Сталин забил последний шар и выиграл со счётом восемь — пять.

— Надо вам несколько уроков у Андрея Петровича взять, — усмехнулся победитель.

— Генералиссимус есть генералиссимус, — произнёс Георгий Константинович.

— Опять вы про эту бутафорию? — поморщился Иосиф Виссарионович. — Ну, хотите, вас тоже произведём в генералиссимуса?

— Упаси Боже! — Жуков поставил кий на место, показывая, что не хочет реванша.

Они отправились в кинозал, рассчитанный человек на пятнадцать, с настоящим, как в настоящем кинотеатре, окошечком, из которого аппарат посылает фильм на экран. В кинозале уже сидела Галя, при виде Сталина вскоčila, смутилась, подошла:

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!

— Так вот она какая, — усмехнулся Сталин, явно не понимая, что он в ней нашёл: девушка как девушка, всё достоинство в том, что молодая.

Тут же с каталкой, наполненной всякими винами и закусками, появилась расторопная экономка, она же кухарка, та, про которую ходили слухи, что не просто так оставалась ночевать на сталинской даче в Вольнском. Ничего особенного, руки красивые, а в талии полненькая, но сразу разудыбалась и стала притягательной:

— Здравствуйте, Георгий Константинович!

”Вот зараза!” — подумал Жуков, мгновенно распознав в ней такую штучку, которая обворожит тебя лукавыми взорами весёлых глаз, а потом окажется, что верна мужу. Усевшись на кожаном диване, он слегка приблизил свою Галю и приготовился смотреть, что им покажут. Но сначала Сталин предложил выпить и закусить, произнёс короткий тост:

— Хочу поднять бокал за нашего гостя — Георгия Константиновича Жукова, который случайно оказался тоже в Сочи на отдыхе. За его драгоценное здоровье!

Скромненько, без упоминания заслуг. Сталин выпил вина, Жуков — коньяка, Галя — тоже вина, а экономка вежливо отказалась. Всё это Жукову уже не нравилось. Если генералиссимус хотел забыть всё и снова его возвысить, то позвал бы Ворошилова с Молотовым, которые тоже отдыхали на своих сочинских дачах и в пять минут уже торчали бы тут. Стало быть, Хозяин лишь проверяет, каково настроение его лучшего полководца. А настроение всё хуже и хуже.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович, — произнёс он. — Приятно, что моё здоровье вас волнует. Я тут что ещё забыл попросить. Когда станут снимать художественное кино о битве за Москву, пусть там главным военачальником покажут Булганина. А когда про Курскую дугу, то Хрущёва.

В зале зависла тяжёлая тишина. Наконец, проглотив очередную дерзость со стороны Жукова, Сталин ответил:

— Хорошо. Мы непременно учтём ваше пожелание. А сейчас предлагаю посмотреть новый фильм режиссёра Ромма и посоветоваться, можно ли за него присудить Сталинскую премию грядущего года.

И они стали смотреть картину “Секретная миссия” — о том, как в последние месяцы войны американцы и англичане затеяли подлую игру, решили заключить с немцами сепаратный мир и вместе с ними обрушиться на Советский Союз. “Зачем он это мне показывает? — думал Жуков. — Я прекрасно знаю, что англосаксы и немцы спят и видят Третью мировую войну, в которой хотят нас победить. И, конечно же, я забуду обиды и вновь возглавлю сопротивление этим гадам”.

— Что ж, — сказал он, когда показ закончился. — Сейчас ни для кого не секрет, что эти подлецы затевали. И фильм неплохой получился. Можно и премию дать. Только разве такие вопросы решают командующие военных округов?

— Согласен, — ответил Сталин, явно тоже уже злясь на Жукова. — Но с товарищем Жуковым хотелось посоветоваться.

— Что ж... — пожал плечами Георгий Константинович.

— А фильм “Кубанские казаки” вы смотрели? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Смотрели, — усмехнулся Маршал Победы и переглянулся с Галей. — Красивая сказочка. Музыкачка хорошая, песни. Дунаевский, если я не ошибаюсь?

— Дунаевский — кивнула Галя. — Стихи Исаковского.

— Вот только как бы попасть в такие места, где у нас всё так распрекрасно, такие богатства у народа! — продолжал дерзить Жуков. — Привезут в убогую деревеньку это чудо кинематографа, и люди заплачут, что где-то такое, а у них иное. Да даже на Кубани нет пока ещё такого изобилия, скромнее живут люди.

— Заплачут? — спросил Сталин. — А может быть, порадуются? Скажут: вот где-то уже так зажили, придёт время, и мы станем так жить. Народ наш получил такое горе, что до сих пор не может забыть военного лихолетья. И что же? Нам ему только и показывать горестные фильмы? Министр кино Большаков докладывает, что с февраля этого года, когда картина вышла в прокат, она бьёт все рекорды. Люди по многу раз её пересматривают, мечтают жить так же и начинают больше стараться, чтобы улучшить жизнь. Сказочка! А между прочим, съёмки проходили в совхозе-миллионере “Кубань”. Так что есть и такие места у нас в послевоенной стране! — И главный зритель стукнул трубкой по столу перед собой.

— Ну... — несколько растерялся Жуков. — Ежели бы меня назначили командующим Северо-Кавказским военным округом, я бы лучше разбирался в совхозах-миллионерах.

— И это пожелание можем учесть, — ехидно ухмыльнулся Сталин. — Может, посмотрим ещё раз “Кубанских казаков”?

— А давайте! — обрадовалась экономка.

И они стали смотреть этот фильм Пырьева, в хорошем цветовом качестве, ничуть даже и не хуже “Унесённых ветром”, что составляло предмет гордости и режиссёра, и министра кино, и главного зрителя. Жуков смотрел и злился, потому что сейчас смотрел фильм глазами простого советского зрителя, и он ему начинал нравиться. Может, и впрямь уже появились такие совхозы, а на Урале их пока нет? Совхоз-миллионер — слово наполовину советское, а наполовину буржуйское. Помнится, посмотрев картину вместе с Галей месяца три назад, Георгий Константинович плевался: “Карусель! Сладкая фальшивка!” Теперь же он поглядывал на смешливую кухарку и на то, как смеётся его любимая, и примирялся с каруселью. Что ж, иной раз народу нужна и карусель. Чтобы забыться, отбросить назойливые проблемы жизни.

— Думаю, этот фильм заслуживает премии, — сказал главный зритель, когда показ закончился. — Хотя бы второй степени, если он не нравится Маршалу Победы.

— Да я-то что... — пожал плечами Георгий Константинович. Ему хотелось ещё как-то надерзить, но не знал, с какого конца. — Может, Хрущёв с Маленковым лучше разбираются. — И он покраснел, злясь на себя за то, что заикнулся на этих сталинских прихвостнях и прихлебателях — Маленкове, Булганине, Хрущёве, Берии. Недостойно льву обижаться на существование шакалов и стервятников.

— Хрущёва с Маленковым тоже спросим, — сердито раскурлил трубку Сталин. — Давайте выпьем за наше Политбюро.

Потом ещё смотрели совершенно неожиданный фильм Чаплина “Мсье Верду”. Приготовились смеяться и остались разочарованы чаплинским нуаром о кассире в банке, потерявшем работу и вынужденном искать хоть какой-то заработок для содержания больной жены и малолетнего сына. Находя в разных местах Франции богатых одиноких дам, он охмуряет их, женится и, убив, завладевает их состоянием.

— И это Чаплин? — удивилась Галя, досмотрев фильм до конца. — Даже не верится!

— За этот фильм его подвергли травле, — прозвучал голос человека, который сидел в операторской кабине и крутил кино, а теперь он почему-то оказался с ними, и Сталин даже налил ему бокал вина. — Привлекали к комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, — продолжал кинемеханик. — Объявили злостным коммунистом. Даже проходили целые демонстрации: “Чаплина — вон из США!”, “Чаплин — попутчик красных!”, “Чаплин — неблагодарный прихвостень коммунистов!” Вот до чего дошла антисоветская истерия в Америке, что они даже самого Чаплина требуют выдворить из своей страны.

— Но эти американцы даже с корейцами не могут сладить, — усмехнулся Сталин, имея в виду начавшуюся войну, в ходе которой коммунистические китайские и северокорейские войска нанесли южнокорейцам, американцам и их союзникам сокрушительное поражение, захватив почти всю территорию Южной Кореи. Лишь сейчас, оправившись от удара, американцы и иже с ними начали разворачивать контрнаступление. — Так что тягаться с нами им пока рановато, особенно после того, как и у нас появилась бомба.

— Как говорится, на столе стоит арбуз, на арбузе муха, муха злится на арбуз, что не лезет в брюхо, — защебетала кухарка, но Жуков так строго на неё посмотрел, что она аж прикрыла ладошкой рот.

— Считать Америку мухой рановато, — улыбнулся он ей. — Я уверен, с этими гадами нам вскоре придётся воевать. Я тоже слышал, что в Америке неслыханная истерия против нас, в каждом ищут агента Кремля.

— Сотрудников Голливуда десятками швыряют в тюрьму, Чаплину ещё повезло, его не арестовали, — снова заговорил кинемеханик, и Жуков поморщился, что Сталин позволяет ему вступать в разговор с двумя великими победителями — что за неожиданный демократизм?

— Я вижу, вы не только ручку аппарата крутите, — заметил Маршал Победы, — но много знаете.

— Я читаю журналы, которые мне выписывает товарищ Сталин, — ответил механик.

— Да, Александр Сергеевич у нас великий эрудит, — кивнул главный зритель. — Поставьте нам что-нибудь лёгкое, товарищ Ганьшин. Можно даже и “Весну” ещё разок.

Они ещё какое-то время выпивали и закусывали, поглядывая на экран. “Весну” Георгий Константинович смотрел три раза. Сначала в позапрошлом году с Лидой, потом в прошлом году с дочерьми от Александры — Эрой и Эллой, а в этом году — уже с Галиной. Смешное кино, конечно, но в четвёртый раз смотреть ему было нудно, хотелось уж поскорее завершить сегодняшнюю незапланированную встречу со Сталиным, такую же законспирированную, как сепаратные переговоры американцев с немцами накануне Победы. Он очень обрадовался, когда стали прощаться, но всё ждал, какую точку поставит генералиссимус, ведь зачем-то он выудил его, как лобастого и упрямого сома, из тихой заводи санатория имени Ворошилова. Ждал, что

скажет: “Ну, товарищ Жуков, по возвращении на Урал сдавайте ваши дела и возвращайтесь в Москву, да на свою дачу в Сосновку”.

Но вместо точки зависло многоточие, Жуков окончательно рассердился и, прежде чем сесть в машину, решил, что сейчас скажет: “Я отстоял Москву и взял Берлин. У меня два ордена Победы, а у тебя один, у тебя одна звезда Героя Советского Союза, а у меня их три!” Но вместо этого он наклонился к Сталину и тихо, но сурово произнёс:

— Орёл — это я. А ты чёрный ворон.

Глава двадцать первая

СТАЛИН

Это прощание он растянул на несколько месяцев, решив, что, когда все припасы закончатся, тогда он и простится окончательно с нею — той, кто сопровождала его всю жизнь, сколько он себя помнит с молодости. Первым делом истребил все имевшиеся в наличие сигары, резал их на шесть частей и каждым кусочком заполнял чашу, чтобы подпалить и выкурить. Потом ушли все припасы “Герцеговины Флор” и других папирос. Наконец, в бой пошла гвардия — американский трубочный табак.

Сталин любил папиросы “Герцеговина Флор”, которые производил табачный фабрикант Самуил Габай, по национальности караим. В начале двадцатого века его место заступил сын Иосиф, расширивший производство и ставший табачным королём России. На его фабриках производились такие сорта, как “Ява”, “Царские”, “Посольские”, “Нега”, “Соломка”, “Леда”, “Басма”, но самым элитным считался именно сорт “Герцеговина Флор”, наполняемый изысканным табаком “Виктория”. После национализации Габай бежал за границу, а главную его московскую фабрику переименовали в “Яву”. “Герцеговину Флор” на ней продолжали производить, но уже не такого качества, и лишь для главного курильщика Страны Советов папиросы набивали табаком “Виктория”.

А вот свои трубки Коба набивал лучшим американским табаком “Edgewood Sliced” с едва уловимым ароматом вишни. Этот табак специально для него покупали в Америке, а однажды целый ящик привёз в подарок главный болгарский коммунист Георгий Димитров. “Edgewood Sliced”? — “Пограничный лес кусочками”. Но Эджвуд — это фамилия владельца фабрики, а вот слайс — прессованный табак, нарезанный пластинками, он долго сохраняет свежесть, занимает мало места, горит медленно, позволяет экспериментировать с набивкой.

А ещё главный советский курильщик иногда курил гаванские сигары, их он иногда разрезал на несколько частей и по очереди набивал каждой частью трубку.

Финал наступил именно в тот день, когда двадцать лет назад не стало его Татки, которая не выносила табачный дым, особенно в последние дни жизни, поскольку уже без прорыва страдала головными болями.

И на её могиле он как раз и выкурил прощальную трубку!

— Вот, Татечка, бросаю курить, — говорил он жене. — Стал стареть, врачи настойчиво потребовали отказаться.

Своему лечащему врачу Кулиничу он доверял, как исполнительный солдат хорошему офицеру. Послушался и в отношении табака, затеял долгое прощание, символически закончившееся на Новодевичьем кладбище.

— О Ваське Красном пока ничего хорошего рассказать не могу, — продолжал он отчитываться перед белоснежной статуей, положившей себе на грудь тонкую руку.

Василий Иосифович всё больше пил да гулял, в июле сего 1952 года после праздника Воздушного флота на Тушинском аэродроме явился на правительственный приём вдрабадан и нахамил главкому ВВС Жихареву, за что отец тотчас напомнил ему, что по его недосмотру в Первомай разбились два новейших бомбардировщика Ил-28, реактивных. Хотел разжаловать, но внял мольбам Власика и лишь уволил забулдыгу-сына с должности командующего

ВВС Московского военного округа, зачислил слушателем Высшей военной академии имени Ворошилова. Но на занятия Васька Красный так и не являлся, паршивец. Да и прочную семью никак не мог создать, гуляка. С Галей Бурдонской, родившей ему Сашу и Надю, расстался, детей ей не отдавал и сам притом не особо вдавался в их воспитание. С Катей Тимошенко, родившей ему Свету и Васю, тоже три года только прожил. Теперь у него чемпионка СССР по плаванию Капитолина Васильева, дочку её от первого брака удочерил, дал фамилию Джугташвили. Да и Капа уже не в восторге от брака с сыном Сталина, кому понравятся постоянные пьянки-гулянки?

— Сетанка, в отличие от него, умничка, в аспирантуре, пишет диссертацию, дети её — Ося в школу пошёл, Катя здоровая растёт, всё в порядке.

С дочерью он общался редко. Окончив университет, она поступила в аспирантуру при Академии общественных наук, работала над диссертацией по теме “Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе”. От первого мужа растила сына Иосифа, от второго — дочку Катю, но и со вторым мужем Юрием Ждановым отношения уже не складывались.

О Косте он ничего не стал говорить белому памятнику, потому что о нём Надежда Сергеевна ничего и не знала. Незаконнорожденный сын Сталина Константин Кузакон недолго проработал заместителем у Большакова, проитрафился, исключили из партии, и лишь вмешательством министра кино его не выгнали напрочь отовсюду, а назначили начальником сценарного отдела на “Мосфильме”.

Не радовали его дети. Неужто он гнилая яблоня, что от неё такие яблочки? Ну, нет, ведь есть и другая поговорка — на детях гениев природа отдыхает.

— Ближний круг мой сильно сузился, — продолжал он отчитываться перед несчастной беломраморной женой. — Но я тебе и в прошлые разы говорил. С ними мне спокойнее всего. Я тебе верен. И ещё с ними мне кажется, что Сталин — это не я. Что Сталин — это Сталин. А я простой человек. А ещё у меня недавно появился новый друг. Чёрный...

В начале октября, когда он понял, что уже основательно подготовился к предстоящему съезду, Иосиф Виссарионович вышел в полдень пошуршать листвой на участке Ближней дачи и вернулся мыслью к тому, что ему на прощанье сказал Жуков. Тогда в Сочи его это взбесило, первой мыслью было загнать ретивого Маршала Победы куда-нибудь подальше, создать специально для него Антарктический военный округ. А что? Америкасы уже всюю вторгаются в страну пингвинов, пора и нам создавать там военный плацдарм. Но, остывнув, передумал: УрВО для Маршала Победы — самый подходящий вариант, учитывая, что именно две уральские дивизии первыми прорвались к рейхстагу, и именно их разведчики водрузили Знамя Победы над его куполом.

Но слова про орла и ворона бередили душу.

Он стал подробнее изучать, кто такие чёрные вороны. По-латыни коракс. Красиво и зловеще. Орёл — аквила. Он, конечно, крупнее и сильнее, не зря настоящих мужчин называют орлами. Ворон, в отличие от орла, — птица осторожная, хорошо чувствует себя как в небе, так и на земле. И — что интересно! — редкая птица, умеющая выполнять в небе манёвры и пируэты, подобные авиационным, включая даже знаменитую бочку. И размах крыльев внушительный, не как у вороны, — до полутора метров, а у неё лишь до метра.

Орёл, конечно, более знаменит, зато ворон умнее, хитрее и терпеливее; орнитологи пишут, что, когда обстоятельства требуют не спешить с принятием решения, он сначала всё взвесит, ожидая столько, сколько нужно, и лишь потом сделает всё именно так, как нужно. Разве эта черта не роднит его с ним?

Всё больше и больше узнавая о чёрном вороне, премьер-министр Страны Советов постепенно проникался к нему уважением и чувством родства. И вот ещё — одиночество. Всюду распространённые серые вороны (*corvus cornix*) сбиваются в огромные стаи, в отличие от чёрного ворона (*corvus corax*), который не стремится дружить с родственниками, а значит, в своём

развитии давно ушёл от крепких родоплеменных отношений. Таков и он! Таков и любой настоящий правитель, как Пётр Великий, набравший себе людей не по родству, а по высоким деловым качествам. Важен не тот, кто кичится своим родством, а тот, кто пользу приносит.

Ты, Жора Жуков, конечно, орёл. И Москву ты отстоял, и Берлин ты брал. Но я, чёрный ворон, распоряжаюсь тобой, а не ты — мной. И ты, орёл, не решился сбросить меня, ворона, и занять моё место, как полководец Тамерлан менял по своему усмотрению ханов, де-юре являвшихся правителями государства, а де-факто — он. Так что сиди, орёлик, у себя на Урале. Даже созвучно: Урал — орёл...

Так, смиряясь с тем, что он ворон, глава государства рабочих и крестьян стал находить преимущества в сравнении себя с этой птицей, а не с расхожими орлами, соколами и ястребами. И как раз в тот солнечный полдень начала октября накануне съезда партии, выйдя пошуршать листвой и поворчать на сварливых соек, он услышал высоко в небе незнакомое “крр”, мягкий вежливый клич, отнюдь не противное воронье “карр”, а спокойное и мудрое, которое орнитологи ещё определяют, как “прух”. Он посмотрел в небо и увидел чёрные крылья, мелькнувшие высоко над деревьями.

Потом был съезд партии, первый после тринадцатилетнего перерыва. Председатель Совета Министров Сталин выступал в самый последний день. Отчётный доклад зачитывал Маленков, директивы по пятому пятилетнему плану — председатель Госплана Сабуров, об изменениях в уставе — Хрущёв. ВКП(б) перестала существовать. Вместо неё провозгласили КПСС — Коммунистическую партию Советского Союза. Взамен Политбюро образовался Президиум ЦК КПСС. По внешнеполитическому курсу выступил руководитель программы создания ядерного оружия Берия, он заявил, что, вопреки антисоветской истерии Запада, наша страна выступает за принципы мирного сосуществования и предупреждает о недопустимости ядерного шантажа.

Сталин произнёс на съезде заключительную речь, в конце которой попросил освободить его от руководства страной — стар, устал, приближается время, когда другим придётся продолжать то, что он делал, а обстановка в мире сложная, и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжёлая, и самое опасное в этой борьбе — дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать.

Съезд отклонил его просьбу освободить и избрал Первым секретарём ЦК КПСС, а чуть позже на пленуме — председателем Бюро Президиума, в которое вошли пятеро: Сталин, Берия, Маленков, Хрущёв и Булганин. Ни Молотова, ни Ворошилова, ни Микояна, ни Кагановича. Кончился ближний круг!

Всякий раз, возвращаясь со съезда усталым, он шёл пошуршать листвой и слышал снова мягкое и вежливое “крр”, словно приглашение полетать по небу.

Он впервые со времён войны отказался от отпуска и не поехал в Сочи. Шестого ноября впервые за последние семь лет присутствовал в Кремле на торжественном заседании в честь тридцатипятилетия революции, а на другой день стоял на трибуне Мавзолея и принимал парад на Красной площади. И впервые он вышел в зимней форме генералиссимуса. Не Жукову смеяться над его званием, которое не он себе выпросил, а народ ему присвоил!

Но что-то уж больно много вышло на трибуну гробницы Ленина — ладно Ворошилов, Молотов, Будённый, Каганович, Микоян, Берия — заслужили; Хрущёв, Булганин, Маленков, Шверник — чёрт бы с ними; но зачем тесниться, зачем устроители парада впили на отнюдь не резиновый капитанский мостик страны каких-то второстепенных — Сулова, Пономаренко, Первухина, Сабурова, Шкирятова, Аристова, Пегова, Брежнева. Получилась такая теснота, что ему казалось, будто его хотят выдавить из этого стойла, как старого конягу.

— Они не дали мне уйти с поста, Татка, — жаловался он белизне жены, самоубившейся ровно двадцать лет назад. — Не дали уйти самому, чтобы при случае скинуть меня в пропасть. В этот, как там у Данте?... Флегетон. Даже царь Николай имел счастье отрешиться от престола, и никто не смел ему ответить: “Твою отставку не принимаем”. А меня скинут, да ещё и расстреляют, как его. В глухом подвале. Ещё чего доброго,

там же, в Екатеринбурге, где теперь Жуков. Командует Уральским округом. Он лично будет отдавать приказ: “Огонь!” Тебе смешно, Татка? Уже нашёлся один “котёночек”...

В этом году в психушку посадили бывшего начальника кино Дукельского. Помнится, он любил всех называть котёночками: “Этого котёночка давно пора расстрелять” — или: “Представьте себе, этого котёночка до сих пор не поставили к стенке”. До недавнего времени он организовывал чистку в органах юстиции и превзошёл самого себя — подал рапорт министру госбезопасности Игнатьеву о необходимости немедленно расстрелять министра юстиции Горшенина за то, что он тайный алатырец и исповедует изуверскую алатырскую религию. Стали выяснять, оказалось, что Горшенин просто родился в городе Алатырь Симбирской губернии, а никакого религиозного течения, исповедующего алатырство, в природе не существует. Игнатьев вызвал Дукельского к себе и отругал крепчайшими матерными словами, тогда этот котёночек направил на имя Игнатьева рапорт с требованием арестовать и расстрелять Игнатьева же за то, что он тайно покровительствует секте алатырцев. Тут, конечно, Семёна Семёновича — на экспертизу, а та обнаружила у него давнюю и застарелую паранойю. Поместили в лечебницу, а совсем недавно Игнатьев предъявил Сталину рапорт, поданный этим “котёночком” на имя министра государственной безопасности Игнатьева со всеми восклицательными знаками и особенностями грамматики и орфографии:

“Уважаемый Семён Денисович! Довожу до Вашего сведения, что я давно уже подозревал полнейшее моральное разложение в высшем партийном руководстве страны!! Необходим немедленный террор!! Беспощадно выжечь гнилое мясо из здорового тела Советского Союза!!!

И начать надо с того человека, который ещё в 20-е годы! — незаконно проник на вершину власти! Я имею в виду Сталина!!!! Я доподлинно изучил его биографию и корни! Начнём с матери! Она была горская еврейка и носила фамилию Джугошвили, которая с еврейского языка переводится как “дочь иудея”! То есть, по матери этот котёночек — жид!!! А если учесть, что у жидов национальность определяется по матери, то в их понимании он — стопроцентный жид!!!

Теперь об отце... Как известно, он сильно пил, и все дети у Екатерины Джугошвили от него рожались мёртвые от его беспробудного пьянства! А Иосиф, гляньте-ко, выжил и достиг вершин!!! Почему?! Потому что у него был совсем другой отец! Им был путешественник Проживальский!! Мать Сталина одно время была у него домработницей, была не дурна собой, и он её обрюхатил!!! Так родился наш котёночек по имени Сталин!!!

Но и Проживальский не был сыном своего отца! Мне удалось установить доподлинно, что мать Проживальского Елена некоторое время была в уборщицах при царе Александре Втором, была не дурна собой, и он её обрюхатил!!! Так родился путешественник Проживальский, от которого получился Иосиф Сталин!!!

Выходит страшнейшая картина: страной под названием СССР вот уже тридцать лет руководит фактический двоюродный брат заслуженно убиенного царя Николашки Второго!!!!!! Есть даже сведенья о том, что своего двоюродного брата (царя Николая!) Иосиф Сталин спас и содержит сейчас на своей под-московной даче в Вольском!!!!!!

Кроме того, мне удалось выяснить и то, что этот котёночек Сталин в молодости был завербован царской охранкой и потому так ярко проявлял себя в революционной деятельности! Чтобы заслужить доверие товарищей, которых он же и выдавал царской охранке, имея в ней тайную кличку Хеопс!!!!!!

Утвердившись в среде главных деятелей революции, Хеопс добился власти! Он женился на своей родной дочери Надежде, которую начала от него жена революционера Аллилуева, бывшая сексуальной прислужницей Хеопса ещё до революции!!! Узнав о том, что она его дочь, Надежда покорно исполняла все его задания! Он подослал её к Ленину в Горки, где она была ухажоркой за больным Ильичом, а потом по приказу своего отца-мужа отравила ядом!!!!!! Прежде, чем Ленин хотел разоблачить Хеопса!

Спустя годы, Хеопс лично застрелил свою жену, когда она стала его шантажировать, грозилась раскрыть страшную тайну убийства Ленина! Он выстрелил ей в сердце и вложил пистолет в правую руку, но забыл, что жена была левша!

О Кирове: он был любовником Сталина, о чём свидетельствуют все без исключения его охранники, главным делом Власек, он не скрывает, что на даче в Подмоскovie Сталин и Киров вместе парились в бане и предавались мужеловству!! Киров захотел предать их связь огласке и даже провозгласить в СССР мужеловство!! Тогда Сталин приказал убить своего любовника, а убийцу мгновенно расстрелять!

В дальнейшем, якобы в отместку за смерть Кирова, Хеопс раскрутил маховик террора и уничтожил всех без исключения лучших революционеров!!! Когда же я, будучи на посту руководителя кинематографей, подал ему список реальных врагов народа из числа так называемых кинематографистов, он хохотал, как ненормальный пёс, разорвал список и швырнул мне прямо в лицо!!!

Уважаемый товарищ Игнатъев! Требую от Вас незамедлительных действий по вопросу немедленного ареста главного преступника страны!!!

Имя его — Иосиф Сталин!!!! Он же Хеопс!

Во избежание того, что его могут спасти и увести от справедливого возмездия, требую немедленного расстрела Сталина сразу же после ареста!!! Но учтите, что у него множество двойников! Только я один насчитал их до двадцати человек! Смотрите, не промахнитесь, не перепутайте самого пса с одним из его подостей.

Документы, доказывающие подлинность моих изысканий, прилагаются в количестве 17 страниц! Готов предоставить такие же рапорты на всех без исключения высших партийных руководителей Советского Союза!!!

Честный борец за дело рабочего класса и передового крестьянства — С. С. Дукельский”.

Поначалу, читая рапорт этого “котёночка”, Сталин чувствовал, что его подташнивает внутренним смехом, но быстро стало не до смеха, повеяло чем-то потусторонним и загробным.

— Могу я взять это всё для подробного ознакомления? — спросил Иосиф Виссарионович. — Или вы уже готовы меня арестовать и поставить к стенке?

— Ну, что вы, товарищ Сталин! — обиделся Игнатъев. — Вы можете сколько угодно этим пользоваться. Единственная просьба: всё же рано или поздно вернуть документ. Для отчётности и хранения. Копия у нас имеется, но и оригинал иметь надо.

В своём кабинете на Ближней даче Сталин внимательно изучил выкладки, произведённые параноиком, и ужаснулся тому, что когда-нибудь рапорт Дукельского может попасть в руки людей, ненавидящих Сталина, и они начнут распространять всю эту красиво придуманную брехню.

— Такого про меня и тебя сочинят, что не приведи Бог! — махнул он рукой, сидя на могиле жены. — Хорошо, что ни тебя, ни меня уже не будет в живых. Что же касается меня, то я изрядно поработал в этом году. Написал и опубликовал “Экономические проблемы социализма в СССР”. Это руководство к действию на ближайшие лет десять. Так что не страшно было бы и уйти...

Он уже устал сидеть среди могил Новодевичьего кладбища, встал со скамьи, стряхнул с полы шинели снег и сказал:

— Ну, до свиданья, милая Татка! Быть может, в следующий твой день рождения увидимся не здесь, а там, где ты сейчас.

Приехав на Ближнюю дачу, он крепко напился в полнейшем одиночестве. Только Власик находился где-то поблизости, готовый прийти на помощь. Да изрядно сокращённый штат охраны незримо присутствовал при даче. Валечка всё приготовила заранее, накрыла стол и, по его приказу, уехала домой к своему Ванечке. Напился он в ту ночь так, что утром очнулся на полу в Малой столовой. Стыд охватил его такой, будто всё, о чём рапортовал Дукельский, правда. Никогда в жизни с ним не случилось ничего подобного.

А тут ещё и Власик осторожно заглянул и увидел его лежащим на полу. То, что верный страж и телохранитель оказался свидетелем, лишь разлило:

— Что ты смотришь? Не видишь, что я упал? Помоги встать!

И Власик покорно помог ему, слабому с похмелья. Мгновенно представилось продолжение рапорта Дукельского: “По личному свидетельству Власика, Сталин постоянно напивался и спал прямо на полу...” Какая гнусность!

Несколько дней он пребывал в самом скверном расположении духа, чуть не уволил Большакова, когда тот попросил его отсмотреть снятый материал фильма Довженко, мол, нельзя ли Александру Петровичу продолжить работу в связи с тем, что американцы не перестают нагнетать истерию и выпустили новый бомбардировщик Б-52, стратосферную крепость, способную доставить две ядерные бомбы до любой точки СССР, о чём они на весь мир и объявили, так и называя новое чудо своей военно-воздушной силы стратокрепостью.

Главный зритель отсмотрел, расвирепел и устроил Ивану Грозному взбучку:

— Считайте себя уволенным! Разве вы сами не видите, какую бездарную дрянь снял этот самостийник? Плохие американские дипломаты показаны в карикатурном зверином виде, постоянно орут и нарочито противно хохочут. А главная героиня, наоборот, показана слащаво хорошей, моргает глазками, как проститутка. На каких дешёвых балаганных приёмах всё построено! Диву даёшься, что этого Довженко называют гением, равным Эйзенштейну. Тогда как оба, в сущности, раёшники. Покойный Эйзенштейн, тот хотя бы “Александра Невского” хорошо сделал. А этот? Тьфу!

Всюду ему теперь мерещились восклицательные знаки Дукельского, и даже произнося “тьфу”, он видел два-три таких столбика с точками внизу. Донос сумасшедшего параноика отравил его сознание. Что, если Игнатьев тайком распространил клеветническую бумагу? И все теперь смотрят на своего вождя иными глазами, внутренне смеются и ждут только часа, чтобы он споткнулся, и они могли бы наброситься на него: жену застрелил! с Кировым трали-вали!! Ленина отравил!!! агент царской охранки!!!! двоюродный брат Николашки!!!!

И он решил устроить очередные киношные посиделки и тайком проследить за фокусником и кухаркой, не изменилось ли что-либо в их поведении. Приказал Большакову, коего, само собой, не уволил, а лишь продолжал распекать по любому поводу, чтобы Ганьшин привёз побольше фильмов, и не поехал ни в какой Кремль. Днём выпался вволю, в сумерках вышел поскрипеть снегом, выпавшим в сей ноябрьский день в изобилии, и ударил благодатный морозец, снимающий боли в суставах, в повреждённой левой руке, особенно допекающие в дни осенней и зимней слякоти. Снег приятно похрустывал под его шагами, а над головой раздавалось бархатное “кпр”.

— “Чёрный ворон, что ж ты вьёшься / над моею головой? / Ты добычи не добьёшься, / чёрный ворон, я не твой”, — тихонечко напевал он песню, любимую ещё с революционных времён. Да ещё и Чапай пел её в любимом навек фильме братьев Васильевых.

И вдруг он застыл на месте, глядя, как ворон разгуливает по забору дачи прямо напротив закруглённой восточной веранды. И ворон тоже застыл на месте, глядя на товарища Сталина.

— Здорово, Кораке! — сказал человек птице.

— Ток! — ответил ворон, внимательно поглядел на человека чёрной блестящей бусинкой глаза, взмахнул крыльями и улетел.

— Ну вот, — огорчился человек, — а я тебя хотел в гости пригласить.

Пакостные восклицательные знаки преследовали его много дней, всюду мерещились, как некогда преследовали демонские песни опричников из второй серии эйзенштейновского “Ивана Грозного”: “Говори да приговаривай, говори да приговаривай, топорами приколачивай! Ой, жги, жги, жги, жги, жги!..” — словно назойливая и увёртливая навозная муха. Но сегодня душа его освободилась от липкого яда клеветнического доноса, и, встретив заботливого Власика, он сказал ему:

— Слушай, Коля, позвони куда надо и распорядись вот о чём. Где-то в подмосковной психушке содержится наш бывший начальник кино Дукельский. Пусть для него с трофейных складов подберут мундир эсэсовца. И пусть он в нём щеголяет. С нашивками какого-нибудь там оберштурлфюрера. Что ты так на меня смотришь? Выполняй, будь любезен.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — ответил Власик и отправился исполнять приказ, а Хозяин смотрел вслед верному рабу и думал, читал ли он рапорт Дукельского? Что, если читал? Но почему-то это теперь казалось ему смешным. Подумаешь, спал на полу! Тамерлан тоже, поди, напивался так, что на полу спал. А полмира завоевал в Азии. Да и помер Железный Хромец от пьяной икоты во время своего последнего похода на Китай. Уменьшило ли это его всемирную славу? Ни на вот столечко.

А когда окончательно стемнело, в тёплой Малой столовой уютно стрекотал “Симплекс”, сапожник, кухарка и фокусник, слегка попивая винцо и помаленьку закусывая, смотрели “Горе от ума”, второй после “Правда — хорошо, а счастье лучше” фильм-спектакль Сергея Алексева, бывшего режиссёра Малого театра, а ныне главного режиссёра литературно-драматической редакции Центрального телевидения.

Всё-таки Большаков молодец, хоть иногда и есть за что его пропесочить. Выкрутился Иван Грозный из малокартинья с помощью фильмоспектаклей — “Учитель танцев” по Лопе де Веге, “Школа злословия” по Шеридану, “Живой труп” по Льву Толстому, “На всякого мудреца довольно простоты” и “Волки и овцы” по Островскому, “На дне” по Горькому, гоголевский “Ревизор” и вот этот спектакль Малого театра по бессмертной и крылатой комедии Грибоедова. После восьми фильмов в прошлом году в этом — больше двадцати, и не только фильмоспектакли, а ещё цветной фильм-сказка “Садко”, где так хороша птица-счастье в исполнении жены Вертинского, большеглазой грузинки Лидии Циргвавы, и слава Богу, вернулся его любимый певец вместе с семьёй из китайских эмиграншек, живёт в Москве; и новые биографические картины — Александров всё-таки снял своего “Глинку”, Рошаль и Казанский — “Римского-Корсакова” с несравненным Черкасовым в роли Стасова, Дзюган — про казахского акына Джамбула, а Юткевич — “Пржевальского”, будь он неладен со своим внешним сходством! Оно, конечно, лестно было бы происходить от великого путешественника, но то, что ты нагулял, знаете ли, не очень. Уж лучше пьяница-сапожник Бесо Джугташвили, да свой, законный отец. Как называли раньше незаконных? Ублюдками. Докажут потом, что он и впрямь от Пржевальского, и будут писать: Сталин ублюдок. Тьфу ты, Господи, пропади он пропадом, этот “котёночек”!

— В следующем году Большаков обещает вывести производство картин в СССР на довоенный уровень, — сообщил сапожник фокуснику и кухарке. — И, что характерно, всё больше картин цветных, красочных.

— Жалко, что эта чёрно-белая, — посетовала кухарка.

— Я думаю, в будущем режиссёры будут снимать и цветное кино, и по-прежнему чёрно-белое, — заметил фокусник. — Потому что в чёрно-белом есть своё загадочное очарование.

— Пожалуй, фокусник прав, — откликнулся сапожник. — А этому Сталину всё подавай цветное.

— А где он сейчас, кстати? В Сочах? — спросила кухарка.

— В Сочи, уважаемая кухарка, — поправил её сапожник. — Сочи город в единственном числе.

— Этого я не понимаю, — повела плечом кухарка. — Почему кофе мужского рода, а Сочи в единственном числе? Если кофе — оно, а Сочи — они. И, кстати, многоуважаемый наш сапожник, вы говорили, что надо говорить “нагибаться”, а не “нагинаться”, а я у Лескова прочла: “Он говорил, нагинаясь”. И у Тургенева встретила “Лодка плыла, махая вёслами”, а вы говорили, что я неправильно говорю: “Махаю вам, махаю”. Мол, надо: “Машу вам, машу”.

— Эдак вы, уважаемая, найдёте у Пушкина, что он налаживал, а не накладывал себе сахар в чай, — засмеялся фокусник. — И что он плотил, а не платил.

— И найду, что вы думаете! — с вызовом ответила кухарка. — А Софья-то какой-то перестарок.

— Актриса Ирина Ликсо, — сказал сапожник. — Ей вообще-то лет тридцать.

— И всё в девках ходит, — фыркнула кухарка. — По пьесе-то ей лет семнадцать. Не понимаю я этих театральных условностей. Если тебе уже сорок, то не играй Джульетту, старая колода.

— Мда, — кивнул сапожник и потянулся в карман за трубкой. Но карман ответил пустотой, трубки лежали заперты в ящике письменного стола, ключ от которого он отдал на хранение Власику. — Если в театре ещё какие-то издалека не виден возраст, то в кино надо и впрямь брать на молодые роли и актрис молоденьких. Слушайте, у вас не найдётся сигар? А то мои врачи считают, что я бросил курить, — припомнилась ему фраза из “Гражданина Кейна”.

— Сигар-с не держим-с, — ответила кухарка.

— Чацкому-то вообще тут лет пятьдесят, — заметил фокусник. — Артист Царёв чуть ли не ровесник века, а Чацкий на пять лет старше семнадцатилетней Софьи.

— Но играет Царёв очень хорошо, — вступился за артиста сапожник. — И ведь молодой, не стал после революции менять фамилию, не побоялся. Он, кстати, малость косоглазый, как Сталин. Есть такое?

Сталин и впрямь, в последнее время особенно, малость косил. Из-за того, что один глаз у него видел хуже другого, идеального. Но фокусник и кухарка промолчали.

— Эй, вы что, Сталина боитесь? — подначивал их сапожник. — А не слышали случайно, что он Ленина отравил?

— Свят-свят-свят! — аж перекрестилась кухарка троекратно. — Что это вы говорите такое? Как не стыдно!

— А что он двоюродный брат Николая Второго? Тоже не имеем понятия? — продолжил сапожник издевательство.

— Ага, — с иронией кивнул фокусник. — И внучатый племянник Гитлера.

— И жену он лично застрелил, и Кирова тоже лично кокнул, — говорил сапожник, тоскуя по трубке. — А ещё он в царской охранке состоял.

— Говорит такое и не поперхнётся, — фыркнула кухарка. — Да таких сапожников надо арестовывать и сразу к стенке. За распространение.

— Зачем же их? Это Сталина надо бы расстрелять давным-давно, — вдруг рассердился сапожник, будто заразившись от Чацкого, мечущего обвинительные громы и молнии. — Сколько дров наломал! Сколько людей без разбора погубил!

Фокусник и кухарка испуганно переглянулись.

— Это где же вы таких речей набрались? — спросила кухарка. — Или вам мои ботыши не пришлись по вкусу?

Сегодня она особенно расстаралась и приготовила аварские особенные лепёшки, раскатанные с творогом, да так, что никакая дагестанская кухарка не придралась бы. Во рту тают!

— Нет, ботыши безукоризненные, — смягчился сапожник. — Вот ты, фокусник, спросил однажды Сталина, оправдывает он себя или осуждает. А он ни то, ни другое. Он не нуждается ни в оправданиях, ни в осуждениях. Он считает себя над этим всем. Не хочет становиться Гамлетом. Как хирург не вправе жалеть оперируемого больного, а должен привести его к здоровому состоянию. Он не задумывается, больно или не больно. А иначе операция может привести больного к гибели. Тут церемониться нельзя, упустишь время, и операция насмарку. Вот и Сталин так же не церемонился. Иосиф Бесцеремонвич! Как же я устал от этого Сталина, дорогие мои, как же он надоел мне!

— Я до сих пор укоряю себя, что задал тогда столь бестактный вопрос, — от всего сердца вымолвил фокусник.

— А Сталин даже не помнит об этом вопросе, — махнул рукой сапожник. — Ему нет дела до вопросов, потому что у него одни ответы. Так что не корите себя.

Молча, долго смотрели в задумчивости, как Чацкий мечется в душном обществе Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов.

— Я недавно узнал, что рукопись “Горя от ума” сохранил не кто иной, как Фаддей Булгарин, — сообщил сапожник. — И вообще это был интересный человек, не такой однозначно подлый, как его нам представляет Пушкин.

Фокусник и кухарка облегчённо вздохнули: кажись, переменял скользкую тему. Но оказалось, рано:

— А знаете, сколько у Сталина двойников?

— Каких ещё это? — вновь насторожилась кухарка.

— Таких. Одинаковых с лица. Вот я, например. Вам не кажется, что я двойник Сталина?

— Ну, это мы уже давно знаем, — игриво ответил фокусник. — Что сапожник Иосиф Джугашвили один-в-один Иосиф Виссарионович.

— Вот, — усмехнулся сапожник. — И по всей стране такие рассыпаны. Целая дивизия сталинских двойников. Подгримируют, как дурака Геловани, и дело в шляпе. Все думают: Сталин. Главное, чтобы он важный такой ходил и трубку курил в благородной задумчивости.

— А, кстати, где трубка? — спросил фокусник.

— Здрасьте! — воскликнула кухарка. — Сталин же бросил с девятого ноября, вот и наш Иосиф вместе с ним.

— Чтобы ни в чём не отличаться, — сказал сапожник. — Только всё равно мне никогда не стать таким, как он. Я добрый, а он бессердечный. Я сапоги делаю, а он судьбы человеческие ломает. Даже дочери не дал насладиться, когда она, дурочка, влюбилась.

— Да просто знал, что этот Люся поматросит, да и бросит, — выступила на защиту Сталина кухарка. — Она бы тогда хуже ещё переживала. А так осталась в мечтах о нём.

— Я вот с вами тут сижу, с простыми людьми, — продолжал глумиться сапожник. — А Сталин только может со своими высокопоставленными фраерами. Жукова загнал, куда Макар телят не гонял. Ну как же, Жуков только Маршал Победы, а он, Сталин, генералиссимус.

— До чего же ему форма генералиссимуса к лицу! — всплеснула руками кухарка. — А он почему-то стесняется, всего один раз надел в этом году на парад.

— Фальшь и бутафория! — огрызнулся сапожник. — Противно было смотреть. Военные отводили взгляд. Если бы вы знали, как мне надоел этот Сталин! Как давно я хочу избавиться от него!

Снова молча смотрели, долго, до самого финального монолога Чацкого: “Вон из Москвы, сюда я больше не ездук!” Когда фильм кончился, фокусник сказал:

— Я, кажется, всё понял. Вы, дорогой сапожник, где-то прочитали чей-то тайный памфлет, направленный против Сталина.

— Вот хитрец! — рассмеялся сапожник. — Угадал!

— Слава тебе, Господи! — вновь перекрестилась кухарка. — То-то я думаю, какие-то странные речи. И кто же автор?

— Некто Семён Семёнович Дукельский, — признался сапожник.

— Так это же бывший до Большакова! — воскликнул фокусник.

— Он самый.

— И что же с ним за это сделали?

— Сталин приказал нарядить его в мундир эсэсовца.

— Как это?

— В той психушке, в которой он лежит, ему будет в самый раз. Как писал Пушкин: “Не дай мне Бог сойти с ума”. Выпьём за то, чтобы все мы, а заодно и товарищ Сталин, завершали свой жизненный путь в здоровом уме и твёрдой памяти.

Они выпили вина, и сапожник попросил ещё ботышей. Кухарка отправилась их разогревать, и, оставшись вдвоём с фокусником, сапожник сказал:

— Но то, что мне надоел Сталин, это всё вправду. Может, нам троим инкогнито покинуть Москву и отправиться бродить по свету? Я побреюсь

наголо, как Ленин в семнадцатом году. Меня и не узнают. Все привыкли, что Сталин похож на Геловани.

— Валентина не бросит своего Ивана, — возразил фокусник.

— Да и повторять уход Толстого — пошло и фальшиво. Чего доброго, и впрямь Геловани вместо Сталина поставят и будут дурить народ. Пока кто-то не приглядится внимательнее. Помните, как в пьесе у Булгакова: “Опричники взбунтовались, кричат, что царь ненастоящий”.

— Что-то я такую пьесу не упомяну.

— Ах, ну да, её же Агитпроп запретил. Тогда Стецкий возглавлял эту банду иезуитов. Без устали писал списки, кого расстрелять, и подавал их Сталину. Организовал травлю Булгакова, и “Ивана Васильевича” запретили. А Сталин слушал Бухарина, который ему этого Стецкого нахваливал. В итоге после казни Бухарина векорости и Стецкого расстреляли. Агитпропом занялся Жданов, но ему Булгаков вообще был не по душе. А там и сам Михаил Афанасьевич умер. Сталин его любил, но в политику ждановского Агитпропа не вмешивался. И мне стыдно за нашего Сталина!

— Вы опять? — возмутился фокусник. — Я не хочу слушать речи против Иосифа Виссарионовича.

— Этого Бесцеремоньча? Вот все вы такие. Для него люди — пешки, а эти люди его воспевают.

— Затыкаю уши!

— Ладно, что будем дальше смотреть?

— Иван Григорьевич просил вас “Ревизора” оценить, хочет уже в прокат выпускать.

Кухарка появилась с блюдом горячих ботышей, и они стали смотреть “Ревизора”.

— О! Цветное! Ура! — обрадовалась кухарка. Сегодня она ещё ни разу не хохотала. Речи сапожника рассердили её. — Хотите, любите своё чёрно-бело-серое, а мне по вкусу цветное.

— Режиссёр Петров решил забросить исторические картины, снял про футбол, теперь за Гоголя взялся, — проворчал сапожник. — Не думаю, что у него получилось смешно. А Большаков молодец, при своём министерстве личный оркестр собрал, не надо никуда ходить кланяться.

Когда Хлестаков спросил Осипа, не осталось ли табаку, сапожник крикнул:

— Эк! Тьфу ты, пропасть! Товарищ кухарка, нигде у нас папироски не завалилось?

— Да если бы и завалилось. Сталин узнает, что нарушили запрет, репрессирует нас всех троих. Хорошо ещё, если только на Чекотку сойдёт, а не укокошит, — ответила кухарка и, наконец, впервые рассмеялась. Кажется, перестал дурить их сапожник. И какая на него блажь нашла?

— На Чукотку, — поправил сапожник.

— А я как говорю? Я и говорю: “На Чекотку”.

— Ладно, Бог с тобой, говори, как тебе хочется. А я вот сегодня чёрного ворона видел. Это к чему?

— Во сне? Если напал, то это клеветают на вас. Вот кто-то и пишет клевету. Как вы сказали? Индюкельский?

— Да нет, не во сне, на заборе дачи.

— Главное, чтоб не крысы и не мыши.

Искромётная игра Игоря Горбачёва в роли Хлестакова на долгое время поглотила всё внимание троицы. Чаще и чаще серебрился звонкий кухаркин смех, и сапожник с унынием думал, что мог бы и жениться на ней, если бы не Иван Истомин. И если бы не верность Наде, которую вдовец свято хранил.

— А что, есть такая рыба лабардан? — спросила кухарка.

— Это обычная треска, — ответил сапожник. — Какой-то хитрый ресторатор в начале прошлого века придумал вместо трески писать в меню: “лабардан”, мол, такое слово больше привлечёт внимания.

— Точно так же, как в “Анне Карениной” Стива Облонский ест в ресторане тюрбо под соусом Бомарше, а это просто камбала под густым сливочным

соусом, который изобрёл московский повар Бомарше, — поделился своими познаниями фокусник.

— Хотите чего-нибудь рыбного? — мгновенно отреагировала заботливая кухарка.

— Нет, нет, мне и так уже многие намекают на мой живот, выросший за годы питания в вашей столовой, мадам Истомина! — пробухтел сапожник.

— А я слышал, в Азии, у кого живот вырос, про того говорят: авторитет вырос, — произнёс фокусник.

— Вот и надо нашему Иосифу побольше авторитета, он у нас в последние годы хорошо кушает, — произнесла кухарка с гордостью мамыши упитанного ребёнка.

Так они продолжали весело смотреть киновоплощение великой комедии Гоголя, и лишь под конец, когда фильм сделался мрачным, сапожник опять за своё:

— Сталина тоже не за того приняли. Хитрый малый, всех обманул, обскакал. А в сущности своей — Хлестаков.

— Не желаем это слышать! — воскликнул фокусник. — И дайте, в конце концов, кино спокойно досмотреть!

После немой сцены финала сапожник с восторгом произнёс:

— Молодец Петров! Вот это настоящий передовой художник! Всё у него настоящее, а не как у Довженко. Зато Довженко все знают, а кто снял “Петра Первого” — никто. Надо было ему, как Сталину, громкий псевдоним взять. В фамилии — полдела. Не зря Пушкин — Пушкин. Ему и не надо было псевдонима. И Лермонтов хорошо звучит. У англичан главный поэт Шекспир — “тряси копьё” переводится. А у нас просто и внушительно — Пушкин. А вот у французов основоположник языка и литературы — Корнель, и переводится это как “ворона”.

— Что-то у вас нынче воронья тематика, — сказала кухарка.

— Цыц! — вдруг осёк её сапожник. — А Сталин, по-вашему, на какую птицу больше похож?

— Орёл! — сказала кухарка.

— Орлан, — поправил фокусник. — Он больше и сильнее.

— А, по-моему, ваш Сталин — чёрный ворон. Только седой.

— Ну, уж нет уж! — не согласилась кухарка.

— Не согласны, — поддержал её фокусник.

— Можете оставаться при своём мнении, — пожал плечами сапожник. — Что дальше смотреть будем?

— Предлагаю последний фильм Чаплина.

И они стали смотреть “Огни рампы”.

— У, нецветное, — прогудела кухарка.

— Не дают Чаплину цветную плёнку буржуи, — усмехнулся сапожник. — Зато музыка хорошая. И опять он сам к своему фильму её написал. Всё-таки большой молодец этот Чарли.

Он уже умел бегло читать по-английски, сопоставляя с субтитрами. Начинался фильм с интертитра: “Огни рампы, с которых старость должна сойти, уступая место юности”.

— Это про меня, — тихо промолвил сапожник. Ему припомнился Шумяцкий, похожий на Чарли Чаплина, сгинувший в кратере вулкана репрессий. Кольнула совесть — не заступился тогда за Бориса Захаровича! А сейчас он был бы вот такой, как теперь Чаплин, весь седой. Ещё он подумал, что с Чаплина начиналась его любовь к кино и к Наде, а нынче с Чаплином приблизилась к закату его жизнь, и уже чёрный ворон кружит, как в песне “Эх, дороги...”

— Американцы запретили прокат этого фильма в США, — сообщил фокусник.

— Тем более интересно будет посмотреть, — оживился сапожник. — Если американцы что-то запрещают, уже интересно. А Чаплин выглядит старичком. Сколько ему?

— Шестьдесят три, — отозвался фокусник.

— А выглядит старичком, — печально повторил сапожник. — Безукоризненно изображает пьяного.

— Боюсь, эта картина будет грустная, а не смешная, — вздохнула кухарка.

— Когда Чаплин выехал по делам в Европу, американцы отказали ему в обратной визе, — сообщил фокусник.

— Идиоты! — возмутился сапожник. — Какие идиоты! И хотят повторить судьбу Гитлера и Германии. Я был лучшего мнения об американцах. Неужели придётся опять вызывать Жукова?

Дальше они молча смотрели, думая о будущей войне с Америкой. Надежды на то, что фильм разовьётся в комедию, окончательно рухнули.

— А это сын Чаплина Сидней, в роли Невилла, — сообщил фокусник, но и это мало заинтересовало, на втором часу просмотра кухарка откровенно зевнула:

— Скуотица!

— Вот именно, — подхватил сапожник. — Знаете, когда Сталин читал свой доклад на этом съезде, я тоже в какой-то момент подумал: “Скуотица!”

Ближе к финалу он сказал:

— Этот старый клоун, никому уже не интересный, напоминает мне нашего Сталина.

— Только клоун ещё выкаблучивается, но никому не нужен, а наш Иосиф Виссарионович просился на покой, но он всем нужен, и его не пустили на заслуженный отдых, — произнёс фокусник.

— А итог один, — тихо ответил сапожник. А когда фильм закончился, проворчал: — Затянул Чаплин с концовкой. Нельзя так долго показывать смерть главного героя. Это дешёвый и давно отживший приём, призванный выкачать из зрителя лишние сто грамм слёз. Как вы считаете?

— А я что-то и не заплакала, — простодушно ответила кухарка.

— А я бы сделал так, что он умер сразу, как только провалился в барабан. Наконец-то к нему вернулась слава, зрители режут от восторга и требуют, чтобы он вышел на сцену. Его выносят в нелепой позе, провалившимся задницей в барабан, наклоняют, будто он кланяется зрителям...

— И кто-то, просунув зади в барабан руку, машет ею зрителям, будто это старый клоун машет своей рукой, — досказал сапожник. — Его уносят, ничего не сказав балерине, и та в последних кадрах счастливо танцует.

— Или так, — улыбнулся фокусник, произнеся любимые слова сапожника из анекдота про Сталина, который он рассказал ему ещё в начале войны.

— Или так, — тоже улыбнулся сапожник. — Но я сейчас вот о чём подумал. Почему американцы считают себя победителями во Второй мировой войне? Потому что они в ней, в сравнении с нами, почти не пострадали. Зато наживу получили колоссальную. Но что им это дало в духовном смысле? Моральное обнищание. Тому свидетельством кино. Почти во всех фильмах главенствует безнадёга. Особенно в фильмах жанра нуар. Все заняты поисками денег. Бедные хотят выжить, богатые — ещё больше разбогатеть. Зато посмотрите на наше кино: оно внушает людям радость, даёт надежду. В наших фильмах нет поиска денег, но есть утверждение главного смысла жизни. Даже после такого страшного финала в “Молодой гвардии” остаётся светлое чувство, что ребята погибли за Родину, их подвиг влился в мощную реку всенародного подвига. И потому была Победа. Наше кино жизнеутверждающее. Американское — обречённое.

Он надолго замолчал, потом тихо произнёс:

— Сталин... Сталин много сделал плохого людям, много судеб покaleчил. Но если бы не чистка рядов в тридцатые годы, во время войны нашлось бы столько бонапартиков, что едва ли мы устояли бы, вряд ли взяли бы Берлин. Предателей вон сколько оказалось, а если бы не чистки, их было бы втрое больше. Нет, я не оправдываю Сталина. Я пытаюсь взвесить его деятельность и оценить её. И думаю, что иначе он не мог сделать страну сильной. Как говорит герой Чаплина в этом фильме “Огни рампы”:

“Я как чертополох: чем больше меня мнут, тем я сильнее”. Этот Иосиф Бесцеремоньч, мои дорогие, сделал страну могучей, и все нас боятся. Плохо? Конечно, плохо, что боятся. Было бы лучше, если бы человечество уважало друг друга, а не боялось сильных. Но что поделать, если Запад живёт прежними понятиями? Кто сильнее, тот и прав. Христос давно определил иной закон, высказанный Александром Невским: “Не в силе Бог, а в правде”. Но Запад не живёт по законам Христа. Посмотрите на этих американцев, жалких, духовно низких. Кстати, я не думаю, что они бросятся с нами воевать. Так и будут на нас только лаять.

— А собака, если лает, то не кусает, — сказал фокусник.

— Совершенно верно, — кивнул ему сапожник. — Я помню в Сибири одну собаку. Она такая ласковая была, тихая, но попробуй подойди — цапнет! А которые лаяли, те не кусались. Немцы на нас не лаяли, дружили, а взяли и напали в сорок первом. Гады!

— Ну да, а дядя Сэм только и делает, что гавкает, — засмеялся фокусник.

— Сталин... — снова задумчиво произнёс сапожник. — Посмотрите, какой кинематограф он создал с тех пор, как начал лично вмешиваться в процесс его создания. У нас гораздо меньше фильмов, чем в Америке, но больше качественных, представляющих настоящие произведения искусства. Это благодаря Сталину.

— Вот кому бы главную Сталинскую премию! — засмеялась кухарка.

— Ну, вот ещё! — возмутился сапожник. — Он и так обвешан побрякушками. Один мундир генералиссимуса чего стоит! Посмешище! Нет, ребята, довольно вашему Сталину наград.

Глава двадцать вторая КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Февраль в Берлине обычно промозглый и слякотный, лишь изредка потеплеет и выглянет солнце, а так всё моросит да моросит, кругом — главенство серого, скучного, наводящего печаль и тоску. Вот и в этот день с утра затянутое серым войлоком небо орошало берлинцев холодной мелкой влагой, но гость из Москвы всё равно решил, что перед началом важнейшего мероприятия он, несмотря на старческую ломоту в коленях, осуществит свою давнишнюю мечту. Одевшись потеплее, он доехал на метро до остановки “Цологише Гартен” и вскоре покупал билет в знаменитый берлинский зоопарк. Английский он знал неплохо, в отличие от немецкого, и служащий вынужден был по-английски повторить ему предупреждение о том, что многие вольеры закрыты, многих теплолюбивых животных увидеть не удастся, да к тому же ещё не вполне окончены работы по воссоединению с восточным “Гирпарком”, начавшиеся вскоре после недавнего объединения Восточной Германии с Западной. Гость из Москвы всё равно согласился и, получив билет, вошёл через Лёвентор — Львиные ворота. Мгновенно дождь перестал моросить, ещё минута — и выглянуло солнце. Русский посетитель зоопарка усмехнулся и произнёс:

— Решись, и ты свободен, — имея в виду, что не зря он отверг все сомнения. Справа он увидел выходящего погулять слона и ещё более утвердился в предчувствии, что день сегодня будет особенный и прекрасный. Он достал из кармана брюк старый-престарый, выцветший, некогда красный носовой платок и приложил его к щеке, как всегда делал, чтобы подбодрить себя. Вернув платок в карман, вслух прочитал табличку: — Элефантен, — и остановился, чтобы с толком насладиться зрелищем величественного животного. Конечно, такой же индийский слон есть и в московском на Пресне, ничем не отличается, но наш посетитель с древнейших времён своей долгой жизни завёл себе правило перед очень важными событиями посещать зоопарки, и примета неизменно срабатывала, начиная с того самого дня, когда его доставили в Кремль, и он впервые показывал кино самому Сталину. Почему-то он соединил посещение зоопарка с неожиданным успешным событием

жизни и завёл себе традицию. Которую не нарушал уже более пятидесяти лет!

А вот тогда, в том страшном марте, он не догадался сходить в зоопарк. Потому что не ожидал, что начнутся самые трагические события в его жизни. А ожидал он очередного вызова к главному зрителю, очередного задушевного вечера в тайном обществе “Волшебный фонарь” с сапожником и кухаркой, намеревался показать только что привезённую копию американского фильма “Ровно в полдень”. Сапожник Иосиф любил Гэри Купера, в последнее время ещё и полюбил вестерны, а тут одно с другим вполне сочеталось. Ещё он намеревался показать картину “Белый шейх” начинающего итальянского режиссёра Феллини и “Снега Килиманджаро” по Хемингуэю с Грегори Пеком, понравившимся главному зрителю в вестерне “Стрелок”.

Но вместо вызова на Ближнюю дачу он дождался сообщения сначала о тяжёлой болезни, а на следующий мартовский день — о кончине человека, которого Александр Сергеевич не просто любил и обожал, а боготворил.

Похож ли был Сталин на индийского слона? Чем-то похож. Неторопливостью, спокойствием, усы — бивни, умные и слегка печальные глаза, рябое лицо, китель, чаще всего серого слоновьего цвета. Московский гость усмехнулся, оценивая сходство Сталина со слоном. А ещё говорят, когда у слона наступает период физиологической ярости, он способен уничтожать вокруг себя всё подряд — и своих, и чужих без разбора. А ещё слон — фигура в зоопарке самая крупная, а кто крупнее Сталина в уходящем столетии? Да никого!

И Александр Сергеевич двинулся дальше, оставляя слева огромный курятник и причудливый дворец на пространстве вольеры с надписью “Giraffen”, но самих жирафов там не паслось. Зато справа на озере радовали взор розовые и ярко-розовые фламинго, важно расхаживали, чем-то пробавлялись, окуная горбатые клювы в воду. Солнце, всё больше освобождаясь от серых немецких мундиров облаков, тоже радовалось нарядному оперению экзотических птиц.

Странное дело, но самый первый удар после смерти Сталина нанесли по кино, будто кинематограф больше всех других был причастен к деяниям великого вождя. Похороны состоялись девятого марта, а уже пятнадцатого новый председатель Совета Министров, толстощёкий и толстобочий Маленков, упразднил должность министра кинематографии, перевёл Большакова в заместители министра культуры. Из начальников — в подчинённые. На показе фильма о похоронах Сталина “Великое прощание” вёл себя скромненько. Был он, Иван Грозный, первым и единственным в истории министром кино, но как только не стало великого Хозяина, на десятый аж-таки день после кончины главного зрителя, толстозадый Хрущёв вообще эту уникальную должность отменил, перевёл кино в ведомство министерства культуры, тогда же и образованное. Вот он и министр культуры; прежде занимался торговлей и финансами, а теперь оказался самым культурным гражданином СССР, гляньте на него! Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Во время войны — один из главных организаторов партизанского движения и рельсовой войны, а после войны завоевал уважение Сталина на посту руководителя по сельхозпродукции. Сталин о нём весьма хорошо отзывался. Но какой из него министр культуры? Скорее уж — министр культурки. Суетится вокруг свиноподобного владыки, а тот осклабился и злобно рявкнул про кого-то:

— Да и хрен с ним! Семеро одного не ждут. Давайте начинать, чего валандаться!

Министр культурки пробежал к телефону, снял трубку, в будке кинемеханика зазвонило.

— Слушаю.

— Механик, можете начинать.

Вот так-то. Уже не Александр Сергеевич, не товарищ Ганьшин, не наш дорогой фокусник, а упрощён до обычного механика. Хорошо, что не подавальщик. А то ещё можно было бы: “Человек! Кино давай!”

На экране под бой курантов на сиреновом фоне высветилось: “Великое прощание”. Спасская башня, чем-то похожая на покойного сапожника

Иосифа, особенно когда на циферблате двадцать минут девятого, и стрелки, как усы. Голос Левитана:

— Говорит Москва! От Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза...

На Красной площади — мартовский снег. Над куполом Большого Кремлёвского дворца приспущено красное знамя. Первая страница “Правды” с портретом любимого вождя в маршальской форме, и слеза невольно сверлит глаз.

— ...пятого марта в девять часов пятьдесят минут вечера после тяжёлой болезни скончался...

Какой тяжёлой болезни? Ещё бы сказали, после долгой и продолжительной! В конце февраля кино смотрели своей компанией — сапожник, кухарка и фокусник, он был весёлый, вино попивал, полный сил. Потом какая-то странная поломка “Симплекса”, и его увезли чинить, а уже второго марта Александр Сергеевич звонил Большакову, что аппарат в исправности, можно возвращать на Ближнюю дачу, но Иван Григорьевич хмуро ответил:

— Я перезвоню.

Собирались в ближайšie дни новый фильм Капры смотреть “Жених возвращается”, французскую картину “Фанфан-Тюльпан”, получившую в прошлом году Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале.

Красные флаги с чёрной каймой.

— ...Иосиф Виссарионович Сталин.

Ни фокусник, ни кухарка в Колонный зал не ходили. Валентина Васильевна простилась с покойным на Ближней даче перед тем, как тело повезли в Москву. Много лет спустя Александр Сергеевич прочёл в воспоминаниях Светланы Иосифовны: “Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шофёры, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слёзы, как дети, руками, рукавами, платками. Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, — Валечка, как её все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей. Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только начальников — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нём куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчуждённо. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного, — конечно, в рамках своего кругозора, — но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем”.

О фокуснике никто и не вспомнил, даже кухарка. Не пригласили проститься на Ближнюю дачу, не предложили без очереди пройти в Колонный зал. Да ему и не хотелось. Лучше запомнить его живым и весёлым, как всегда бывало, когда они собирались втроем крутить кино.

— У гроба вождя собрались его верные ученики и соратники...

Суетливая четвёрка — Хрущёв, Берия, Булганин, Маленков. Стоят ближе всех, чтобы видели: они — наследники власти. Те, кого он в последнее время откровенно не любил. И люди видят четвёрку при гробе. Которая сама вскоре перегрызётся. Первой жертвой грызни станет Берия, его арестуют, расстреляют, вычеркнут из истории как самого опасного претендента на власть. Маленков, в день смерти Сталина назначенный председателем Совета Министров, то бишь номинальным главой государства, через четыре года вместе с Молотовым, Кагановичем и примкнувшим к ним Шипиловым

попытается свергнуть Хрущёва, за что будет снят со всех постов и отправлен в далёкую ссылку. Его место займёт Булганин, но ненадолго, вскоре толстозадый и его отправит в ссылку, и сам станет одновременно и Первым секретарём ЦК партии, и премьер-министром. Так закончится карьера человека, метившего на место Сталина. Ну, а Хрущёв, известное дело — Хрущёв! Двадцатый съезд партии, развенчание культа личности, чудовищное попрание памяти о Вожде народов, тонны клеветы...

Иногда у гроба в почётном карауле Молотов и Ворошилов. Уже в дни похорон Сталина Молотову вернули из ссылки жену Полину, какое-то время Вячеслав Михайлович ещё продержится во власти, но Хрущёв и его растопчет, потребует признать его и Кагановича ответственными за беззакония, творившиеся при Сталине, выгонит обоих со всех должностей, исключит из партии.

Ворошилов никак не пострадает, семь лет пробудет председателем Верховного Совета и уйдёт спокойненько на пенсию.

Микоян. Этот станет сподручником Хрущёва, отречётся от памяти Сталина и будет занимать хорошие места. А сейчас в “Великом прощании” стоит с бледным мученическим видом под ноющие звуки моцартовской “Лакримозы”.

— Течёт, течёт живая река, всё новые и новые венки несут трудящиеся к гробу вождя, — говорит Левитан своим дивным голосом, под который мы воевали и победили, а теперь прощаемся с Иосифом Виссарионовичем.

Идут советские люди, фильм долго показывает их лица, ни одно лицо не выражает равнодушия или любопытства, всюду скорбь. Вообще-то хорошо сделана картина, могла бы получить Сталинскую премию первой степени, да вот приткая четвёрка и тут уже подуетилась, мигом упразднила Сталинку, шиш чего получишь в будущем году, хоть ты снял лучше, чем “Унесённые ветром”, написал сильнее, чем “Фауст” Гёте, написал картину масштабнее “Последнего дня Помпеи”, построил новый Колизей, изобрел средство от старения, препарат всеобщего счастья или чудесную капсулу, в которой лечишься от всех болезней. Даже в этом году люди, стоящие в утверждённых списках на Сталинку, не дождутся вручения, ибо списки аннулированы.

Почётный караул: Жуков и Василевский, Шолохов и Фадеев, Пудовкин и Чапурина. И снова людской поток, дипломаты, служители Церкви, а сколько цветов вокруг памятников Сталину в городах страны! Откуда? В марте-то месяце! Огромные нескончаемые венки. А пройдёт немного времени, и все эти памятники, величественно стоящие на главных площадях, будут снесены. Тысячи монументов! Но пока вся страна плачет, и двести операторов всюду снимают всенародное горе. Такого великого прощания никогда не было и уже никогда не будет!

— Что-то затянули хлопцы! — с досадой произнёс Хрущёв. — Полчаса всё венки да слёзы, венки да слёзы! Опять гроб, опять венки.

Цветы, цветы, цветы, море цветов, и фильм цветной, а он так мечтал, чтобы почти все картины снимались в цвете!

Тут вдруг сильная слеза ранила глаза фокусника, он достал носовой платок и поплакал в него.

Венки давно уже негде ставить в Колонном зале, и все улицы вокруг Дома Союзов заставлены цветочным изобилием, венки протянулись до самого Кремля. Что ты там ёрзаешь, новый зритель в центре переднего ряда? Думаешь ли о том, что на твоих похороны и тысячной доли такого не будет?

— Последняя ночь великого прощания, — говорит Левитан. — Утро девятого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

Берия, Маленков, Молотов, Булганин, Каганович, Ворошилов выносят гроб из Колонного зала Дома Союзов. Хрущёв рядышком топает. Вышли на Красную площадь. Гроб такой странный, со стеклянным колпаком над лицом усопшего, будто фонарь — кабина пилота истребителя.

Впервые Сталин не стоял на Мавзолее Ленина, а лежал в причудливой домовине в центре Красной площади напротив главной трибуны страны.

Хрущёв и Булганин продолжали о чём-то нарочито беседовать, но оба умолкли, как только Левитан произнёс:

— Траурный митинг открыл секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущёв.

В чёрном пальто и чёрной каракулевой шапке, брови висят перед батареей из пяти микрофонов, бумажечку взял, так просто говорить не умеет, не то что усопший великан! И не сказал: “Братья и сёстры!” — а:

— По поручению Центрального комитета Коммунистической...

Тьфу ты, противно смотреть, какого поросёнка вместо горного барса поставили!

И сама рука потянулась сделать ловкое движение, после которого плёнка взвизгнула и оборвалась. Фокус получился неожиданным и дерзким. Хрущёв резко развернулся, мгновенно наливаясь негодованием:

— Какой раздолбай у вас сегодня кино крутит? Сапожник!

— Я не сапожник, я фокусник, — пробормотал Ганьшин, а даже если бы и громко сказал, никто бы там, в Зимнем саду, не услышал его.

Министр культуры что-то бормотал Хрущёву, но тот ещё больше разъярился:

— Ему, значит, хорошо показывал, а нам плохо! — И посыпался мат, коего Зимний сад доселе вообще не слыхивал, а слово “раздолбай” обрело иной вид.

Министр культуры рванулся к телефону:

— Механик! Какого чёрта! Да на таком месте!

— Я давно говорил, что этот аппарат следует починить, — невозмутимо ответил Александр Сергеевич.

— Какого же чёрта не чинили?! Будете уволены!

— Да и хрен с вами, — проворчал Ганьшин, повесив трубку. Он нарочно отмотал плёнку так, что когда “Симплекс” снова застрекотал, перед батареей микрофонов уже нарисовалось другое рыло — две жирные щеки, будто нарочно наложенные поверх лица, маленькие глазки — Маленков. И тоже по бумажке, фанерно, бесчувственно. Но этот хотя бы слова произносил — “величайший гений”, “тяжелейшая утрата для всего человечества”, и рука фокусника, уже вознамерившаяся повторить фокус с Хрущёвым, замерла в ожидании. Митинг закончился, под похоронный марш Шопена началось перенесение гроба в Мавзолей. Мелькнул профиль Василия Иосифовича, вполне себе не пьяного.

— Прощай, наш учитель и вождь, — задушевно говорил Левитан, — наш дорогой друг, родной товарищ Сталин.

Стрелки на Спасской башне воссоединились друг с другом на цифре 12. Полдень. Орудия в заснеженном Кремле дают залпы. Паровозы и корабли по всей стране стонут — всеобщий гудок. Люди по всей стране горестно снимают шапки.

— Незабываемые минуты великого прощания. Миллионы людей, обнажив головы, застыли в скорбном молчании, — говорит Левитан.

А Хрущёв на переднем ряду Кремлёвского кинотеатра о чём-то лопочет с Булганиным и смеётся.

Под звуки гимна Советского Союза приспущенный флаг над куполом Большого Кремлёвского дворца поднялся вверх, по белой от снега Красной площади пошёл парад, по небу пролетели самолёты. А жизнь великой страны продолжается. По тем путям, которые проложил он. И ни у кого не было таких похорон и никогда не будет!

Фильм “Великое прощание” завершился, все стали подниматься со своих мест, встал и Хрущёв, коего у Ганьшина язык бы не повернулся назвать главным зрителем. Интересно, что скажет?

— А что, товарищи, неплохо, знаете ли, неплохо, — с какой-то подлой иронией заговорил Никита Сергеевич.

Пройдут годы, и Ганьшин не сможет не признать многих заслуг этого человека с лицом капризного и зажавшегося болтуна. И его поведение во внешней политике, и улучшение жизни советских людей, и взлёт в космос, но этой подлой иронии Александр Сергеевич никогда не забудет.

— Хорошо поработали. Герасимов, Александров, Копалин...

— Копалин, — подсказал Большаков.

— Ну да... И все остальные. Солидно, впечатляюще. Но долговато, знаете ли, товарищи. Сколько там? Полтора часа? Затянуто. Надо бы почитать. Почитать, почитать, почитать. Сорок минут вполне достаточно. А то венки, венки, венки. Утомляют бесконечные венки. Покойный бы со мной согласился. Он любил, знаете ли, краткость. Сестру таланта, правильно? Давайте, минут сорок, максимум пятьдесят, и запускайте в прокат.

И он бодреньким шагом покинул Кремлёвский кинотеатр, но перед тем, как выйти, оглянулся на амбразуру кинопроекторной и сердито погрозил в её сторону пальцем. Догадался, что механик нарочно сбраковал именно в тот момент, когда Хрущёв произносил свои сорок слов на трибуне Мавзолея.

Зрители скорбно покидали Кремлёвский кинотеатр, будто не в марте, а сейчас, летом, похоронили великого Сталина.

В кинопроекторную, огневую точку Ганьшина, вошёл Большаков:

— Что ж ты, Александр Сергеевич, сплеховал? Или нарочно?

— Конечно, нарочно, Иван Григорьевич, — честно ответил Ганьшин. — Ну что, куда меня теперь?

Вместо ответа бывший министр кино подошёл и крепко обнял бывшего личного киномеханика Вождя Народов. И — заплакали оба.

Сразу после просмотра “Великого прощания” Ганьшин получил от ворот поворот: выдали обходной лист, заполнил его, сдал и — извольте отныне служить рядовым киномехаником в кинотеатре. В каком именно? А вот получите — “Родина”, построенная ещё в тридцатых, по иронии судьбы, прямо рядом с метро “Сталинская” и в Сталинском районе Москвы! То есть сапожник Иосиф, хоть и уже мёртвый, а всё равно рядом.

Отныне он не мог первым получать доступ ко всем новым отечественным и иностранным картинам, ему доставалось то же, что другим киномеханикам и всем советским гражданам. Малокартинье давно ушло в прошлое, число новых советских фильмов росло год от года, да и импорт не огорчал — к чести новых правителей, хоть будь они и неладны, количество зарубежных лент к началу шестидесятых перевалило за сотню в год.

Министерство культуры появилось сразу после смерти Сталина в результате слияния министерств высшего образования, кинематографии, трудовых ресурсов, комитетов по делам искусств и радиовещанию. Сначала его возглавлял Пономаренко, потом ровно год — бывший глава Агитпропа Александров, он же Несвятой Георгий. Он мгновенно выгнал Большакова, и бедного Ивана Григорьевича пристроили теперь заместителем министра внешней торговли. Тоже неплохо, но при его любви к кино это стало ударом.

В недолгую эпоху Несвятого Георгия прокат уныло снизился, но как только на смену ему пришёл Николай Михайлов, количество картин весело пошло в гору.

Всякий раз, когда в “Родину” привозили очередные яуфы, Ганьшин, крутя картину, невольно думал о том, надо ли это показывать Сталину и как Иосиф Виссарионович отнесётся, а уж потом спохватывался, что в Мавзолее кинопроектор не поставишь. А однажды чёрной ночью, когда американцы празднуют самый мрачный свой праздник Хэллоуин, из Мавзолея вынесли тело главного зрителя, чтобы предать земле. Уж под землю и подавно не сунешься крутить кино.

Московский гость подошёл к острову горилл и с радостью обнаружил огромного самца, угрюмо взирающего на посетителей. Ганьшин много читал про горилл и знал, что под неприветливой внешностью кроется душевная внутренняя организация, что гориллы никогда сами ни на кого не нападают, только защищаются, и даже самцы между собой устраивают поединки в виде долгого стучания себя по груди, кто дольше выдержит, но крови друг друга не проливают.

Александр Сергеевич прочитал табличку и не мог сдержать улыбку — самца звали Клич, точь-в-точь как прозвище личного телохранителя сталинской дочки Светланы в тридцатых и начале сороковых годов.

— Михаил Никитич, и ты здесь! — приветствовал гориллу московский гость. — Поздравляю, дослужался, братец!

Клинч недоверчиво сощурился на него правым глазом и принялся чистить луковицу. Ну, надо же, какая привередливость! Он счищал с каждой луковицы три-четыре верхних слоя и отправлял в рот лишь самую серединку, как видно, не такую горькую.

— Мудро! — похвалил его Ганышин.

То, что он увидел в следующее мгновение, и вовсе повергло бывшего сталинского кинемеханика в хохот. Под пологом в груди лохмотьев из войлока лежала на огромном животе самка гориллы, она спала, сжимая во всех четырёх лапах по яблоку, а самое смешное — и в зубах у неё торчало недоеденное яблоко. В соответствии с табличкой, имя гориллихи оказалось Ева. Ну, такая Ева не донесёт запретный плод до Адама, сама всё слопает, подумалось Александру Сергеевичу, и он снова рассмеялся.

“Верные друзья” и “Укротительница тигров”, “Большая семья” и “Тревожная молодость”, “Два капитана” и “Тайна двух океанов”, “Максим Перепелица” и “Матрос Чижик”, “Двенадцатая ночь”, “Отелло”, “Овод”, “Княжна Мэри”, “Белый пудель”, “Шведская спичка”, “Попрыгунья”, “Необыкновенный матч”, “Неоконченная повесть”, “Судьба барабанщика”, “Педагогическая поэма” — вон сколько высыпалось в первые два года после смерти главного зрителя, и всё это начиналось ещё при нём и при Большакове. А “Анна на шее” с его любимым Бертинским, вернувшимся в Россию из эмиграншек! И это лишь то, что навскидку вспоминается. И всё это они могли смотреть на Ближней даче втроём — сапожник, кухарка и фокусник. Если бы не внезапная и странная смерть ещё вполне полного сил мужчины всего лишь семидесяти трёх лет от роду. При кавказском-то долголетии!

Слухи ползали по всей стране, как раки в битком набитом аквариуме Елисеевского магазина: убил Берия, а Берию за это Хрущёв и Жуков прихлопнули. Но Ганышин думал на других — на тех, кого Хозяин действительно не любил в последнее время: Маленков, Булганин, Хрущёв. И кухарка с ним согласилась.

Они встретились случайно. Истомина пришла с мужем смотреть “Красное и чёрное”, экранизацию Стендаля режиссёра Клода Отан-Лара с Жераром Филиппом в главной роли. После фильма фокусник пригласил их обоих в ресторан, расположенный прямо на крыше “Родины” и в погожие дни не имеющий отбоя от посетителей. Выпивали, закусывали, вспоминали святые ночи совместных просмотров и не чокались, потому что каждый раз шли молча за сапожника Иосифа. Валентине Васильевне только что исполнилось сорок лет, с работы её уволили сразу же после смерти Хозяина, но назначили хорошую пенсию и велели больше нигде не работать.

— А теперь у нас с Ваней ещё и ребёночек появился, — радостно сообщила кухарка. — Правда, сразу не маленький.

— Мой брат на войне погиб, а недавно и жена брата скончалась, вот мы и взяли их сына к себе на воспитание, — объяснил Иван Арсеньевич.

— Кстати, мне надо вам кое-что передать будет, — вспомнила Валентина Васильевна, и вскоре она вновь появилась в “Родине”, принесла нечто совсем неожиданное — платок! Тот самый, который из белого превратился в красный накануне показа “Броненосца “Потёмкин” в Большом театре:

— Это он просил передать вам, — сказала Истомина. — Сказал: “На память”. В конце февраля. А значит, догадывался, что его скоро не станет.

Ганышин взял у неё платок и не сдержал слёз. А Валечка и вовсе — в три ручья. Вытерев слёзы этим же самым красным платочком, Александр Сергеевич сурово промолвил:

— Хрущёв, Булганин и Маленков.

Она сразу поняла смысл его слов и сказала:

— Я тоже так думаю.

От горилл московский гость переместился к вольере дикобразов и с удивлением обнаружил, что по-немецки они называются колочими свиньями. Здесь же обитали и нутрии, похожие на крупных упитанных крыс с лоснящейся шерстью, и невольное сравнение с теми, кто пришёл к власти после главного зрителя, промелькнуло в уме у посетителя из бывшего СССР.

“Бывший СССР”! Словосочетание, появившееся только что, после того, как три омерзительных человека, собравшись два месяца назад в Беловежской пуще, самовольно объявили о том, что Советский Союз прекращает своё существование как структура, полностью себя изжившая и даже дискредитированная. Подумать только! Структура, которая разгромила грозную военную машину Гитлера, построила могущественное государство, запустила первого человека в космос!

Ганьшин до сих пор не мог смириться с тем, что он — гражданин бывшего СССР. И до сих пор верил, что этот чёрный морок внезапно развеется, беловежских заговорщиков арестуют, объявят предателями, засадят в тюрьму.

А может быть, сегодня, здесь, в Берлине, откроется некая киноправда, и от неё начнётся движение к возрождению великой советской державы?

Двадцатый съезд партии и развенчание культа личности Сталина он тоже воспринимал как некий временный морок: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Кто сказал? Платон? Аристотель? Кант? Нет, это в чеховском “Письме учёному соседу” написал отставной урядник Семи-Булатов по поводу существования чёрных пятен на солнце. Фокусник Ганьшин с мнением Семи-Булатова не соглашался: на солнце есть пятна и даже оспины, но солнце от этого никак не перестаёт быть солнцем, вот в чём суть! А наглая и жирная свинья, сколько ни лоснится на солнце, никогда солнцем не станет, она всегда будет наглой и жирной свиньёй. Именно так Александр Сергеевич думал о Хрущёве и раньше, а после Двадцатого съезда — в особенности. Да и Никита Сергеевич отвечал ему взаимностью. В начале шестидесятых он, наконец, осознал значение кинематографии в жизни государства и согласился учредить отдельный государственный комитет — Госкино. Первым его возглавил Алексей Романов, о котором даже сдуру поговаривали, будто он спасшийся из Ипатьевского дома цесаревич Алексей, якобы и возраст совпадает, а если и не совсем, то убавили годика четыре. К кино сей товарищ не имел никакого отношения и назначили его как бы даже с издёвкой, но именно он решил в рамках своего ведомства учредить отдел по киноаппаратуре и даже вспомнил, что при развенчанном кровавом тиране долгое время подвизался киномеханик-виртуоз. Ганьшина срочно вызвали и взяли на должность ведущего специалиста. Красота! Но через год какой-то бдительный наступал Хрущёву, и тот разъярился:

— Что? Сталинского прихвостня? Охренели?!

И Ганьшина вмиг уволили. Впрочем, ненадолго. Вскоре под зад коленом получил сам кукурузник, и Романов, извинившись, вновь взял сталинского прихвостня к себе на работу. Да и где он ещё найдёт такого специалиста?

— А правда, что он вас даже называл фокусником? — спросил он его.

— Что есть, то есть, но совсем по иному поводу, — честно признался Ганьшин и рассказал историю своего первого знакомства с главным зрителем.

После двенадцатилетнего прозябания жизнь Александра Сергеевича снова заиграла всеми красками. В Госкино его ценили и уважали, а новый генсек, прекрасно помнивший, как Сталин называл его красивым молдаванином, в один прекрасный выходной день пригласил Ганьшина крутить кино:

— Самому Сталину крутил. Пусть теперь мне. И пусть привезёт что-нибудь новенькое.

В ту осень муржили новую кинокомедию Леонида Гайдая “Кавказская пленница”. В ноябре на “Мосфильме” её смотрел худсовет, Ганьшин показывал и ждал, что будут сплошные восторги. Он сам безумно хохотал и над “Деловыми людьми”, и над “Операцией Ы”, жалея, что главный зритель не дождал до такого комедийного пиршества. А как бы звенел серебряный колокольчик Валпошиного смеха!..

Но внезапно худсовет поставил на картине жирный крест.

Ганьшин не верил своим ушам, слушая, как высказывались в зрительном зале участники этой Варфоломеевской ночи. Он восхищался великолепными кинокомедиями Эльдара Рязанова “Карнавальная ночь”, “Девушка без адреса”, “Гусарская баллада” и только что вышедшим тогда шедевром “Берегись автомобиля!” И вдруг:

— Конечно, и эту вещь Гайдая можно спрогнозировать как такую, которую хорошо воспримет зритель. Но, товарищи, Гайдай явно уже топчется на месте, застопорился в своём развитии. Причина, тормозящая его творческие возможности и мешающая Леониду Иовичу работать со свежим материалом, в этой уже изжившей себя троице — Никулин, Вицин, Моргунов. Я против!

И тут все стали требовать полной ликвидации из фильма этой троицы. Да как же можно? Это значит, весь фильм надо переснимать заново!

Автор сценария “Берегись автомобиля!” Брагинский назвал песню “Если б я был султан” откровенной пошлятиной. Ругали почём зря музыку Зацепина. А смертный приговор вынес не кто иной, как Пырьев, которого с недавних пор, как некогда Большакова, стали именовать Иваном Грозным:

— Это далеко не лучший фильм Гайдая.

В течение месяца Гайдай пытался что-то исправлять и переделывать, но тщетно. Романов, лично посмотрев картину, сказал:

— Эта антисоветчина выйдет на экраны только через мой труп.

И вот, когда Ганьшину сообщили о просьбе Брежнева лично покрутить ему кино и привезти что-то новенькое, Александр Сергеевич к выданным ему яуфам добавил “Кавказскую пленницу” и показал её генеральному секретарю. Леонид Ильич от души хохотал с самого начала и до самого конца, попросил сразу же показать ленту ещё раз, снова смеялся, а потом сказал:

— Передайте Романову, руководству Госкино и съёмочной группе мою личную глубочайшую благодарность. К тому же, приятно, что этот Гайдай, как и я, Леонид Ильич.

И Ганьшин не стал поправлять, что он Иович.

“Кавказской пленнице” даже не пришлось перешагивать ни через чей труп, сразу после встречи Нового года фильму присвоили высшую категорию, первого апреля в “Художественном” прошла премьера и в первый год проката фильм посмотрели семьдесят шесть миллионов зрителей — каждый четвёртый житель СССР.

И в том же году Ганьшин познакомился с Андроном. Посмотрев его “Асю Клячину” и случившись в коридоре Госкино, Александр Сергеевич дружески сообщил:

— Даже не надейтесь. Полное непрохонже. Можете поверить мне, человеку, который пятнадцать лет крутил фильмы Сталину.

— Так это вы тот самый...

— Ганьшин. Александр Сергеевич.

— А можно я вас угощу?

И они отправились в кафе, пили вино и коньяк, фокусник пребывал в прекраснейшем настроении и охотно делился воспоминаниями.

— Я непременно сниму о вас фильм! — восторгался Михалков-Кончаловский. — Это так грандиозно — всё, о чём вы рассказываете. Но скажите, неужели по прошествии времени и, зная подробности правления Сталина, вы остаётесь при мнении...

— Что это был самый главный человек двадцатого столетия, — твёрдо настаивал на своём Ганьшин. — Пусть не лучший. Но главный.

— Потрясающе! Я непременно сниму фильм по мотивам ваших рассказов. Но разумеется, не сейчас.

— Да, пожалуй, сейчас ещё не разрешат снимать такое о Сталине, — согласился фокусник. — Но всё движется к тому, что скоро наступят благоприятные времена. Я точно знаю, что Леонид Ильич с огромным уважением относится к Иосифу Виссарионовичу.

Как ни странно, но даже в годы повсеместного и повального развенчания культа личности главного зрителя не выходили на экраны картины, где бы это развенчание осуществлялось языком кино. Сошёл со сцены Михаил Геловани, отыграв в год смерти Сталина свою последнюю роль Вождя Народов в фильме Михаила Калатозова “Вихри враждебные” о Дзержинском. Вскоре место Геловани занял артист, у которого даже первая половина фамилии соответствовала роли — Кобаладзе. В фильмах с его участием роль

Сталина всегда была эпизодическая, но, удивительное дело, без издевательства, хотя слякотные оттепели стояли самые хрущёвские.

Но вот те самые благоприятные времена, о которых говорил Ганьшин, наступили. Вышла киноэпопея Юрия Озерова по сценарию Юрия Бондарева “Освобождение”, где Сталин в исполнении Бухути Закариадзе выглядел мудрым вождём, политиком и военачальником.

Самое время Андрону Сергеевичу сдерживать слово, но после запрета “Аси Клячиной” он спрятался в классике — “Дворянское гнездо”, “Дядя Ваня”. Потом выстрелил авангардистским “Романсом о влюблённых”, о коем Ганьшин и сам не мог решить — нравится или не нравится. Потом монументальная, но в целом громоздкая “Сибиряда”, где о хрущёвских временах не очень-то восхвалительно: чуть Сибирь не затопили каскадом водохранилищ для электростанций. Самое оно теперь — после лёгкого удара по Хрущёву обратиться к личности того, при котором семейство Михалковых обрело истинное процветание.

Но вдруг, ни с того, ни с сего, с самого начала восьмидесятых Михалков-Кончаловский становится просто Кончаловским и на десять лет превращается из советского кинорежиссёра в американского, селится в Голливуде, живёт с Ширли Маклейн. “Возлюбленные Марии”, “Поезд-беглец”, “Дуэт для солиста”, “Стыдливые люди” — всё это с приходом к власти Горбачёва стало доступно и советскому зрителю, но Ганьшин смотрел и пожимал плечами: лихо, даже интересно, но зачем? Зачем русскому художнику становиться очередным американцем? Ну, Набоков, ещё куда ни шло. Но вырасти в благоприятной среде русского кинематографа, самого лучшего, самого человеческого во всём мире, и вдруг заделаться рядовым и даже посредственным голливудёншем... А уж “Танго и Кэш”, пусть даже с Сильвестром Сталлоне и Куртом Расселом в главных ролях, явная халтура, чтобы только набить карман долларами. Ну, набил, сборы превзошли бюджет, а дальше куда?

“Гомер и Эдди” с Джеймсом Белуши и Вупи Голдберг несколько успокоил. Кажется, сын Дяди Стёпы, наконец, нашёл свою струю. Но опять-таки американскую. Грустно. А кроме него за все эти десятилетия ни один режиссёр не загорелся темой тонких взаимоотношений сапожника с фокусником и кухаркой.

И вдруг! Не может быть! Самое радостное из всех известий, какие только можно себе представить!

Ни суматранские орангутаны, ни шимпанзешки, ни мандриллы не соизволили выйти порадоваться февральскому солнышку и порадовать московского гостя. Он полюбовался изяществом антилоп и оленей, двинулся в сторону львов, но тут сбилось предсказание привратника — вскопано-перекопано, идут работы по воссоединению западноберлинского зоопарка с восточноберлинским. Даже зверюшек политики в своё время разделили надвое!

Воссоединение Германии Ганьшина не радовало, потому что это было присоединение бывшей социалистической страны к буржуазной, а он оставался советским гражданином, глубоко верующим в светлое будущее всего человечества — коммунизм.

После “Освобождения” фильмы, где показан Сталин, продолжали выходить — “Блокада”, “Укрощение огня”, “Пламя”, “Выбор цели”, “Солдаты свободы”. Даже во всенародно любимых “Семнадцати мгновениях весны” Кобаладзе с достоинством сыграл Иосифа Виссарионовича. Но всё это были роли эпизодические и радовали только тем, что Сталина не унижали, не охаивали, а наоборот — показывали с уважением. В восьмидесятые вышли “Тегеран-43”, “Двадцатое декабря”, “Через Гоби и Хинган”, “Государственная граница”, “Если враг не сдается”, “Красные колокола”. Озеров снял приквелы к своей эпопее “Освобождение” — “Битва за Москву” и “Сталинград”.

Очень хорошо, но Ганьшину не хватало главного: чтобы зритель увидел такого Сталина, каким видел его он, фокусник. Человека высокоинтеллектуального, образованного, вдумчивого. А главное — задушевного и необыкновенно интересного собеседника, с которым можно говорить и говорить без

умолку на самые разные темы. Смотреть кино. Выпивать и закусывать. А почему бы и нет? Выпивать и закусывать.

И тут грянули “Пиры Валтасара”, где Сталин и его присные не просто выпивали и закусывали, а пили и жрали. Тупые, самодовольные, надменные, пьяные морды. Сталина играл Алексей Петренко, доселе прославившийся грязной ролью Григория Распутина в фильме у Элема Климова “Агония” и отменным исполнением Кнурова в “Жестоком романсе” у Рязанова. Ну, какой он Сталин, братцы! Петра Первого ещё может играть, но Сталин совсем не такой.

С грустью Александр Сергеевич понимал, что и впредь могут кого угодно взять, заgrimировать, хоть китайца, хоть сенегальца, хоть шимпанзе, хоть пингвина, и — нате вам Сталин!

Сталин — хам и тупица, лапающий жирную пищу и чуть ли не вытирающий о китель испачканные руки; Ворошилов, откусывающий жареному поросёнку пятачок; пьяный дурак Калинин, глупый и злобный Берия — всё карикатурно и мерзко. И фамилия у режиссёра каркающая какая-то — Кара. Никогда ещё в отечественном кинематографе не появлялось более бессовестного памфлета на человека, коего Ганьшин считал лучшим в истории. А самое гнусное — клевета! В фильме показано, как в молодости Сталин вместе с такими же, как он, абреками грабит пароход, вывозит на берег ни в чём не повинных служащих парохода и убивает их, а затем подло убивает и своих поделщиков абреков. Как можно опуститься до такой чудовищной лжи! За свою жизнь Александр Сергеевич прочитал всё, что написано о Сталине, и нигде, кроме откровенной бульварщины, не говорилось о его личном участии в терактах и убийствах.

Посмотрев два года назад “Пиры Валтасара”, он так сильно огорчился, что неделю лежал больной и вялый, чуть не помер. Хуже всего огорчало осознание, что в наступивших новых временах стоило ожидать целого потока таких же клеветнических антисталинских фильмов, поскольку всюду только и пели о том, как злобный тиран утопил в крови всю страну, только и спорили, сколько миллионов жертв на его совести — пятьдесят, семьдесят или сто?

Бизоны, зубры и буйволы оказались на месте и во всей красе. Могучие животные, любо-дорого посмотреть.

Вот сейчас воспевают царей, подумалось Ганьшину, а ведь они ездили в Беловежскую пуцу и там десятками истребляли зубров, пока не перебили полностью. Разве можно представить себе Сталина, стреляющего по беззащитному красивому зубру? По воронью он, бывало, палил, тому Александр Сергеевич сам свидетель. Но другой охоты не признавал. А ведь найдётся умник и снимет кино, как ему на Ближнюю дачу привозят зверьё, и он убивает его, убивает, убивает, кровища хлещет, зрители без ума от жалости к бедным зверушкам и от ненависти к кровожадному гаду...

За бизонами и зубрами пошли вольеры со всякого рода свиньями — вислоухими, мохнатыми, полосатыми, бородатыми, на любой вкус. Словно из благородных времён, где обитали достопочтенные слоны и добропорядочные бизоны, московский гость попал в свинские нынешние времена, когда никто не поднялся на восстание против беззаконного разрушения великой державы под названием СССР, а всякого рода швайны лишь хрюкали от счастья со всех каналов телевидения.

И Александр Сергеевич почувствовал сильную усталость. Ему не хотелось дальше бродить по зоопарку, в котором представлено наибольшее количество животных, а хотелось, чтоб уже наступил вечер, несущий ему освобождение от душевных страданий последних времён.

Однако, как немцы любят слово “швайн” — даже бородавочник у них Warzenschwein — свинья в бородавках. А вот бегемот по-ихнему — Flusspferde, речная лошадь. Ну, это, собственно, и у греков — гиппопотам так же переводится. Жаль только, никаких ни бегемотов, ни гиппопотамов, ни флюссфердов не увидишь, мол, не февральские мы, чтобы перед вами тут выплясывать. А карликовый бегемот не появился, должно быть, поскольку по-немецки его вообще не выговоришь: цвергфлюссферд. Тут Ганьшин

понял, почему немцы всегда к нам прутся, — надоедает на своём языке язык ломать, хочется послушать человеческую речь.

Года три назад Сталин мелькнул ещё в белиберде Соловьёва “Чёрная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви”, но короткий эпизод, показывающий, как великий человек страдал запорами, кроме как мелкой пакостью не назовёшь. Это тебе не обвинение в убийствах невинных людей, как в “Пирах Валтасара”.

Носорог присутствовал, неторопливо ходил, порой замирал и стоял неподвижно, чтобы подумали: не настоящий. Носорога спасают в финале “И корабль плывёт” у Феллини, и это намёк на Муссолини, которого в карикатурах изображали носорогом...

За два часа гуляния по зоопарку фокусник устал и решил отправиться в гостиницу — пообедать и отдохнуть. Но даже и обедать не стал, лёг и уснул в каком-то счастливом ожидании. День складывался как нельзя лучше, светило солнце, теплынь, он побывал в зоопарке, а значит, всё нынче сложится превосходно.

Странно только, что Кончаловский не привлекал его к съёмкам в качестве консультанта. Как видно, хватило тех рассказов в шестьдесят седьмом году. Ганьшин тогда очень много чего рассказал, и хорошему режиссёру вполне могло хватить для сценария, уж Александр Сергеевич хорошо знал киношную кухню — в сценарии главное не переборщить, не утонуть в море материала, сохранить трепетную струну, главную мелодию.

С этой мыслью Ганьшин и уснул в гостинице.

А проснулся в тревоге — не проспал ли? За окном уже смеркалось, сон не прибавил сил, а только отнял их, как всегда случается, когда доспишь до заката. Александру Сергеевичу уж давно перевалило за восемьдесят, и если солнечная сухая погода резко менялась на холодную сыкость, всё начинало ныть, особенно колени — артроз, дисплазия. Это ещё хорошо, что всю жизнь он соблюдал своё тело в спортивной форме, ни грамма лишнего жира, ел всегда мало, а порой и вовсе забывал пообедать или поужинать.

Но хуже всего не ноющие боли, а то, что бодрое ожидание хорошего сменилось ноющим предчувствием беды. Что, если и Андрон снял какой-нибудь клеветоз, пакость, издевательство над великим Сталиным?

Не самый плохой режиссёр Марягин недавно выпустил картину “Враг народа — Бухарин”, где Сталина играл совсем не подходящий Шагуров. Не пакость и не карикатура, но всё же Бухарчик показан как нечто светлое и прекрасное, а Сталин — угрюмый деспот, затеявший над своим недавним другом и соратником иезуитский процесс с абсурдными обвинениями. Одно спасает — в фильме упоминается, как Бухарин одним из первых стал требовать террора. Мол, не рой другому яму.

Заставив себя подняться, Ганьшин отправился в ванную и стал тщательно бриться, с сожалением констатируя красноту глаз, серый цвет лица, а главное — обречённость во взгляде.

Или вот ещё: появился какой-то режиссёр Цымбал, прошёл подготовку в Америке и вернулся в СССР, полный решимости к демократизации общества, экранизировал “Повесть непогашенной луны” Пильняка, где славный мальи́й, актёр Проскурин, белобрысый и голубоглазый, играет мрачного и злого Сталина, который ест и чавкает! Да Ганьшин сто раз ужинал на Ближней даче и ни разу не видел чавкающего Хозяина. Цитаты из Платона подбрасывает чахоточный Товстуха, и Сталин их использует. Да он, ходячая энциклопедия, читал немыслимо много и сам выписывал, не прибегая к подсказчикам. Но главное, опять противопоставление — светлый образ Фрунзе против тёмного образа Сталина, угрюмого злодея, который начинает своё долгое дело по истреблению всех, кто способен соперничать с ним за власть. А Фрунзе, между прочим, по тайному распоряжению Троцкого прикончили на операционном столе, Иосиф тут ни при чём. И ни единой нотки присущей Сталину весёлости и добродушия, только одна чёрная краска.

Тщательно побрившись, Александр Сергеевич столь же аккуратно оделся в новый тёмно-синий костюм, в котором выглядел моложе своих лет, надел драповое пальто и отправился навстречу судьбе. В Берлин он приехал

вчера, поселился в дешёвой, или, как теперь деликатно выражаются, бюджетной гостинице “Ибис” на Бруннештрассе, в десяти минутах ходьбы от кинотеатра “Вавилон”, где и предстояло сегодняшнее событие. Он шёл по ничем не примечательным улицам, миновал площадь Розы Люксембург и подумал, что если объединение Германии зайдёт далеко, то глядишь, её переименуют в площадь Евы Браун.

Сегодня в рамках Международного Берлинского кинофестиваля должен состояться показ картины Андрея Михалкова-Кончаловского с великолепным названием “Ближний круг”, основанной на воспоминаниях личного киномеханика Сталина, как сказано в аннотации на программке, присланной Александру Сергеевичу вместе с приглашением на просмотр.

“Ближний круг” — нечто тёплое и располагающее, не то что “Пыры Балтасара”, и есть надежда, что режиссёр с мировым именем хорошо запомнил рассказы Ганьшина, покажет самый ближний круг — сапожник, фокусник и кухарка.

Но нехорошее предчувствие угнетало, подступая тошнотой к горлу. Подходя к пятиэтажному зданию жёлтого цвета, на нижнем этаже которого располагался кинотеатр “Вавилон”, фокусник подумал с сожалением о том, что надо было не лениться и, кроме зоопарка, посетить Рейхстаг, ритуально взять его и тем самым наколдовать себе нынешнюю победу.

Ещё недавно фестиваль считался западноберлинским, и показы проходили в Западном Берлине, но теперь, после падения стены, он разлился по всей столице Германии, а среди новомодных веяний всенепременно появился и новый приз: “Тедди” — за лучшие фильмы о гомосексуалистах и лесбиянках.

“Однако никакого ажиотажа!” — с горечью признал Ганьшин, подходя к входу в “Вавилон”. Он-то ждал, что будет волноваться и клочкотать толпа желающих попасть внутрь, спрашивать, нет ли у вас экстракарты, сиречь, лишнего билетика, вспышки множества фотоаппаратов будут озарять фигуры и лица мировых знаменитостей, спешащих увидеть новое творение русского киногения. Но ничего подобного! Скучающие лица двух-трёх мужчин, ожидающих своих спутниц, скромная афишка, и не пришлось ему продирааться сквозь тесную толпу жаждущих-страждущих, уберегать своё приглашение, чтобы не вырвали из рук.

В фойе он тщетно искал гардероб, чтобы сдать туда пальто и фуражку, шарф, перчатки и зонтик, но пришлось идти в зрительный зал одетым для улицы, влажный от морозящего дождика зонт пристраивать перед собой между ног, а потом всякий раз хватать его, когда кто-то — “Энтшульдиген зи битте!” — пробирался в тот же ряд, где пристроился бывший киномеханик Сталина, прототип главного героя фильма.

И тут сплошное разочарование! Уж он-то мечтал, как Андрей Сергеевич встретит его лично у входа, посадит рядом с собой в прекрасную и удобную ложку или балкон, чтобы потом представить восторженную публике. Но никакого Андрея Сергеевича ни у входа, ни в скучном фойе, ни в зрительном зале он не увидел, всё происходило буднично, без фанфар и фейерверков, в назначенный час свет стал гаснуть, Ганьшин возмущённо приподнялся, огляделся по сторонам и увидел, что зал полупустой, а на бельэтаже и вовсе почти никого.

Да, новый фильм Михалкова-Кончаловского, снятый на “Коламбия пикчерс”, первым делом показывали в Америке, и там зрители и кинокритики отнеслись к картине весьма прохладно. Но именно это давало надежду: раз не понравилось американцам, значит, фильм не вписался в их систему антисталинских и антисоветских координат. Надо полагать, здесь, на Берлинском фестивале, такое тоже не одобряют, и ждать наград и призов не приходится. Но именно здесь, в Берлине, который в сорок пятом штурмовали сталинские соколы, вновь откроется, наконец, дыхание, прерванное Двадцатым съездом. А завтра мы пойдём и символично посетим Рейхстаг!

Фильм начался с хроники монтажа статуи “Рабочий и колхозница” и с голоса на английском, под которым шёл перевод на немецкий:

— Каждое утро по дороге на работу я глядел из окна трамвая, как монтировали огромную стальную скульптуру. В Европе уже шла Вторая мировая

война, наши враги капиталисты грызли друг друга. Глядя на эти статуи из стали, каждый понимал, что Хозяин велел воздвигнуть их в знак несокрушимости Страны Советов. Человек, которого мы называли Хозяином, был одним из тех, кто создал наше первое в мире государство трудящихся. Он был больше, чем вождь, он был всем нам отцом. Отцом каждому рабочему и каждой колхознице. Его звали Иосиф Сталин.

Целое море радости поднялось в груди у Александра Сергеевича. Вот оно! Наконец-то! Какие величественные и простые слова. Его английский вполне позволял понимать почти каждое слово, и чувство победы охватило его — не зря он тогда столь пылко и много рассказывал Андрею Сергеевичу. Молодец режиссёр, выждал время и нанёс сокрушительный удар всему мировому антисталинизму! И это сейчас, когда Горбачёв и сменивший его Ельцин подняли все силы на борьбу с великим советским прошлым. Слава, честь и хвала смелому автору фильма!

Пошли титры: “Коламбия пикчерс” представляет, продюсер Клаудио Бонивенто, фильм Андрея Кончаловского, Том Халс, Лолита Давидович, Александр Збруев в роли Сталина, “Ближний круг”, по-английски — “Inner circle”, Боб Хоскинс в роли Берия, Фёдор Шляпин (младший), Бесс Мейер, Ирина Купченко, Олег Табаков, Всеволод Ларионов... А состав-то звёздный!

Кто не знает Тома Халса, столь блистательно сыгравшего Моцарта в фильме у Формана “Амадей”? Неужели он будет играть Ганьшина? Это может оказаться неплохо. Збруев в роли Сталина? Неожиданно. Этого актёра Александр Сергеевич ценил невысоко, называя таких симпомпончиками. Но мало ли, как он сможет перевоплотиться? Боб Хоскинс из “Кролика Роджера”? Что ж, вполне Берия — то смешной, то злобный. О Табакове, Купченко, Ларионове и говорить не приходится — звёзды советского кино! И композитор не хухры-мухры — Эдуард Артемьев, а это “Солярис”, “Зеркало”, “Сталкер” Тарковского, “Свой среди чужих”, “Раба любви”, “Неоконченная пьеса”, “Родня” Михалкова, десятки замечательных фильмов наполнены его музыкой!

Гордость и радость кипели в груди у фокусника, а к тому же, в очередной раз посмотрев на бельэтаж, такой же, как в нашем московском “Художественном”, он увидел Андрея Сергеевича и помахал ему, но Михалков-Кончаловский не увидел, увлечённо беседуя с какими-то тётками.

Но уже с пятой минуты фильма радость и гордость стали загухать. Если Том Халс — это он, Ганьшин, то почему он хлещет водяру во время показа фильма? Александр Сергеевич никогда бы себе такого не позволил, равно как и того, чтобы допустить воспламенение плёнки. И что это ещё за Скотопрогонный переулочек, в котором он якобы живёт? Это у Достоевского действие “Братьев Карамазовых” происходит в вымышленном Скотопривольевске, тоже, знаете ли, безвкусица, Фёдор Михайлович!

Если отрицательный герой милиционер, то обязательно по фамилии Морда и евреев называет жидами. Если обитатели коммуналки, то все друг с другом грызутся. А если собираются за столом, то жрут и пьют по-свински. Сразу посыпались киношные засаленные штампы. Мало того — американские штампы, так уже до боли знакомые по фильмам, где американцы показывают русских в виде быдла. За последние годы советского зрителя достаточно познакомили с тем, как его видят наши западные однопланетники.

Самое же ужасное то, как этот Халс исполняет роль Ганьшина! Он в фильме Иван Саньшин, но легче от этого не становится. Заведомо переигрывает, играя противного слюнявого придурка. Если в “Амадее” создавался контраст между гениальным Моцартом и шаловливым Вольфи в едином человеке, то здесь этот Саньшин однобоко отвратителен.

Соседа по фамилии Губельман арестовывают за то, что он встречался с немецкими офицерами, но в промежутке между Молотовым-Риббентропом и 22 июня 1941 года, когда разворачивается экспозиция фильма, сотрудничество с немцами только приветствовалось.

В ту же ночь, после свадьбы Саньшина и ареста Губельмана, киномеханика прямо с новобрачного ложа увозят показывать кино Сталину. А ведь

накануне он допустил воспламенение киноплёнки, происшедшее как раз во время того, как на экране фигурировал Сталин. Что за чушь?

И рожа у этого Халса тупейшая! Дали установку: твой герой — восторженный идиот, и вот он старается, переигрывает в каждом кадре. Он пьяный, а его всё равно везут в Кремль. То, как он виртуозно с закрытыми глазами заряжает кинопроектор, показано точно, но почему же с такой идиотской рожей! А когда он узнаёт, что будет показывать фильм самому товарищу Сталину, то начинает отвратительно хрипеть и разевать рот, как будто глотнул целую ложку ядрёной сарептской горчицы.

И чем дальше, тем хуже и хуже. Александр Сергеевич сидел в этом зале берлинского кинотеатра “Вавилон” и задыхался от горя и гнева. Да ещё в тёплом пальто, из которого он выудил руки, но всё равно жарко, по спине пот ручьём. Да ещё этот проклятый зонтик, влажный, как обмочившийся пьяница, то и дело падает.

Дома Саньшин жрёт бутерброды с чёрной икрой, именно жрёт, а не ест, двигая всей нижней частью своего дебильного лица, причём происходит это одновременно с тем, как увозят жену и дочь Губельмана, и Саньшин с женой смотрят на это в окно. Смотрят и — жрут! Любуйся, зритель, какой главный герой бессердечный.

В Кремлёвском кинотеатре всего шесть кресел, а ведь там собиралось и до тридцати человек. Зачем же такое несоответствие правде?

Впрочем, недавно болтливый прохвост Горбачёв кинотеатр в Кремле уничтожил. Поскольку это место, в котором особо любил бывать Сталин. Вернул туда Зимний сад, тоже мне, любитель дореволюционной истории. Так что режиссёру пришлось тяп-ляп воссоздавать обстановку Кремлёвского кинозала, в голливудской манере не особо задумываясь о достоверности.

А до чего же паршиво талантливейший Табаков играет Власика! Тоже получил установку. А Феклистов-то, оказывается, Большаков! И он постоянно с тупой и испуганной мордой, как и все остальные.

А вот, наконец, и ближний круг — Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович, Берия, плюс Светлана и ещё человек десять товарищей. Куда это они рассядутся в шести креслах, показанных в Кремлёвском кинотеатре? Рассаживаются как-то, смотрят “Большой вальс”. И сразу уходят, чего никогда не случалось, обязательно не меньше двух фильмов смотрели...

Более непохожего Сталина, чем в исполнении Збруева, фокусник не видел. Никакой грим не помогает скрыть симпомпончика. И тут же опять залепуха: Ворошилов обращается к Сталину с вопросом, а тот ему: “Пошёл на хер!” Ну, как можно снимать такую откровенную ложь!

Ганьшин обернулся посмотреть на Кончаловского, но тот уже не сидел в бельэтаже, исчез куда-то. Может, и самому тошно смотреть то, что наснимал в угоду мировому сообществу? Остатки совести? Добро, если так...

Дальше Александру Сергеевичу оставалось не наслаждаться искусством, а пить до дна чашу позора и огорчения. Ближний круг представлял перед зрителем в виде сборища пошляков и придурков, пьяный Калинин засыпал и падал с кресла, Сталин плоско шутил, что хороший чай — как поцелуй любовницы, крепкий и сладкий, Ворошилова играл хороший актёр Кононов, но для начальника Чукотки и подобных ролей он ещё куда ни шло, а тут... оторви да брось, как говаривала когда-то Истомина.

С ужасом Ганьшин ждал, как Валентину Васильевну покажет всемирно известный американский услужник. Иначе к Кончаловскому бедный Александр Сергеевич отныне относиться не мог. Можно уж было не сомневаться, что Валечку он представит сталинской давалкой, разбитной податливой бабёнкой. Счастье, что и ей не пришло приглашение в этот их берлинский “Вавилон”!

Подойдя к Сталину, Саньшин весь дрожит, тот его спрашивает, в чём дело, и чудовищно переигрывающий Том Халс отвечает:

— Потому что я вас впервые так близко вижу.

На сей раз в Сталине проявляется остроумие:

— Ну и что? Я вас тоже впервые вижу так близко, но мои руки не дрожат.

Это неплохо, как и то, что Саньшин говорит, что лучше бы пружинка в кинопроекторе была из стали. Сталь — Сталин...

Но это единственная живая сцена во всём фильме. Дальше опять пошли штампы, призванные понравиться американскому зрителю и нашему недалёкому ненавистнику совка.

Но почему же в Америке восприняли прохладно? Странно...

Начинается война, всех эвакуируют в Куйбышев, уезжает и жена Саньшина, а он остаётся в Москве, потому что остаётся и Сталин. Как же будет показана завязавшаяся осенью сорок первого дружба сапожника с фокусником и кухаркой? Да никак! Вместо этого — придуманная пошлейшая история: Берия насилует жену Саньшина, и она возвращается к мужу беременная. Говорит, что в Кремле сидит сатана, левая рука у него сохлась, а на ноге пальцы срослись и на копыта похожи.

В диалоге с Саньшиным старый сосед-интеллигент, которого играет сын великого русского певца Шаляпина, выдаёт правду-матку о том, что действительно сатана сидит в Кремле, околдовал нацию, люди оглохли и ослепли. Русский народ всегда кидался в крайности, то к Богу, то к дьяволу, и сейчас победила злая сила... Если бы не такие наивные Иваны, на нашей земле не было бы тирана и убийцы, дьявола!

Жена Саньшина вешается, а самому Саньшину мерещится идущий по Скотопрогонному переулку Сталин, он бежит за ним, оставив жену в петле.

— Товарищ Сталин!

— Товарищ Саньшин?

— Вы один? Без охраны?

— Ваня, а кого нам бояться? Как твоя жена? Дети?

— Жена в положении. Мы ждём ребёнка скоро. Первенца. — И рожа у Халса слащаво счастливая.

— Хорошо, — улыбается не менее слащавый Збруев. — Дети — это главное. Ты счастлив?

— Всё в порядке, пока не жалуюсь.

— Говорят, я очень подозрителен, никому не верю. Но могу ли я кому-то верить, если даже ты, свой, из ближнего круга, обманываешь меня? Нет у тебя жены. Она повесилась двадцать минут назад. Вот видишь, я знаю всё. Всё и про всех.

И Сталин уходит под снегом в чёрную арку двора. А Саньшин снова возле висящей в петле жены.

— Чуть собачья! — не выдержав, воскликнул Ганьшин на весь зал.

На него оглянулись, и какой-то немец согласился:

— Иа, фолле кватч!

Немец встал и сердито отправился к выходу. Как видно, из тех, что не может смириться с уничтожением ГДР, точно так же, как Ганьшину никогда не признать законным убийство СССР.

И ещё двое-трое потянулись к выходу. Он тоже хотел встать и медленно покинуть “Вавилон”, но заставил себя испить чашу до дна.

Саньшин больше не работает киномехаником Сталина, он капитан госбезопасности, да и Сталин больше не появляется, в финале показаны похороны, давка, гибель людей в этой давке, кровища...

Когда свет зажётся, люди пошли к выходу, несмотря на то что на сцену выскочил режиссёр и те две тётки, с которыми он оживлённо беседовал во время своего недолгого пребывания в бельэтаже. В зале осталось человек сто, не больше. Не обращая внимания на все обстоятельства, Кончаловский говорил и говорил по-английски о чудовищных злодеяниях Сталина, о том, что в них виноват не один Сталин, а весь советский народ, который его слепо боготворил...

Ганьшин сидел и почти всё понимал из речей Кончаловского, но даже не шелохнулся, когда тот с радостью сообщил остаткам зрителей, что прототип Саньшина, подлинный киномеханик Сталина получил приглашение на просмотр и теперь должен находиться здесь, в зале.

— Господин Ганьшин! — воззвал он по-русски. — Отзовитесь! Вы здесь? Просим вас выйти на сцену!

Тут только Александр Сергеевич вздрогнул и стал медленно подниматься. — Просим! Просим! — захлопал американский служжик.

Но, выпрямившись во весь рост, Ганьшин собрал все силы и грозно ответил:

— Это не я. Меня здесь нет. И быть не должно.

И он горделиво зашагал прочь из зала, даже забыв на кресле своё драповое пальто, а на полу зонтик. За спиной у него раздавались возгласы, и он понимал, что они одобрительные, а значит, ещё не всё так плохо, и хотя бы небольшая победа, но им одержана. В фойе его догнали, надели пальто, вручили зонтик, и такой же, как он, старичок, горячо пожал Александру Сергеевичу руку:

— Гут гемахт, геноссе! Рот фронт!

— Рот фронт! — ответил Ганьшин и улыбнулся из последних сил.

В гостинице он попросил к себе в номер закусок, и ему принесли сыр, колбасу, котлетки, даже пиво, про которое отдельно сказали: “gratis”, и он понял: “бесплатно”, а дагестанский коньяк и заветная бутылка “Телиани” были у него припасены с собой в дорогу.

Надо было отдышаться, и несколько минут он сидел в позе фараона, делая глубокие вдохи и просторные выдохи. Наконец, сердце и мысли пришли из смятения в спокойствие, он достал из кармана любимую фотографию, плотно заламинированную, и поставил её перед собой, прислонив к бутылке пива. С фотографии, выполненной в сепии, на него смотрел Сталин, правая рука локтем на столике и свободно опущена кистью вниз, левая лежит на колене, лицо почти анфас, чёрно-рыжие волосы зачёсаны назад, усы подкручены, но не по-гусарски вверх, а в стороны, параллельно губам. Взгляд карих глаз таит в себе многое — и ум, и суровость, и иронию, и усмешку.

— Ну что, товарищ Сталин? — спросил Александр Сергеевич. — Получили мы нынче по носу? Получи-и-или! — Он налил себе рюмку коньяка. — За это надо выпить! Ваше здоровье, Иосиф Виссарионович! — Он намахнул, закусил сыром. — “Ближний круг”... Вот же гад режиссёришка! Это у него не ближний круг получился, а замкнутый. И по этому замкнутому кругу поскачут теперь, как белки, фильмешнички. Чего только про нас не придумают черти. И рожи какие омерзительные, что у Халса, что у Збруева. И у этой Давидович, которая жену играет.

Коньяк приятно пробежал по жилам, и, как всегда в таких случаях, пришла родная обонятельная галлюцинация — запах трубочного дыма с лёгкой вишнёвой ноткой. А значит, сапожник Иосиф здесь, рядом со своим верным фокусником. И следом за дымом где-то далеко-далеко прозвучал серебряный колокольчик — Валечкин смех. Фокусник поспешил опрокинуть вторую рюмку, чтобы закрепить присутствие вишни и колокольчика.

— Как эта лживая ящерица ещё и Валечку не приплела! — подивился Александр Сергеевич. — Ничего, другие найдутся. Снимут. Представляю, как грядущие хамы её покажут. Разбитной бабёнкой, подстилкой... Даже и название не надо придумывать: “Сталинская подстилка”. Уж простите, товарищ Сталин, но к тому всё идёт. Странно, что этот хмырь не зашёл так далеко в своём глумлении. Третью — и небольшой перерывчик.

Он выпил третью рюмку коньяка, сделал пять-шесть глубоких вдохов-выдохов, и беседа потекла дальше. Воспоминания текли потоком, горькие — о том, как никаких торжеств на столетие Иосифа Виссарионовича, лишь в газетах и по телевизору очень скромно упомянули, мол, был такой деятель.

А потом и сто десять лет стукнуло. Журнал “Крокодил” — на обложке лицо Сталина, составленное из человеческих черепов, понизу надпись: “И дольше века длится тень...” И весь номер составлен из похабных анти-сталинских материалов. Главный редактор Пьянов приплыл в “Крокодил” на волне горбачёвской перестройки.

Как, интересно, будут отмечать сто двадцать лет? Поставят на Красной площади гигантский памятник из пенопласта и взорвут? Фантазий на сей счёт немало может оказаться.

Замкнутый круг... Недотоптали при Хрущёве, теперь топтать бросились. В чём дело? Чего бояться? Что при таком правлении, как сейчас, народ

поневоле вспомнит о твёрдом руководстве страной, оказавшейся сильнее всей Европы, когда та вторглась вместе с Гитлером в наши пределы? Возможно. Вот и выскочило первое вороньё — Кара, Шмара и этот сегодняшний игуанодон. С какой отвратительной ухмылкой он вызывал Александра Сергеевича на сцену!

— Я хорошо ему ответил, товарищ Сталин, — похвалил себя Ганьшин. — Хоть немного, но и я щёлкнул его по носу. А берлинцы-то те ещё хитрецы! Устроили показ в восточной части Берлина, где ещё остались нормальные ребята, не все буржуи.

Он погрузился в горестную думу, налил себе четвёртую рюмку и выпил, закусил вяленой колбаской. Тяжёлые мысли одолевали его.

Какие жертвы были принесены, а теперь оказалось, что напрасно. Снова мировой буржуй на коне. Величайшую идею о равенстве и братстве растоптали! Красное знамя борьбы и свободы скинули, вернули царское. Ещё сволочь Власов говорил, что настанет день, и его триколор взвьётся над Кремлём. Триколор, конечно, не власовский флаг, сугубо российский. Но над Рейхстагом мы поднимали красное полотнище с серпом и молотом.

— Вот же немцы, хитрые бестии! — вспомнил он, как Сталин требовал, чтобы красное знамя постоянно развевалось над куполом Рейхстага, но здание оказалось в западной части Берлина, и архитекторы, ремонтировавшие Рейхстаг, нарочно не восстанавливали купол, чтобы не допустить присутствия на нём знамени Победы. Внутренние стены облицевали белыми панелями, дабы скрыть надписи советских солдат. Помнится, отец этого Кончаловского хорошо написал тогда: “Всё чисто, всё побелено, тихонечко, без паники; но надписи победные не вычеркнуть из памяти!”

— Нет, товарищ Сталин, мы ещё повоюем! — взбодрился Ганьшин, наливая себе пятую рюмку.

Возвращаясь в гостиницу из проклятого “Вавилона”, он думал о том, что завтра же постарается поменять билеты и улететь в Москву. Прежде он намеревался здесь же встретить 23 февраля, а затем на другой день побывать на церемонии закрытия. Теперь, малость окосев и взбодрившись, Александр Сергеевич вновь резко передумал:

— Врёшь, не возьмёшь! Двадцать третье уже послезавтра, и мы его отметим как надо! Можете во мне не сомневаться, Иосиф Виссарионович! А если этот предатель Родины получит приз, то я свистать ещё не разучился. — Он сложил пальцы, сунул их в рот и оглушительно свистнул. Со смехом подумал, что если на его свист кто-то примчится, он произнесёт фразу из “Весёлых ребят”: “Мы рети-петировали”. Но никто не пришёл, и вечер продолжался.

— Котлетки, конечно, не Валечкины, — проворчал он, закусьвая шестую рюмку гостиничной суховатой котлеткой. — Эх, ещё бы хоть разик отведать её кулинарию!

С кухаркой фокусник встречался после смерти сапожника раз шесть, не больше. Созванивались, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения. А в последнее время Истомина стала сильно болеть после смерти любимого мужа Ванечки, не вставала с постели, окружённая вниманием семьи приёмного сына. Надо будет её по приезде непременно навестить.

Наступила ночь, Ганьшин продолжал попивать коньячок, а когда тот закончился, перешёл на вино. Он вспоминал, как с каждым годом выходили всё новые и новые замечательные фильмы, о которых уже никак нельзя было поговорить с главным зрителем, а лишь воображать себе, какое он мнение выскажет о герасимовском “Тихом Доне”, о бондарчуковских “Войне и мире” и “Судьбе человека”, о мудрёных картинах Тарковского и радостном великолепии Данелии, об искромётных комедиях Гайдая и Рязанова, которые в последнее время что-то пошли под откос, о шукшинском шедевре “Живёт такой парень” и климовском “Добро пожаловать”, о великодушных фильмах Никиты Михалкова, о гениальном “Собачьем сердце” Бортко, о хитинковском шедевре “Зеркало для героя”, и о сотнях других выдающихся произведений кинематографа, начало которому положил он — главный зритель Страны Советов.

Ну и, конечно, о шедеврах мирового кино — о Феллини, покуда тот не стал снимать цветную белиберду, об Антониони и Висконти; о выдающихся американцах — Кубрике, Копполе, Скорсезе, Иствуде, о недавнем “Человеке дождя” Левинсона; о французах Трюффо, Шаброле, Годаре и многих-многих других.

— Эх, товарищ ты Сталин! Сколько же ты не увидел из-за того, что так рано умер! — сокрушался Ганшин, наливая себе остатки “Телиани” и подумывая о том, надо ли пить немецкое даровое пиво.

На другой день служащие гостиницы “Ибис” к вечеру всполошились: гость из Москвы вчера заявил, что сегодня он, вероятнее всего, съедет. Но не вышел к полагающемуся завтраку, оставался в номере и не отвечал на телефонные звонки с рецепции. Не отзывался он и на стук в дверь. А стучать начали уже после пяти часов вечера, поскольку на дверной ручке обитатель номера вывесил уведомление, чтоб не беспокоили: “Bitte nicht storen”. Наконец, администратор гостиницы созвонился с владельцем, и тот разрешил в присутствии полицейского открыть дверь. Вызвали полиция, вскрыли номер и обнаружили следующую картину: на столе стояли опустошённые бутылки из-под вина, коньяка и пива, пустые тарелки с малюсеньким недоеденным кусочком колбасы и заламинированная фотография Сталина в сени, прислонённая к пустой бутылке. Сам гость из Москва лежал поверх ярко-красной простыни в кровати, поза внутриутробного младенца, в одних трусах, с лицом, повёрнутым к стене.

— Херр Ганшин! — испуганно обратился к нему администратор. Гость не отвечал, и он ещё раз позвал его, на сей раз тронув за бледное старческое плечо: — Товарищ Ганшин!

— Ich denke, er ist tot, — задумчивым басом произнёс полицай, но в ту же минуту мёртвый постоялец ожил и спросил:

— Аристотель? Вы сказали Аристотель?

Он привёл себя в сидячее положение и спросил по-немецки, который час. Удивлённые и обрадованные администратор и полицай одновременно глянули на часы и ответили — полицай, что уже шесть часов семнадцать минут, а администратор, что уже шесть часов девятнадцать минут. Тогда херр Ганшин взял полицай за запястье и сам посмотрел у того на часы.

— Утро или вечер? — взволнованно спросил он по-немецки.

— Abend, — ответил полицай и уточнил по-русски: — Вешпер.

— Ну, братцы, я и продрыхнул! — засмеялся русский старик по-русски. — Давно так хорошо не спал. Да и не мудрено, только под утро рухнул.

Администратор и полицай извинились, постоялец спросил, может ли он остаться в гостинице ещё на три дня, получил согласие, и его оставили в покое.

День, когда в убитом насмерть СССР было принято праздновать очередную годовщину армии и военно-морского флота, он начал с того, что на завтрак явился самым первым. За ночь Александр Сергеевич окончательно выспал из себя остатки алкоголя и теперь представлял собой образец бодрости и решимости совершить подвиг во славу Отечества. Он не спеша, основательно позавтракал всем скромным изобилием, которое могла предоставить гостиница эконом-класса, испил три чашки вкусного кофе из кофейного агрегата — эспрессо, капучино и американо, напоследок ещё опустошил два стакана апельсинового сока и, весьма довольный завтраком, отправился гулять по Берлину.

Погода стояла такая же, как позавчера утром, когда он посещал зоопарк, — сухо и солнечно, примерно плюс пять-шесть. Он шёл неторопливо, но бодро, чувствуя себя ничуть не восьмидесятилетним, а лет эдак на пятьдесят пять.

— Замокнутый круг, — бормотал он весело. — Мы ещё посмотрим, какой такой будет замкнутый круг. Ишь ты!

Проходя мимо жёлтого “Вавилона”, он со смехом представил, как там стоит и мнётся режиссёрник, поджидая его:

— Александр Сергеевич, я виноват, я всё пересниму заново!

— Вот и переснимай, шельма, а то ишь ты! — ответит ему Ганшин и с достоинством пройдёт мимо.

Но никакого ни Андрона, ни Андрея, ни Михалкова, ни Кончаловского, конечно же, там не стояло, а на афише маячило название нового фильма, какого-то немецкого, но с весьма подходящим названием “Josie”, то бишь, уменьшительное от “Иосиф” — типа, Йосик.

— Это правильно! — похвалил Ганьшин и пошёл дальше вниз по улице Розы Люксембург, ещё не переименованной в Ева-Браун-штрассе, задержался перед входом в стриптиз-бар с изображением огненно-рыжей стриптизёрши на шесте, хмыкнул и пошёл дальше мимо забегаловок и секс-шопов, которые здесь, как видно, недавно высыпали мухоморами, точь-в-точь, как у нас в Москве. Резиновый фаллос — символ демократии.

Карта привела его на так называемый форум Маркса и Энгельса, где он несколько минут постоял перед статуей основателям марксизма, гадая о том, кого в скором времени поставят вместо Карла и Фридриха, наверное, Гитлера и Геринга. Или другого Фридриха — кинорежиссёра Мурнау, с его четырнадцатилетним любовником Элазаром.

— Фу, гадость! — И гость из Москвы двинулся дальше.

Перейдя через Шпрее, он не мог отказать себе в удовольствии заглянуть в Берлинский кафедральный собор, а потом побродить по парку Люстгартен, где повсюду на серой траве газонов сидели и валялись представительницы временной экспозиции — огромные скульптуры голых безобразно толстых женщин. Тоже веяние времени, в ГДР такого бы не допустили. Но нагие толстухи скорее позабавили, чем разозлили его, и он двинулся дальше в ещё более улучшенном настроении.

Полюбовавшись восхитительными статуями Дворцового моста и перейдя через второй рукав Шпрее, Ганьшин вышел на Унтер-ден-Линден. Конечно, можно было бы и посетить Немецкий исторический музей, но впереди гостя из Москвы ждал подвиг, а всё остальное — потом, если останется жив и сохранит силы.

Странное дело, называется улица Под Липами, а никаких лип и в помине нету. Ну, допустим, русская солдатня все срубилла, тогда почему новые не посадили за сорок пять-то лет? Как-то это несерьёзно, камераден-геноссен! Как-то голо выглядит ваша Унтер-ден-Линден.

Впрочем, начиная с красивого здания Нойе-Вахе липы стали попадаться, а за памятником Фридриху Великому и вовсе пошли косяком, так что простите.

Кстати, а почему Фридрих — великий? В Семилетнюю войну наши генералы его били. Пьяница, да к тому же и содомит, иногда имел любовные связи с женщинами, но в основном предпочитал любовников своего пола. Впрочем, сейчас его за это провозгласят Супервеликим, раз уж повсюду пошла такая пляска-педерастка. Ну и, конечно, куски Польши, которые он оттяпал и присоединил к своей Пруссии. Между прочим, огромные куски — всю Силезию и Поморье, по-немецки Шлезвиг и Померания. Между прочим, всё то, что вы, дорогой Иосиф Виссарионович, вернули неблагоприятной Польше вместе с названиями городов: был Данциг, стал Гданьск, Штеттин — Щецин, Бромберг — Быдгощ, Позен — Познань, Грюнберг — Зелёна Гура, Вальденбург — Валбжих, а Бреслау — Вроцлав. Вот какой ты добрый у нас, сапожник Иосиф, только поляки твою доброту недолго помнили и теперь хают за то, что отнял у них западные земли Украины и Белоруссии. И какого бы добра ты ни делал неблагоприятным, всё равно называют тебя кровавым и злобным тираном!

Ну, да ладно, идём дальше под липами мимо университета имени Гумбольдта, кафе Эйнштейна, заметьте, не Эйзенштейна, коего Иосиф Виссарионович, откровенно говоря, не любил. Но именно накануне знаменитой премьеры “Броненосца” у входа в Большой театр они и познакомились — сапожник и фокусник.

А вон на левой стороне улицы и наше посольство, ещё недавно над ним гордо реяло знамя Победы — красное полотнище с серпом, молотом и пятиконечной звездой. Теперь висел триколор. Как непривычно! А если бы висело знамя Победы, можно было бы метнуться туда и попросить политического

убежища в Советском Союзе, который, как град Китеж или как Атлантида, погрузился в воды неведомые.

А мимо как раз проезжает автобус с рекламной надписью “Wodka Gorbatschow”. Наполеон стал тортом, его можно съесть, Горбачёв — водкой, можно выпить. Слава Богу, что Сталин не превратился ни в какую еду или выпивку!

Э, ребята, а там что? Бранденбургские ворота? Символ Берлина. Дальше, когда Ганьшин пару раз в семидесятые приезжал в ГДР, начинался Западный Берлин, стена. Теперь там всё перекопано, не пройти.

Фокусник свернул направо, по Вильгельмштрассе вышел опять к Шпрее и увидел — его!

Вот так же в точности по берегу реки наши воины подходили к символу последнего сопротивления гитлеровцев. Впрочем, недавно Александр Сергеевич прочитал статью о том, кто, оказывается, оборонял Рейхстаг. Немцы в небольшом количестве, а в основном французы — недобитки из французской ваффен-СС дивизии “Шарлемань”.

К Рейхстагу он приближался совсем медленно, смакуя каждый шаг. Наконец, вышел на просторную площадь и замер, глядя на огромное чёрно-красно-жёлтое знамя перед входом в Рейхстаг, медленно шевелящееся под слабыми порывами февральского ветра. А купол по-прежнему недоремонтирован, и никакого знамени Победы над ним не развевается. Обидно до слёз!

На газонах площади Республики уже разворачивались палатки, турки затевали готовить шашлыки, ходили ряженые мишки, время шло к полудню, и начиналось народное гулянье, но вовсе не в честь 23 февраля, а просто потому, что зонntag — воскресенье.

А ещё на газонах перед Рейхстагом там и сям тоже размещалась временная скульптурная экспозиция, но уж совсем похабная — огромные унитазы, разрисованные изображениями детородных органов. Так тебе, Рейхстаг, и надо! Не хочешь красное знамя, получай вот это похабство.

Ганьшин чувствовал себя шпионом и диверсантом, выглядел он вполне английским старым джентльменом — сухой, подтянутый, высокий, в элегантном пальто, шарф навывпуск, ещё бы трубку, но так и не приохотился, хоть и в лучшие свои годы часто находился рядом с главным курильщиком трубок. Легко копируя манеры лорда, он по-английски обратился в почти пустой безухерцентрум — офис для посетителей Рейхстага, и спросил, может ли он купить билет и самостоятельно посетить здание.

— Ноу проблем, — ответил ему служащий и разрушил конспирацию — потребовал паспорт. Пришлось ему показывать свой вишнево-красный заграничный паспорт, на котором по-прежнему гордо и грозно красовались четыре буквы, словно три серпа и один молот: СССР. И герб в колосьях и с земным шаром, а не двуглавый орёл. Жители государственного новообразования Российской Федерация, у которых срок действия советских загранпаспортов ещё не истёк, имели право до истечения срока пользоваться ими. Последняя отдушина для такого стойкого и нестигаемого совка, как Ганьшин.

Служка вскинул брови и выдал Александру Сергеевичу билет. Указал, куда идти. А то советский человек не знает, куда врываются наши бойцы в апреле сорок пятого!

Подойдя к лестнице и колоннам, до боли знакомым по картине Петра Кривоногова, Ганьшин усмехнулся — всё заштукатурено, на колоннах и стенах нет поцелуев от наших пулей. Вошёл внутрь, предъявил билет, медленно побрёл по мраморному полу. “Всё чисто, всё побелено...” Никаких надписей, оставленных героическими русскими швайнами, сломавшими горло германским псам-рыцарям. До слёз обидно! И Ганьшин не выдержал, проследил. Будто в сорок пятом он, тогда тридцатипятилетний, не крутил кино на Ближней, а вместе с браво-ребятушками штурмовал это здание.

Лишь в одном месте оставили кусок стены с нишей, испещрённый надписями, но в основном всё подписи — Соловьёв, Синяевский, Чибизов, Софронюк, Никонов, даже Шуман, а многие неразборчивые. Никакой конкретики, типа “Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет! — Рядовой Рябков” или “Развалинами Берлина удовлетворён! — Капитан Титаренко”.

Стрелка указывала на осмотр экспозиции, посвящённой истории самого здания. Он пошёл туда, разглядывал многочисленные картины, изображавшие разные периоды строительства и существования Рейхстага, фотографии начала двадцатого века, пожар тридцать третьего года... К чести устроителей, довольно много фотографий апреля и мая сорок пятого, стены, испещрённые надписями, водружение знамени Победы в разных ракурсах. Даже репродукция картины Кривоногова. Всё-таки немцы уважают победителей, не подлецы, как некоторые. И в Трентов-парке не свергают нашего Воин-освободителя.

Но шпион-диверсант Ганьшин не для того пришёл сюда, чтобы смотреть экспозиции, и, воспользовавшись тем, что за ним никто не следил, он нашёл-таки нужную дверь, в которую юркнул. И оказался вне экспозиций, а в некоем вполне закулисье, где явно велись какие-то ремонтные работы, а главное, нашлась лестница, ведущая вверх. И он решительно двинулся туда, всё выше и выше, чтобы совершить задуманный подвиг.

На очередном этапе лестницы он услышал голоса, спрятался за фанерным щитом, заляпанным краской, и стоял, затаив дыхание, покуда двое не прошли мимо сверху вниз, балакая по-своему — шайне-майне-вифиль-цивиль-кватч-наторлих. А он стоял и думал о том, как бы они не услышали ударов его сердца, колотившегося сильнее, чем бубен шамана. Когда их голоса и шаги стихли, Ганьшин двинулся дальше наверх и уже вскоре открыл какую-то дверь и — мать честная! — оказался не где-нибудь, а прямо на крыше Рейхстага! От радости перехватило дыхание. Вот только не хватало прямо тут коньки отбросить. Сердце остановилось и ни бум-бум. Он схватил его, как дохлую рыбу, встряхнул. Шевельнулось. Нехотя задвигалось. Синие мерцания в глазах исчезли.

Слово “прихватизировать” в русском языке появилось только что, когда новый председатель Госкомимущества приступил к форсированной приватизации государственных и муниципальных предприятий на территории бывшего СССР. А поскольку сия приватизация превратилась в повальное разграбление страны, народ быстро изобрёл подобающее словцо, означающее “стырить”, “захапать”, “незаконно присвоить”.

Красную простыню гость из Москвы прихватизировал из своей кровати в номере гостиницы “Ибис” в надежде, что до завтра никто кражу не обнаружит, а завтра, воспользовавшись понедельником, когда откроются магазины, он найдёт и купит такую же. Ещё на лестнице он заметил и тоже прихватизировал длинную, метров трёх, деревянную палку с малярным валиком на конце. Тоже повезло. Всё само идёт в руки. Дверь нашлась, лестница увела вверх, флашток сам себя предложил, распахнулось пространство крыши с унылым обвалившимся куполом. Здорово! Только бы сердце не сплеховало.

Чем бы примотать? И, надо же, тут тоже подфартило — обрывок алюминиевой проволоки возле самого края крыши. Проворно работая, Ганьшин прикрепил красную простыню к длинной малярной палке, и получилось вполне настоящее красное знамя. Теперь оставалось только найти, куда его приспособить. И тут ему улыбнулась удача! На разваленном куполе, чуть повыше, он увидел скрещение реек и балок, в которое вполне можно просунуть древко, и, сбросив пальто, полез туда, напрягая последние силы. Только бы не сверзиться! Хорош был бы герой!.. Но не сверзился, а просунул древко, укрепил, да ещё и привязал для надёжности своим элегантным шарфом. Подёргал — держится знамя!

Он быстро слез, накиннул пальто и бросился наутёк, чувствуя себя юным молодогвардейцем Краснодона. Ни разу не споткнулся и не упал. Добежал до заветной двери, сунул нос в щёлочку, и вот уже чинный и благородный старик важно рассматривал историческую экспозицию, посвящённую разным вехам существования Рейхстага. Но недолго задержался тут и медленно отправился вон. Вскоре вышел из здания на площадь Республики, медленно побрёл прочь от Рейхстага, прошёл метров двести и сел на скамейку, поскольку сил никаких не оставалось.

На площади Республики людишки доставали фотоаппараты, у кого таковые имелись, и со смехом, а кто и с возмущением фотографировали, как

на крыше Рейхстага сдирают красное знамя. Минута, и оно, такое дерзкое, смелое и победное, вновь перестало развеяться над главным зданием Берлина, куда в ближайшие годы, согласно принятому большинством голосов решению, должен переехать Бундестаг.

Однако кто мог присобачить красное знамя, как не русский? А сколько русских сегодня отправилось на единоличную экскурсию? Единолично Негг Ganschin. И вычислить его можно в два счёта. Да и пусть вычислят, арестуют, он даст интервью телевидению, закрутится лихая и прекрасная пурга! Да ещё окажется, что он бывший личный киномеханик Сталина. Очень хорошо, если вычислят и арестуют прямо тут. Можно даже и самому пойти, сдать, совершить чистосердечное признание. Хотя, сволочи, скорее всего, скажут: “Проваливай, старый пень!” — и пинка под зад!

Никогда ещё за последние лет сорок он не чувствовал себя таким героически молодым.

Александр Сергеевич достал из кармана заветную сепию и спросил:

— Ну что, товарищ Сталин, доволен ли ты мной?

А товарищ Сталин в своём неизменном кителе, облокотившись о столик, смотрел на него одновременно и весело, и строго, и ласково, и сурово.

МАРСЕЛЬ МАРДАНОВ

ВОРКУТИНСКАЯ ПРАКТИКА КАЗАНСКОГО СТУДЕНТА

Весной 1967 года мы, трое студентов геологического факультета Казанского университета – я, Борис Вилков и Саша Бобров – приехали в Воркуту для прохождения производственной геологической практики. Это было в середине июня, у нас в Казани было уже начало жаркого лета, а в Воркуте ещё лежал снег на полях. Это было удивительно, так как до этого никто из нас так далеко на север ещё не добирался.

Нас разместили в общежитии на Руднике, недалеко от здания геологического управления, вокруг были разбросаны одно-двухэтажные дома барачного типа, обшитые досками, довольно далеко от центра города. Центр города был выстроен в стиле сталинского классицизма: тяжёлые, большие серые здания, облицованные серым камнем, похожим на базальт.

Рядом со зданием геологического управления была скульптура, изображающая охотника на привале, возле костра. Говорили, будто это тот охотник, который впервые случайно на обнажении каменного угля разложил костёр, очень удивился, что камень горит, и доложил властям о своем удивительном открытии. Так было сделано открытие бассейна воркутинского каменного угля. Это потом я узнал, что этому открытию предшествовал огромный труд геологов, во главе которого стоял известный геолог Чернов, именем которого названа “Гряда Чернова” в Заполярье.

Что мне бросилось в глаза – совершенно чёрные берега р. Воркутинки. Я тогда подумал, что это чёрный сланец, а на самом деле это, конечно, были отвалы шахт, повсеместно покрывающие все земли вокруг. Мы жили в общежитии около двух недель, копировали геологические и топографические карты, готовились к полевым работам, а в это время шла заброска продовольствия и снаряжения на место будущей нашей экспедиции, к верховьям рек Кара, Хальмер-Ю на гряде Пай-Хоя. Пай-Хой – это продолжение Уральских гор, эти горы невысокие, высотой около 200–300 метров над уровнем моря, и тянутся они до самого Северного Ледовитого океана, там обрываются и дальше, через 20 километров продолжают в виде цепочки островов. С материка, через Югорский Шар, виднеется остров Вайгач, потом Новая Земля – всё это продолжение Уральского хребта.

Большеземельская тундра

Только к концу июня нас вертолётами забросили на место работы. Как только мы взлетели, глазам открылось удивительное зрелище – кругом, вокруг города, довольно далеко друг от друга, торчали высокие чёрные пирамиды,

которые дымились, словно полусонные вулканы! Это были терриконы, горы пустой горной породы, которые вывозились из шахт, но поскольку в них всегда присутствовал в виде мелких прослоек каменный уголь, попадая на террикон, они всегда загорались и всегда дымились.

Километров через сто мы приземлились к одиноко торчащему красному флажку на невысоком шесте, возле двух палаток, сиротливо стоящих на огромной пустой тундре, где только-только сходил снежный покров. Было промозгло, неуютно. Но нас встретила уже освоившаяся небольшая бригада рабочих, там был и радист, и высокий пожилой геолог, непривычной была его фамилия – Кавельмахер Вольфганг Альфредович, – а по хозяйству командовал захоз Серёга. Мы быстро разгрузили вертолёт МИ-4, и он улетел обратно. Нас накормили, потом мы взялись ставить свои палатки, обустраивать быт.

Основная цель нашей геологической партии была общая съёмка в масштабе 1:100 000, изучение общего геологического строения; сюда входили маршрутные исследования, металлометрия, радиометрия, описание горных пород в обнажениях, а если возникала необходимость, копались шурфы, канавы. Также проводили шлихование – это когда с помощью лотка промывается речной песок, а потом в оставшемся тяжёлом шлихе изучается содержание золота и других тяжёлых минералов типа магнетита, ильменита, гранатов.

Наш коллектив разделили на два отряда. В нашем отряде один опытный геолог, техники-геологи, а мы, три студента, вместе, в одном отряде – мы так просили, и нас не стали делить по отрядам. Кроме нас, была ещё одна студентка из Вильнюса, Яна. Это было правильно, с нами ведь ещё надо было проводить и учебные маршруты, а в нашем отряде был хоть и молодой, но опытный геолог, Жуков Юрий Владимирович, главный геолог партии. Потом, через много лет я с ним встречался в Калининграде. Мы ходили в маршруты, отбирали образцы горных пород для металлометрических исследований, делали замеры радиоактивности по маршруту.

В другом отряде были собраны специалисты по горнопроходческим работам, шлиховщики, которые промывали речные отложения и определяли, сколько и каких минералов содержится в них, в том числе и золота. Наш старый геолог Вольфганг Альфредович также был в нашем отряде.

Площадь исследований на летний сезон нашей геологосъёмочной партии составляла примерно 500 кв. км, эту площадь в течение трех месяцев было необходимо полностью изучить маршрутами с густотой примерно через 1 километр, описать все обнажения горных пород, интересные, аномальные участки, которые будут выявлены, вскрыть горными работами, шурфами, канавами и по этим результатам составить подробную геологическую карту в масштабе 1:100 000.

Это был большой объём, и мы работали очень напряжённо, выходные дни были только по погодным условиям, когда невозможно было работать из-за дождя или туманов. Главный геолог с вечера каждому выдавал задание на следующий день – на карте обозначался маршрут, который надо было проходить. Причём надо было идти не просто так, а считая свои шаги, чтобы через каждые 50 метров отобрать образцы породы, где ты находился в это время. Это могли быть глины или ил со дна болота, или кусочек скалы, если проходили через горный хребет.

Образцы были небольшие, их надо было заворачивать в бумажные пакетики, а ил вкладывали в презервативы (их стыдливо называли “резиновое изделие № 2”), и вложить туда номер образца. И всё это надо отметить на карте. Работа вроде бы несложная, однако бывали и курьёзные случаи.

Первый маршрут

Запомнился мой первый самостоятельный маршрут. Мне дали рабочего, который должен нести рюкзак с отобранными образцами, Валентина Рыбина. Это был тихий, спокойный человек, отсидевший в тюрьме лет пять, который после освобождения так и не смог уехать к себе в родную Вологду, а остался бичевать в воркутинском районе. Практически все наши рабочие были с такими биографиями.

Итак, идём мы с Валентином по маршруту, я отбираю образцы, описываю их, кладу ему в рюкзак, всё нормально. Так прошли больше половины маршрута, и тут нам встречается горная гряда, это самая центральная часть

Пай-Хойского хребта. Гора состоит из глыб базальта размерами по полметра, как будто их свалили самосвалом, все приблизительно одинаковой величины.

Я, естественно, через каждые 50 метров геологическим молотком откалываю кусок, кладу в рюкзак, идём дальше, потом опять, а гора-то длинная! Через некоторое время вижу, что рюкзак у Валентина становится подозрительно большим, и он мне говорит, не слишком ли я большие куски откалываю? А откалывал я кусочки по пол-ладони, не меньше. Я немножко замешкался, понял, что не догадался спросить, какой величины должны быть скальные образцы, и говорю бодренько, что я всё правильно делаю, пусть потерпит, уже недалеко осталось.

К концу горной гряды мы набрали два рюкзака скальных образцов, и на базу притащились еле-еле. Увидев нас, все, кто находился в это время на базе, очень удивились, а потом поднялся хохот! Оказывается, образцы надо было отбирать по 15–20 граммов, этого вполне достаточно для металлометрического анализа! Долго потом вспоминали этот случай, как студент заставил Рыбина тащить 30-килограммовый рюкзак, да и сам загрузился не меньше.

День за днём мы снимали площади, обычно за неделю с одной подбазы завершали съёмку площади с радиусом в 5–6 км, потом все палатки снимали, грузили на вездеход – на старый тягач АТЛ-1 – и переезжали километров на 10 дальше. Стоянки всегда выбирали возле рек, ручейков. К моему удивлению, рыбы в речках не было, хотя все говорили, что тут рыба ловится просто на голый крючок. Оказывается, в начале лета в мелкие реки, в верховья, рыба приходит только с наступлением лета, а до этого она пробирается из больших рек, которые не замерзают в долгую и холодную полярную зиму.

Вот уже вторая стоянка, а никто рыбу не ловит, мне стало прямо невтерпёж! Сделал из простой палочки, что нашёл на территории, удочку, привязал к леске крючок-тройник с мушкой и пошёл вверх вдоль нашего ручейка. Это было самое начало реки Хальмер-Ю. После первой же заброски я вытащил довольно крупного хариуса! Потом ещё и ещё! Прибежал в наш лагерь, все очень обрадовались: хариус пошёл! Значит, в нашем рационе появится рыба. Сказать честно, мы питались одними лишь консервированными продуктами, даже лук и картошка, и те были сушёные, никогда, ни до, ни после этой воркутинской практики в моей жизни такого безвитаминного питания не было. Слава богу, все в нашем отряде были люди бывалые, и хариусов ловили после маршрутов, и дикий лук собирали, а когда подоспела морошка, вдоволь ели морошку. Иногда приваливало счастье – мимо проезжали ненцы-оленеводы, и нам взамен антикомариных жидкостей давали оленя, а то и двух.

Наша работа особенной сложностью не отличалась: сбор образцов горных пород и грунта, описание аномальных случаев, если таковые были, и нанесение на карту пройденных маршрутов. Свободное время, которое оставалось после этого, проводили по своему усмотрению. Мы с Борисом любили ходить на рыбалку, а Саша Бобров не очень. Он больше времени проводил в обществе наших женщин-геологов. Женщин в отряде было четверо: Лия – жена радиста, Валя – повариха, и Инна – техник-геолог, чуть постарше нас, за ней Саша ухаживал, и всем было очевидно, что симпатии взаимные. Была с нами ещё студентка географического факультета Вильнюсского университета Яна, но она была какая-то дикая, ни с кем не общалась, держалась особняком и ни в какой контакт с нами не хотела вступать.

Рыбалка

Рыбалка на севере имеет свои особенности. Рыба в реках совершенно не пуганая: если кинешь приманку, хариус обязательно кидается на неё; всё искусство рыбака состоит в том, чтобы знать, где собирается хариус, и вытащить попавшую на крючок рыбу. Вытащить не всегда удаётся, так как хариус силен и энергичен, бьётся отчаянно и нередко обламывает крючок или срывается. Рыбалка на него – это не столько рыбалка в общепринятом представлении, сколько, скорее, спорт. Азарт захлёстывает, кричишь от восторга или от того, что рыба сорвалась, не замечаешь, как долго ты уже стоишь в холодной воде, сколько времени прошло.

Здесь, на Большеземельской тундре, я впервые научился ловить рыбу на “кораблик”, на “перетягу”, впервые стоял с удочкой на перекате, среди

бурунов. Удивительно, на перекате вода вся белая, ты стоишь на скользком камне, кидаешь крючок-тройник с мушкой в эти буруны, и через мгновение уже удар, и ты начинаешь борьбу с отчаянно сопротивляющимся хариусом! Как в такой воде хариус умудряется увидеть мушку — совершенно непонятно. Пойманная рыба складывается в холщовый мешок, висящий на плече, и как приятно нести полную сумку в лагерь!

Хариус — рыба не очень крупная, нам попадались в основном от 30 до 40 см длиной. Но иногда бывали и покрупнее, до 50 см, это уже были самые старшие по возрасту, тёмного цвета, они в основном лежат в глубоких ямах. Поскольку рыба в речки заходит с Карского моря и нигде нет человеческого жилья, о различных паразитных заболеваниях от рыб можно не беспокоиться, рыба в северных реках чистая.

Опишу один случай, связанный с рыбалкой. Как-то поблизости от нашего временного лагеря не было серьёзных речек, и я пошёл на реку Сибирчата-Яха, километрах в пяти от лагеря. Сибирчата-Яха — довольно большая река, шириной в 20–30 метров, а на заводях и того больше. Уже не помню, почему я пошёл один, но и в одиночестве тоже не было скучно, был разгар короткого северного лета, уже повсюду созревала морошка, я временами останавливался, ел сладкую, водянистую северную ягоду. В болотистой тундре морошка растёт на удивительных, созданных вечной мерзлотой “грядках”. Её там так много, каждый раз погибать ни к чему, просто становишься на колени, благо сапоги высокие, болотные, и, не разгибаясь, как медведь, полными горстями отправляешь ягоды в рот.

Итак, не спеша я дошёл до реки, размотал удочку и стал вытаскивать хариусов средней величины одного за другим. В этом месте река перерезала каменную гряду из красно-красной яшмы, она, полированная и влажная от брызгов воды, была удивительно красива, особенно в тех местах, куда падали лучи солнца и где по углублениям была покрыта ярко-зелёным мхом.

Стоя на красном берегу, я вытаскивал хариусов, которые прыгали, пытались сорваться с крючка. Я уже вошёл в азарт и, если какая-то рыба и срывалась, на берегу быстрым движением, как кошка, успевал её поймать. Наконец, промахнулся, хариус в два прыжка спрыгнул в воду и, оглушённый от такого счастья, неподвижно лежал, не уплывая. Я даже не понял, как бросился рывком на него и, естественно, полностью свалился в воду. Вода в этом месте текла быстрая, яшмовый берег скользкий, и пока я выбрался, весь остыл, и уже было не до рыбалки, надо было думать, как не замерзнуть. Несмотря на комаров, быстро весь разделся, всё выжал, переделся, подхватил удочку и улов и бегом, чтобы согреться, направился в сторону нашего лагеря. В это время, о счастье, стал слышен гул вертолёт, который на низкой высоте летел вдоль моей реки. Оказывается, в моё отсутствие из Воркуты прилетел вертолёт, а лётчики в тех краях были очень избалованы геологами, каждый раз они довольно нагло просили малосольных хариусов. В этот раз на их просьбу наши ответили, что студент пошёл на рыбалку, если хотите, летите за ним. Никогда я с большим удовольствием не отдавал свой улов другим, и наша радость была взаимной. Через несколько минут я уже был в лагере, побежал переодеваться в сухое, а вертолёт улетел, махая на прощание своими лопастями.

Домашний зверинец

Летом в тундре очень много гусей, уток, тетеревов, а также хищных птиц. Особенно заметны дикие серые гуси, они крупные, мясо их вкусное, и при любой возможности все пытаются их поймать. Но всем известно, что гуси очень осторожные птицы. Мы тоже любил гусятину, но за весь период работы поймали не более 3–4 гусей. Летом, после высидывания яиц, гуси линяют, и в это время они не могут летать, только быстро бегают, помогая себе взмахами крыльев.

Вдоль рек и озер растёт сочная трава, и гуси пасутся все вместе на этих пастбищах. А рядом густые заросли карликовой берёзы и ивняка, высотой не выше одного метра. Если подкрасться и резким броском выскочить на берег, то гусей можно отрезать от воды. Тогда они забегают в кустарник, а там уже крыльями особенно не помашешь. Так я однажды и сделал; гусь, за которым

я гнался, застрял в зарослях, прыжок – и он у меня в руках! Слишком редко нам попадалась свежая дичь, да и гусей в тундре вокруг было очень много.

Так же, как и мы, за гусями охотились песцы – небольшие полярные лисы. Как только увидишь где-то небольшие холмики, обязательно на этом холме сидят маленькие щенята песцов, любопытные, непуганые. При приближении к ним начинают тревожно тявкать и ныряют в свои норки, которыми весь холм испещрён, как голландский сыр. Но один из них, самый смелый из выводка, остаётся до последнего и ныряет в нору уже прямо перед твоим носом, и продолжает тявкать из глубины норы.

Саша Бобров поймал трёх щенят и, сделав небольшую переносную вольеру, стал воспитывать из них домашних песцов. В то же время Вольфганг Альфредович тоже решил завести живность в нашем хозяйстве – обнаружил отбившихся или осиротевших гусят, принёс в лагерь. Он кормил их с руки, они так привыкли к нему, что ходили за ним, как за своей мамой. Это было очень забавное зрелище: идёт Вольфганг Альфредович в своём длинном геологическом плаще, а за ним – пять гусят в цепочку семянят, не отставая, куда бы он ни пошёл.

При переезде с одной стоянки на другую наш зверинец располагался на самой вершине вездехода. Живность быстро росла, и щенята стали охотиться за гусятами, одного даже задрали и съели. После этого Вольфганг Альфредович их выпускал на волю только под своим надзором. Став повзрослее, гусята стали отплывать по воде довольно далеко, не всегда по первому зову возвращались. Было всем ясно, что они могут примкнуть к диким гусям, и мы их потеряем. Некоторые из рабочих рекомендовали их побыстрее съесть, пока они не ушли.

Препятствием к таким коварным замыслам, во-первых, служил непрерываемый авторитет Вольфганга Альфредовича, который и в мыслях не допускал подобную жестокость к своим любимцам, а во-вторых, гуси ещё были молодые. Второй довод был поубедительнее, впрочем, гусята, кажется, поняли, какая угроза нависла над ними, и в один прекрасный день не вернулись с прогулки. Из трёх щенят песцов один тоже пропал, а остальные два благополучно выросли, и Саша их с собой привез в Казань, в деревню к тётке.

Встреча с ненцами-оленеводами

Для молодого человека, выросшего в средней полосе, Большеземельская тундра, особенно её самый северный край – страна, полная чудес и новых впечатлений. Здесь мы впервые увидели, как летом переезжают с южных пастбищ на берег Ледовитого океана местные жители – ненцы. В середине лета, в июле комаров стало так много, что оленеводы уже не могли пасти своих оленей, несмотря на их отличную приспособленность к местным невзгодам, из-за комаров они плохо кормились и теряли в весе.

Мимо нашего лагеря прошло несколько стад оленей, сопровождаемых оленеводами. Они двинулись к морскому побережью – там хотя и скудно, зато питательным ягелем, зато всегда с моря дует прохладный ветер, и комары не так донимают. Оленеводы с семьями ехали на лёгких деревянных нартах, нагруженных домашним скарбом. Нарты, запряжённые четырьмя-пятью оленями (быками, как там говорят), скользят по зелёной траве, как по снегу, без особого труда тащат возы. Едут они по своим дорогам, проложенным ещё сотни и сотни лет назад. Дорога называется *варга*, она вся покрыта длинной сочной травой, вьётся среди кустарников, а гонят ездовых оленей длинным шестом-хореем.

Одна ненецкая семья остановилась на ночь возле нашего лагеря, очень ловко собрала чум. К нашему удивлению, со взрослыми вместе ехали и женщины, и маленькие дети. Все в *малицах*, несмотря на лето. И без накомарников. Мы с оленеводами произвели выгодный товарообмен – дали им несколько бутылок жидкости от комаров, а ненцы нам предложили оленей в любом количестве. Наш повар выбрал двух жирных оленей, ненцы их поймали и зарезали. Шкуры сняли, жилы вырезали и оставили себе, нам отдали чистое мясо. Все остались довольны друг другом. Больше мы не просили, так как было лето, лишнее мясо пропало бы зря. Вместо холодильника завхоз и повар использовали ручей с холодной водой. Сливочное масло и мясо заворачиваются в целлофановую плёнку, кладутся в ящик, дополнительно заложенный

несколькими булыжниками, и опускаются в проточную воду. Как говорится, голь на выдумку хитра.

На следующее утро лагерь был разбужен странным мощным гулом, который, казалось, раздавался со всех сторон. Поспешно выскочив из палаток, мы увидели изумительное зрелище — пастухи делили одно большое оленье стадо из нескольких тысяч голов на два. Никогда после этого, ни в природе, ни в телепередачах, я такого не видел: стадо, которое подлежало дележу, быстро, с криками подгоняли несколько пастухов на ездовых оленях. Вся земля гудела от топота копыт, серая масса оленей с торчащими рогами на бешеной скорости мчалась на одного пастуха, который их поджидал, держа в руке хорей. За пастухом, несколько поодаль, по обе стороны от него, стояли ещё двое.

Было страшно смотреть, как такая масса оленей мчится растоптать этих маленьких смелых ненцев. И уже когда до оленей оставалось всего с десяток метров, пастух сделал какое-то волшебное движение хореем, издал боевой клич, и стадо послушно стало рассеиваться на две стороны, а дальше олени уже направлялись умелыми погонщиками в разные стада. Всё было органично, слаженно, через несколько минут стада уже мирно шли на разные пастбища, ненцы тронулись за ними на своих нартах. Через полчаса уже ничего не напоминало о том, какое красивое представление разворачивалось только что перед нами. Мы тоже вернулись к своим привычным полевым геологическим заботам.

Радиоактивная аномалия

Приближалась осень, солнце, которое целыми сутками вращалось по небосклону, стало садиться сначала на часок, потом всё дольше задерживалось за горизонтом. Спать стало проще, а ведь вначале, как только мы приехали в июне, было тяжело привыкнуть к полярному дню. Одно спасало — усталость после рабочих маршрутов.

Мы уже выполнили основной объём запланированных работ, большая часть площади была исследована. Никаких особенных геологических аномалий не выявили, в одном месте Саша Бобров нашёл довольно крупный кристалл горного хрусталя — его тотчас главный геолог отобрал, сказав, что это полевой исследовательский материал, — и выявили одну сильную аномалию радиоактивности на берегу реки Хальмер-Ю. Её обнаружил я, идя по маршруту.

На каждой точке отбора минералогической пробы мы делали замеры радиоактивности на поверхности с помощью прибора РГ-2. В одном месте, на высоком берегу речки, показания прибора резко подскочили. Я недоверчиво проверил: да, ошибки нет, радиоактивность превышает естественный фон в десятки раз. Пройдя с частыми замерами, я выяснил ширину аномальной полосы; оказалось, ширина её небольшая, 20–30 метров, и тянется полосой от реки. После того как наш главный геолог посмотрел результаты, было принято решение о проведении небольшой рассечки, чтобы посмотреть, какая горная порода является этому причиной.

Рабочие провели раскопку, заложили в шурф аммонал, взорвали его, в воздух взлетели кубометры горной породы. Источником радиоактивной аномалии оказался выход пласта каменного угля и сланца шириной в 5 метров. Промышленного интереса такой пласт не представлял, а в геологическом смысле это, конечно, было интересно.

Других радиоактивных аномалий на площади в 500 кв. км мы не встретили. Но в начале полевого сезона получали наставления очень внимательно изучать именно радиоактивные участки. Причиной этого было то, что четыре-пять годами ранее недалеко от нас, на острове Новая Земля, была испытана самая мощная бомба за всю историю ядерных испытаний. Говорили, что после этого северных оленей, которые нахватались радиоактивности, уничтожали десятками тысяч.

Слава богу, наша тундра была чистой, естественный радиоактивный фон составлял 3–4 мкр\час. Для сравнения, в крупных городах средний уровень радиоактивности держится на 10–12 мкр\час — и это вполне допустимо.

Следы этого испытания ядерной бомбы я всё же встретил, но через 15 лет, когда уже работал в морской геофизике и занимался изучением недр шельфа Печорского моря, где мы искали нефтяные структуры. Один региональный

сейсмический профиль был проложен с острова Колгуев до острова Новая Земля, через всё Печорское море.

Когда подошли к Новой Земле, начальник экспедиции не удержался от соблазна высадиться на берег и посмотреть горные породы. Высадившись, мы сразу же вспугнули огромного белого медведя, который, увидев нас, бросился наутёк, потом прыгнул в воду в узкий перешеек притока какой-то речки, переплыл его и исчез. Видимо, у него был печальный опыт встречи с людьми.

Весь берег был завален рогами! Это были следы того самого побоища оленей, получивших радиоактивное заражение. Огромными, по полутора метров длиной рогами, выбеленными дождями и солёным прибором, завалили всю палубу. Наше научно-исследовательское судно “Монацит” издали смотрелось, как огромное морское чудовище с торчащими рогами.

Вольфганг Альфредович

Оглядываясь назад, я вспоминаю случаи светлые, приятные и интересные. Видимо, человеческая память так устроена. А лето в Заполярье – это в большинстве своём хмурые, дождливые дни, когда небо затянуто низкими облаками, дует с моря холодный ветер.

Хотя и в такой погоде есть свои положительные стороны. Во-первых, комары и гнус не так свирепствуют, это уже огромное облегчение. Во-вторых, когда идёт дождь, мелкий, моросящий, бесконечно нудный, появляется возможность отдохнуть, устроить банный день, привести в порядок свои полевые записи, поиграть на гитаре, писать письма и дневники, читать книги. Благо, с освещением нет проблем, полярный день светлый все двадцать четыре часа. С большой благодарностью я вспоминаю одного из наших геологов, который привёз с собой 8-томник произведений Александра Грина, а также книгу “Планета людей” Антуана де Сент-Экзюпери.

Многие вместо чтения книг играли в преферанс. Играли в большой палатке, где у нас была столовая; раз начав, расписывали пульку до глубокой ночи, азартно. Я впервые познакомился с этой игрой именно в эту практику. Но особенно не увлёкся, мне всегда было жаль тратить время на карты.

Мы играли в шахматы с Вольфгангом Альфредовичем. Играли мы не спеша, публика нам не мешала, возле нас не стояли болельщики, мы получали удовольствие от игры, от общения. То ли потому, что играли приблизительно на одном уровне, то ли чувствовали взаимную приязнь друг другу. В течение сезона мой уровень игры вырос заметно, я стал реже проигрывать, наверное, потому, что был молодой и быстро учился, набирался опыта. А Вольфгангу Альфредовичу было далеко за шестьдесят, и чувствовалось, что когда-то он играл лучше. За шахматной игрой мы неспешно беседовали, я рассказывал ему о своей студенческой жизни, иногда он тоже кое-что рассказывал, но довольно скупо.

Распрашивать человека о его прошлой жизни в то время и в тех краях было не принято, у большинства за плечами годы, проведённые в тюрьмах, в лагерях, мало кто оказывался в Заполярье по своей воле. О себе Вольфганг Альфредович говорил, что в воркутинские края попал в 1942 году, я думал, вследствие массового переселения поволжских немцев перед наступлением немецких войск на Волгу. Говорил, что его уже давно реабилитировали, что он вернулся в Москву, там у него семья, сын – военный, офицер. В Москве он иногда снимался в кино на “Мосфильме” как участник массовых сцен.

Но большую часть жизни он провёл в этих краях, скучал по этим местам, по своим друзьям, и каждое лето приезжал поработать в партии простым геологом. Ему никогда не отказывали. В геологическом управлении Воркуты его все знали и уважали.

Меня тогда не удивила некоторая неувязка в датах, так как депортировали поволжских немцев ещё 1941 году. Много позже я узнал, что его самого и его семью неоднократно репрессировали, пока в 1934 году не загнали в Воркутинские лагеря, уже надолго. До сих пор мне удивительны люди, прошедшие сталинские лагеря и не потерявшие порядочность, доброту. Или только такие люди, сильные духом, оптимисты и добрые по своей натуре, могли выжить, а слабые и эгоисты не выдерживали?..

Ещё несколько слов о Вольфанге Альфредовиче. В свободное время он часто брал в руки кусок листа ватмана и тушью рисовал пейзажи окружающей тундры, горы Пай-Хоя. Часто дарил свои рисунки на память. У меня долго хранился его небольшой рисунок: невысокая гряда гор, внизу тундра, небо в облаках. Всё это написано тонкими линиями тушью уверенно, чётко, как будто рисовал художник-моменталист. На обратной стороне, и сейчас помню, было написано: *“Лето 1967 года, вид на горы Три Слона, Пай-Хой. Часто болят суставы, наверное, из-за отложения солей”*. Три Слона – такого названия на карте не было, это мы их так называли, издали были видны три горки – будто три слона идут на водопой.

Он хорошо знал немецкий и иногда обучал меня языку. Серьёзной пользы от этих случайных занятий, конечно, не было, но ему, видимо, приятно было вспоминать свой родной язык, иногда он переводил всякие надписи на этикетках. Потом, много лет спустя, когда мне пришлось в ускоренном режиме изучать немецкий язык, чтобы сдать кандидатский минимум по иностранному языку, я с грустью вспоминал эти упущенные возможности.

Конец сезона

Настала осень, природа спешно готовилась к приходу долгой полярной зимы. Кустарники карликовой берёзы и ивы сбросили листву, ягоды сошли, трава пожелтела и пожухла. Над нами пролетали караваны гусей, журавлей, лебедей и уток, по всей видимости, лето они провели на Новой Земле, а теперь спешили в тёплые края, унося на своих крыльях лето. Погода в основном была пасмурная, северный ветер с океана пригонял густые туманы, было постоянно сыро и холодно. Иногда густой туман на несколько дней полностью заставлял прекращать работы. А ветер при этом дул постоянно. Из-за тумана всем было дано распоряжение начальника партии – от лагеря никуда не отлучаться! А если надо дойти до туалета, расположенного в 30 метрах в стороне, то только придерживаясь рукой за верёвку, протянутую туда от палаток.

Полевые работы все уже были завершены, мы ждали вертолёта, чтобы улететь на Воркуту, но погода не позволяла. Заказанный нами грузовой вертолёт иногда прилетал, кружился над нашей базой (мы слышали его гул), но не мог сесть. Так прошла одна неделя, пошла вторая, и руководство приняло решение потихоньку, на вездеходе выбираться своими силами. Для нашего изношенного старого тягача АТЛ-1 это было очень рискованное мероприятие, он у нас в последнее время и так еле двигался, особенно изношена была ходовая часть. Траки гусеничные часто обрывались, вся надежда была на нашего механика и на удачу. Нас, студентов и геологов, с полевыми материалами решили отправить с первым рейсом. Тягач был загружен полностью, люди сидели на ящиках, тюках. Остальные рабочие, завхоз, радист остались на второй рейс.

Сто пятьдесят километров расстояния по хорошей дороге проехать нетрудно, но нам предстояло ехать по бездорожью, по болотам, по камням, дни уже были короткие, половину дороги предстояло проехать в темноте. Тем не менее к середине ночи, через 20 часов, мы приехали в город. Нас, четверых студентов, Юрий Владимирович пустил в свою квартиру, она пустовала, так как семья была на юге (все северяне, кроме геологов, летом стараются уехать на юг). Сам он поехал к другу, мы остались одни, и, конечно, первым делом выстроилась в очередь в ванную.

Побыв в геологическом управлении несколько дней, мы собрали для своих курсовых работ по производственной практике материалы, получили денежный расчёт (к нашей радости, нас не обманули, заплатили очень даже неплохо).

Так завершилась наша студенческая практика в Заполярье, оставив в моей душе глубокую любовь к Северу, к людям, с которыми пришлось вместе жить и работать.

АНАТОЛИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ УРАНА

(фрагмент из книги “Летопись камня”)

В двадцатых годах к урану как за рубежом, так и в СССР особого интереса не проявлялось, в связи с чем геологоразведочные работы по его поискам в нашей стране практически были свёрнуты. Однако академик В. И. Вернадский остаётся верен своей мечте об источнике энергии будущего. Вот что он писал в своей книге “Очерки и речи”, опубликованной в 1922 году: “Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться всё, им раньше пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетия. Но ясно, что это должно быть. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить её на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Учёные не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного процесса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества”.

За год до начала Великой Отечественной войны, в июне 1940 года академики В. И. Вернадский и В. Г. Хлопин пишут академику-секретарю Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР П. И. Степанову записку “О необходимости организации работ на уран”. В ней, в частности, указывалось следующее: “Открытие в 1939 году явления деления урана под действием нейтронов, сопровождающегося выделением огромных количеств энергии (...), впервые вплотную поставило вопрос о возможности использования внутриатомной энергии для нужд человечества”. Далее академики акцентируют внимание на необходимости развёртывания в стране работ по разведке и добыче урановых руд и получения из них урана: “Это необходимо для того, чтобы к моменту, когда вопрос о техническом использовании внутриатомной энергии будет решён, мы располагали необходимыми запасами этого драгоценного источника энергии. Между тем в этом отношении положение в СССР в настоящее время крайне неблагоприятно. Запасами урана мы совершенно не располагаем. Этот металл в настоящее время крайне дефицитный. Производство его не налажено. Разведанные мощные месторождения этого металла на территории Союза пока не известны. Разведка известных месторождений и поиски новых производятся темпами совершенно недостаточными и не

объединены общей идеей. Поэтому мы просим Отделение геолого-географических наук обсудить вопрос о состоянии и разведке урановых месторождений, наметить план развёртывания этих работ и войти в Правительство с проектом соответствующих мероприятий”.

Постановлением расширенного заседания бюро Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР от 25 июля 1940 года принято решение об организации широких исследовательских работ по химическому и минералогическому изучению урана и тория и их минералов в связи с проблемой использования внутриатомной энергии. Так же отмечено, что решение этой задачи требует полной кооперации геологических, химических, физических и Радиевого институтов Академии наук СССР и соответствующих наркоматов.

Инициатива В. И. Вернадского и В. Г. Хлопина о необходимости организации урановых работ была поддержана Академией наук СССР: уже 30 июля 1940 года на заседании Президиума АН СССР была образована Комиссия по проблеме урана. Комиссию возглавил академик В. Г. Хлопин, его заместителями были утверждены академики В. И. Вернадский и А. Ф. Иоффе. В состав комиссии вошли академики А. Е. Ферсман, С. И. Вавилов, а также И. В. Курчатов – старший научный сотрудник Радиевого института, Ю. Б. Харитон – старший научный сотрудник Института химической физики и др. Президиумом АН СССР предложено разработать план научно-исследовательских работ Комиссии на 1941 год. В целях создания государственного фонда урана было решено провести анализ состояния изученности урановых месторождений и разведанных запасов, для чего было предложено командировать в Среднюю Азию бригаду под руководством академика А. Е. Ферсмана. В состав бригады были включены Д. И. Щербаков, В. Г. Хлопин, И. Е. Старик и Л. В. Комлев. Этой группе было также поручено составить план по созданию Государственного уранового фонда.

12 июля 1940 года академики В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, В. Г. Хлопин подготовили проект записки заместителю председателя СНК СССР, председателю Совета химической и металлургической промышленности Н. А. Булганину “О техническом использовании внутриатомной энергии”. В начале сентября 1940 года записка от имени АН СССР с несколько иным содержанием и другим названием “Об изучении и возможном использовании внутриатомной энергии” с сопроводительным письмом секретаря Президиума АН СССР была направлена в Управление кадров ЦК ВКП(б). В записке, в частности, говорилось следующее: “Успехами зарубежных и советских исследователей в последние месяцы выясняется, что использование грандиозных запасов энергии, заключённых в атомах вещества, сейчас не является отвлечённой проблемой и может быть поставлено в техническом аспекте.

Речь идёт о металле урана, главная масса тяжёлых атомов которого (изотоп-238) даёт всем известный радий; после выделения радия остающийся уран получался на радиевых заводах как отброс и не имел серьёзных применений в промышленности, лишь в текущем году были сделаны крупные открытия физиками и химиками, которые показали, что в оставшемся уране можно искусственно вызвать распад и одновременно получить при этом большое количество энергии.

Для этой цели необходимо:

1) отмечая важность изучения вопросов использования внутриатомной энергии, предложить Академии наук войти в Правительство с ходатайством о специальных для этого ассигнованиях. . .

2) предложить Академии наук ускорить работы по проектированию сверхмощного циклотрона Физического института Академии наук.

3) создать государственный фонд урана. . .”

Далее следуют конкретные предложения по созданию государственного фонда урана, в частности, по поискам и разведке месторождений урана, добыче урановых руд и их обогащению: “Предложить Комитету по делам геологии и Академии наук поставить в 1941 году поисковые работы с использованием новейших методов радиоактивной разведки на урановые руды. . . Предложить Главредмету Наркомцветмета продолжить и ускорить переработку урановых концентратов завода “В” на соли урана с таким расчётом, чтобы выдать в течение 1940 г. -1941 гг. несколько сот килограммов урана в солях. . .”

Анализ состояния геологической службы страны, подкреплённый информацией о позиции и действиях руководства СССР в канун Великой Отечественной

войны, несмотря на обращения учёных, указывали на то, что развёртывание масштабных работ по поискам и разведке месторождений урана на территории СССР в этот период не планировалось.

Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила все планы и отодвинула их выполнение на неопределённый срок. Война позвала всех на фронт — физиков, химиков, геологов и других, начался процесс эвакуации всего, что было необходимо и возможно эвакуировать в другие регионы.

К весне 1942 г. разведке удаётся получить достоверную информацию о широкомасштабных мерах, предпринимаемых правительствами Великобритании, США и Германии по созданию атомного оружия.

Обстановка на фронтах Великой Отечественной войны к этому времени по-прежнему сложная, но уже есть первые успехи в битве под Москвой, немцам не удалось захватить столицу, что называется, с ходу.

В начале марта 1942 года нарком внутренних дел СССР (НКВД СССР) Л. П. Берия подготовил на имя Председателя ГКО И. В. Сталина подробную докладную записку, информирующую о введённых с 1939 года работах по урану в Англии, Германии и США и целесообразности их развития в СССР. В это же время с информацией о состоянии дел по урановой проблеме и о необходимости возобновления работ по проблеме использования атомной энергии к Сталину обращались академик А. Ф. Иоффе и уполномоченный Государственного Комитета Обороны В. С. Кафтанов. Но заставить Сталина немедленно действовать это не помогло. Слишком непонятной и оттого малозначительной казалась содержащаяся в этих документах информация по сравнению с прямой и страшной угрозой, по-прежнему нависавшей над Москвой со стороны вермахта.

Распоряжение Государственного комитета обороны (ГКО) «Об организации работ по урану» выходит только 28 сентября 1942 года. Однако обстановка на фронтах Великой Отечественной войны осложнилась, началась величайшая Сталинградская битва, победа в которой потребовала неимоверного напряжения всех сил страны.

... Война завершена, Германия повержена, пришла долгожданная победа, победа *со слезами на глазах*. Но на горизонте уже появилась новая угроза — атомная бомба. Полное понимание этого пришло в августе 1945 г., когда в атомном огне сгорели японские города Хиросима и Нагасаки.

Осознание необходимости ускорения работ по урановой проблеме было у многих, причастных к этому, но решение вопроса виделось по-разному.

По заданию Наркома внутренних дел Л. П. Берия, в конце ноября 1944 г. на рассмотрение Оперативного бюро ГКО представил проект постановления ГКО «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», в котором, в частности, было указано следующее.

По расчётам академика И. В. Курчатова, для выполнения научно-исследовательских и конструктивных задач по применению урана лаборатории № 2 Академии наук СССР одновременно потребуется не менее 50 тонн металлического урана (или, в пересчёте на соли, не менее 100–120 т). Фактически же в 1944 году Наркомцветметом будет произведено не более 4–4,5 тонн солей урана, а металлический уран тех кондиций, которые необходимы для опытов, ещё не вырабатывается и не разработана технология его получения.

По мнению разработчиков этого документа, столь неудовлетворительное состояние добычи урановых руд и получения солей урана объясняется тем, что спустя два года после принятия постановления ГКО о добыче урана Наркомцветмет не развивал работы по урану, на них затрачивались ничтожные силы и средства.

Далее следовали выводы: если производство урана вести дальше темпами, предлагаемыми Наркомцветметом, придётся затянуть опытные работы по применению урана ещё на 7–10 лет.

Из справки заместителя члена ГКО В. А. Махнева Л. П. Берии о состоянии работ по проблеме урана от 2.11.1944 г.:

«Ознакомившись в процессе подготовки по Вашему заданию проекта постановления ГКО «О развитии работ по урану» с фактическим состоянием дела разведки, добычи, переработки урановых руд и организацией научно-исследовательских работ в этой области, считаем необходимым доложить Вам следующее.

Разведка урановых месторождений

Постановлением ГОКО “О добыче урана” от 27.11.1942 г. Наркомцветмет обязан был “закончить в 1943 году разведочные, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям Майли-Су и Уйгур-Сай и за проектировать их промышленное использование”, Комитет по делам геологии при СНК СССР обязан был “в 1943 году провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд”.

8 апреля 1944 г. Постановлением ГОКО “О развитии геологоразведочных работ по радиоактивным элементам в 1944 году” Наркомцветмет обязывался провести попутные поиски месторождений урановых руд в районах деятельности Наркомцветмета, а Комитет – широкие геологоразведочные поисковые работы силами 50 партий и отрядов.

“За два истекших года из-за недостаточного внимания к этому вопросу и плохого материально-технического оснащения геологоразведочных партий разведка урановых месторождений почти не сдвинулась с места...”

Выход из создавшегося положения Л. П. Берия предлагает один, и он заключался в необходимости передачи добычи и переработки урановых руд из Наркомцветмета СССР в ведение НКВД СССР, и 8 декабря 1944 года ГКО принимает соответствующее Постановление: “Считая всемерное развитие добычи урановых руд важнейшей государственной задачей, Государственный комитет обороны постановляет:

1. Возложить на НКВД СССР

а) разведку урановых месторождений Табошар, Уйгур-Сай, Майли-Су, Тюя-Муюн и Адрасман, а также доразведку других урановых месторождений, которые будут передаваться НКВД СССР для эксплуатации в дальнейшем;

б) добычу и переработку урановых руд из указанных месторождений;

в) строительство и эксплуатацию рудников и обогатительных фабрик на существующих и вновь открываемых урановых месторождениях;

г) строительство и эксплуатацию заводов по переработке урановых руд и концентратов;

д) разработку технологии наиболее рационального передела урановых руд на химические соединения и технологии получения из них металлического урана”.

20 августа 1945 г. постановлением ГКО был образован Специальный комитет при Государственном комитете обороны с чрезвычайными полномочиями. В его задачи входило руководство всеми работами по использованию внутриядерной энергии урана.

Руководителем был назначен Берия, его заместителем Ванников.

13 октября 1945 года принимается постановление СНК СССР о концентрации и специализации поисково-разведочных работ на радиоактивное сырьё, в соответствии с которым 16 октября того же года приказом председателя Комитета по делам геологии организуется Первое Главное геологическое управление (ПГГУ) во главе с С. В. Горюновым. В функцию этого управления вменяется организация и руководство всеми поисково-разведочными работами по урану и научно-техническое их обеспечение на всей территории страны.

Передача объектов по разведке и добыче урана в систему НКВД повлекла за собой резкое увеличение объёмов производства уранового концентрата. Быстрыми темпами стали строиться новые рудники и объекты по переработке руды. При этом для работы в шахтах, на строительстве обогатительных фабрик и при разведке месторождений широко использовался труд заключённых.

Специфика этого органа власти привнесла в геологоразведку и горное дело свои особенности, не свойственные обычному представлению об их видах деятельности.

В конце 1945 года Комитет по делам геологии при СНК СССР, курирующий вопросы поисков и разведки урана на территории страны, в справке, подготовленной для Л. П. Берии, указывает на то, что план выработки солей урана комбинатом № 6 выполняется путём хищнической добычи руды на руднике Майли-Су. Отбирается вручную только высокопроцентная руда с содержанием урана 0,2–0,35% и выше. Остальная руда, содержащая 0,08–0,1%, сбрасывается в отвал. Отвалы руды постепенно заваливаются пустой породой (накопилось уже около 500 тонн такой руды). При отработке таким способом теряется около 30–35% руды со средним содержанием урана 0,08–0,1%,

и это при том, что разведанные запасы урановых руд ограничены. В связи с чем необходимо, по крайней мере, на ближайшее время, руду с содержанием 0,05–0,1% добывать на всех рудниках, предлагает Комитет.

В справке также указано, что переработка руды на химзаводе в Табошарах происходит с большими потерями урана. Вследствие несовершенного способа производства извлечение урана из руды не превышает 50%. В результате в переработанной руде, идущей в отвал, содержание урана достигает 0,08–0,1%, то есть равно содержанию урана в рудах Табошарского месторождения. В пересчёте на чистый уран в заводские отвалы за ряд лет выброшено около 1,5–2 тонн урана.

Параллельно с наращиванием объёмов добычи и переработки урановой руды геологическим организациям, также переданным в систему НКВД, необходимо было в экстренном порядке решать проблему обеспечения расширяющегося комбината № 6 достоверно разведанными запасами урана. Решить эти задачи традиционными методами с последовательным увеличением детальности разведки (от предварительной через детальную к эксплуатационной) из-за ограниченности по времени не представлялось возможным. Только совмещение различных стадий разведки и выполнение её в больших объёмах одновременно с проведением горно-капитальных, подготовительных и добычных работ дали положительные результаты, что позволило в сжатые сроки в несколько раз увеличить общие разведанные запасы, тем самым создать достаточную сырьевую базу для комбината и одновременно нарастить объёмы производства. Такая же система совмещения стадий геологоразведочных работ с одновременной отработкой месторождения в какой-то степени была применена и на известных ранее зарубежных месторождениях, что также позволило в сжатые сроки вновь вовлечь их в отработку. Не исключено, что Берия как заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель Специального комитета предпринимал попытки навязать эту методику и уже созданному Министерству геологии, занимавшемуся поисками и предварительной разведкой урановых руд, что не могло не привести к противодействию со стороны профессионалов-геологов. Тем не менее в определённый период времени (примерно до начала 50-х годов) специализированные на уран организации, работавшие в системе МВД СССР, следовали этой методике и на вновь выявленных ураново-рудных объектах. Чаще всего это сопровождалось огромными, совершенно необоснованными материальными издержками, и что самое трагичное – страданиями и гибелью людей. В тот период времени всё это не принималось в расчёт и, как обычно, оправдывалось насущной необходимостью.

В конце лета 1948 года при проведении аэрометрических поисков в одном из районов Забайкалья геологами было выявлено проявление урана.

Вот что сообщает Л. П. Берия И. В. Сталину в своём письме об открытии нового “месторождения” урана 6 января 1949 г.:

“Для разведки урана по заданию Специального комитета в 1948 году Министерством геологии было организовано свыше 200 специальных геологоразведочных партий и экспедиций с 12 отрядами самолётов, оснащённых сконструированными в 1948 году новыми чувствительными радиометрическими приборами, позволяющими производить поиски радиоактивных руд с высоты 100–300 метров.

В конце августа 1948 года одной из таких экспедиций (Снежинской), посланных для обследования Восточной Сибири, была обнаружена с помощью приборов, установленных на самолётах, сильная радиометрическая аномалия в районе горного хребта Кодар (в северо-восточной части Читинской области). При наземной проверке аномалии геологи и радиометристы Снежинской экспедиции и выезжавшие на место специалисты Министерства геологии нашли в 50 км от с. Чара (районный центр в Читинской области) новое месторождение урановой руды. На месторождении было отобрано 240 образцов урановой руды для анализов”.

Вот некоторые данные о вновь открытом “месторождении” (из письма Л. П. Берии И. В. Сталину):

“1. Месторождение расположено в гористой труднодоступной местности на высоте более 3 000 метров над уровнем моря, в 1 350 км севернее города Чита, в 550 км от ближайшей железнодорожной станции Могоча и в 50 км от ближайшего аэродрома (с. Чара).

2. Уран обнаружен в минерале уранините, залегающем в горном массиве в виде жил мощностью 4–10 см и прожилков, а также у подножья коренного месторождения. Предварительные анализы, произведённые на месте, показывают содержание урана в уранините 30–50% и в руде из осыпи – 0,7% (качество, сходное с рудами Чехословацких и Саксонских урановых рудников). По заданию Специального комитета детальный анализ найденных руд производился Институтом минерального сырья Министерства геологии и НИИ-9 Первого главного управления.

3. Определить запасы металла урана во вновь открытом месторождении будет возможно лишь после детальных разведок его, которые будут произведены в 1949 году. Однако есть основания надеяться, что вновь открытое месторождение может оказаться хорошим не только по качеству руд, но и по размерам запасов.

В связи с тем, что новое месторождение урана представляет существенный промышленный интерес, в настоящее время по заданию Специального комитета Первым главным управлением, Министерством геологии и Министерством внутренних дел СССР разрабатываются практические меры по организации и обеспечению с весны 1949 года детальных геологоразведочных работ и подготовке к эксплуатации месторождения. . . ”

После проведения лабораторных исследований рудных образцов, доставленных с выявленного проявления урановой минерализации, туда для ознакомления и анализа геологической обстановки Министерством геологии был направлен специалист по урановым месторождениям из числа сотрудников Института минерального сырья. Первое же знакомство с геологией в штольне и в естественных обнажениях привело к выводу, что месторождения там нет, в лучшем случае это рудопоявление с маломощными прожилками урановой минерализации небольшой протяжённости.

После возвращения специалиста в Москву Министерством геологии было подготовлено соответствующее заключение и направлено председателю Спецкомитета, то есть Берия на самом раннем этапе знал, что уранового месторождения в Мраморном ущелье нет. Тем не менее решение о начале работ по разработке месторождения последовало. Оно принималось по личному указанию Сталина, и совершенно ясно, что с подачи Берии. Постановление Совмина СССР “Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца” было издано 15 января 1949 года.

И уже через несколько дней для обеспечения деятельности Ермаковского свинцового рудоуправления в Мраморном ущелье, где и была обнаружена урановая жила, было начато создание лагеря заключённых. Первую партию в район строительства доставляли самолётами.

Главный объект, рудник, был расположен в каменном мешке. С трёх сторон – почти отвесные скалы. С четвёртой – обрывистый спуск. Урановую руду, лежавшую на поверхности у подножия скал, сразу же выбрали и отправили, как только сделали к ущелью примитивный зимник. Тридцать шесть километров пути от аэродрома были расчищены взрывами за несколько дней. Через семь месяцев на руднике добывали уран уже из нескольких штолен, проходка которых велась на высоте более двух тысяч метров в отвесных скалах. Добываемую руду отправляли самолётами. На горных работах были задействованы не менее пятисот заключённых и несколько десятков инженерно-технических работников. Началась интенсивная подготовка к эксплуатации: строительство аэродрома, посёлка, обогатительной фабрики, зимников. . .

Наступившей зимой в район рудника погнали пеший этап, это 550 километров пути. После этого перехода 150 заключённых в результате обморожений и простудных заболеваний оказались нетрудоспособными, появились первые погибшие. . .

Всё сразу же было покрыто завесой секретности. Выход из Мраморного ущелья, в том числе и вольнонаёмным, был категорически запрещён. На выходе из зоны стояли вышки с автоматчиками.

По принятой официальной легенде, добывали свинец; о том, что добывали уран, знали немногие. Условия работы были тяжёлые, почти всё делалось вручную. В выработках не было никакой принудительной вентиляции. Работали в едкой пыли. Когда не выполнялся план, заставляли работать сутками, три-четыре смены подряд, не выходя из штольни.

Инженерно-технические работники и заключённые жили в огромных палатках, притом, что стояли жестокие морозы. В бревенчатых бараках располагалось только начальство лагеря и охрана.

Начали добычу во второй половине 1949 года, и уже к концу следующего года стало очевидным, что рудник фактически работает вхолостую. Прогноз геологов об отсутствии здесь промышленных залежей урановой руды подтвердился полностью. “Ермаковским рудоуправлением” было добыто всего 1200 кг урановой руды, его ликвидация началась в начале 1951 года. И это был не единичный случай. Подобные истории во многом примечательны. Казалось бы, сложившаяся геополитическая обстановка в мире заставляет принимать чрезвычайные меры, но вряд ли допустимо этим всё оправдывать...

В 1948 году появляются новые разведанные, подтверждавшие намерения США осуществить атомную бомбардировку городов Советского Союза. В то же время Специальным комитетом сорван срок создания первого опытного экземпляра атомной бомбы, установленный на ноябрь 1948 года, в основном из-за отставания от графика строительства и ввода в эксплуатацию промышленного реактора по наработке оружейного плутония в Челябинске. То, что это не могло быть оставлено Сталиным без последствий, Берия понимал, как никто другой. В этой ситуации главным было отвести удар от учёных, кто напрямую был задействован в реализации атомного проекта, прежде всего тех из них, кто был членом Специального комитета, а это автоматически означало отвести удар и от себя...

11 апреля 1949 года выходит Постановление Совета Министров СССР “Вопросы Министерства геологии”, положившее начало репрессиям в отношении геологов.

Масштабные репрессии, предпринятые Сталиным в 1949 году, более известны как “Красноярское дело”. В Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах в марте-апреле 1949 г. по этому делу было арестовано 27 человек — известных учёных и преподавателей, крупных специалистов, а также работников Министерства геологии. Кроме этого, репрессиям, не связанным с ограничением свободы (увольнение с работы, понижение в должности, запрет на публикации и пр.), были подвергнуты ещё сотни других учёных и работников геологической отрасли. Были сняты с должности министр геологии И. И. Малышев и первый заместитель министра, руководитель Первого Главного геологического управления С. В. Горюнов — руководитель работ по поискам уранового сырья в стране. Формальным поводом для проведения репрессий послужило обращение к Берии газеты “Правда” о якобы имеющихся в Красноярском крае случаях сокрытиях геологами месторождений урана, редких и цветных металлов.

В пору, когда по всей стране развёртывались широкомасштабные работы по поиску месторождений урана, возник спрос и на образцы урановых минералов и руд. В стране были единицы специалистов, которые могли визуально распознать минералы урана в полевых условиях при проведении поисковых работ, а в условиях почти полного отсутствия приборов, фиксирующих излучение, эта задача становилась невероятно сложной. Поэтому первое, что было сделано, — это обучение геологов минералогии урана на образцах минералов и руд, взятых из открытых и уже изученных месторождений урана. Такие образцы были доставлены не только в центральные геологические организации и музеи, но и во все геологические управления по всей стране. Образец под номером 23, представлявший урановую руду предположительно месторождения “Тюя-Муюн” из Средней Азии, якобы находился на хранении в краеведческом музее города Минусинска. Истории не известно, кто и когда привёз в музей этот образец. Можно предположить, что образец урановой руды был размещён в музее для ознакомления широкого круга лиц с целью привлечения их к массовым поискам урановых месторождений. В то время к поискам урана в стране были подключены не только геологические организации и старательские артели, но и партийные и советские органы на местах и вообще все, кто мог и хотел, в том числе и простые граждане. Не следует забывать о том, что за открытие месторождения полагались награды и поощрения, в том числе и значительные денежные вознаграждения.

“Найденный” в музее корреспондентом газеты “Правда” по Красноярскому краю образец был доставлен в Москву в редакцию, а оттуда попал прямо к руководителю Специального комитета Л. Берии и от него к Сталину.

Именно с этого момента начинает раскручиваться трагический сюжет всей этой истории.

30 марта 1949 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о состоянии геологических разведок в Красноярском крае. П. Н. Поспелов, главный редактор газеты “Правда”, и первый секретарь Красноярского крайкома партии А. Б. Аристов зачитали сообщение спецкора газеты. На заседании была создана комиссия для расследования изложенных фактов под председательством Л. П. Берии. Выводы комиссии сомнений не оставляли, для убедительности в докладной записке даже указывался предполагаемый район месторождения, откуда происходил образец № 23, – таким районом мог являться рудник “Юлия”, – указывались и другие возможные места месторождений урана, якобы скрывааемых геологами. “Лавры Герострата” обрели новых владельцев.

Взрыв первой советской атомной бомбы был произведён в августе 1949 года на полигоне в казахстанской степи. Как раз к этому времени “Красноярское дело” геологов близилось к своему “логическому” завершению. Как говорили острословы, в геологии началась эпоха “захаронения” (по фамилии нового министра геологии П. А. Захарова).

В ноябре 1950 года учёным объявили, что они приговорены ОСО МГБ СССР “за неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождение полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию” к различным срокам заключения в ИТЛ (от 10 до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет.

Многие из приговорённых работали на объектах ГУЛага, в так называемых “шарашках”, где занимались поисками и разведкой полезных ископаемых, в том числе и урана: в г. Красноярске (ОТБ № 1 “Енисейстрой МВД СССР”), в г. Магадане (Северная КТЭ № 8), в Норильлаге и Воркуте. В тяжелейших условиях принудительного труда многим геологам-заклужённым помогла выжить их профессия, ставшая необходимой на строительных и горнопромышленных объектах ГУЛага, преданность профессиональному долгу. Значительная часть из них не сломалась, и после реабилитации они вернулись к активной работе.

Почему Берия, руководивший работами по урану, заслуживший уважение ветеранов-ядерщиков и не допустивший арестов кого-либо из тех, кто был задействован в Атомном проекте, допустил репрессии в отношении геологов? Исходя из складывающейся на начало 1949 года обстановки по реализации Атомного проекта, следует предположить, что именно Л. Берия был идейным вдохновителем этой беспроигрышной для себя комбинации.

По предложению Л. П. Берии и решению, принятому И. В. Сталиным, финансирование работ по созданию атомной бомбы проводилось “сходу”, по фактическим затратам, без заранее утверждённых смет. Решения о производстве геологоразведочных работ и строительстве предприятий для добычи урана и переработки руд нередко принимались форсированно, с нарушениями общепринятой стадийности этих работ (оценка, предварительная разведка, детальная разведка месторождений, проектирование и строительство рудников). Это приводило к конфликтам между руководителями Первого главного геологического управления (ПГГУ) Мингео СССР и Первого главного управления (ПГУ) при Спецкомитете СНК (СМ) СССР. Бывший начальник геологического отдела ПГУ при Спецкомитете СНК (СМ) СССР Е. А. Пятов, описывая обстановку тех лет, констатирует: “Руководство ПГГУ Мингео СССР и особенно главный геолог академик И. Ф. Григорьев, воспитанные на традициях соблюдения стадийности, зачастую выступали против больших объёмов геологоразведочных, а иногда и эксплуатационных работ на недостаточно подготовленных объектах”. Возможно, что указанные противоречия и привели к трагедии. Косвенным подтверждением этого является и то обстоятельство, что в первоочередном порядке удар был нанесён по учёным-геологам, являвшимся признанными авторитетами в вопросах рудной геологии и методики разведки рудных месторождений. Очевидно, что Берия решил заменить руководство Мингео СССР и убрать неугодных профессионалов-геологов, в частности, главного геолога Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья И. Ф. Григорьева, тормозивших, как он считал, решение проблемы уранового сырья, и привести к руководству Министерством геологии своего человека. И как показали последующие события, всё это ему удалось.

Министерство геологии СССР участвовало в реализации Атомного проекта с ясно осознанной для отраслевого министерства задачей – создать в стране минерально-сырьевую базу урана – и напрямую в этом проекте Берии не подчинялось. Как, впрочем, и МГБ СССР, то же оказавшееся в числе “пострадавших” в этом деле.

Возглавляемый Л. Берией Специальный комитет и подчинённое ему Первое главное управление при СНК (СМ) СССР решали главную и важнейшую задачу – создание атомной бомбы, не считаясь ни с материальными затратами, ни с человеческими судьбами. При этом Берия, в силу своей природной прозорливости, вполне осознал, что создание одной атомной бомбы не обеспечивало безопасность страны. Для полного обеспечения безопасности страны нужен был паритет, а для его создания в то время требовались уже десятки атомных бомб и, соответственно, требовалась мощная сырьевая база урана.

Благодаря самоотверженному труду геологов к началу 70-х годов двадцатого века минерально-сырьевая база урана в СССР по объёмному показателю соответствовала всем возможным программам развития атомной промышленности и энергетики.

С развалом Советского Союза в 1991 году и ликвидацией союзных министерств прекратило своё существование Первое Главное геологоразведочное управление – “Первый главк”. Его экспедиции, специализированные на поиски урановых руд, разбросанные по всей стране, с великолепно обустроенными базами и многочисленными стационарными партиями, укомплектованные современной техникой, приборами и оборудованием, и – самое главное – специалистами высочайшей квалификации, оказались без государственного финансирования и в большинстве своём прекратили существование.

Следует отметить и следующее, весьма важное обстоятельство. В связи с распадом СССР почти все наиболее ценные месторождения урана и действующие предприятия по его добыче оказались за рубежом Российской Федерации, и уран в России снова оказался в разряде остродефицитных материалов. . .

ВЛАДИМИР БОНДАРЕВ

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Во время работы в НИИГА – ВНИИОкеангеология основным районом моей деятельности была Новая Земля. Из тридцати полевых сезонов в Арктике более двадцати были проведены на Новой Земле, Вайгаче и Пай-Хое. Мне пришлось участвовать в проведении геологической съёмки масштаба 1:1 000 000 и 1:200 000, увязочных работах и подготовке к изданию листов государственных геологических карт масштаба 1:200 000, специализированных работах по стратиграфии этого района, а также в проекте по изучению узловых районов на Новой Земле, проводимых отделом стратиграфии и Ревизионной партией Полярной экспедиции в 1973–1979 годах.

В общей сложности период полевых работ на Новой Земле, Вайгаче и Пай-Хое занял более 40 лет – с 1953-го по 1989 год. На Новой Земле за это время произошла смена всей структуры: от промыслово-охотничьей к милитаристски ориентированной. На моих глазах произошла ликвидация прежнего уклада жизни и возникновение нового. Я ещё был знаком со многими местными жителями, промышлявшими на юге Новой Земли. Я знал и легендарного Тыко Вылко, участвовавшего в экспедициях В. А. Русанова в начале XX века. Ещё в студенческие годы я работал коллектором у А. А. Петренко, который в 30-е годы был руководителем Новоземельских работ в АНИИ. На моих глазах формировались коллективы новоземельских геологов 50-х и 70-х годов.

В этот период на Новой Земле менялось всё, но, несмотря на хорошее освещение в прессе геологических работ 30-х и последних лет, до сих пор мало что известно о том, как практически проводились работы, какие возникали экстраординарные ситуации.

Вот несколько моментов из моей личной практики. Впервые на Новую Землю я попал в 1953 году, после окончания Ленинградского Горного института. Целая группа выпускников ГСПС-48 была распределена в НИИГА. В составе этой группы, помимо меня, были Ю. Е. Погребницкий, В. И. Ушаков, В. А. Милашев, Д. А. Вольнов, В. А. Виноградов, Ю. П. Ершов. На выборе места работы, естественно, сказались романтика Арктики, широкие просторы и, конечно, личные перспективы. Буквально через пару недель после окончания института я в составе Новоземельской экспедиции отправился на Новую Землю и был включён в северную партию, проводившую геологическую съёмку на мысе Желания. Руководил партией А. Н. Наумов, работавший до 1953 года на Сибирской платформе. В геологический состав партии входил и В. А. Шершнева – человек с военным прошлым и определённой геологической практикой. В составе отряда были также радист, два рабочих и моторист. В качестве транспорта у нас была шлюпка Ял-6 с двенадцатисильным мотором. Опыта работы в регионе ни у кого из нас, кроме В. А. Шершнева,

не было, тем более работы на море с морским транспортом. База экспедиции-52 в 1953 году находилась на фактории Крестовая губа, а добирались мы из Архангельска на пароходе “Прончищев”. Это был грузовой пароход, на котором твиндек (один из трюмов) был оборудован для перевозки пассажиров в пределах Арктики. После некоторой акклиматизации на базе, получения снаряжения и продуктов мы на ледокольном пароходе “Георгий Седов” пошли на север вдоль Новой Земли милях в 5–10 от берега. Тогда я увидел почти весь западный берег Северного острова Новой Земли со стороны. Погода, мне помнится, была ясной, видимость прекрасная, и я проторчал на палубе почти всё время, пока мы шли к мысу Желания. Это было впечатляющее зрелище – горы, ледники, море.

Жаль, что тогда я имел ещё слабое представление о географии Новой Земли и не мог привязать свои впечатления к конкретным губам, заливам – всё это было уже потом. На мыс Желания мы пришли к ночи, правда, какая там ночь в июле на широте 77 градусов! Но выгружаться мы не стали и заночевали на пароходе. Пытались спать в трюме, где были навалены матрасы, ими мы и покрывались – и было очень холодно. Сгрузились на берег в туман и в морозящий дождичек и устроились в аэропорту – на мысе Желания тогда была аэрозлётная полоса и необходимое оборудование для приёма самолётов в зимний период. Был там и склад, подготовленный для экспедиции И. Д. Папанина, где оставался рис, была печка и какое-то место для жилья. Там мы и обосновались и стали готовиться к походу на юг по западному побережью и ждать погоду. Попутно мы подготовили и лодку – закрыли переднюю часть фанерой, сделали что-то вроде рубки. Вышли на встречный ветер, и хоть волна была небольшой, но для нашей перегруженной шлюпки её вполне хватало. Шли к мысу Серебрянникова, что в 8 км западнее от мыса Желания и где можно было укрыться от ветра и волны. Тогда мы чуть не утонули – вода поступала через открытый нос шлюпки, где удобно лежал якорь, и, набрав порядочно воды, мы подошли к мысу и остановились для реконструкции надстройки нашей шлюпки. Закрыли нос шлюпки, но потеряли нашего моториста. Он сказал, что он уже пожилой человек, у него жена и дети и оставлять их без мужа и отца он не желает. А. Н. Наумов отпустил его на мыс Желания, где он и находился до конца сезона.

Ну, а мы, оставшиеся шесть человек, пошли дальше. Погода, в общем, была приемлемая, и мы без происшествий дошли вдоль западного берега до залива Мелкий. Дошли, поставили лагерь на морене, слегка вытянули шлюпку на берег и стали совершать маршруты в промежутке от ледника до ледника.

После шторма, когда утихла погода, пошли на юг за ледник Бунге, где вошли в устье реки, текущей от ледника, поставили временный лагерь и провели работу. Там мы нашли силурийские граптолиты и должны были двигаться на юг, к заливу Иностранцева, к крайней точке съёмочного планшета. Но берег в том районе ровный, без каких-либо бухт и укрытий и, как мы уже поняли, пристать на нашей шлюпке к нему крайне сложно. Учитывая то, что какая-то информация от предшественников о геологии этого района была, мы решили не ходить на юг, а вернуться в свой лагерь у ледника Петерсена. Когда ветер стих, хотя волнение ещё оставалось, мы решили вернуться в постоянный лагерь.

Но здесь опять возникли проблемы – остановился двигатель. Как я сейчас понимаю, замусорился бензопровод. Нашу шлюпку стало сносить к берегу. Подойти мы не смогли – у берега был мелкий битый лёд, в который попала наша шлюпка. Она была раздавлена льдинами и затонула. Нам удалось выбраться на берег, вытащить кое-какое имущество. При высадке ударом льдины повредило ногу радисту, но до лагеря, который был на этом пятачке, мы добрались. Передохнули несколько дней, пока радист не пришёл в порядок, и через активный язык ледника Петерсена пошли на мыс Желания.

Естественно, часть имущества оставили, взяли только образцы, продукты, палатку и спальные мешки, и в резиновых сапогах – на ледник. Ледник Петерсена на выходе из гор не очень широкий, но сильно трещиноватый. Эти два километра поперёк языка ледника мы шли часов семь, шли в связке, и к вечеру перешли на северную морену ледника, а дальше до мыса Желания по прямой километров 50–70. Дня за два мы дошли до мыса, где нас ждали сбежавший моторист и В. Д. Шершнев со своим рабочим, выполнявшие

маршруты в районе мыса. База экспедиции была проинформирована о потере шлюпки, и нам организовали переброску на зверобойном судне на юго-восток, к краю нашего планшета. Здесь мы должны были совершить три кольцевых маршрута до ледника тремя парами. И опять В. Д. Шершневу совершал самый северный маршрут с выходом на мыс Желания, я совершал южный маршрут, южнее мыса Спорый Наволок. А Анатолий Николаевич Науумов шёл кольцевым маршрутом между мной и Шершневым с выходом в точку встречи со мной где-то на побережье южнее мыса Спорый Наволок.

В маршрут мы шли в максимально облегченном варианте – палатка, один собачий спальный мешок, необходимые продукты и собранные образцы. Дня за три-четыре мы прошли маршрут от берега до ледникового щита, собрали более или менее приличные образцы, провели наблюдения, и всё это на глазомерной основе, без контактной печати аэросъёмки. Вышли мы на берег очень удачно.

В тот год Новоземельскую экспедицию должен был вывозить большой пароход с островов Пахтусова (партия Б. С. Романовича) и из бухты Крестовой всю экспедицию. Мы подготовились, упаковали имущество, сдали на полярную станцию лишние продукты, находимся на связи через полярную станцию и ждём. Днями на острова Пахтусова зашёл пароход, снял партию Б. С. Романовича и ушёл через Маточкин Шар в Крестовую за остальной экспедицией. Пароход с экспедицией и начальством ушёл в Архангельск, а нас поручили заботам Штаба перевозок Главсевморпути в Диксоне.

Главсевморпуть – организация большая, а наш отряд – маленький, и нас, наверное, с месяц не вывозили. Только руководство экспедиции слало нам радиogramмы с обещаниями, а потом и они стали приходить всё реже и реже. А мы подготовились уже к отъезду и сдали продукты на полярную станцию. Работаем на прокорм в аэропорту и на полярной станции – пилим дрова, топим баню для полярников и ждём. Наконец, начальнику аэропорта стало нас жалко, посадил он ледовый разведчик, написал я гарантийное письмо об оплате, и нас вывезли на Диксон. А на Диксоне мы опять ждём самолёта. Хорошо, что начальник аэропорта на мысе Желания выписал нам билет до Архангельска, и проблемы на Диксоне сводились к тому, где жить и как питаться (денег у нас практически не было).

Спасло нас то, что НИИГА в 1953 году ещё входил в состав Главсевморпути. Через неделю мы вылетели в Архангельск. Прилетели к вечеру в аэропорт на Кегостров. Разгрузились, и я в аэропорту иду к начальству и начинаю опять своё... Я такой-то, мне нужно в Ленинград, и я гарантирую... а меня оттуда прямо-таки послали и пояснили, что полярная авиация в Архангельске кончается, в Ленинград летает ГВФ, нужно платить живые деньги и покупать настоящие билеты. А в Архангельске в 1953 году – террор, как в “Холодном лете 53-го”: пришли пароходы из Норильска, и на Большую землю вывезли заключённых. А кто мы такие – поди догадайся, документов у нас нет, правда, есть винтовка (французский Lebel) и тюки и ящики с барахлом. Что в них там – интересно и амнистированным, и милиции. Но обошлось!

На следующий день отвезли мы барахло на железнодорожную станцию, сдали его в багаж. Чтобы оплатить провоз груза и свой переезд в Ленинград, Витя Шершневу на базаре в Архангельске продал посуду, примусы и полмешка папанинского риса, прихваченного нами на мысе Желания. Денег хватило как раз, чтобы оплатить билеты, багаж и пообедать в столовой. Вечером сели на поезд и через полутора суток голодные и с деньгами только на трамвай прибыли в Ленинград. Ну, в общем, нормальная полярная экспедиция. Трудности мы преодолевали сами, по мере их возникновения. Потом замдиректора НИИГА В. И. Захаров меня учил, как надо было действовать: барахло нужно было бросить на мысе Желания и рваные палатки, спальные мешки, посуду и прочее не тащить на самолёте через пол-Арктики. Но разве мы могли бросить “социалистическое имущество”? Не то воспитание!

1954 год был уже не только годом арктических приключений на Новой Земле, но и годом настоящей съёмки. Правда, организационных проблем и там было предостаточно. В 1954 году началось моё сотрудничество со Светланой Всеволодовной Черкесовой, которое существенно повлияло на результаты работ в этот год и в последующие. Светлана Всеволодовна к 1954 году была уже прекрасно подготовленным стратиграфом-палеонтологом. Она могла определять возраст палеозойских пород непосредственно в полевых условиях, и эту

её особенность в тот год мы и использовали: она сделала разрез палеозойских толщ в проливе Карские Ворота – один из лучших разрезов палеозоя на Новой Земле. Всю остальную работу по съёмке сделали я и В. Козырев.

И в 1954 году у нас с транспортом постоянно существовали проблемы. нас очень поздно забросили в район работ – в начале августа. Затем, после рекогносцировки по разрезу Карских Ворот, начался северо-восточный шторм, который полностью исключил возможность использования шлюпки за мысом Меньшикова. В середине августа мы решили съёмку, кроме опорного разреза, проводить без транспорта, пешком. Так была отснята практически вся территория, но это дорого нам стоило, в конце сезона маршруты мы проходили с трудом. Тем не менее съёмка была сделана, высоко оценена приёмочной комиссией, и в конце сезона мы ещё помогали доснимать соседний район.

Следующий сезон 1955 года проходил в районе губы Митюшихи. В тот год экспедиция снимала территорию от губы Крестовой на севере почти до Маточкина Шара на юге. Наш планшет располагался на юге. В составе съёмочной партии были С. В. Черкесова и О. П. Дундо. Этот сезон, помимо очень сложной геологии района, был примечателен тем, что мы (экспедиция) сильно задержались в Архангельске, и чтобы быстрее попасть в район работ, согласились идти на Новую Землю в трюме сухогруза, где, кроме нас, были уголь, ката и ёмкости с дизельным топливом. В горле Белого моря мы попали в шторм. Лежим на угле, закрытые брезентом, вдыхаем трюмный воздух с запахом солянки, и ещё сверху капает на нас конденсат – до сих пор страшно вспомнить. А трюмы, чтобы не заливало забортной водой, задрены. И так двое суток. Но выжили. Сезон 1955 года памятен ещё и тем, что где-то в конце августа я сорвался с обрыва, отбил пятки и мог передвигаться только на носках. Выезжать из района работ я не стал, но в маршруты ходил, как балерина на пуантах. Осенью, когда экспедиция уже вся была вывезена на базу, в посёлок Шумилиху в Маточкином Шаре, мне пришлось участвовать в операции по спасению экспедиционного катера и двух человек, находившихся на нём.

Началась новоземельская пора штормов, и ночью катер сорвало с якорей и унесло в пролив. На катере были Н. И. Шаргаев и радист. Мотор в ремонте. Начальник экспедиции Л. П. Смирнов организовал спасательную экспедицию на открытой шлюпке со слабым мотором. Он прихватил меня (как “опытного” морехода), а я для команды взял Дундо, который работал со мной. По ветру на шлюпке мы быстро догнали катер, увидели, что люди находятся на борту, но при попытке подойти к катеру мотор у нас залило. Мы попытались на веслах подойти к берегу, но вскоре поняли бессмысленность этого и выбросились на противоположный берег пролива, куда чуть позже выбросило и катер. После того как нас выбросило на берег, пошли в посёлок Лагерное, где в 1955 году уже находился административный центр Новой Земли. Остаток ночи провели в милиции (было и такое заведение на Новой Земле), а утром через администрацию дали информацию на базу, что живы. Выждав пару дней, и зашедшая в Маточкин Шар зверобойная шхуна перебросила нас на базу в Шумилиху. Так закончился сезон 1955 года.

Новоземельская экспедиция в 1956 году просуществовала ещё полгода. Писали отчёты, готовили геологическую съёмку на востоке Новой Земли, в районе Пахтусовых островов. Я за эти полгода сделал головокружительную карьеру – был назначен главным геологом экспедиции и в этом качестве пребывал целых три месяца. Но в том же году Новую Землю, кроме самого юга, закрыли, и мы (я и Светлана Всеволодовна Черкесова) работали на юге Новой Земли по досъёмке планшета R-40, 41-XV, XVI в масштабе 1:200 000 и вели специализированные работы по стратиграфии силура и девона. Транспортировка в районе работ осуществлялась на двух шлюпках-четвёрках с подвесными моторами. Когда мы занимались увязкой в районе залива Рейнеке, нас сильно потрепало, но там были хорошие отстой и укрытия для нашей перегруженной шлюпки. Но когда вышли к мысу Меньшикова, и дальше нужно было идти по Карской стороне на север вдоль открытого берега, оказалось, что наш транспорт для этого не очень-то пригоден – не только перегруженная шлюпка-четвёрка, но и подвесной мотор – слабый и непригодный для работы на море. Но здесь нам помогли полярники с мыса Меньшикова. Они дали нам моторный вельбот с английского судна “Бесканам”, которое село на банки где-то у реки Савина. Команду английских моряков с судна сняли, а само

судно, спасательные шлюпки и катер англичане бросили, судно – на банках, катер – на берегу.

От мыса Меньшикова мы шли на север вдоль полосы льда. Так дошли до реки Казакова и вошли в устье. Отсюда провели работы по съёмке северной части листа R-IX, X. Это была рядовая съёмочная работа – ходили в маршруты, перебрасывали вглубь острова лёгкие лагерь, отбивались от медведей – всё было, как обычно. А в базовом лагере в устье реки оставался моторист, которому очень нравился английский мотор на вельботе, и он его каждый день запускал для прогрева. И однажды при запуске моторист то ли сместил опережение зажигания, то ли ещё что-то, но произошло зажигание в выхлопном коллекторе, и последний разорвало. Как следствие, мотор вышел из строя. Обратно нам пришлось уходить под парусами.

Нашли на берегу подходящую для мачты лесину, соорудили прямой парус из палаточного тента, выбрали погоду и пошли. Ветер был несильный, дул с сторону берега, но к вечеру усилился, а нам нужно было обходить мыс Перовского и поворачивать против ветра, на что наш вельбот без киля и при прямом парусе был не способен. На подходе к берегу нас залило, но основное “барахло” мы вытащили. Пешком добрались до мыса Меньшикова, выжидали погоду и на своей лодке пришли на место выброски, забрали сохранившееся имущество и на следующий день на своей лодке пошли в посёлок Русаново, где была наша база. В обмен за разбитый английский вельбот нам пришлось отдать полярникам свою шлюпку.

Следующий полевой сезон я проводил на острове Вайгач и севере Пай-Хоя. К этому времени мы приобрели в Архангельске два спасательных вельбота со стационарными двигателями. Поскольку доставка этих вельботов и имущества партии планировалась на начало июля, то в конце мая – начале июня мы с Черкесовой решили провести пешую рекогносцировку в районе. Спланировали её так: прилетаем в Амдерму, нанимаем собачью упряжку и едем в посёлок Хабарово (в Югорском Шаре), а оттуда пешком на Вайгач через пролив в посёлок Варнек и далее вдоль всего Вайгача в посёлок Долгая губа на север.

Гладко было на бумаге... В Амдерму прилетели на самолёте и там с помощью местной власти довольно быстро нашли ненца-каюра с упряжкой собак. Договорились с ним, и он попросил у нас задаток. Неискушённые в обычаях аборигенов, мы этот задаток дали, но когда на следующий день пришли к этому каюру, то он был “никакой”. И мы решили, что сами запрягаем собак, кладём каюра на нарты в том виде, как он есть, и выезжаем. Стали с Толей Бурским запрягать собак, а они не лезут в ошейники. Как нам потом сказали, у каждой из них есть своё место, а мы этого не знали. Одним словом, отстали мы от собак и перенесли отъезд на следующий день.

Потом, когда каюр пришёл в себя, переход из Амдермы в Хабарово прошёл нормально. Из Хабарово на южном берегу пролива Югорский Шар пешком перешли на северный берег пролива в посёлок Варнек, оттуда начали переход вдоль острова Вайгач на север. Проход проходил в распутицу с одной ночёвкой в устье реки Талаты в брошенной избушке, покрытой дёрном, без крыши. Как сейчас помню, шёл дождь, и мы всю ночь спасались от протечек. Зато переход от устья до посёлка Дыроватый (это около 60 км) шли без ночёвки 28 часов. Был дождь, ветер, тундра начала раскисать, а мы шли от перекура к перекуру и остановиться на ночёвку не могли – не было с собой палатки. Дошли до брошенного посёлка, устроили там днёвку, через день перешли губу Долгую и пришли на фабрику. Потом маршрутом перешли Вайгач поперёк за полярной станцией Болванский Нос, установили радиосвязь, вернулись в губу Долгую, а там уже подошёл пароход, на котором были наши вельботы, снаряжение и основной состав партии. Потом пошла рутинная работа на обнажениях, морские переходы вдоль Вайгача и до Амдермы – все без особого экстрима, но слава отчаянных “мореходов” в глазах аборигенов закрепились за нами устойчиво. Мы обрели уверенность, набрались опыта и на своём вельботе в один из сезонов пересекли пролив Карские Ворота с острова Вайгач на Новую Землю.

Позже, в 80-х годах, когда обзавелись более мореходными плавсредствами, чем шлюпки, совершили переход через два моря из Новой Ладogi на Новую Землю. Сам по себе переход не представлял особой сложности в плане

мореплавания. У нас был 15-метровый палубный катер с 40-сильным дизельным двигателем, был морской компас, но не было морской радиосвязи – средневолновой и УКВ-радиостанции (была только обычная экспедиционная КВ-радиостанция с фиксированными сроками выхода на связь). Сложно было только в плане бюрократическом – не оформленный регистром катер ограниченной мореходности, не было разрешения на выход в пограничную зону и, главное, не было разрешения нашей администрации на такой эксперимент. Поэтому я всё делал на свой страх и риск, опираясь на опыт нашего капитана – Николая Ивановича Шаргаева, не один сезон плававшего по рекам и вдоль морского побережья в Арктике. В этом переходе был и трезвый расчёт. Иначе пришлось бы везти катер по железной дороге, срезать надстройку, а потом где-то опять приваривать её на место и дальше перевозить на пароходе. На это ушёл бы почти весь полевой сезон. А так мы перегнали катер из Новой Ладogi до юга Новой Земли за десять дней, были на базе уже в начале июля, и весь полевой сезон был сохранён.

Помимо экстремальных ситуаций на море, на Новой Земле постоянно возникали проблемы с белыми медведями. В 50-е годы, когда там ещё жили промысловики и не существовало запрета на отстрел белого медведя, экстремальные ситуации возникали редко. После 1960 года белый медведь стал подлинным хозяином архипелага. Его не промышляли, а население сосредоточивалось в посёлках и на “точках”. С 1961 года наземные испытания атомного оружия были прекращены, и медведи жили вольготно. Бродили по острову, заходили в посёлки, где питались на помойках, а в начале 80-х годов на полярной станции Мыс Желания даже погиб полярник. В моей практике только дважды были прямые стычки с медведями. Как правило, это были молодые особи, не знакомые с человеком. Один случай произошёл в губе Северной Сульменевоy, когда в лагерь пришёл молодой зверь. Он гулял по лагерю и терроризировал народ, пока не напал на Н. Н. Соболева, который ходил к ручью за водой. Мы были вынуждены гонять этого медведя, используя оружие.

Второй случай произошёл уже в 80-е годы. Мы стояли лагерем недалеко от устья реки Нехватова. Медведи – звери очень любопытные, и один из них стал заглядывать в иллюминатор, прорвал палатку и сунул голову внутрь. Там спали бывшие тогда в нашем отряде женщины – Черкесова, Катя Бондарева и Таня. Медведь сунул голову к кровати, где спала Светлана Всеволодовна, она схватила молоток и ударила медведя по носу. Молоток сломался, а медведь отбежал от палатки и стал охлаждать нос в снежнике.

Переполошившиеся в соседней палатке мужчины выскочили с винтовкой и готовы были убить медведя, но Светлане Всеволодовне стало жалко зверя, и она вместе со своим братом, Олегом Всеволодовичем, нарубив мелкие кусочки мяса, отвела медведя от лагеря. Больше он не приходил.

Я потом спрашивал Светлану Всеволодовну, как она ухитрилась так ударить медведя, что сломался молоток. Оказалось, она ударила его молотком плашмя – ей было жалко зверя.

Вообще-то медведей на Новой Земле было много, особенно на Карском побережье. Бывало, у мыса Спорый Наволок за маршрут встречалось до десяти животных, но мы удачно расходились с ними.

ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЁВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алтай

Получив в конце апреля 1985 года добро на открепление от места работы, я упаковал свои книжки в большой ящик и отправил его по адресу Горно-Алтайской поисково-съёмочной экспедиции (ГАПСЭ) в Бийск. Весь остальной скарб уместился в рюкзак и небольшую сумку. По предъявлении письма с приглашением на работу я был отправлен в отдел кадров, где меня ознакомили с приказом о зачислении старшим геологом Чуйской партии. Напрочь лишённый карьерных устремлений, я заявил о невозможности назначения молодого специалиста на такую должность и тут же был препровождён в приёмную начальника. Грозного вида мужик внимательно выслушал меня и пододвинул листок бумаги и ручку.

– Пиши!

– Что писать-то?

– Ну, напиши, как есть, что ты слабосильный хлипак и боишься ехать в Курай старшим геологом.

КИСЕЛЁВ Евгений Аркадьевич родился в 1961 году в Белгороде. Окончил Свердловский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В.В. Вахрушева по специальности “геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых” с квалификацией “горный инженер-геолог”. Прошел многие ступени профессии: от инженера-геолога Уральской геолого-съёмочной экспедиции и геолога Горно-Алтайской поисково-съёмочной экспедиции до замминистра природных ресурсов и экологии РФ – руководителя Федерального агентства по недропользованию. Евгений Аркадьевич отмечен многими государственными и ведомственными наградами и званиями, среди которых “Заслуженный геолог Российской Федерации”, знак “Отличник разведки недр”, почётные грамоты Минприроды России и Роснедр и другие. Он лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники. В настоящее время Е. А. Киселев – советник руководителя ФГБУ “Росгеолфонд”.

– Издеваетесь? Я не буду это писать! Я объясняю! Я молодой специалист, и меня нельзя назначать на такую должность!

– Начальник твоей партии написал рапорт и указал эту должность, сынок! Всё согласовано, и я ничего не буду менять! Твоя вахтовка уходит в Курай завтра в шесть часов утра. Дай бог тебе там не загнуться и проработать хотя бы год!

Диалог не дословный, но близкий к оригиналу. Я не горел желанием кем-то командовать, хотел одного – чистой и бескомпромиссной геологической картографии и исследовательской геологии под “ничьим руководством”. Ярость, посетившая меня после этого общения, сносила все клапана, но, сдержавшись, я расшаркался без всякого почтения и вывалился из кабинета Алексея Михайловича Жукова. Так звали убийцу сладких “мечт” и по совместительству – начальника экспедиции.

Кадры шустро закончили оформление. Бессонную ночь я провёл на койке в заежке, а утром загрузился в вахтовку и поехал в Курай. Обязательная остановка, перекур и пирожки в Усть-Семе и Туекте, плотные ряды тополей от Бийска до Сросток, гравийка и пыль почти на всём протяжении горной части, настоящие узенькие бома* с проездом встречных машин впритирку либо по очереди – вот неполный перечень завлекух Чуйского тракта того времени. Под муаром сегодняшнего лоска с трудом разглядишь романтику и брутальность прежнего тракта. Да и трактом его сегодня назвать нельзя. Одно слово – федеральная трасса...

Поздно вечером вахтовка доехала до Курая, и я оперативно был отгружён в знакомую ещё с практики 1982 года бичарню**, в крохотную комнатку с кроватью, на которой не было ровным счётом ничего. Голый панцирь! Но заснул моментально и крепко, засунув под голову свитер и ещё какую-то мелочь. Утром предстал пред светлые очи начальника Чуйской ГСП (геолого-съёмочной партии) и посетил отдел кадров. Утром, в соответствии с советским законодательством и твёрдым обещанием, данным накануне кадровикам, приступил к исполнению плана “прописка”. Самой тяжёлой его частью были “подход” и “отход”.

В строгом соответствии с рекомендациями и опытом 1982 года я набросил на плечи почти пустой рюкзак и встал на отрезок Чуйского тракта Курай – Кош-Агач. Консультации и резюмирующие их рекомендации обязывали меня двигаться в восточном направлении, не испытывая иллюзий, что на взмах руки какая-либо попутная машина остановится. Добро пожаловать в мир Чуйского военного тракта – здесь пешего попутчика сбивают, а не подвозят! Водители ЧВТ – люди суровые и безжалостные и не испытывают ни малейшего сострадания к пешеходам. К счастью, километрах в двадцати от Курая меня подобрал “ГАЗ” местного совхоза, и 40 км оставшегося пути я проболтал с водителем-алтайцем.

Прописка прошла. По дороге к перекрёстку на Курай попался книжный магазин-мазанка с облупившимися стенами. Вы знаете, куда шли лучшие книги и издания СССР? Правильно, в союзные республики и примкнувшие к ним Алтай, Тува, Бурятия и т. п. Через полчаса я, ошалелый от внезапно постигшей меня удачи, вывалился из магазина, имея на хребте килограммов 25 книг. Дойти с ними до Курая за оставшееся до рассвета время не было никакой возможности, но чудо! – меня подобрал ЧВТшник. Не сказав ни слова, молча и угрюмо доставил он меня до самого посёлка, отмахнулся от протянутого рубля и растворился в придорожной пыли.

В сжатые сроки состоялось моё откомандирование к месту полевых работ. ГАЗ-66 забросил меня в верховья Ингоды, в лагерь горняков. Я скоренько поставил палатку, бросил внутрь нехитрый свой скарб и пошёл на канавы, благо были они недалеко. Полотно канав только зарезалось, и четыре фигурки уныло сгибали и разгибали потные торсы, силясь совладать с земною твердью.

– Зовут-то как? – спросил седобородый коренастый мужичок с холодным прищуренным взглядом.

– Евгений Аркадьевич.

* Бом – на Алтае этим словом обозначают узкое место между рекой и горой, по которому пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег.

** Бичарня – помещение для временного размещения рабочих, как правило – бичей (БИЧ – бывший интеллигентный человек, человек без определённого места жительства и постоянной работы).

– Жекой будешь! – подвёл итог короткому диалогу Андрей Иванович – так звали старого коренного бича.

Ничего не ответив, я молча сверился со схемой участка и размещения канав, осмотрел ближайшие обнажения, передвинул колышек разбивки на одной из канав и пошёл в маршрут.

Вечером, вернувшись около 9 часов, зашёл на канавы и осмотрел их. В какой-то день мужики сообщили, что можно принимать работу. Внимательно осмотрел канавы, расставил колышки на интервалы добивки и показал фактурные с точки зрения документации участки, которые надо было подмести (сам делал это неоднократно рабочим на геологических практиках и работах). Андрей Иванович сообщил, что тайга здесь глухая и, неровён час, можно поскользнуться, дважды напоровшись на кайлу. Не знаю почему, но я был спокоен, как слон, и, показав молоток, объяснил, что на него можно напороться раз в пять быстрее кайлы, а “ушатать” меня, если не во сне, им даже четверым будет сложновато. Помимо этого, в качестве бонуса за хамство я слагаю с себя очередь по приготовлению еды и мытью посуды. Теперь всё это надлежит делать им самим, в том числе за меня, и очень тщательно! Скорее всего, спокойная уверенность и моя непоказная пахота в предшествующие дни послужили причиной тому, что мужики молча взяли инструмент и пошли добивать канавы. На следующий день буркнули, что всё готово. Буркнули не просто так, а по имени и отчеству: “Евгений Аркадьевич...” Действительно – всё. Канавы были приняты.

Кызылозёк

Кызылозёк – название левого притока реки Левая Кубадру. Здесь пришлось маршрутить в 1985-м и 1987 году. В этом месте моему профессиональному самолюбию было нанесено глубочайшее оскорбление. Я всегда считал участок отработанным, когда в голове появлялась уверенная и правдоподобная картинка того, что здесь произошло за многие-многие миллионы лет геологической истории. Здесь же даже захудалой карты гипотез не удалось нарисовать. Но до сих пор уверен, что этот участок принесёт будущим исследователям массу сюрпризов.

Почему вспомнился Кызылозёк, а не десятки иных участков? Наверное, потому, что он оставил в памяти сложные и неоднозначные впечатления не только о геологии.

Вертолёт забирался сюда от устья. У алтайцев одно из значений слова “озёк” – кожаный мешок для воды. Вот и Кызылозёк с его ледниками и цепочками озёр и болотец в тальвеге долины был надёжно оторочен крутыми стенками скальников с высотой до 3000 м.

Сбросились быстро. Несмотря на ровную площадку, вертолёт завис для высадки, опираясь на пару колёс, – под ногами чавкала вода. Выбрали более или менее сухое место и поставили палатки. Горнякам предстояло каждый день забираться на относительно пологий левый борт долины с к месту заложения канав. Исходя из времени и сложности подъёма к канавам, определился с размером доплаты, о чём и сообщил мужикам.

Первые же маршруты привели стройную картину геологического мира, сложившуюся в моей голове, в полный хаос. Привести эту картинку в гармоничное состояние должен был, по моей задумке, маршрут по стрелке Кызылозёк – Левая Кубадру. Подойдя, осмотрелся, соорудил кострище, разжёг костер и пояснил радиометристке, что она должна сидеть здесь, не отходить далеко от костра и ждать моего возвращения. Поскольку на подходе к этому месту наткнулись на медвежью лёжку, продолжительных внушений не потребовалось.

Стрелка поднималась вверх круто и почти везде была зажата скальными обрывами, обращёнными к Кызылозёку илевой Кубадру. Приходилось вилить между скальниками, красться по прижимам, периодически спускаться вниз, пересекать осыпи и вновь карабкаться наверх. Полное безмолвие было только раз нарушено воплями вспорхнувших уларов*, привычно совершивших пике с разворотом и вставших на подъём дальше и ниже по склону.

В какой-то момент подумал, что меня кто-то разводит. Прислушался. Точно – поёт! Ни до, ни после не слышал такого пения. Женщина пела а капелла

* Улар – горная индейка, птица семейства фазановых.

без слов нежным грудным голосом, то взлетавшим вверх, то плавно уплывающим в нижние глубокие тона. Пение завораживало и убаюкивало! Не хотелось двигаться и думать. Только слушать и слушать, бесконечно! Избавиться от этого пения не было возможности, да и не хотелось. Не помню, сколько длилось это оцепенение, но в какой-то момент всё-таки заставил себя то ли идти, то ли ползти наверх. Записи и замеры делал почти в полузабытьи, на автомате. Позже, в лагере так и не смог в них разобраться – бред какой-то!

На краю отвесной расщелины, рассекавшей хребет, попался спайный контакт дайки диабазов с роговиками. И здесь, вопреки опыту и всем правилам, чуть спустился в расщелину, завис напротив места отбора пробы и ударил молотком. Вместо небольшого кусочка породы с фрагментом контакта на меня вывалилась здоровенная глыба. В этот момент мгновенно проснулись и сработали все звериные чувства и навыки. Каким-то образом смог в полёте развернуть камушек так, что он приземлился сбоку от меня. Повезло с этой осыпью – крутой уклон и мелкий камень. Через полчаса отлежался и осмотрелся. Вверх выбраться нельзя – стенка почти вертикальная, метров 7–10 высотой. Отходил с передышками вниз по борту Левого Кубадру. Где шёл, где полз. К костру добрался к полуночи. Вытер слёзы караулу, выслушав всё, что он обо мне думает. Попили чаю, погасили костёр и похромали к лагерю.

Осенью в базовом лагере подсел Игнат и спросил про этот день. Рассказал. Молча посидели, покурили. Он встал и, уходя, бросил:

– Это была Хозяйка гор. Когда забирает – поёт. Повезло тебе.

Молодой тогда был. Только ухмыльнулся и забыл. Только спустя два года делал маршрут в этих же местах. И это был самый короткий из моих маршрутов. Зашёл от устья Кызылозёка на левый борт Левого Кубадру и пошёл вдоль нижней кромки скал. В какой-то момент, в самом начале маршрута, на относительно ровной площадке с жиденькой травкой, почти теряя сознание, сбросил рюкзак, присел и откинулся на спину. Очнулся под вечер, посмотрел на студентку.

– Что было?

– Вы заснули и крепко спали.

– Никто не пел?

– ???

Одним словом – чертовщина! И хоть я в неё не верю, больше в эту гору я не поднимался. Карту доделал честно, исходив всё по кондиции, но без посещения самого злачного места.

* * *

Наташка должна была подниматься в мой лагерь верхом. Она отработала участок с радиоактивной аномалией в низовьях Кубадру, и за ней послали двух рабочих.

Издали стало ясно – что-то случилось! Она дико орала и откровенно истерила. Сквозь поток несвязанных фраз понял, что во всё виноваты я и эти уроды – рабочие. Пришлось от всей души рявкнуть пару раз, после чего поток бессознательного чуть ослаб, и кое-что прояснилось. Со слов потерпевшей, в ходе операции по её ненадлежащему этапированию в мой лагерь была утрачена вьючная сумина.

Спустился один. Кони были привязаны чуть в стороне от тропы. Парни стояли поникшие. Осмотрелся. Всё произошло на самом крутяке левого борта Кызылозёка в полукилометре от его устья. Тропа шла по кромке обрыва, вилля среди лиственниц. Видимо, вязка вьюков ослабла, лошадь зацепилась суминой за ствол и начала дёргаться. Опыта успокоить и осадить её у парней не хватило. Одна вьючная сумина оторвалась и улетела с обрыва. Вторая тут же перевесила вьючное седло (не подтянули перед подъёмом подпруги!), сползла под брюхо лошади, и началась коррида! Слава Богу, обошлось без серьёзных последствий, если не считать утерянной вьючной сумки и её содержимого. Молча перевьючил лошадей и отправил парней в лагерь.

Спустился вниз, в русло реки. Парни сумки так и не нашли. И я – тоже. Река здесь зажата V-образным каньоном, воды в реке мало. Сумку не могло унести далеко. Смеркалось.

Солнце уже село, когда вернулся к палаткам. Взял топор, пилу и одного из парней. Спустились к устью. Почти сразу нашёл хорошее место и начал

подпиливать лиственницу. Спустя пару минут на склоне зашуршали камни, и на берег вышли мои мужики. Все!

– Чего пришли? Я не звал.

– Ты, начальник, не газуй! Не тот случай – тебя спрашивать! Что делаем?

– Валим эти две лиственницы поперёк реки. Если ночью будет дождь, вьюк понесёт потоком, и он застрянет в сучьях. Если дождя не будет – найду утром выше по реке.

– Найдём... Серёга, разводи костры на обоих берегах. Мужики, валим листвяги!

Всё-таки Андрей Иванович был настоящим бугром! Достал из рюкзака котелок, чифирбачки*, чай, сахар, хлеб, принялся деловито обустроить кострище. Через десять минут импровизированная гребёнка деловито расчёсывала струи Кызылозёка. Картинка красиво подсвечивалась двумя кострами.

Почему-то крепко засела в памяти эта ночь. Вроде бы всё было, как обычно: костёр, сигареты, крепкий чай, разговоры... Мужиков как прорвало. Они неспешно рассказывали про свою жизнь, кто о чём и как мог. Серёга, погоревший на пьяни и на какой-то растрате, какую ему приписали, читал стихи. Да так читал, что за душу брало и выворачивало! Витя-Чайка, щуря и закатывая маленькие глазки, простовато повествовал о той самой Чайке, которую дико любил, но “подрезал” по пьяни из ревности. А потом задумался и, стесняясь, пояснил, как он её любил... И всем показалось, что Витя-Чайка исчез, а к костру подсел добрый, заботливый дядька, только что вышедший из дома за молоком для своих детей, рождённых той самой Чайкой! Даже молодого повело на откровения. Но, в отличие от мужиков, что крепко “посидели” и повидали, поведать он мог немного. В эту ночь я понял, что каждому из нас при рождении даровано нечто, что делает нас исключительными, неповторимыми и нужными на этой земле. Просто кому-то удаётся реализовать свой дар, пусть даже частично, а кому-то – нет. В какой-то момент и убогое станет великим.

Утро подкралось незаметно. Андрей Иванович, улучив момент, когда рядом никого не было, тихо буркнул: “Ты, паря, забудь, что я наговорил...” И насупил брови. Я кивнул.

Хотя что он рассказал-то! О внучке, которую безумно любил, но боялся появиться на глаза дочери. Почему? Промолчал. Наверное, было о чём.

Реку прочесали два раза. Сумины не было! Уже на третьем подъёме из-под струи небольшого водопада что-то блеснуло. Бог любит трицу! Сумина застряла глубоко в расщелине, и через неё спокойно и мощно катилась одна из струй Кызылозёка. Восходящее солнце предательски отразилось в пряжке ремня сумки и выдало утопленницу.

Когда поднялись наверх, бросил сумку к ногам Наташки.

– Бельишко твоё и пробы хорошо постирались, можешь развешивать. Верёвочку натянуть?

– Они были в другой сумке.

– Что, что? Не расслышал!

– Пистолет и карты были в другой сумке.

Добывать не захотел. Устал. Но осадочек остался! Ведь не спустилась и не создалась вовремя.

– Таня, собирайся! Тридцать мешочков, этикетки, через двадцать минут выходим. Андрей Иванович, на канавы можете не ходить. Отдохните!

– А деньги, начальник, ты мне просто так рисуешь, без кубов?

Подкосила меня та ночь, подрамягчила, однако... Вон даже Андрей Иванович “на слабо” пытается взять!

* * *

Зарядили дожди, и вертолёт откладывался день за днём больше недели. Настроения это, конечно, не улучшило. Всё к одному...

В один из дней начальник партии сообщил, что ближайшим вертолётom забросит нас на Айгулак, и послал к аллаху моё сообщение, что мужики уже

* Чифирбачок – консервная банка для приготовления чифира (чифиря) – очень крепкого чая.

больше месяца в бане не были. Поскольку диалог прошёл на повышенных тонах, мужики всё услышали и серьёзно насупились. Но и я им не нянька. Айгулак так Айгулак. Перебьёмся! Или – нет?

... В палатке начало хлюпать. По склону из-за дождей поджимала верховодка, да и мерзлота растеплилась (в палатке всегда тепло). Передвинул палатку и пошёл проведать мужиков. Чуть не утонул! У них в палатке воды было по полсапога. Раскладушки поставили на чурбачки. Печка стояла на пьедестале бутового камня.

– Вы хоть палатку передвиньте!

– Не, начальник, доживём до вертолётa. Бани всё равно не будет, так здесь попаримся! – блеснул фиксами Андрей Иванович.

Психанул. Выскочил из палатки и за пару минут пробил кайлой в мерзлоте дренажную канавку вниз по склону от их палатки. Вода начала уходить.

Вертолёт прилетел через два дня с ящиками и мешками еды, кучей сигарет, а также двумя старыми четырёхместными палатками для выкидушки и тазиками для отмучивания шлихов по моей заявке. В тот же вечер на Айгулаке поставил свою палатку и взялся складывать каменку для бани. Андрюха с Сергеем переглянулись и шустро принялись помогать. Война войной, а баню никто не отменял. Здесь – моя воля. Выкидушка и отмывка шлихов временно отменяются.

ДАНИИЛ ЛИТВИНЕНКО,
АЛЕКСАНДР ЮРЧЕНКО

ДОКАЗАНО ТРУДОМ И ВРЕМЕНЕМ

Обретение человечеством бурейнского угля – история, достойная приключенческого романа. Здесь и счастливое стечение обстоятельств, и учёный азарт, и тщетные попытки исследователей доказать власти правильность своих выводов, и трагические судьбы. Почти сто лет разделяют открытие первых каменноугольных пластов на Ургале и начало его промышленной добычи.

Всё началось с исследования флоры и фауны Восточной Сибири, как тогда называли Дальний Восток, в середине XIX века. Имя исследователя Александра Фёдоровича Миддендорфа широкой публике малоизвестно. Хотя именно его путешествие к Охотскому морю и обратно в 1842–1845 годах дало первую наиболее полную картину Амурского края. Физическая география, климатология, мерзлотоведение, животный и растительный миры, орография и геология, палеонтология, этнография и история – выводы Миддендорфа по многим вопросам не потеряли своего значения и по сегодняшний день.

И уж тем более уникальными были собранные им сведения и пройденные маршруты для своего времени. Крайне важными не только с научной точки зрения, но и с политической. Миддендорф привёз из экспедиции сведения о населявших Приамурье народах, выяснив, что большая часть аборигенов жила своей жизнью, не особенно оглядываясь на государство, в границах которого тогда пребывала, – Китай.

Можно не сомневаться, что эта информация была весьма полезной при составлении Айгунского договора, подписанного между Российской империей и Китаем позже, в 1858 году. Так почему же имя Миддендорфа не стоит в одном ряду со знаменитыми исследователями, а его портреты не висят в школьных кабинетах географии или биологии? Возможно, одной из причин является его нерусское происхождение. А точнее, немецкие корни, вероятно, послужившие фактором “затмения” имени Миддендорфа с началом Первой мировой войны. Так или иначе, но и в советское время труды учёного не переиздавались в полном объёме. Они если и цитировались нашими учёными, то почему-то с упором на информацию, собранную Александром Миддендорфом в Сибири и на побережье Охотского моря. Экспедиции в район Бурей внимания почти не уделялось. Лишь в 90-х годах прошлого века вышла в свет книга учёного-геолога Евгения Аркадьевича Кириллова, где автор в стилистике научно-популярной литературы подробно описал заключительную часть путешествия Александра Миддендорфа, которое тот задумал и осуществил без указания сверху, по личной инициативе.

В августе 1844 года экспедиция Александра Фёдоровича добралась до Шантарских островов, отсюда надлежало отправляться назад теми же тропами. Но вот все собранные по пути коллекции отправляются в Петербург, а для обратной дороги планируется несколько иное направление. Маршрут проходил по Тугуру, Немилену, Керби через Буреинский хребет в долину Буреи, где Миддендорф сделал одно из главных своих открытий. Вот как описывает тот «счастливый случай» Кириллов: «Однажды, уже в середине короткого дня, вдалеке, на противоположном борту широкой долины Буреи, показались вроде плохо видимые обрывы, полузакрытые снегом. Миддендорф приказал сделать крюк и подъехать к ним. Снег был глубокий, лишние вёрсты изматывали и без того уставших оленей, да и каюрам были непонятны эти причуды начальника. <...> Когда стали подъезжать ближе, стало видно, что это достаточно высокие обрывы сажени на две-три. Нижняя часть их завалена снегом, а по верху видны какие-то буровато-серые на вид породы. «По-видимому, такие же песчаники, что видел недавно», — подумал Миддендорф. Но что это? В северной части обнажения отчётливо видно что-то чёрное, контрастно выделяющееся на фоне белого снега. Олени остановились, тяжело дыша, низко опустив головы. Рыхлый глубокий снег не давал им подтащить нарты ближе, несмотря на отчаянное понукание каюров. Александр Фёдорович соскочил с нарт и стал пробираться, проваливаясь в глубоком снегу, прямо к этому чёрному пятну в стенке обрыва. <...> Добравшись до обрыва, Миддендорф начал яростно раскидывать и уминать снег у основания обрыва, обрушивая наносы. Наконец добрался до стенки, раскидал последний снег, стал колотить молотком по породе. Большие чёрные смолистые куски каменного угля легко откалывались и падали на снег.

«Уголь, Василий! Прекрасный уголь! Ты только посмотри, какой он чистый, почти без примесей!» — радостно восклицал он, любуясь то одним, то другим отколотым штуфом.

Долго работая вдвоём, утапывая и обрушая снежные наносы, более или менее расчистили от снега нижнюю часть обнажения вдоль обрыва. Картина стала проясняться. «Да это великолепный пласт, почти без прослоев породы! И поставлен круто, чуть не отвесно. По мощности-то шагов тридцать будет — не меньше», — объяснял он Ваганову. <...> Вожак каравана Ванча и Семён, изрядно замёрзшие в ожидании, подошли и с любопытством стали наблюдать за начальником, который то и дело колотил заострённым молотком чёрный камень, а отколов кусок, подносил его к глазам и внимательно разглядывал через круглое стёклышко, приговаривая какие-то непонятные слова: кларен, аргиллит, дюрен. .. Потом что-то писал в книжке карандашом, что-то там мерил с Василием лентой на обрыве, приставлял к камням какую-то маленькую медную коробочку со стрелкой под стеклом, опять что-то писал, приговаривая другие слова: азимут, простирание, норд, ост. . .»

Так был открыт Буреинский каменноугольный бассейн. . .

Последующие экспедиции подтвердили выводы Миддендорфа. Усольцев в 1858 году, Шмидт в 1862 году обнаруживали в обрывистых берегах реки выходы угля. Но. . .

На том дело и остановилось. Десятки лет данные о запасах угля на Урале никого особо не интересовали. А в 1930 году ленинградские геологи Пономарёв и Ляски, исследовав Верхнебуреинскую котловину, дали отчёт: местность на промышленных угли бесперспективна.

Трудно представить, каких усилий стоило молодому геологу «Дальгеотреста» Василию Скороходу, подробно изучившему труды Миддендорфа, доказывать на высоких комиссиях необходимость обстоятельной экспедиции в район Буреи. Помогли планы строительства БАМа и индустриального Комсомольска-на-Амуре: уж слишком заманчивой была идея обеспечить перспективные стройки углём, который не нужно возить за тридевять земель. Летом 1932 года партия Скорохода отправилась в путь. В ней числились всего пятеро: молодой геолог, два студента, коллектор и рабочий. Продвигаясь вверх по Бурее, экспедиция находила признаки, указывающие на наличие углей. Через месяц работы Скороход, наконец, запишет: «Обнажение «книжная полка» с пластом «Коминтерн» закартировано 19 июля 1932 года». Теперь следовало доказать, закартировать всю площадь угленосности. И геологи продолжали уходить в длительные маршруты на 10–12 суток до той поры, пока

мошкарю и слепней не сменили ночные морозы и туманы. Тяжёлый труд окупились результатами. Появилась геологическая карта Верхнебуреинской котловины, на которой десятками километров шли полосы угленосных отложений. Без сомнений, это был самый крупный на Дальнем Востоке угольный бассейн.

Судьба первооткрывателей сложилась трагично. В 1942 году репрессирован Василий Скороход, прораб первой буреинской геолого-съёмочной партии Василий Зимин умер от пневмонии, Александр Осипов погиб в блокадном Ленинграде. Но их труд не пропал зря. Уже в 1934 году советские газеты пестрели заголовками “Бурея – будущий Донбасс Дальнего Востока!” Наркомтяжпром организует государственное управление по строительству шахт Буреинского бассейна. На место выезжают специалисты для строительства подсобных предприятий, лесоразработки, создания производственных баз и строительства жилья. Начальником строительства назначается Григорий Антонович Агеев. Местом закладки шахтёрского посёлка он определяет слияние рек Ургал и Чегдомын.

Первыми шахтёрами Ургала стали горняки Донбасса, они заложили первую и вторую штольни. В 1940 году начали действовать третья и четвёртая штольни первой шахты. Работать было уже проще – на предприятие поступили отбойные молотки, транспортёры, заработала электростанция. Речь шла уже далеко не только о разведке: постановление ЦК ВКП(б) обязывало к 1945 году поднять добычу каменного угля до 1000 000 тонн в год.

Но развитие предприятия снова остановилось – Великая Отечественная война прервала строительство, забрала людей. Рельсы только что проложенной до посёлка и шахт железной дороги, части строящегося БАМа, отправились на запад страны и стали противотанковыми ежами под Сталинградом...

Послевоенное восстановление шахт началось с организации Ургальского шахтоуправления. В 1948 году шахтёры шахты № 2 добыли 18 000 угля, в следующем – уже 57 000 тонн. В 1952 году начала работать шахта № 3, и спустя два года шахтёры Ургала дали первый серьёзный рекорд – 418 877 тонн за год! С 1947-го по 1963 год во главе предприятия сменились 12 человек. Среди них Н. П. Кошевой, Л. Д. Захаров, Г. М. Силин, Г. И. Банщикова, К. Р. Лутков, С. С. Селивёрстов, А. Г. Ильин.

В середине 50-х годов XX века под землю спустили производительные комбайны “Донбасс-4”, “Донбасс-6”. Через несколько лет заработали первые ленточные конвейеры, началось использование узкозахватных комбайнов и первых гидравлических крепей. На Ургале и тогда, несмотря на стремительную гонку за плановыми показателями, стремились улучшать условия труда людей и повышать безопасность производства.

В то же время было решено развивать добычу угля открытым способом по пласту В-26, начиналось строительство разреза “Ургальский”. Вообще 1960-е годы сильнее всего повлияли на развитие предприятия, обеспечив ему будущее. По всем направлениям добычи шла непрерывная модернизация оборудования и механизмов, активизировались научные исследования угля Ургала. Благодаря им пришло важное решение – построить обогатительную установку. Многие работники лично участвовали в проектировании ОУ-22, введённой в строй в 1968 году. Тогда же предприятие возглавил опытейший горный инженер Г. А. Волкогон, проработавший во главе “Ургалугля” до 1983 года. Следующим директором стал А. Г. Рындовский. В тот период стремительно развивалось не только предприятие, но и рабочий посёлок Чегдомын. Более 100 000 квадратных метров жилья получили семьи шахтёров, были построены детские сады, база отдыха “Берёзка”. Инфраструктура “Ургалугля” приросла зданием АБК, автобазой.

30 декабря 1986 года шахтёры отмечали не только приближение Нового года, но и невиданный до тех пор результат добычи – 2 000 000 тонн за год! “Победную точку” поставило звено Юрия Козлова. Следующего по-настоящему значимого рекорда ждали недолго. В 1989 году был пройден рубеж 2 400 000 тонн. Предприятие было признано одним из лучших в стране...

Это был последний рекорд советских шахтёров на Ургале. В последующие годы, непрестные для всей страны, планы добычи падали, как камни с горы. Например, в 1997 году предстояло добыть полтора миллиона тонн угля. Сравните с прошлыми цифрами... Но и полтора миллиона дать было непросто. Многомесячные задержки заработной платы, “дряхлающий”

Чегдомын, из которого шахтёры уезжали в поисках лучшей доли сотнями... В те тяжёлые времена важнейшей целью было не допустить закрытия "Ургалугля". Директорам В. М. Павлюченко, В. С. Ларину и позже Г. А. Соловьёву при поддержке краевой власти удалось не только сохранить градообразующее предприятие – шахтёры стремились развивать перспективные добычные участки. И по итогу 2000 года два миллиона тонн угля снова встали в графе "Добыто за год".

18 февраля 2004 года в угольной отрасли Дальнего Востока началась новая эпоха. В Хабаровске были подписаны соглашения, согласно которым новым хозяином ургальского горнодобывающего предприятия стала "Сибирская угольная энергетическая компания" – СУЭК.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

РУКИ РАХМАНИНОВА

*К 150-летию со дня рождения великого сына России
и к 80-летию со дня его смерти*

Сергей Васильевич Рахманинов родился весной, а конкретно 1 апреля 1873 года по новому стилю в Новгородской губернии. Его дед был полупрофессиональным музыкантом, который выступал с концертами и сочинял музыку. В детстве Серёжа Рахманинов рано проявил музыкальные способности, учился в пансионе, а затем и в Московской консерватории у таких известных музыкальных педагогов, как Н. С. Зверев, С. И. Танеев, А. С. Аренский. Произведения Рахманинова рано появились на российских музыкальных площадках, но появившись, уже не сходили со сцены. В 1917 году Рахманинов выехал за пределы страны и оставшиеся годы провёл в эмиграции, где получил мировое признание. Правда, в Америке он до сих пор больше известен не как композитор, а как пианист и дирижёр. Он очень тосковал по России и целых десять лет не мог сочинять музыку. Рахманинов не принимал советской власти, но всю жизнь думал о России и помогал ей как мог во время Великой Отечественной войны, перечисляя сборы от концертов в фонды помощи Красной армии.

Но я хотел бы остановиться не на известных всем фактах жизни великого музыканта, а на несколько необычной теме – его руках.

Они умели не только без усталости расписывать многочисленные партитуры музыкальных опусов и виртуозно играть на рояле. Они могли твёрдо держать узду верховой лошади, позже – руль автомобиля или моторной лодки, когда Рахманинову хотелось разрядить свои пальцы и душу от неизменно востребованного всем миром творческого напряжения. Разрядить сначала на тамбовских полях близ Ивановки – имения жены, потом на гудроне американского шоссе, на волнах Фирвальдштетского озера в Европе. Здесь, в Швейцарии, в поместье Сенар, которое Сергей Васильевич лично обустроивал по типу милой его сердцу Ивановки, руки великого музыканта неплохо держали топор и лопату. Он любил сажать цветы и деревья.

Из русских писателей-эмигрантов и артистов, прославившихся за рубежом, он был, наверное, самым материально обеспеченным, отчего, как бы стыдись своего абсолютно честно заработанного богатства, называл себя буржуем. Своим богатством он был обязан только своим рукам. Наконец, руками Рахманинова были написаны тысячи писем друзьям и недрузьям. Где находили эти руки время и силы для столь тяжкой, разнообразной и успешной самореализации?

И откуда странный, совсем не согласующийся с вышесказанным горестный возглас, в одном из писем от 29 апреля 1935 года: “Несчастливая эта

нация – русская! Ничего не умеем и ничего не можем! К этой категории и себя включаю”. Загадочным строкам предшествовало несколько распоряжений в том же письме послать денежную помощь родственникам.

Рахманинова считали самым русским композитором, который успешно продолжил традицию наших национальных опер Мусоргского, Римского-Корсакова, симфоний Чайковского. Он любил церковную музыку, часто посещал службы в Андрониковом монастыре на Таганке, любил слушать цыган в “Яре” или “Стрельне”. С 1909 года он возглавлял художественный совет Российского музыкального издательства, которое прославил русскую музыку и само стало известным на весь мир. Слава русской музыки во всём мире в XX столетии – во многом дело руки Рахманинова.

Руки Рахманинова подписали сотни чеков, поддержавших не только родственников, но и обширную русскую диаспору за рубежом, оказавшуюся после революции без средств к существованию. Среди бедствовавших адресатов композитора – Куприн, Бальмонт, Северянин, Глазунов. Родоначальник вертолётостроения Сикорский, начинавший конструкторский путь в России и бежавший после революции за границу, долго и безрезультатно обивал пороги американских ведомств, ища поддержки своим летательным проектам, пока рука Мастера не выписала изобретателю чек на пять тысяч долларов.

Когда немцы в 1941 году напали на Советский Союз, он примирился с большевиками. Приглашал представителей советского посольства в Америке домой для переговоров об оказании помощи сражающейся социалистической России. Сам композитор мечтал хотя бы ненадолго побывать на родине, но его походы в советское посольство результата не дали.

И оказывал такую помощь не однажды, выписывая новые и новые чеки. Дал в Америке несколько концертов, и весь денежный сбор, немалый по размерам, направлял в фонд Красной армии, призывая эмигрантов сделать то же самое. Денежные вложения Рахманинова были столь значительны, что их хватило на постройку боевого самолёта.

Почему же “ничего не умеем и ничего не можем”?!

В том его переписки через несколько страниц после цитированного выше письма своему секретарю Сомову я встретил жалобу Сергея Васильевича кому-то, что во время работы над Третьей симфонией прожёл корпус парковской авторучки, подаренной ему поклонником. Только русский человек мог в минуту творческого вдохновения поместить дорогую по тем временам вещь с настоящим золотым пером на пепельницу рядом с дымящейся сигаретой. А дымил Рахманинов в часы творчества, как зимняя сибирская изба. И расплатился за это раком лёгких.

Гениальные безалаберные руки, никогда не умевшие грести под себя! Только от себя!

...Америка поклонялась рукам Рахманинова. Десятки, как теперь говорят, папарацци дежурили у ворот его дома, следовали по пятам за Сергеем Васильевичем, чтобы передать в газету или в журнал очередной снимок прославленного маэстро. Больше всего повезло фотографу, который настиг Рахманинова в ресторане. Не выносивший газетной шумихи и репортёров композитор закрылся от назойливого фотографа руками. Тот крупным планом напечатал эту неожиданную композицию на первой полосе газеты со словами: “Вот руки, которые стоят миллионы долларов”.

Юноша из Бруклина У. Л. Пиготт обратился к Рахманинову с письмом: “Дорогой сэр, я один из многих почитателей Вашей музыки. Думаю, что Вы гений. Полагаю, что Вы настоящий человек, который может мне дать соответствующий и правильный ответ на мой вопрос. Я мальчик четырнадцати лет, занимающийся музыкой с тем, чтобы сделать с её помощью мою карьеру в жизни. Вопрос, на который я хотел бы получить от Вас ответ, следующий: можно ли заниматься великим искусством музыки как профессией, зарабатывая себе на жизнь? Этот вопрос возник у меня, когда в классе мы должны были высказаться о наиболее выгодных пяти областях образования. Мне было сказано, что музыка – не профессия, которая может стать доходной статьёй. Тогда я решил обратиться к Вам. Меня к этому вынудили. Надеюсь, что я не доставил Вам ненужного беспокойства. Ваш почитатель Леруа Пиготт”.

А вот ответ Рахманинова:

“17 февраля 1934 г. Нью-Йорк.

Дорогой сэръ!

Я получил Ваше письмо от 14 февраля. Конечно, существует немало людей, которые музыку превращают в средство существования. Но уже было замечено, что те, кто подходит к музыкальному искусству только с единственным намерением заработать деньги, всегда терпят крах.

Очень искренне Ваш С. Рахманинов”.

Хорошо описала руки Рахманинова его родственница З. А. Прибыткова:

“Руки Рахманинова — это прекрасная скульптура. Большие, цвета слоновой кости, линии строгие, чистые, не изуродованные работой. Я видела вблизи руки многих пианистов, и почти у всех многочасовая, ежедневная работа накладывала свой отпечаток, разрушала цельность линий и форму их. У Иосифа Гофмана, например, маленькая короткопалая рука с сильно выступающим мускулом от мизинца к кисти; всегда красная, пальцы узловатые.

Перед выходом в артистической Гофман двадцать-тридцать минут держал руки в очень горячей воде, чтобы размягчить мускулы. У Александра Ильича Зилотти руки были красивой формы, но с довольно сильно выступающими венами и красноватые. Перед концертом, после нескольких часов разыгрывания он надевал тугие лайковые перчатки, каждый раз обязательно новые, и снимал их перед самым выходом на эстраду.

Рахманинов ничего этого не делал, пальцы у него были длинные, красивой формы, немного туповатые на концах...

Пауза, пока Рахманинов соберётся и сосредоточится. И начинается волшебство. Он играет свой Второй концерт”.

Много лет назад, ещё в советское время мне приходилось слушать магнитофонную запись Второго концерта в исполнении автора и сопровождающего его Филадельфийского симфонического оркестра под управлением Л. Стоковского. Запись почти съела богатое звучание знаменитого оркестра, но великолепную игру Рахманинова всё-таки донесла. Что он выделял своими руками!

Рояль звучал, как целый оркестр, — от труб до нежной свирели.

Но не только виртуозным мастерством покоряли руки Мастера и, прежде всего, не мастерством. Пианистов, которые играли не хуже Сергея Васильевича, было при его жизни не так уж мало. Есть они и теперь. Его игра покоряла уникальным соединением нездешней души и божественных пальцев.

Кто-то сказал о Моцарте: его мелодии сердцем порхают в раю, а босыми ногами ступают по раскаленным углям ада. То же можно сказать о руках Рахманинова. Хотя З. А. Прибыткова описала их ухоженный внешний вид, подушечки пальцев внезапно и часто опухали, отказывались служить из-за непонятной и невыносимой боли. Иногда же хозяин обжигал их сигаретой. Но летали они над клавишами рояля всегда, подобно крыльям ангела.

Когда я увидел руки Рахманинова на фотографии, меня охватило чувство, что я где-то с ними уже встречался. Но где? Руки Пушкина на портрете Кипренского? Нет, там длинные пальцы с заострёнными ногтями. Вспомнил! Третьяковская галерея, зал икон. Я забрёл туда утомлённый, после долгих хождений по залам Васнецова, Сурикова, Репина и многих других. И вдруг всю мою усталость как рукой сняло свето-цветовым ударом с икон кисти Рублёва. Образы Христа, Божьей Матери, архангелов... Припухлые, как у Рахманинова, подглазья. И такие же пальцы, округлые, длинные, нежные... Руки не от мира сего... А в ушах звенела “Всенощная” Сергея Васильевича, его молитвенные распевы.

Как сохранили эти руки свой аристократический, “нетрудовой” рисунок при титанической концертной работе хозяина? За свою жизнь они написали около 300 сочинений, дали более полутора тысяч концертов. Даже в сезоне 1941-1942 годов, накануне ухода из жизни, Рахманинов не изменил обычному графику (в среднем 50 концертов в год), сыграл 49 концертов. Жена умоляла Сергея Васильевича дать рукам передышку.

— Ты меня возить в кресле не будешь. Кормить голубей с рук, сидя в кресле, тоже не стану. Лучше умереть, — повторял он свою любимую фразу.

В начале 1943 года глубоко больной, но не знавший о характере своей болезни Рахманинов составил расписание предстоящей ежегодной концертной поездки: Луисвилль, Орlando, Хьюстон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес

и другие американские города – так называемый рахманиновский Хронограф. Но успел дать концерт только в городе Луисвилле штата Флорида. Острые боли в боку сделали дальнейшую концертную деятельность невозможной... Он попросил отправить его в Калифорнию, на другой конец Америки, где хотел отдохнуть в только что отстроенном им новом загородном доме. Но до дома не доехал. В Лос-Анжелесе его сняли с поезда друзья и увезли в госпиталь. Там он, как и прежде, потребовал русского врача и русскую сиделку. Этот врач, а потом и целый консилиум не смогли поставить диагноза. Наконец, когда появились небольшие опухоли на лбу, на боку и в других частях тела, врачи потребовали сделать срез с одной из опухолей для анализа. Рахманинов категорически отказался. Когда доктора ушли, он поднял руки, поднёс их к лицу и сказал: “Прощайте, мои руки”.

26 марта начались перебои в сердце. Дежурившая у постели жена послала за священником и услышала шёпот Сергея Васильевича в полузабытьи:

- Кто это играет?
- Бог с тобой, Серёжа, здесь никто не играет.
- Я слышу музыку.

Потом поднял свои исхудалые, но по-прежнему прекрасные руки над головой, внятно вымолвил:

- Странно, я чувствую, точно моя аура отделяется от головы.

Это были его последние слова. Вскоре он потерял сознание, началась агония... По свидетельству жены, у него после кончины “было замечательно спокойное выражение лица”.

В разговоре о такой личности, как Рахманинов, не обойтись без тайн. Феномен Рахманинова настолько неповторим, что невольно задумаешься, может ли повториться это чудо, если задумаешься об учениях, говорящих о воскрешении из мёртвых. Сберегла ли тонкая структура Рахманинова информацию об уникальных руках? Сумеет ли она по этой тонкой матрице воссоздать их ещё раз? Иными словами, возможно ли воскрешение, повторение, новое воплощение этих удивительных рук? Великий Мастер завещал запаять своё тело в нержавеющей гроб, чтобы в будущем можно было совершить перезахоронение на родине в Новгородской области.

Пока же цинковый гроб с прахом С. В. Рахманинова покоится на кладбище Кенсико под Нью-Йорком.

Я почти что шепчу,
и мелодию тихую эту
ты, конечно, не слышишь
в торговом гудящем аду.
Я шепчу потому,
что хочу тишины эстафету
хоть кому-то вручить
перед тем, как из ада уйду.
И надеюсь, что вновь
мне в России родиться придётся,
и Творца попрошу,
чтоб родился на том берегу,
где про Пушкина помнят,
Рахманинов слышен и Моцарт...
А шепчу потому,
что я с детства кричать не могу.

Р. С.: В Америке Рахманинов очень ценился как музыкант, хотя был известен больше как пианист, нежели чем композитор. Музыкальные круги и широкая публика считали его самым сильным пианистом того времени. Очень высоко его оценивала и просвещённая Европа. Но пришли иные времена, так называемая “культура отмены”. И что же сделал благодарный Запад? Он начал уничтожать наследие композитора и память о нём ещё до событий 24 февраля 2022 года. Журналист Егор Шилев рассказывает:

“В Швейцарии по сути национализировали виллу Сергея Рахманинова в Люцерне. В прямом смысле слова передав и землю, и помещения, и наследие великого композитора городским властям... По завещанию Александра

Рахманинова, права на имение и все предметы интерьера перешли Фонду композитора, который возглавила вдова последнего владельца Наталья. А от неё — Урсу Цсивилеру... бывшему послу Швейцарии в США. Стоит ли удивляться, что именно он принял решение разорвать отношения с Россией, выгнать из руководства фонда Дениса Мацуева и выкупить виллу у внуков Рахманинова, чтобы передать во владение Люцерна”.

Отношения с Российским музыкальным обществом швейцарские власти, по сути, прервали и стали отменять концерты Чайковского и Рахманинова, в музыке которых просвещённая страна увидела “имперские амбиции”, то есть “руку Москвы”. К американско-швейцарским запретам присоединилась Чехия, где из концертных афиш вымарывают имя автора Второго и Третьего концерта. Забвение Рахманинова — дело рук американских и европейских политиков и политиканов, перед которыми, к сожалению, капитулировало западное музыкальное сообщество. Какие всё-таки разные руки у дельцов Запада и у русских гениев!

Музыка Рахманинова прошла через всю мою жизнь, и потому хотелось бы завершить свою статью стихотворением “Слушая Рахманинова”:

Страна в сраженьях напрягала нервы
за общую судьбу и за мою...
А я, мальчишка, в страшном сорок первом
блаженствовал в саратовском раю.

Такое в жизни приключилось сальто —
забросила война в степной простор.
Дитя каре кирпичных и асфальта,
что знал я о России до тех пор?

...Над головой распахнутое небо,
у ног босых — звенящий коростель.
Осенними цветами пела немо
в душе моей невспаханная степь.

Впервые сердце ощутило эту
щемящую, до слёз родную дрожь,
совсем как у Рахманинова флейту
в раскатах труб, когда её не ждешь.

Второй концерт. Овраги и пригорки,
цветочные костры, войны пожар...
А он в ту пору в каменном Нью-Йорке
за фортепьяно родиной дышал.

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

РУССКИЙ ЭПОС И ЕГО ИСКУШЕНИЯ

Жанровые знаки современной политики

Мы вступили в эпоху эпоса. Понятно, что говорю не только о роде и жанре литературы. Медленно, но властно *горизонтальная* идеология последних десятилетий сменяется *вертикальным*, иерархическим мировоззрением. Апокалиптическая борьба добра и зла, осознание неизбежности войны, требование героизма и настойчивое напоминание о предательстве — теперь с нами, со многими из нас. Чем громче слова о масштабных конфликтах, тем очевиднее искушения эпоса: зверство, фарисейство, страх перед трагической глубиной. Да и никуда не исчезает главное искушение постсоветской нравственной философии — чтобы вообще не было эпоса, дай бог как-то и снова без него.

... Назревало и без активной фазы давно, словно политика и культура постепенно меняли стилистику мирного времени и протяжённых, привычных компромиссов на нечто иное — то, что не хочется называть войной, но шансов на иную лексику за последние месяцы не осталось. Эпос утверждается властью, предстаёт новой реальностью в указах государства и фронтовых новостях. Но в то же самое время подвергается мощной редукции в витринах торговых центров, в продолжающихся торжествах по тому или иному поводу. Жизнь современного человека оказалась между двумя огнями. С одной стороны, схватка — во многих комментариях она представляется как смертельная — России и Запада. С другой — тридцатилетний опыт жизни-релаксации так силён и всё ещё притягателен, что можно без труда и как бы без греха вместе с миллионами сделать вид, что ничего особенного не происходит. Просто ничего.

Может ли филолог внести свой скромный вклад в осмысление тяжелейших вопросов современности? Эпос, роман и трагедия — не только жанровые знаки и константные явления разных художественных стилей, но и сложившиеся духовные программы, действующие дидактические системы. Чтобы разобраться с их участием в новейшей войне, обратимся к трём сюжетам. Отмена русской культуры на Западе и внутри самой России — первый. Наше отечественное спасение эпоса от жестокости и фарисейства с помощью романа — второй. Третий — о том, что происходит с эпосом, романом и трагедией, когда они попадают в объёмный и влиятельный мир, в котором многие ответственные лица призваны соединить информацию и реальность, слово и дело, Кремль и народ.

Летом 2022 года на сайте “Вопросов литературы” состоялась полемика по поводу публикации Галины Юзефович “Кэнселинг русской культуры: заметки по поводу”. С ледяным спокойствием она отправляет читателям несколько важных сообщений. Во-первых, спецоперация – тяжкий грех навсегда, и временная отмена русской культуры на Западе понятна. Во-вторых, к зарубежной отмене наших традиций надо добавить свой собственный кэнселинг – Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гумилёва. В-третьих, этот кэнселинг (дикое слово соответствует проблеме!) не предусматривает тотального отречения; надо лишь “закэнселить” родную мысль, что классики всегда современники. Нельзя использовать их “посмертную беззащитность” в корыстных, слишком актуальных целях! В-четвёртых, принцип филологического анализа (открывать в давнем – незнакомое и чуждое нам!) переносится на систему национальной памяти и жизни в целом; классическое следует превратить в теоретическое, дистанцированное от нас. В-пятых, для оценки ныне происходящего необходимо довериться лучшим, незаменимым современникам; из авторского телеграм-контекста: ясно, что это Быков, Акунин, Глуховский и другие соратники автора публикации.

Ключевой фигурой в тексте об отмене русской культуры стал известный филолог Григорий Дашевский. Именно он научил студентку Галину Юзефович верно воспринимать Катутлла – “не брата-близнеца, затерянного во времени”, а “очень далёкого, отодвинувшегося от нас”. Думаю, всем гуманитариям понятно: чтобы учить так просто и основательно, необязательно быть Дашевским. Так учат, за редким исключением, все.

Здесь важно само имя латинского поэта. Скажу кратко: Катутлл – не Цезарь, он прекрасен иначе. И тут же добавлю: Катутлл – не Вергилий. Вот это имя имело мало шансов появиться в статье Юзефович, потому что автор “Энеиды” – один из её самых сильных древних оппонентов. Уж он-то хорошо знает, что призыв отказаться от современного восприятия классики рождает лишь критицизм, а не словом воссозданную Родину. В чём виден отказ Вергилия от кэнселинга по Юзефович? Близкий к Августу поэт, взял Гомера, не стал поднимать никаких объективных “гомеровских вопросов”, а максимально приблизил к своей эпохе, использовал как героическую, миф порождающую матрицу и создал главный сюжет Рима. Им вдохновлённый и одновременно его вдохновляющий – только так и бывает с настоящей, а не пипеточной литературой.

Вергилий меньше Гомера? Ещё как! Вергилий не слишком хотел того, что получилось? Вполне может быть! Но сотворённая “Энеида” стала платформой языка и веры, одним из главных *священных писаний* того западного мира, который в мировоззренческих сигналах Галины Юзефович наиболее ярок.

Не один год и не два она убеждает нас в том, что маленькая современная литература способна стать подлинным словесным настоящим – вопреки смешным тиражам, пышным лингвокатастрофам и специальной маргинальности. Разве не знает Юзефович, что многое, очень многое в новейшей прозе строится на жесточайшей трансформации всего классического – религиозного, исторического, литературного? Как раз на том мировоззренческом сюжете, который и является объектом атаки влиятельного критика. Значит, есть дозволенное осовременивание – тут мы должны радоваться Пелевину с Сорокиным, Быкову с Акуниным и Яхиной. И действие запрещённое, когда мы отбрасываем тонкости филологии ради общения (да, иногда почти религиозного – порождающего жизнь, а не очередной текст) с мирами Достоевского или Есенина. То, что имя автора “Бесов” вообще не упоминается в публикации, вряд ли случайно. Таковы правила кэнселинга.

Теперь итог. В постсоветской литературе никакой “Энеиды” не появилось – ни по качеству языка, ни по силе национального сознания. Мне интересны и “Письмовник”, и “Теллурия” вместе с “И-трилогией”, но это абсолютный декаданс русского пути, доходящая до шумного невроза претензия к Москве и её духовной территории.

Нашим Вергилием является не поэт нового века, а народная уверенность в том, что помощь Пушкина и Толстого, жизнь классического языка и великое внутреннее христианство отечественной литературы работают вопреки всем модернизациям, неочевидным запретам и конкуренции. Точнее, это и есть

вечный русский модерн! Достаточно вспомнить пять китов, определяющих философию Соловьёва, Мережковского, Розанова или Бердяева. Это Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой. Вот бы отцы Серебряного века удивились, какие реакции хочет контролировать и отменять Галина Юзефович! Здешний *Вергилий* – это русская литература в бесконечном обновлении ради готовности к новым вызовам. Это и есть главное русское сверхоружие, привычное оснащение Третьего Рима.

Запад – не дурак и не филолог. Он прекрасно понимает сказанное выше. Понимает и предпринимает: война против русской культуры, эпидемия отмен и прочих как бы истерик – это не эмоции слабых, а вполне очевидный план всё ещё сильных, очень рациональных. Конечно, американских и европейских стратегов никак не трогает наше научно-отчуждённое отношение к Гоголю или Лермонтову. Опасность для “партнёров” в другом – в восприятии отечественной культуры как ежедневной дидактики, как пространства воспитания, как боевого опыта прежних поколений, прошедших свой путь и в конкретном времени персональной судьбы, и в общерусском хронотопе. Без скидок на относительность каждой эпохи.

Галина Юзефович начинает свою телеграм-статью с типичных для неолиберализма извинений (да-да, косвенных, но мы же с вами не дураки!): простите, люди цивилизованные, за справедливо найденную вами связь между литературой русской и агрессией ужасной! И тут же начинается моё несогласие с ней. Спасибо тебе, словесность наша, за сохранённую силу и честь. За то, что тридцать лет борьбы с тобой не ослабили энергию русской защиты. Мощнейшие ресурсы масскульта и самых разных форм “современного искусства” пытались свести тебя то к “архаическим дискурсам”, то к материалу для “постмодернистских инверсий”. Раз Россия продолжает защищаться и не согласилась с глобалистским финалом людского мироздания, если мы ещё можем ценить русскую землю и не отдавать её – жив наш *Вергилий*. Его путь не может быть простым. Но сквозь скорбь и ужас, с правом принимать классическое как современное, литературное как необходимое – к победе. Самый побеждающий русский эпос – не “Слово о полку Игореве...” и “Задонщина”, а почти религиозная убеждённость в священном характере русской словесности, в её способности быть церковью при коммунистах, нравственностью при постмодернистах, абсолютно живой Русской идеей во времена обострений у специалистов по кэнселингу всех русских начал.

* * *

Может ли эпос рождать фарисея – лицемера, использующего героизацию в личных целях? Конечно, ведь любое стремление к тотальности в оценке противостояния добра и зла призывает к действию и воинов, и минусовых мастеров по адаптации и чиновничьей формализации высоких усилий. Языческая древность, архаическая героика с её допустимым зверством – в “Илиаде”, индийских или скандинавских поэмах – находила достаточно мягкую альтернативу уже в самих масштабных сюжетах: в совместном плаче Ахиллеса и Приама, в духовной сложности диалога Кришны с Арджуной или в нравственном движении Гильгамеша – от буйства тирана до страдающего искателя бессмертия. В философской прозе разных народов, но, прежде всего, в Евангелии и апостольских посланиях был утверждён *внутренний эпос* с его законами постоянной борьбы с врагами своей собственной души. Ни одна внешняя победа не способна привести к подлинному успеху без героического достижения сердечного мира. Эпическое не исчезает, не растворяет дьявола исключительно в психологическом или символическом началах, не лишает зло временной, но тяжкой субъектности. Однако Новый Завет показывает, насколько “князь мира сего” сложен в своих адаптациях под земные желания. Достаточно прочитать первые стихи четвёртой главы “Евангелия от Матфея” (“Три искушения”), чтобы увидеть хитрые, полные обыденной логики ходы врага рода человеческого.

Второй сюжет нашего исследования продолжает первый – в русском сознании нет требования “Энеиды” как художественного фундамента идеи сверхгосударства. Есть ощущение литературы как второго “священного писания”, когда “золотой век” нашей прозы и поэзии придаёт эпосу сложность –

не в одном произведении, а в самом явлении русского творчества, прежде всего, романного. Об этом говорит многое в литературоведческих, критических, историософских текстах двух наших мастеров словесности – Вадима Кожина и Юрия Селезнёва. У Кожина в данном контексте особенно важны ранние работы “Сюжет, фабула, композиция” и “Роман – эпос нового времени” (обе написаны в начале 1960-х). У Селезнёва – поздняя книга “В мире Достоевского” (1980).

О снижении пафосной рациональности эпоса силами романного жанра и стиля будем говорить рационально. Во-первых, теория литературы не покидает пространство литературоведения, остаётся у наших авторов трудной филологической специальностью и вместе с тем позволяет оформить целостное учение о человеке – не только о читателе с той или иной установкой восприятия, а о личности определённой поэтики поступка. Всё, что будет сказано ниже, касается не отдельно, дифференцированно и избирательно – героя, автора или восхищённого собеседника создателей и персонажей, а воссозданного теоретическими размышлениями сознания, способного к практическому соединению эпоса и романа в одном жизненном жесте.

Во-вторых, особенно при чтении Кожина, приходит мысль о том, что есть человек фабулы и есть человек сюжета. Первый, управляемый фабулой (“тем, что можно пересказать”), олицетворяет чёткость движений и чеканную ясность слов, признаёт обязательное присутствие цели и ведущих к её достижению задач, видит выраженные в очевидных полюсах мировые конфликты, понимает героизм как простой сплав необходимой воинственности и жертвенности. Рай и ад *фабульного человека* воплощены в образах зримых последствий категорического противостояния добра и зла. Второй – тот, кто под властью сюжета (“того, что нельзя пересказать”) – увлечён не яркими противоречиями нравственных полюсов, а играми полутонов, калейдоскопичностью мироздания, явленного, прежде всего, в торжестве вопросов над ответами, в доминировании самой атмосферы вопросительности, многозначности слова, естественной усложнённости речи. Рай и ад *сюжетного человека* – интуиции, а не закреплённые места; дискуссионные, да ещё и исчезающие образы, а не концепции, не этические императивы. Следуя за Кожинным и применяя его опыт к освоению богословских территорий, можно сказать, что есть *катафатический человек фабулы* и *апофатический человек сюжета*.

В-третьих, возможная избыточность дошедшего до конца человека фабулы или человека сюжета не представляется ложной проблемой. Первый на своём героическом пути может повстречать зверство и фарисейство. Зверство – в подсажке расширяющегося эпоса: раз против тебя Змей или сам сатана, не сомневайся относительно личной дегуманизации, всё будет списано при подведении итогов поистине космического противостояния света и тьмы! Фарисейство – в неизбежной массовости поступательного движения вперёд, когда в самой душе происходит поначалу вообще незаметная смена субъектов: вместо героя всем управляет *внутренний юрист*, – забывая о собственном естественном несовершенстве, он начинает судить, обвинять и (не только символически) приговаривать к уничтожению всех хоть как-то несогласных. Второй (тот, кто человек сюжета), бесконечно доверяя – даже при всей хронической усталости от самого себя – калейдоскопам персонального сознания, виртуальным мирам бесценного, неповторимого Я, погружается в столь знакомый интеллигенции гамлетизм. Тут все подвиги словно только сняты нам – и этого достаточно, чтобы зная и последний патрон просияли в каких-то невыразимых контекстах. Но даже этот сугубо символический флаг исчезает в бездне противостоящих суждений, по-разному роковых вопросов, в восторге от самого процесса мышления и возможного самооправдания. Тут уже не просто гамлетизм, тут для сорвавшегося с цепи человека сюжета должен открыться декаданс – верховная интоксикация сознания, упившегося очень крепкой сложностью бытия и делающего шаг навстречу небытию как отдохновению.

В-четвёртых, для Кожина и Селезнёва роман (русский, но не только; Достоевский, но не единственный) – форма поэтического и диалектического соединения фабулы и сюжета в усилии по совместному явлению поступка и слова, закономерной цели и лишённого простоты процесса. Роман – учитель, воспитатель, брат подлинного героя. По Кожину (да, развивающему традиции Бахтина), *эпический роман* вбирает в себя любую “незавершённость” или “вопросительность” в подвиге композиционного совершенства,

в авторском творческом акте, который словно объединяет всех участников романного праздника — позволяет участвовать в создании духовной вертикали, нравственных иерархий, не жертвуя многомерностью дела и особенно слова и мысли. Роман — воссоздание пути (героя, автора, причастного к происходящему читателя), в котором есть процесс и цель, но нет торжествующего в обнажённом инстинкте зверя и всё навсегда оформившего в мёртвых кодексах фарисея. По Селезнёву, роман с его “открытостью” — не “полифония” (жест несогласия с Бахтиным!), а соборность — иная, религиозная форма сочетания личности и хора, идейной множественности и верховного единства цели. Языческая древность эпоса и безбрежный демократизм классического романа уступают новозаветной поэтике, и евангельское совершенство сочетания строгой фабулы жизнеописания Христа и сильнеею сюжетом его учения оказываются идеальной романностью — не только отдельного жанра или Достоевского, а всей русской литературной традиции.

В-пятых, внутренним миром совершенного романа оказывается трагедия, и трагедия эта закрепляет включение романного искусства в христианский мир — одновременно евангельский и апокалиптический. Между теоретическими работами Кожинова и его статьёй “Понимание трагедии и разрушенное сознание” (1996) более тридцати лет, но главный авторский призыв, меняя формы, сохраняет суть — быть верным поиску личностного, но не эгоцентрического смысла и не упрощать этот поиск. Основой здравого сознания является понимание жизни как трагедии. Трагическое сознание противостоит сознанию рациональному. Восприятие трагического как закона жизни всегда было основой классического русского образования. Нельзя утрачивать сознание собственной конечности. Оно сохраняется литературой. Корень этого миропонимания — в религии. Трагическое рождает ответственность. “Так вот, я считаю, что, отвергнув понимание жизни как драмы и в конечном счёте как трагедии, мы потеряли что-то чрезвычайно существенное, и представление о жизни как о чём-то, могущем стать рациональным и упорядоченным, мне представляется насквозь ложным. Трагедийность человеческой жизни находит своё конечное выражение в том, что человечество (как и индивидуальное сознание) осознаёт свою конечность, и с этим осознанием, на мой взгляд, живет каждый человек. Я думаю, что в школах не только преподавание литературы, но и преподавание других предметов должно быть с этим связано. Причём я подчёркиваю: вся отечественная литература в её высшем проявлении была проникнута этим осознанием, но его, к сожалению, старались задушить”, — говорит Вадим Кожин.

Третий сюжет — о качестве эпоса в самой современной риторике, в слове о войне — государственном, официально информационном, экспертном, блогерском. Ситуация фатальной напряжённости назревала давно. Даже непосвящённым было ясно, что противостояние России и Запада на территории Украины очень скоро перейдёт локальные границы спорных регионов и станет вполне состоявшимся военным конфликтом с тем или иным названием. На рубеже 2021-2022 годов общество ощущало недостаточность — не только информации, но и ключевых правительственных речей, способных объяснить происходящее и подготовить его к кризисному развитию. Ясно, что социальные сети не дремали — выдвигали версии, пользовались европейской и американской аналитикой, завоевывали пользователей.

Ситуация изменилась с признанием независимости Донецкой и Луганской областей. Ключевой фигурой политической риторики стал президент. Очевидно, что политикой здесь ограничиться нельзя, — речь идёт о духовной, мировоззренческой программе, о состоявшемся эпосе нашего времени, которым уже является не роман, а судьба России в столкновении с англосаксонским миром. Слова Владимира Путина после начала спецоперации, в момент объявления приказа о частичной мобилизации и принятия в состав России новых субъектов — это констатация глобального столкновения цивилизаций. “Валдайская речь”, произнесённая президентом 27 октября, ещё раз указала на необратимость новейшего эпоса. Такие мастера “последних вопросов”, как Александр Дугин, не зря говорили об “эсхатологическом векторе” посланий из Кремля. Здесь же проповедь Патриарха Кирилла о кресте русского воина, о прощании грехов тем, кто встретит смерть на поле брани. Она заставила вспомнить о Первом крестовом походе и Папе Урбане II, но уж точно не приблизила примирение Востока и Запада.

В этом контексте словесно обозначенная реальность важна сама по себе. Её воплощение не стоит исчерпывающе оценивать событиями ближайших из последующих дней. Как мы знаем, спецоперация не привела к быстрой победе; мобилизация выявила серьёзные проблемы как в сюжете призыва, так и в сюжете служения; сразу после ожидаемого присоединения четырёх регионов был утрачен Красный Лиман.

Официальные средства массовой информации (например, “Известия” или “Российская газета”) реагировали потрясающе – фигурой умолчания или поистине гротескным сообщением о каких-то локальных успехах, не имеющим отношения к стратегической ситуации в стране. Если одной из задач президентских речей было превращение населения в народ, то СМИ решали иную проблему – резкое увеличение испуганных, растерянных, не получивших правду читателей. Стремясь удержать высокую планку эпоса вопреки реальности, газеты и сайты создавали совершенно практический антиэпос – гротескный исход испуганных субъектов в параллельное информационное пространство. Хорошо, если к нашим военным экспертам, корреспондентам, блогерам. От Олега Царева, Захара Прилепина или Маргариты Симоньян приходила драматичная, полная бед *романная* правда. Центральные издания хотели по-прежнему соответствовать *эпосу*, но это работало совсем наоборот. Наоборот – до боли и непонимания, как такое может происходить.

Эпос – масштаб, героизм и жертвенность. Роман – глубина, драматическая сложность противоречивых коллизий, предрасположенность к многозначному взаимодействию причин и следствий. И эпос, и роман – по-разному, но причастны трагедии, своими средствами – пафосной формализацией или психологическим расширением – работают на воссоздание трагического сознания. Есть ощущение, что пространство, в котором происходит координация официальными информационными потоками, не имеет отношения ни к эпосу, ни к роману, ни к трагедии. Повторю, что я говорю не столько о жанровых формах, сколько о значимых платформах сознания, о готовности к тяжёлой, кризисной правде ради совместного пути, осознания соборности, которую уже нельзя отменить без утраты государства.

Эпос имеет право, а иногда и обязанность быть прямолинейным. Но он не должен быть фиктивным, трусливо удаляющимся от нагрянувших проблем. Если они замалчиваются, да ещё при возрастающем контрасте слова и действительности, усиливаются страх и ирония, сарказм и презрение к субъектам навязчивого умолчания. Это лишь усиливает постмодернистский вектор текущих событий, который мы пока так и не смогли подавить истинным эпосом. Как и романом, впрочем.

Цель эпоса – создать из населения народ, сделать народ внутри эпоса христианским – задача Церкви и литературы. А вот главный вопрос времени – как выиграть действительно эпическое сражение, оставаясь в целом в вялотекущем состоянии постмодерна? А то, что большинство сфер национальной жизни продолжает оставаться именно там, – у меня нет сомнений.

* * *

Что же происходит? Вот моргнёт очередной кадр, подстроится под всё ещё благополучную картинку наших городов реальность новостей и кремлёвских речей – и снова вокруг милый глобализм: тотальный шопинг в окружении желанных брендов, безграничный туризм со всеми страховками, всемирный спорт с нашим участием. Галина Юзефович и её соратники уверены, что это государственная власть придумала для нас несправедливую войну, а мы – одурманенные ложной актуализацией отечественной словесности – не можем дать достойный, протестный ответ творцам очередного русского коммунизма. Лишь “закэнселив” Русскую идею чтением Быкова или Улицкой, вернёмся через долгое покаяние в комфортный дом западного либерализма.

“Не нужен эпос! Он явился лишь в тоталитарных снах о Третьем Риме и американском Вавилоне!” – твердят нам уехавшие и уезжающие. И порою кажется, что эти заклинания отзываются во многом: в нежелании официальной культуры говорить о павших, в пассивном неразличении мобилизованных и сбежавших, в отказе называть спецоперацию войной. Если чуть концептуальнее – в желании добиться большой победы, не выходя за границы

постмодернистского восприятия жизни. Даже догадываясь об опасности, миллионы стараются оценить разрастающуюся войну как чужое, словно страшный голливудский фильм с предсказуемым финалом несколько подзатянулся, не кончается. Обязательно скоро кончится.

Эпос есть – как главное *непридуманное* за последние годы. Он страшнее и очевиднее, чем некоторым коллегам представляется. Говоря об искушениях эпоса, я хочу соединить личную психологию с общественной ситуацией. На обеих платформах пафос противостояния нравственных полюсов может быть обработан и унижен – доходящей до зверства жестокостью, фарисейством и ложным, полным умолчания оптимизмом.

Два шага противостояния указанным атакам, и оба – в словесности. Первый – христианство, Новый Завет, Евангелие, православное церковное слово: крест воина спасает от духовной смерти и требует от человека не только участия в битве, но и *внутренней формы* христианской войны, сохранения богочеловечности в согласии с Нагорной проповедью. Нет упоения силой своего оружия; как бы ни был отвратителен враг, ты не сливаешься с ним в языческом остервенении, не оказываешься в чудовищной стилистике новейшего фашизма. Второй шаг – отечественная литература (рискну предположить: всё лучшее во всемирной словесности) с её естественным расширением христианства до житейского мировоззрения, с участием евангельского слова в создании поэтики романа, когда лицемеры и слишком хрестоматийные чиновники не проходят проверку глубиной и трагическим совершенством слова и истории.

Евангелие и роман (как понимают его Кожин и Селезнёв) – не только книги и часть религиозной или литературной теории, но и сокровенный мир русского эпоса, наше обоснование антиглобалистской тревоги, национально-го восстания против Запада в его нынешнем статусе – со всем зверством, неоимперским лицемерием и превращением трагического в фарс. Русский эпос не столько про “убить дракона”. Достаточно вспомнить древнее “Слово о законе и Благодати”, чтобы понять недостаточность одной лишь внешней победы.

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Историческое эссе. Триптих*

Следующая версия связана с именем графини Марии Григорьевны Разумовской (урождённая кн. Вяземская). Упомянув это имя, можно посоветовать читателю нанести визит в Третьяковку, чтобы взглянуть на акварельный “Портрет графини М. Г Разумовской” (“Портрет неизвестной в тюрбане”), написанный Карлом Брюлловым. Время его создания как раз 1829–1830 годы.

Отвечая же на вопрос: “Кто такая?” – можно, конечно, ограничиться короткой репликой в одну фразу. Мол, графиня Мария Григорьевна Разумовская, фрейлина, в первом браке княгиня Голицына, скандально проигранная в карты своим мужем графу Льву Кирилловичу Разумовскому. Но коротко не всегда ясно.

Вникнуть и понять, что да как, помогут воспоминания её внучки, М. Г. Назимовой, “Бабушка Разумовская” и “Старая записная книжка” князя Петра Вяземского. Хотя, ясное дело, внучка делится семейными преданиями, а Пётр Андреевич и вовсе пересказывает не увиденное, а услышанное от других. Причём надо учесть, что поэту Вяземскому Мария Григорьевна, в девичестве тоже Вяземская, была родственницей очень и очень далёкой. Приходились они друг другу братом и сестрой, если не ошибаюсь, в 13-м колене. Так что, насколько точны и достоверны их записи, будем надеяться, что если они оба и присочиняют, то не слишком много.

Вкратце историю позволительно изложить так. В 17 лет фрейлина княжна Мария Вяземская была выдана замуж за князя Александра Николаевича Голицына, владельца огромного состояния, известного своей безумной расточительностью. Повторять, что для фрейлины брак, благословленный самим государем, расценивался в светском кругу лишь как прикрытие, вряд ли есть необходимость. Меж тем сумасшедшая расточительность мужа приводила Марию Григорьевну в отчаяние.

“Предвидя неминуемое разорение, – читаем в “Старой записной книжке” князя Петра Вяземского, – обратилась за помощью к только что вступившему на престол императору Александру I в 1801 году. Но государь отказал, и ничто не могло уже помешать Голицыну стремиться к окончательной гибели материального положения”.

На одном из балов она познакомилась с графом Львом Кирилловичем Разумовским, и *“нежное сердце графа не устояло при виде её миловидности и участливо прильнуло к ней, зная, что она несчастлива”.* Он влюбился. Да так, что стал искать возможности выволить красавицу. О разводе и речи быть не могло. В те блаженные времена он считался чем-то языческим

* Окончание. Начало см. в №3 за 2023 год.

и чудовищным. И тогда Разумовский пошёл на огромный риск: либо пан, либо пропал. Он сошёлся с Голицыным за карточным столом. В воспоминании внучки эпизод выглядит так:

“Игра длилась всю ночь. Выигрывая вновь и вновь, граф Л. К. Разумовский довёл князя А. Н. Голицына до умоисступления.

Тогда Лев Кириллович предложил ему поставить на кон жену в обмен на всё, что он в ту ночь выиграл у Голицына. Александр Николаевич сначала отказался, но Л. К. Разумовский сказал, что в таком случае покидает его гостеприимный дом и завтра пришлёт за своим выигрышем. Тогда князь А. Н. Голицын согласился и поставил на кон Марию Григорьевну, но снова проиграл”.

Из выигрыша Разумовский забрал с собой только Марию Григорьевну, которая была глубоко оскорблена тем, что её, урождённую княжну Вяземскую, муж проиграл в карты. А далее хеппи-энд: церковь усмотрела такое поругание священного уз брака со стороны мужа настолько вопиющим, что дала согласие на расторжение брака. Маленькая деталь: получив развод и живя с Львом Разумовским, обвенчаться с ним Мария Григорьевна смогла лишь несколько лет спустя.

Ситуация тогда сложилась презабавная. Московское общество умудрялось одновременно беспощадно осуждать безнравственный поступок (развод с мужем) Марии Григорьевны (в большом свете предпочитали не принимать жену Льва Кирилловича) и с большим удовольствием посещать её балы и приёмы, задаваемые зимой в доме на Тверской* и летом – в подмосковном Петровском-Разумовском.

Спас положение император Александр I; финал истории так представлен П. А. Вяземским:

*“Дядя графа, фельдмаршал граф И. В. Гудович, был в Москве генерал-губернатором. В один из приездов императора Александра дядя, вероятно, ходатайствовал перед его величеством за племянника и племянницу. На одном бале в наместническом доме государь подошёл к Марье Григорьевне и громко сказал: “Madame la comtesse, voulez vous me faire l’honneur de danser une polonaise avec moi?”** С той минуты она вступила во все права и законной жены, и графского достоинства. Впрочем, общество, как московское, так и петербургское, по любви и уважению к графу и по сочувствию к любезным качествам жены никогда не оспаривало у неё этих прав”***.*

Как отмечал князь Пётр Вяземский, брак Разумовских был самый счастливый. В 1809 году он был признан церковью. Но в 1818 году графиня овдовела и переехала в Петербург. Дом на Тверской она тогда подарила своему брату, князю Николаю Вяземскому. По завещанию мужа ей достались все его малороссийские имения в полную собственность. Года через три Мария Григорьевна по совету докторов отправилась поправлять здоровье за границу. Поездка благотворно подействовала на неё. Париж, Вена, Карлсбад, Рим принимали её радушно, что, разумеется, утешало и услаждало её светские наклонности. В Италии она оказалась как раз в период, который мы соотносим с Карлом Брюлловым и его картиной “Последний день Помпеи”. Разумовской в ту пору шестьдесят лет. Но она ещё превосходно ездила верхом и удивляла окружающих юношеской осанкой****.

Пётр Вяземский, говоря о графине, отмечал, что *“под радужными отблесками светской жизни, под пёстрою оболочкою нарядов парижских нередко*

* Графская чета отделала свой дом на Тверской. Сколь великолепен он был, можно судить по тому, что в 1831 году в нём разместился английский клуб, а в 1924 году открылся Музей революции, позже переименованный в Музей современной истории России.

** “Графиня, не угодно ли вам сделать мне честь протанцевать со мною польский?” – Пер. с фр. П. Вяземского.

*** Считается, что эта история легла в основу поэмы Лермонтова “Тамбовская казначейша”.

**** Имея слабость к нарядам, Разумовская ездила каждые три-четыре года за ними во Францию, привозя оттуда до трёхсот платьев, причём предпочитала яркие цвета. Перед коронацией Александра II, когда ей было уже 84 года, она специально поехала в Париж, чтобы запастись там новыми туалетами. Почти до самой смерти она одевалась, как молодая женщина, в шляпки и платья светлых и ярких цветов с перьями и цветами и выезжала на вечера с открытой шеей. В начале 1860-х годов жила в доме на Сергиевской ул., д. 7, где для своей внучки, княжны Марии Вяземской, давала великолепные балы.

таятся в русской женщине сокровища благодущия, добра и сердоболия. Надобно только иметь случай подметить их и сочувственное расположение, чтобы их оценить и воздать им должную признательность”.

Каким образом графиню Марию Григорьевну Разумовскую связывают с рождением замысла Брюлловского шедевра? Писатель Владимир Порудоминский в книге “Брюллов” (серия ЖЗЛ) выстроил сцену скорее по-писательски, нежели фактографически:

“...старая графиня в громадной шляпе, украшенной лиловыми лентами, плыла по раскопаным улицам мёртвого города. Карл плёлся сзади, прикладывая ко лбу смоченный в воде платок. В неаполитанском музее он видел часть фрески, открытой в Помпее: нимфы похищают юношу Гиласа, друга Геркулесова. Сюжет застрял в памяти, каждую минуту Карл находил в нём всё новые достоинства. Графиня огорчалась, видя в глазах его рассеянность, — она придумала поездку, желая заказать Брюллову картину о гибели Помпеи. Стараясь увлечь его, она шла вперёд всё быстрее; было страшно, что своими тяжёлыми юбками она разрушит то, что ещё сохранилось... Утром он пообещал графине, расцветшей от его слов, писать картину”.

Однако, сказав “А”, нужно сказать “Б”. Версия с участием 60-летней графини включает в себя в качестве участника ещё и 16-летнего Анатолия Николаевича Демидова. Фамилия, что и говорить, известная со времён Петра I. Но кто такой Анатолий Николаевич? Да, из рода богатейших российских предпринимателей, создававших оружейные и горнодобывающие заводы. Младший сын Николая Никитича Демидова от его брака с Елизаветой Александровной Строгановой. Начинал с того, что служил в министерстве иностранных дел и состоял при русском посольстве в Париже, Вене и Риме. Изъяснялся на многих европейских языках, при этом по-русски говорил плохо. От отца унаследовал колоссальное богатство, позволяющее иметь чистый годовой доход до двух миллионов рублей в год. Поэтому мог себе позволить быть меценатом*. Каким образом и в каком качестве 16-летний мальчик объявился подле 60-летней бабушки, сказать не берусь. Но по Италии они путешествовали вместе.

Пребывая в Риме и желая произвести впечатление на итальянцев, — знай русских! — Анатолий Демидов вызвался на свой счёт провести раскопки в Форуме и Капитолии; к тому же кормил несколько тысяч бедняков, а для знати еженедельно устраивал два великолепных праздника.

В свои 16 лет юный богач, о котором слава щедрого покровителя учёных и художников бежала впереди него, был в плечах широк, волосом рус, лицом румян. Впервые увидев его, Карл Брюллов даже засмеялся: надо же, вырос под солнцем Италии — и хоть бы какой отпечаток. Удивлённый художник стал писать портрет Анатолия Николаевича в боярском костюме, скачущего верхом по сибирской тайге, которую, между прочим, никогда не видел**.

В воспоминаниях художника М. И. Железнова ситуация с Карлом Брюлловым и историей рождения у него замысла “Последнего дня Помпеи” представлена следующим образом:

“Анатолий Николаевич Демидов съехался с К. Брюлловым в Неаполе и повёз его с собою в Помпею. Во время осмотра этого города в голове К. Брюллова мелькнула мысль написать большую картину и представить на ней гибель Помпеи. Он тогда же сообщил свою мысль Демидову, и надо думать, что сообщил её, по обыкновению, с одушевлением, красноречиво и увлекательно, потому что Демидов, выслушав его, дал ему слово купить задуманную им картину, если он её напишет”.

* Николай I за что-то его, мягко говоря, недолюбливал. Тем не менее, большую часть своей жизни живя в Европе, лишь изредка навещаясь в Россию, Анатолий Демидов для размещения унаследованного собрания произведений живописи, ваяния, бронзы заложил в 1833 году в Петербурге здание на Васильевском острове, финансировал разведку запасов каменного угля в Донецком бассейне, снарядил на свой счёт в 1837 году учёную экспедицию для изучения южной России и Крыма, был щедр на крупные пожертвования: на устройство в Санкт-Петербурге дома для призрения трудящихся и детской больницы, на украшение церкви Демидовского лица в Ярославле; при Академии наук в Санкт-Петербурге учредил премию в 5 000 рублей за лучшее произведение на русском языке (Демидовская премия).

** Российские туристы, желающие увидеть “Портрет А. Н. Демидова Сан-Донато” кисти Карла Брюллова, могут это сделать, посетив Галерею современного искусства Флоренции (Собрание Палаццо Питти).

Вероятно, дело обстояло несколько иначе: в Неаполь Брюллова привезла графиня Разумовская. Было это в июле 1827 года. Там они пересеклись с Демидовым. Состоялось их знакомство, беседы на разные темы и во время одного из разговоров Брюллов предложил молодому человеку совершить совместную поездку — съездить посмотреть раскопки знаменитого города, почти 18 столетий пролежавшего под вулканическим пеплом, каменными обломками и лавой. Сам художник те места уже посещал дважды (об этом чуть позже). Но тут выпадал случай без хлопот и расходов ещё раз побывать у подножия Везувия.

Поездка состоялась. Брюллов в качестве экскурсовода показал молодому богатому соотечественнику трагически-легендарную достопримечательность. Живописно рассказывал о происшедшем некогда событии и проводимых раскопках, тут же делая наброски. Собственно, ради них он и затеял вояж. Созрела ли у него уже тогда идея будущей картины? Странно даже предположить такое. Как известно, только на разработку окончательного варианта картины ушло целых шесть лет. (На эскизе 1828 года отсутствуют некоторые детали, которые можно наблюдать на полотне, находящемся в Русском музее.) Ещё почти год потребовался непосредственно на написание “Последнего дня Помпеи”. Возможно ли всерьёз браться за такую работу без гарантированного финансового обеспечения? Голова, разумеется, должна думать о будущей картине, но желудок имеет право требовать своё не когда-то там послезавтра, а сегодня.

Вообще-то Брюллов имел склонность очень красочно и выразительно рассказывать об идеях новых картин. Первой на эту “удочку” попала графиня Разумовская. Но ничего реального для художника за этим не последовало. По возвращении в Неаполь уже Демидов загорелся сюжетом гибели Помпеи, избранным Брюлловым. Анатолий Демидов сказал, что купит его картину, если он в самом деле напишет её. Оговорка “если” тут не случайна. Была известна странная манера Карла Брюллова не заканчивать свои работы. В разговоре о новой картине принимала участие и Разумовская. Именно она не просто предложила, а настояла на том, чтобы был подписан контракт, который юридически закреплял обязательства с обеих сторон: и мецената, и художника.

Забегая вперёд, надо сказать, что одно из обозначенных контрактом условий — обязательство Брюллова закончить работу к концу 1830 года. Однако к установленному сроку картина оказалась не готова. Кроме набросков, этюдов, фрагментов, черновых вариантов показать заказчику было нечего. Недовольный А. Н. Демидов даже готов был разорвать договор. И только заверения К. Брюллова, что он отложит всё прочее и немедленно примется за работу, потушили возникший конфликт: с ним заключили новые условия.

Можно предположить, что замолвить слово за проштрафившегося художника мог князь Г. И. Гагарин. Из чего возникает такая мысль? В коллекции Русского музея Санкт-Петербурга есть акварельный портрет его сына Григория Григорьевича (в овале), написанный Карлом Брюлловым незадолго до срока, когда он должен был завершить заказанное Демидовым полотно. Так что Григорий Иванович вполне мог поспособствовать Карлу Брюллову, а Демидов — принять во внимание заступничество советника российского посольства.

Впрочем, и эта версия рождения замысла произведения художника не последняя. Чуть раньше я уже заметил, что до поездок к Везувии сначала с графиней Разумовской, а потом с Демидовым он уже дважды посещал те места. Впервые на раскопки города Помпеи Карл Брюллов попал в 1824 году вместе с братом Александром. Дело случая, но старший брат, будучи по основной специальности архитектором, с мая 1824 года изучал “развалины” древнего города и принимал участие в его раскопках. Чтобы оценить вклад Александра Брюллова в проводимые работы у подножия Везувия, уместно упомянуть, что за составленный им проект реставрации “Помпейских терм” он получил звание архитектора Его Величества, члена-корреспондента Французского института, члена Королевского института архитекторов в Англии и звание члена академии художеств в Милане и Петербурге...

Так что, именно тогда, уже в первую поездку, родилась идея картины “Последний день Помпеи”? Вряд ли, но увиденное долго не отпускало будущего автора величественного полотна. Отправляясь с братом или к брату на раскопки, 28-летний художник и не подозревал, что эта поездка окажется

судьбоносной для него. Нам не суждено знать о чувствах, какие испытывал Карл Брюллов, когда они с Александром впервые ступили на землю Помпеи. Но 8 мая его старший брат поделился увиденным в письме к родителям:

“...нам сказали, что это Помпея. Мы приближались, и нам открылась откопанная часть сего несчастного города. Мы взошли; у входа сидели сторожа-проводники; один из них предложил нам свои услуги и сказал, что это место был малый форум или место, где собирался народ для торга и других публичных дел. В это время я позабыл вас, и вид сих развалин невольно заставил меня перенестись в то время, когда эти стены были ещё обитаемы, когда этот форум, на котором мы стояли одни и где тишина была только прерываема какой-нибудь ящерицей, был наполнен народом, который, может быть, с заботливостью хлопотал, чтобы приобрести ещё что-нибудь и тем увеличить своё имущество, не думая об опасности, им угрожающей, которая их лишила всего ихнего богатства, многих самого драгоценного – друзей, родственников, других – и жизни. Нельзя пройти сии развалины, не почувствовав в себе какого-то совершенно нового чувства, заставляющего всё забыть, кроме ужасного происшествия с сим городом. Пробежав пустые улицы, вступил я на главный форум, окружённый с двух сторон колоннами, увидел по правую сторону храм Юпитера, налево – трибунал, напротив – базилику, возле – храм Венеры, против оного – Пантеон. Представьте себе это, и вы можете понять то чувство, которое мною овладело при сём зрелище”.

Поэтому не стоит удивляться, когда читаешь, что сюжет картины был избран Карлом Брюлловым под влиянием брата Александра, усиленно изучавшего развалины Помпеи.

Кому-то, например, А. И. Герцену, казалось, что в решении художника обратиться именно к этой исторической теме лежало бессознательное отражение мыслей и чувств художника, вызванных поражением восстания декабристов в России. Вы сегодня будете спорить с Александром Ивановичем, политиком крайне левым, выступавшим за социалистические преобразования путём революционных восстаний? Зачем? У каждого времени свои интерпретации событий и явлений, человеческих поступков и даже слов, звучащих в окружении разных людей.

Тема истории, надо признать, всегда имеет незавидную судьбу. Редко кто воспринимает её как восхитительный учебник жизни. Куда чаще находят критику, которые дружно бранят автора, затеявшего разговор о том, что было и ушло в небытие.

Для одних всё, сказанное о прошлом, опоздало и потому не заслуживает внимания, ведь мир шагнул вперёд.

Другие находят в нём чрезмерную смелость воображения, разрушающую хрупкое единство нынешних дней.

Однако во всех указанных версиях, как можно видеть, не участвует героиня нашего повествования, графиня Самойлова. И тем не менее, коли её изображение присутствует на самом полотне “Последнего дня Помпеи”, она где-то проявилась. Поэтому вернёмся к неофициальной версии, которая говорит, что затея с картиной началась у Брюллова под впечатлением театральной постановки оперы Джованни Пачини “Последний день Помпеи”. Человек, далёкий от искусства, волен вообразить, что, придя домой из театра, художник сразу же набросал эскиз будущей картины. Так была или нет опера Пачини источником вдохновения Брюллова? И да, и нет.

Примем как данность: прячась после трагической гибели натурщицы Демюлен на вилле Grottaferrata у князя Гагарина, Карл Брюллов в один из дней встретил там графиню Самойлову. И Юлия Павловна для Карла Брюллова стала его спасительницей.

Хотите – верьте, что в них попали стрелы Амура.

Хотите – считайте, что в обоих “ударила молния” страстного притягательного чувства.

Хотите – думайте, что пробежала меж ними всего лишь искра. Но и её оказалось достаточно, чтобы хозяйка миланского салона, которую за экстравагантные поступки одни боготворили, другие презирали, кем одни восхищались, а иные на неё гневались, оказалась “приворожена”.

Чудо случилось. Маленький мужчина с классической правильностью лица, золотыми кольцами вьющихся волос, как у древнегреческого бога Аполлона, волнением в выразительных глазах с широко распахнутыми зрачками,

но плохо слышащий на одно ухо, увидел женщину, наделённую эффектной красотой. Высокая, со смоляными густыми волосами, которые никак не гармонировали с бледными небесами севера, умная и обворожительно любезная, она поразила его ослепительной внешностью “итальянки” с “облитыми влагой сладострастной” большими тёмными глазами.

У художника было своё изначальное представление об идеальной красоте — южной, солнечной. Ему посчастливилось встретить свой идеал в жизни. Словно уловив чувства Брюллова, Николай Гоголь позже напишет классические строки:

“Всё должно было померкнуть пред этим блеском. Глядя на неё, становилось ясно, почему итальянские поэты и сравнивают красавиц с солнцем. Это именно было солнце, полная красота. Всё, что рассыпалось и блистает поодиночке в красавицах мира, всё это собралось сюда вместе. <...> Это была красота полная, созданная для того, чтобы всех равно ослепить! Тут не нужно было иметь какой-нибудь особенный вкус: тут все вкусы должны были сойтись, все должны были повергнуться ниц: и верующий и неверующий упали бы пред ней, как пред внезапным появлением божества”.

Можно услышать, что их свело вместе провидение, сходство натур, прихоть, случайный каприз, обстоятельства... Но совершенно очевидно, что графиня царствовала в сердце художника, она в центре его внимания. Любовь их была велика, хотя кто и как может измерить величину чувства. Однако... сложилось так, как сложилось. Они неоднократно расставались и имели разные увлечения. У неё были три мужа и множество любовников. У него тоже был один короткий брак (спустя месяц супруги расстались навсегда) и много женщин.

Именно Самойлова, женщина типа итальянских красавиц, обладавшая силой духа, смелостью, гордым пренебрежением условностями высшего света, как никакая другая, соответствовала представлениям Карла Брюллова о прекрасном. (Можно вспомнить портреты женщин-итальянок с пышными формами: “Итальянский полдень”, “Вирсавия”, “Дама, спускающаяся в гондолу”. Черты Юлии Самойловой узнаваемы в “Турчанке” и “Спящей Юноне”.) Из чего можно сделать вывод, что идеал юной чистоты и непорочности, идеал Мадонны не был его идеалом. Замечу, что именно по этой причине Карл Брюллов, как известно, отказался написать портрет Наталии Пушкиной, возводимой нами, но не поэтом, в “чистейшей прелести чистейший образец”.

И всё же Юлия Павловна, любимая Брюлловым, — это, прежде всего, любимый Брюлловым тип женщины (легко заметить, что на его полотнах многие черноокие красавицы похожи друг на друга). Раньше она существовала лишь в его воображении. И вот она рядом с ним живая! Во плоти!

Говорят, что сходятся противоположности. По иронии судьбы, у них сходные темпераменты. Они у обоих страстные. Про Карла Брюллова говорили, что он “весь был страсть” и “когда в нём кипели страсти, взрыв их был ужасен, и кто стоял ближе, тому и доставалось больше”. Но “вулкан страстей” — вовсе не метафора хоть для одного, хоть для другой.

У них даже отчества совпадали.

За спиной обоих стояла смерть: оба стали причиной гибели других из-за неразделённой любви.

Графине претили любые ограничения и запреты. Но они в любом виде были неприемлемы и для художника.

В письмах она называла его “Мой дружка Бришка”, а он ей отвечал: “Моя верная подруга”.

При этом ни она, ни он не связывали себя обетами верности, потому что прекрасно знали характеры друг друга. Находясь в разлуке, Самойлова в письме могла спросить: “Скажи мне, где живёшь и кого любишь? Нану или дружку? Целую тебя и, верно, буду писать тебе часто!”

Трудно представить, что эти слова выходили из-под пера той, о ком графиня Зинаида Ивановна Юсупова (урождённая Нарышкина), одна из самых модных дам столицы, отличающаяся “большою благосклонностью ко всем и вообще замечательною кротостью”, отзывалась:

“Это истинный Дон Жуан в юбке, с той лишь разницей, что статую командора она пригласила бы не к ужину, а в постель. Обожает эпатировать публику, хлебом её не корми, дай только выставить на всеобщее обозрение свои проказы. Истинная героиня Понсон дю Террайля или вовсе Поля де Кока, фривольнейшего из всех французских писателей!”

Это не мешало Самойловой писать Брюллову:

“Люблю тебя, обожаю, я тебе предана и рекомендую себя твоей дружбе. Она для меня самая драгоценная вещь на свете”.

Как-то в письме к брату Брюллова-“Бришки” – Александру – графиня признается, что они решили соединить свои жизни. Не случилось. Впрочем, это будет позже. А тогда, после первой встречи они вместе. *“А между тем в голове его, – воспользуемся словами Александра Пушкина, – уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещённой Волканом”.*

Пожалуй, если у него преобладали независимость, свободолюбие и уверенность в себе, то у неё – уверенность в себе, свободолюбие и независимость.

Риску предположить, что они оба не были созданы для семейной жизни, для тех обязательств, которые она накладывает.

Возникал или нет у них разговор о браке? Почему-то желающих ответить за них больше устраивает категорическое “Никогда!” Если всё же письменное признание Самойловой, что они решили соединить свои жизни, было сделано не для красного словца, то разговор мог и быть, но... Среди причин, по которым брак не состоялся, могу согласиться с точкой зрения писательницы и искусствоведа Нины Молевой:

“Верно только то, что Брюллов неоднократно повторял ближайшим приятелям, что никогда и ни на каких условиях не согласится пользоваться деньгами женщины. Тем более бесконечно любимой. Тем более бесконечно богатой. Именно богатство проложило между ними роковую черту, и Юлия Павловна с полным уважением относилась к чувству собственного достоинства любимого”.

Идея Брюллова восстановить сюжет “гибели” Помпеи окрепла благодаря совместной с Самойловой поездке на раскопки археологов. Она же, графиня, привела художника в театр. Знакомство с композитором, с оперой Джованни Пачини “Последний день Помпеи”, к которой, как помним, в 1825 году “приложила руку” Самойлова, породило легенду, будто посещение оперного театра стало для художника внешним толчком, чуть ли не реальным прототипом, позволившим появиться чёткому представлению о том, как будет выглядеть его будущая картина.

Ничего подобного. Театральная основа, вернее, некий налёт театральности в картине ощущается (об этом чуть позже), но к художественному оформлению оперы Пачини она отношения не имеет. Разве только тем, что Карл Брюллов одалживал (брал напрокат) театральные костюмы для своих натурщиков. У композиции и первых эскизов будущего полотна имелись два вполне реальных “источника”.

Первый – одна из фресок Рафаэля “Пожар в Борго” – о трагедии, вошедшем в историю пожаре, который произошёл в Риме в 847 году, в районе Борго, примыкавшем к папскому дворцу. Кроме структуры (конструкции) живописной картины тут уместно взглядеться в красивую девушку с кувшином на голове (на фреске) и в Рафаэля, который изобразил самого себя карабкающимся на стену. А потом сопоставить их с подобными фигурами на полотне Брюллова. Назовёте это заимствованием? Хорошо, что не плагиатом, потому что и в живописи, и в литературе это обычный и распространённый приём. В конце концов, он ведь не скопировал, а переосмыслил, увидел и изобразил обоих по-своему.

Второй “источник” – о нём мы узнаём из письма Карла Брюллова своему брату Фёдору Павловичу Брюлло, тоже художнику. Оно отправлено из Рима и посвящено эскизу картины, заказанной ему графиней Разумовской, “Последний день Помпеи” (и заказчик, и картина названы непосредственно Карлом Брюлловым):

“<...> Декорацию сию я взял всю с природы, не отступая нисколько и не прибавляя, стоя к городским воротам спиною, чтобы видеть часть Везувия как главную причину, без чего похоже ли было бы на пожар?”

По правую сторону помещаю групп матери с двумя дочерьми на коленях (скелеты сии найдены были в таком положении); сзади сей группы виден теснящийся групп на лестнице, ведущей в Зерокп Зсиаго, накрывая головы табуретками, вазами (спасаемые ими вещи все взяты мною из музея). Возле сей группы – бегущее семейство, думая найти убежище в городе: муж,

закрывши плащом себя и жену, держащую грудного ребёнка, прикрывая другой рукой старшего сына, лежащего у ног отца; в середине картины упавшая женщина, лишённая чувств; младенец на груди её, не поддерживаемый более рукой матери, ухватившись за её одежду, спокойно смотрит на живую сцену смерти; сзади сей женщины лежит сломанное колесо от колесницы, с которой упала сия женщина; опрокинутая же колесница мчится конями, разъярёнными от падающего раскалённого пепла и камней вдоль по дороге; управлявший колесницей, запутавши руку в вожжах, влечётся вслед; между голов лошадей видно продолжение улицы Augustale, ведущей к Неаполю, которая хотя и не открыта, но я, следуя древним писателям и нынешним антикварами, поворачиваю несколько влево за дом Диомедов, наполняя её гробницами и отдыхальнями, оставшимися сзади меня, что очень кстати.

По правую сторону упавшей женщины – жрец, схвативши жертвенник и приборы жертвоприношения, с закрытой головой, бежит в беспорядочном направлении; возле него я вожу случай, происшедший с самим Плинием: мать его, обременённая летами, не будучи в состоянии бежать, упрасивает сына своего спастись, сын же употребляет просьбу и силу всю, чтобы влечь её с собой. Происшествие сие, рассказанное самим Плинием в письме к Тациту, случилось в *Caro di Miseno*, но художник, помещающий на саженой холстине Помпею и Везувий, отстоящий на пять миль от оною, может перешагнуть и из-за 80 миль пример детской и материнской любви, так кстати тут своей противоположностью прочим группам. Между сим группой и жрецом видны два молодые помпеянина, несущие на плечах своих больного старого отца; между ног детей прячется верная собака; в промежутках групп видны разныя фигуры**.

Это самое первое упоминание художника о работе над картиной, датируется оно мартом 1828 года. В середине того же марта Брюллов ещё раз побывал в Неаполе. Тогда до Рима долетели слухи, что Везувий сначала задымил сильнее обычного, потом через несколько дней над ним поднялся высокий столб пепла и дыма, а по склонам кратера потекли потоки лавы. Желаящих увидеть собственными глазами новое извержение Везувия оказалось столь много, что Карл Брюллов с большим трудом смог заполнить место в карете с ещё пятью пассажирами. Но когда они добрались до Неаполя, вулкан затих и даже перестал куриться. Стать очевидцем разгневанного Везувия художнику оказалось не суждено.

Однако письмо брата содержит два примечательных момента. Один из них: мы видим, что Брюллов, словно театральный постановщик, употребляет слово “декорация” даже в случае, когда он рисует с натуры. Другой – в письме присутствуют строки о том, что “в середине картины упавшая женщина, лишённая чувств; младенец на груди её, не поддерживаемый более рукой матери, ухватившись за её одежду, спокойно смотрит на живую сцену смерти”.

Эта центральная группа: молодая женщина, погибающая при падении с колесницы, и оставшийся в живых ребёнок, который в отчаянии обнимает мать, неизменно переносилась Брюлловым с эскиза на эскиз. Она присутствует на всех вариантах картины.

Современники истолковывали эту женскую фигуру как некий символ гибнущего античного мира. Многие объявляли её смысловым центром картины. Сам художник на сей предмет не высказывался.

На итоговом варианте картины чёрные волосы распластанной на земле женщины разбросаны на мостовой, а жёлтая туника сползла на бок, обнажив одну грудь. Многие искусствоведы считают, что женщина, погибшая на глазах златокудрого сына, была знатной богатой горожанкой. Вполне возможно. На чём основано их предположение? Мол, об этом свидетельствуют её драгоценности, от удара рассыпавшиеся по каменной мостовой.

Первоначальный замысел, судя по одному наброску, который Брюллов не стал в дальнейшем использовать, представлялся ему несколько шире. На нём был нарисован вор, снимавший украшения с упавшей женщины. Вора Брюллов убрал – счёл лишним. Драгоценности оставил. Интересный вопрос: почему одно убрал, а другое оставил?

* Один из вариантов “Гибели Помпеи”, который Брюллов написал в 1828 году, находится в Третьяковской галерее и вызывает у посетителей не меньший интерес, чем законченное произведение.

Позволю себе порассуждать. Известно, что, согласно мифу, извержение Везувия — кара богов. Чем же не угодили им люди, населяющие Помпеи? Нравами, царящими в городе. Для его жителей не существовало правил приличия. Они вели безнравственную жизнь, за что их считали одними из самых распущенных в империи.

Любимым времяпрепровождением и развлечением для мужчин здесь было посещение лупанария, где они предавались разврату. Название “лупанарий”, вероятно, происходило от латинского слова “lupa” — “волчица”, именно так называли и проституток в Древнем Риме. В небольшом городе насчитывалось с десятков притонов, или, как сегодня сказали бы, борделей. Их обитательниц признавали самыми красивыми женщинами во всей стране.

Глядя на прекрасную женщину, погибшую при падении с колесницы, и её маленького сына, который ещё не понял, что потерял мать, можно, конечно, в лучших традициях романтизма рассуждать о том, что они — символ падения старого мира и зарождения нового. Но даже зная, что в изображении людей Брюллов в “Последнем дне Помпеи” далёк от реализма, будет ли это верно? Так кто она, мёртвая мать, спрашиваю я себя, знатная дама, а если как раз проститутка? Что представлено в центре полотна: правдоподобие или правда жизни?

Не потому ли художник убрал вора, снимавшего украшения с упавшей женщины, что счёл за явный перебор: и проститутка, и вор, и уже наступившая смерть, и обнажённая грудь, которой очень скоро на парижской выставке в Лувре доведётся оказаться рядом с полотном Эжена Делакруа “Свобода, ведущая народ” (фр. *La Liberté guidant le peuple*), или “Свобода на баррикадах”? Там тоже женщина с обнажённой грудью и триколором в центре картины предстанет символом свободы, демократии и самоотверженности простого народа Французской республики. Как сказал бы Пушкин, “бывают странные сближенья”.

Ну, а пока идут нескончаемые споры: являются погибшая женщина и её маленький сын главными героями или всего лишь центральными персонажами брюлловского полотна, либо необычность и новизна картины видится в том, что её автор попытался представить равенство всех своих персонажей перед лицом совершающегося события? Потому что, будем честны, в его произведении, можно сказать, едва ли не каждый из героев может быть удостоен чести называться главным. Или по-другому: группы и фигуры полотна площадью более 30 квадратных метров равноправны.

А потому начинать рассмотрение картины можно с любой из них. Хотите — с семейства с двумя маленькими детьми, бегущего от гнева Везувия. Хотите — с двух сыновей, которые несут своего старика-отца на руках. Хотите — с юноши, умоляющего мать подняться и бежать далее от разбушевавшейся стихии. Кстати, этот юноша не кто иной, как Плиний Младший, действительно спасшийся, и чьи воспоминания о трагедии дошли на наших дней:

“Я оглядываюсь назад. Густой чёрный туман, потоком расстилающийся по земле, достигал нас. Вокруг наступила ночь, непохожая на безлунную или облачную: так темно бывает только в запертом помещении при потушенных огнях. Слышны были женские вопли, детский писк и крик мужчин; одни окликались родителей, другие — детей или жён и старались узнать их по голосам. Одни оплакивали свою гибель, другие — гибель близких, некоторые в страхе перед смертью молились о смерти; многие воздевали руки к богам; большинство объясняло, что нигде и никаких богов нет и для мира это последняя вечная ночь”.

Удивительно, но главная мысль художественного произведения с одинаковой силой проявилась в каждом из героев, запечатлённом в старости и юности, в материнской и сыновней любви, в творчестве и страстной любви...

Группы героев расположены так, что мы прекрасно видим каждого из них. Классическая уравновешенность сложнейшей композиции не позволяет восторжествовать хаосу катастрофы. Она спасает картину от трагического чувства безнадёжности. Казалось бы, выстроенная из академических “треугольников”, в которые вписаны фигуры людей, картина не замыкается в них, а передаёт живой напряжённый контекст исторического бытия.

Но вернёмся к одной детали, которая присутствует во всех вариантах картины. Вглядимся ещё раз в женщину, по поводу которой мы рассуждали в самом начале, ту, которая только что оставила малыша сиротой. А потом перенесём взгляд на женщину с сосудом на голове (заодно вспомним фреску

Рафаэля и его девушку с кувшином на голове), затем сосредоточим внимание на матери с двумя маленькими девочками, наконец, приглядимся к женщине с мужем и младенцем.

Кажется, история живописи ни до “Последнего дня Помпеи”, ни после него не знала картины, на которой одна и та же женщина была бы изображена сразу в нескольких образах. Полотно Карла Брюллова – единственное в этом роде. И женщиной, лицо которой художник “подарил” сразу четырём героиням самого знаменитого своего творения, стала графиня Юлия Самойлова.

Для графини несколько лет близости с Карлом Брюлловым были периодом её жизни самым, хочется сказать, сложным. По той простой причине, что он для неё был на грани. Про него можно сказать, что их отношения были в одном миллиметре от пошлости. Уже потому, что, как однажды скажет она его брату: “Между мной и Карлом ничего не делалось по правилам!”

Для художника это было волшебное время. Когда он неожиданно для себя любил кого-то больше, чем себя. Потому что Юлия подарила Брюллову вдохновение. И этого пожара хватило ему на всё время работы над картиной. С Юлией Карл-художник сумел, что называется, прыгнуть выше головы.

Случилась история, про которую хочется сказать, что в ней всё было наоборот в сравнении с вечной, как мир, сказкой про Золушку, мечтающей о прекрасном принце. Главное, чего не захотела сделать графиня, это стать женой художника, а решила остаться его возлюбленной и Музой. И Карл тоже, судя по всему, не ставший предлагать руку и сердце Юлии, желал показать всем и, прежде всего, самому себе, что он полюбил не богатую графиню, а “обыкновенную” красивую женщину, которую не смутили его маленький рост и большой нос, зато привлекли копна кудрявых волос, ясные глаза и несомненный талант. Последнее для художника было самым главным.

Кто-то скажет, что я не обратил внимание на его особенно прекрасный рот – изящной линии, с приятной улыбкой. Такой художники называют *in arco d'Amore* – лук Амура. Потому и не счёл необходимым признать особенно прекрасным рот, что в рот Карлу, прошу простить за тавтологию, княгиня смотрела меньше всего.

Я не зря чуть раньше сказал, что Юлия с её средиземноморской внешностью соответствовала представлениям Карла Брюллова о прекрасном. Напрасно думать, что в “Последнем дне Помпеи” он хотел явить миру изображение жуткой трагедии. Он делал всё наоборот: хотел показать красоту человека даже в самой безнадёжной ситуации. Исходя из этого, Юлия Самойлова в глазах художника представлялась идеалом: её красота была будто создана для античного сюжета, была совершенным образцом этой красоты в реальном мире и могла быть представлена в совершенно разных ипостасях.

Уместно сопроводить это соображение мыслью русского искусствоведа и художественного критика Эриха Фёдоровича Голлербаха, который справедливо заметил, что похожие друг на друга героини “Последнего дня Помпеи”, несмотря на социальные различия, выглядят как представительницы одной большой семьи, словно бедствие сблизило и уравнило всех горожан.

Так что для Карла Брюллова, вдохновлённого творчеством и страстью к Самойловой, не составляло большого труда увидеть красивое лицо своей любимой Юлии у женщины с сосудом на голове (между прочим, рядом с фигурой художника, являющегося автопортретом самого создателя картины), у матери с двумя маленькими девочками (в левом нижнем углу полотна), у женщины с мужем и младенцем и у выпавшей из колесницы женщины (причём не было для него никакой разницы, рисует он знатную даму или красотку-проститутку). Он писал лик Юлии Самойловой, которая, ничего не требуя взамен, подарила ему свою любовь и так необходимую художнику свободу.

Когда сегодня читаешь статью “Последний день Помпеи”: Картина Брюллова”, которую в 1834 году написал Гоголь, хорошо знакомый и с Карлом Брюлловым, и с графиней Самойловой, в какой-то мере теряешь адресность слов прозаика-классика: пишет он о персонаже картины или о реальной женщине, чьи черты запечатлены на полотне:

“...его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире. Её глаза светлые, как звёзды, её дышащая негую и силою грудь обещают роскошь блаженства. И эта прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должен погибнуть в общей гибели наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног её. Слёзы, испуг, рыдание – всё в ней прекрасно”.

Даже такой придирчивый критик творчества Брюллова, как известный историк искусства XIX–XX веков Александр Бенуа, который без смущения отмечал “эффектничество”, “живопись в расчёте на все вкусы”, “театральную крикливость”, “трескучие эффекты”, был потрясён “торжественной красотой, пылкостью и своенравием брюлловской героини”:

“Брюллову удалось, вероятно благодаря особенному его отношению к изображаемому лицу, выразить столько огня и страсти, что при взгляде на них сразу становится ясной сатанинская прелесть его модели”.

Не знаю, насколько здесь точно выбрано слово “сатанинская”. Но что была графиня Самойлова чертовски хороша, несомненно. И были в её натуре и характере чёрточки, которые, живи она после 1915 года, позволяли бы ей с полным правом напевать популярную арию Сильвы из оперетты Имре Кальмана “Королева чардаша”:

*Частица чërта в нас,
В сиянье женских глаз!
И наш коварный взгляд
В душе рождает Ад!
Любви желанный час
Влечёт к нам вечно всех вас,
Так что же, недаром сам чёрт придумал нас!*

При этом графиня умела понимать, помогать и поддерживать в трудную минуту. Ещё была способна на конвертах писем, которые она посылала Брюллову, делать надпись: “Бришке драгоценному!” А в самом же письме, совсем как некогда легендарный Григорий Александрович Потёмкин, писать особым сердечным языком:

“Мой дружок Бришка, люблю тебя более, чем изъяснить умею, обнимаю тебя и до гроба буду душевно тебе привержена”.

Не доведись тогда в один прекрасный момент пересечься двум жизненным путям: графини Самойловой и художника Карла Брюллова, смею думать, сегодня искусствоведы отдавали бы должное множеству эскизов, выполненных в карандаше, акварели и масле рукой мастера, но увидеть полотно “Последний день Помпеи” вряд ли было бы суждено. Скорее всего, историки живописи вспоминали бы строки из переписки братьев: Ф. П. Брюлло и А. П. Брюллова весны 1829 года:

“... что он делал шесть лет и теперь чем занимается, ещё не знаем. То он хочет писать “Христос благословляет детей”, то он выдумает другой сюжет: “Последний день разорения Помпеи”, пришлёт эскиз, и год пропал, а мы все ещё в надежде иметь от него трудов”.

Часть 3.

Шедевры рождаются слиянием порывов души и сердца

Среди загадок, сопровождающих судьбу Юлии Самойловой, есть одна, которая для нас была, есть и будет самой серьёзной и вызывающей наибольшую... досаду. Обычно её формулируют следующим образом: из портретов Самойловой сохранились два, другие бесследно исчезли. Обе части такого рода высказываний нельзя оставить без комментария.

Начнём с двух сохранившихся портретов Самойловой. К ним относят “Портрет графини Ю. П. Самойловой с воспитанницей Джованниной и арапчонком” (1834) и неоконченную, но одну из самых известных картин Карла Брюллова, написанную им в 1842 году, “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)”.

Замечу: утверждений о существовании других портретов нет, но уверен и предположений, будто их было больше, но они утрачены, предостаточно. На чём они основаны, сказать затрудняюсь.

Что ж, перейдём к другим, помимо картины “Последний день Помпеи”, работам Карла Брюллова, где запечатлена Юлия Самойлова или которые имеют прямое к ней отношение. Не берусь мотивировать обращение к этому пласту наследия художника исключительно тем, что явление блестящей Юлии

Павловны, изменив жизнь Брюллова, в определённой мере повлияло на судьбу русского искусства. Оставляю эту тему искусствоведам. Я же буду исходить, прежде всего, из соображения, что повествование о графине как бы подразумевает особое внимание к её личности.

Но тут нужна оговорка, или, если хотите, прояснение терминов. Чем отличается “портрет” от “жанровой живописи”? Почему “Итальянский полдень (Итальянка, снимающая виноград)” мы смело причисляем к портретной живописи, а “Спящая Юнона” или “Итальянка, зажигающая лампаду перед образом Мадонны” в иерархии жанров традиционно относятся к исторической живописи и жанровой живописи? Где та грань, что отделяет “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)” от “Вирсавии”? Что изменилось бы в картине, назови Карл Брюллов её не “Вирсавия”, а “Портрет обнажённой графини Ю. П. Самойловой”? Или всё дело в словах названия? А ведь в живописном слое полотна ни один мазок не изменился бы. Спрашивается, если изображение “графини Ю. П. Самойловой с воспитанницей Джованниной и арапчиком” — это портрет, то что мешает изображению Ю. П. Самойловой, названной не графиней, а дамой, “спускающейся в гондолу”, признать портретом?

Карл Брюллов и впрямь писал портреты своей Музы, по какой-то причине и из каких-то только ему ведомых соображений делая её центром различных картин, которых было куда больше двух. Но это всегда были особые виды портрета, будь то “квартет” изображений в “Последнем дне Помпеи” или непременно в группе с кем-то (как, впрочем, и в знаменитом историческом полотне).

Начиналась же галерея полотен, на которых их создатель представлял свою пассию публике, и та приходила в восторг даже в тех случаях, когда работа оказывалась незавершённой, скромным портретом (в овале) графини Юлии Павловны Самойловой, исполненным в технике чёрной акварели.

Мало кто может вспомнить, что этот небольшой брюлловский портрет является единственным, который соответствует канонической форме жанра портрета. И в подтверждение хочу обратить внимание читателей, что почти всегда, когда печатают расположенные рядом два портрета: Карла Брюллова и Юлии Самойловой, можно увидеть “Автопортрет” художника и портрет графини, написанный живописцем и литографом французского происхождения, академиком живописи Императорской Академии художеств Бенуа-Шарлем Митуаром (1826). Потому как “чистого” живописного портрета Юлии Самойловой кисти самого Карла Великого, увы, не существует.

Тут уместно сопоставить это реальное обстоятельство с ситуацией, касающейся женских портретов, написанных тем же Карлом Брюлловым, и в определённом смысле равнозначной фигуры и для России, и для Европы, — Зинаиды Волконской. Их как раз именно два, причём один, акварельный, утрачен. До нас дошла лишь гравюра М. Майера с акварели Карла Брюллова (1830). Другой — более поздний, живописный, в овальной раме “Портрет княгини З. А. Волконской” (ок. 1842). Что примечательно, оба женских изображения по форме как раз “чистые” портреты. Никаких тебе арапчат, чернокожих служанок или собачонок.

Зинаиду Александровну связывали с Брюлловым тёплые и, главное, долгие, не прекращавшиеся до конца жизни художника отношения. Можно ли их назвать искренней дружбой, или это были взаимные творческие симпатии — не суть важно. Карл Павлович не раз заглядывал в римский салон княгини, где его с радостью принимали ещё в ту пору, когда славой и не пахло. И потом, что скрывать, здесь всегда можно было поесть, когда денег кот наплакал. Дом Волконской был гостеприимен и хлебосолен к нему. Гоголь тоже частенько заглядывал к богатой соотечественнице по той же причине. И как ответный жест, скорее всего, родился на свет тот, первый, акварельный портрет хозяйки, вряд ли заказной. Во всяком случае, появился он отнюдь не в знак благодарности художника за мифическую встречу у неё в салоне с Юлией Самойловой.

К слову, ни в одних мемуарах мне не встретилось даже упоминания о том, что графиня бывала в салоне княгини Волконской. Не удивлюсь, если Самойлова никогда там и не появлялась. Было ли это выражением некоего чувства ревности к “коллеге” по салонному делу? Женские чувства — дело тонкое. Логикой их не постичь.

Лёгким характер Карла Брюллова назвать вряд ли бы кто смог. Но с Волконской он на удивление обходился без свойственных ему по отношению к многим другим кульбитов. Князь Сергей Михайлович Волконский, представитель древнего и многочисленного рода Волконских, дальний потомок Михаила Ломоносова, правнук графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, в своих воспоминаниях (в начале 1920-х годов) писал о своей родственнице, и отголоски былого бытия позволяют почувствовать ауру человеческих отношений, какая была вокруг княгини:

“В первой четверти прошлого столетия поселилась в Риме невестка моего деда-декабриста, княгиня Зинаида Александровна Волконская, рождённая княжна Белосельская-Белозерская. Я её не видал, она умерла до моего рождения, но имя тётки Зинаиды – одно из самых дальних детских воспоминаний. Чем-то удивительно ласкающим звучит это имя, и что-то улыбающееся излучается из него. Улыбка Зинаиды Волконской живёт не в одной только семье; она освещает собой первую половину русского девятнадцатого столетия во всех проявлениях художественной жизни. Музыка, живопись, литература, театр – всё было ей близко, ко всему она прикоснулась, и если не ко всему с одинаковой силою творчества, то во всё вносила одинаковую искренность своей природы и всегда неослабно горячее отношение к людям. Самые высокие имена её времени сливают свои лучи с лучами её имени: Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Веневитинов, Брюллов, Бруни, Россини. Она умела принять, облагать человека, поставить его в ту обстановку – нравственную, физическую, общественную, – которая была нужна для его работы, для его вдохновения.

<...> В Риме она согрела тяжёлые дни больного, хмурого Гоголя. Во дворце Поли, ныне не существующем, чтобы прийти ему на помощь, она устроила литературный вечер: Гоголь читал “Ревизора”. Билеты были по тому времени дорогие – 20 франков, сбор был полный, но, увы, Гоголь оказался ужасно плохим чтецом. После первого действия половина слушателей покинула зал. С каждым действием публика редела, и только обвораживающей убедительностью княгини Зинаиды удалось задержать небольшой круг самых близких и сплотить их вокруг угрюмого чтеца.

<...> Не забуду рассказа княгини Марии Аполлинариевны Барятинской, рождённой Бутенёвой, о том, как на вилле Волконской однажды она была свидетельницей встречи княгини Зинаиды с только что приехавшим в Рим Брюлловым. Они долго не видались, и встреча их была таким взрывом радости, таким слиянием общих интересов, иных, высших и более специальных, чем у других, что сразу присутствующие почувствовали, что они отходят на второй план и что они только случайные, посторонние зрители другой жизни...”

Возвращаясь к теме портретов Юлии Самойловой и Зинаиды Волконской, какие написал Карл Брюллов, хочется понять: что чувствовали эти женщины, когда у них на глазах рождались изображения, о которых каждая судила, смею думать, не столько с точки зрения высокой эстетики, сколько с простой бытовой: как я выгляжу, похожа – не похожа? Думали ли тогда эти женщины, что их имена и лица будут пристально изучать и рассматривать 100, 200 и даже 300 лет спустя?

И – вот что в данном случае самое важное – какая разница: пишет женский портрет глубоко уважающий или любящий мужчина?

Только ли удивительное совпадение внешности Самойловой и изначальноного представления Брюллова об идеальной красоте позволило художнику выразить свои чувства на холсте, явив тем самым не вполне конкретные техники и мастерство, а нечто эфемерное – нереальную прелесть искусства?..

Картины рисуют кистями и красками, однако кисти и краски – лишь инструменты. Только слияние порывов души и сердца художника рождает шедевры. Не ждите от холста, что он выразит вам чувства художника. Холст – тоже лишь материальная основа, такая же культурная константа, как и рама, в которую холст заключён. Не ищите на полотне самого художника, пытайтесь уловить и понять, что им двигало, когда он держал в руке кисть. Только разгадав эту великую тайну, вы сумеете постичь многое из того, что делает картину великой, хотя непосредственно на холсте, картоне или бумаге не представлено. Исходите из того, что на пространстве, выбранном художником, всегда много “лишнего”: и прекрасного, и нередко ужасного, воображаемого нами, зрителями, и сугубо прагматического для самого автора живописного произведения.

Большинство из нас даже не задумывается, почему жизнь графини Самойловой спустя столько лет воспринимается потомками замечательной, а её имя остаётся на слуху? В те годы было немало обворожительно-красивых россиянок, богатых и беспутных, славящихся экстравагантным и скандальным образом жизни, почему же именно она стала не то что символом эпохи, но, как говорится, вошла в историю? Кстати, сознавала ли Юлия Павловна, что она войдёт в историю? Что эта женщина чувствовала и думала, когда любящий мужчина увлечённо изображал её, писал то, как видит красоту и как он её воспринимает? Ведь самое главное в художнике то, как он именно её, женщину-красоту, писал.

Между прочим, эта естественная цепочка творческих событий даёт самый обоснованный ответ на распространённый вопрос: почему эта пара любящих не дошла до “нормального” визита в храм для венчания? Распространённая формула: “Когда Муза делается женой — она перестаёт быть Музой”. Из истории известно: так считал не только Карл Брюллов. Когда большие чувства изживают себя, шедевры больше не рождаются.

Для кого как, а для меня самое удивительное, что на протяжении стольких лет ему не надоедало писать одну и ту же “модель” — Самойлову. У него автопортретов значительно меньше, чем картин, где возникают черты облика графини. Что она удивительным образом отвечала его представлениям о женской красоте — понимаю. Поэтому портреты очаровательной графини и стали одними из лучших творений художника. Или он писал Юлию Павловну исключительно потому, что страстно любил её? Правда, в жизни она была несколько далека от идеала — и ветреная, и взбалмошная, и потворствующая малейшему своему капризу. В образе Вирсавии она была прекрасна, а в реальности в минуту недовольства графиней художник запустил в “Вирсавию” на полотне сапогом и прорвал холст.

Картина с изображением восточной девушки пленительной красоты, которая, согласно библейской притче, помutilа разум самого царя Давида, написана в 1832 году. Посетив Третьяковскую галерею, в собрании которой “Вирсавия” находится, легко убедиться, что произведение, как это часто бывало у Брюллова, не закончено. По какой-то причине нижняя часть полотна осталась непрописанной: вода в мраморной купальне лишь обозначена, фактура водной поверхности не проработана. Однако это не мешает картине считаться одной из самых лучших работ в живописи выдающегося русского мастера.

Обычно искусствоведы, восхищаясь мастерством цветопередачи художника, специально обращают внимание на необыкновенную белизну кожи Вирсавии. И, находя смелым такое цветовое решение, добавляют, мол, чтобы ещё больше подчеркнуть нежность и белизну кожи будущей царицы, Брюллов поместил рядом чернокожую служанку. Служанка с восхищением смотрит на свою хозяйку, которая будто освещает всё окружение своей красотой.

Оспаривать чувства служанки к своей хозяйке нам негоже. Полагает она, а вместе с ней сам Карл Брюллов, что та, кто станет матерью легендарного царя Соломона, будто освещает всё окружение своей красотой, — значит, так оно и есть. Но у вас никаких при этом вопросов не возникает? Ведь пишется Вирсавия, как известно, с Юлии Самойловой. А её кожа не отличалась необыкновенной белизной. При взгляде на неё не возникало сомнений, что в её жилах течёт итальянская кровь. Смугленькой она была. А если использовать понятия колористики, то у неё был необычный тон кожи оливкового цвета.

Можно убедиться в том, взглянув на “Портрет графини Ю. П. Самойловой с воспитанницей Джованниной и арапчонком”. Вопрос: случайна эта очевидная метаморфоза? Полагаю, нет. Но она возвращает нас к теме, уже звучавшей: Юлия Павловна для художника Брюллова — это, прежде всего, любимый им тип женщины, который он изображал на совершенно разных полотнах, отчего многие черноокие красавицы у него похожи друг на друга. Реальную, живую, во плоти он любил как мужчину. А как художник глядел на неё как на модель. Такой “подход” позволял ему, даже рисуя её портрет, соединять существующее на самом деле и возникающее лишь в его воображении. Это могло касаться тональности облика, отдельных деталей очертания фигуры... В “Вирсавии” ему потребовалось “поиграть” цветом, и он смуглое тело превратил в белоснежное.

Можно сравнить: через три года Питер Пауль Рубенс напишет “Вирсавию у фонтана” (1835, Дрезденская картинная галерея). Великий мастер изображения женского тела сотворит свой канон красоты. Юная Елена Фоурмен,

с роскошными формами женщина, на которой он женился после того, как долго не мог забыть покойную жену, подарила стареющему мастеру период нового расцвета. Что мы видим на картине? Золотые пряди волос госпожи, смуглая кожа служанки и тёмно-шоколадная — негритёнка подчёркивают жемчужный цвет тела красавицы. Оно кажется тёплым от цветных бликов, падающих от красного покрывала, а мех чёрной мягкой шубки оттеняет нежность кожи. Какая в реальности была кожа у Елены Фоурмен в молодости: белая, слегка смуглая или и впрямь жемчужного оттенка? можно только гадать. Но Рубенс захотел представить её именно такой, какой мы видим, с разницей цвета на лице, на груди, на ногах и с игрой света на разных частях тела.

Как Самойлова глядела на собственные превращения, которые, конечно, ей были хорошо “видны”? Позволяла любимому человеку вытворять, что ему захочется? Уступала мужчине, потому что любовь была взаимной? Будь она обычной моделью, с которой после сеанса художник мог позволить на время интимные отношения, её интересовали бы его мужские достоинства. Но Юлию в человеке творческом интересовало не только и не столько мужское начало, сколько само творчество. Талантлив этот Брюллов или нет? Что-то, а это она могла понять без посторонних подсказок. Понять и добавить ему вдохновения.

Кстати, несколько слов о вдохновении. “Вирсавия” пишется Брюлловым в самый напряжённый период его работы над “Последним днём Помпеи”. Явление, хорошо известное в психологии творчества: наступают моменты, когда творцу требуется отдохнуть, на какое-то время переключиться, чтобы потом с новыми силами опять взяться за прерванное, отложенное на время дело.

Обратитесь к своей памяти, и вы легко припомните массу житейских случаев, когда на выручку приходило следование истине: смена деятельности всегда полезна. Для художника такой сменой оказывается обращение к другому сюжету, другой технике, другому образу. “Вирсавия” была для Карла Брюллова именно таким переключением.

Чуть ранее эта же “функция” выпала на долю картины “Мать, просыпающаяся от плача ребёнка” (1831). Да, Юлии Павловне не суждено было стать матерью. Но две воспитанницы у неё были. И ничто не мешало художнику представить её в роли матери. Это опять же было одним из “превращений”, какие постоянно проделывал с ней Карл Брюллов. Если вдуматься, оно ничем не отличалось от тех, что мы видим на полотне “Последний день Помпеи”. Вот она, напомним, ключевая фигура: мать, привлекающая к себе дочерей (двух девочек, похожих на её воспитанниц); мать, упавшая с колесницы, лежащая на мостовой и рядом с ней живой ребёнок; мать, одной рукой прижавшая к груди младенца, а другой обнявшая малыша постарше; молодая женщина с кувшином на голове, стоящая слева от художника, в котором Карл Павлович изобразил себя (некоторые считают, что и женщина, изображённая справа от Брюллова, — тоже “производное” от Юлии Самойловой, пятое по счёту). Тогда выходит, что Брюллов изобразил здесь себя между двумя ликами Юлии).

В трёх трагических сценах Брюллов безжалостно рисует Самойлову в роли матери. Каково это было Юлии Павловне? Мне кажется, на этот вопрос есть ответ, данный самой графиней Самойловой. Обычно эти слова, написанные ею Александру, брату Карла Брюллова (цитируемые с превеликим удовольствием буквально каждым, кто упоминает о любовной связи между великим художником и обворожительной графиней), преподносятся как нечто такое, что сопутствовало их экстравагантному и скандальному беспутству. И почему-то никто не увязывает их с психологией отношений в паре, где мужчина — гениальный художник, а женщина — редкий случай! — способная понять, с кем она имеет дело.

Произошло это уже после смерти художника, когда она попросила Александра передать ей написанный Брюлловым её портрет. Тот потребовал с неё расписку, добавив, что таковы правила. Тогда-то и последовал раздражённый ответ графини, знакомый большинству из исторического эссе Валентина Пикуля “Удаляющаяся с бала”:

“Ах, оставьте! Поймите, что между мною и великим Карлом ничего не делалось по вашим правилам... Правила могли существовать для всех, но только не для меня и не для Карла!”

В том же 1832 году, опять же параллельно работе над картиной “Последний день Помпеи”, Брюлловым написано ещё одно знаменитое полотно — “Всадница”. Тут надо заметить, с названием картины не всё так просто. Во-первых, её так же иногда называют “Амазонка”. Во-вторых, созданная в Милане, она до

своего попадания в коллекцию П. М. Третьякова в 1893 году почти 60 лет гастролировала по Европе. И долгое время, исходя из того, что к рождению картины имела отношение графиня Самойлова (казалось бы, чего больше: на ошейнике одной из собак есть надпись “Samoulo...” — далее просто не видно: ошейник загибается, — сделанная художником), даже в Третьяковке название, фигурировавшее в описях и каталогах, заменили на “Портрет графини Юлии Павловны Самойловой”. Предполагали, что в седле сидит на лошади сама графиня.

Искусствовадам понадобилось время, чтобы доказать: обе изображённые на полотне фигуры — это воспитанницы графини Джованнина и Амацилия. К тому же выяснилось, что и название картины первоначально было другим — “Джованнина на лошади”. Сегодня полное название картины выглядит так: “Всадница. Портрет Амацилии и Джованнины, воспитанниц графини Ю. П. Самойловой”.

В том же 1832 году картина была выставлена на Миланском показе в Академии изящных искусств Брера. Говоря банальным языком, она там вызвала огромный восторг публики. Чтобы фраза не выглядела сказанной для красного словца, упомяну, что итальянский журналист Дефенденте Сакки (Defendente Sacchi) назвал тогда Брюллова “гениальным живописцем” и утверждал, что ему до сих пор не приходилось видеть “конного портрета, задуманного и исполненного с таким искусством”.

Поэт и автор либретто многих итальянских опер Феличе Романи с явной симпатией писал:

“То, чём мы, безусловно, восхищаемся в этом действительно новом для нас по жанру и сюжету произведении, это свобода, смелость и лёгкость в его исполнении”.

Из чего можно сделать вывод, что наши рассуждения о жанровых особенностях брюлловских портретов строятся не на пустом месте.

В архиве Русского музея хранится один из отзывов итальянской прессы тех дней:

“Отличный живописец, которого до сих пор мы знали только по некоторым прелестным рисункам, исполненным акварелью, в этом году появился с большой картиной, написанной масляными красками, и превзошёл всеобщие ожидания. Эта картина, портрет в настоящую величину, изображает очень красивую девушку на лошади, в саду, и написана господином Карлом Брюлловым по заказу графини Самойловой. Манера, которою исполнен этот портрет, заставляет припомнить прекрасные произведения Вандика и Рубенса. В лошади возбуждает удивление смелый рисунок, жизнь, полная огня, и необыкновенное мастерство в ракурсах. Некоторые замечают, что движение животного слишком сильно и что одна передняя его нога кажется длиннее другой, но мы охотно прощаем в нём эти недостатки, если даже они справедливы, принимая в расчёт одушевление, дышащее во всех её движениях, но преимущественно в глазах, в ноздрях, во рту, в котором натура передана в совершенстве. Славный художник, имя которого составляет большую авторитет, уверял нас, что он не помнит, чтобы кто-нибудь из самых знаменитых иностранных мастеров написал лошадь лучше этой. Так как лошадь занимает большую часть картины, то мы думаем, что автор избрал её главным предметом, чтобы пощеголять в ней своим знанием. Прелестная улыбка оживляет сидящую на коне девушку, возвышает красоту её лица и выражает, что она чувствует удовольствие от своей храбрости, которая позволяет ей сидеть на таком горячем коне. Направо от этой девушки девочка (также портрет), подбежав к низким перилам смотрит на неё с боязнью, смешанной с любопытством, и с другой стороны или, скорее, впереди, — красивая собака лаем изъясняет свою радость. Фон представляет очаровательную рощу, пересечённую дорожками и пронизанную лучами отдалённого света. В этом произведении как в человеческих фигурах, так и в животных ясно видно познание рисунка, умение мастерски располагать свет, письмо своеобразное, плавное, быстрое, сообразное с характером предметов и разнообразное по тонам, прозрачные краски, словом, исполнение поспешное, но великого мастера” (пер. с итал. М. И. Железнова).

Поспешное исполнение вполне объяснимо тем, что большая картина, написанная масляными красками, создана в моменты так необходимого Брюллову переключения и отдыха в период финальной работы над произведением, которому через год будет суждено стать главным в его жизни.

На лошадь, которая занимает большую часть картины и позволяет думать, что автор избрал её главным предметом, чтобы пощеголять в ней своим

знанием, можно (или нужно?) взглянуть как на этюд для всё того же “Последнего дня Помпеи”. Брюллов выбирал ракурс, масть лошади, характер оскала (к слову, недостаток с передней ногой заметил и сам, поэтому в историческом полотне, чтобы не отвлекаться на пропорции, просто-напросто “задрапировал” передние ноги лошади человеческой фигурой). Тем не менее отметим, что суждения о лошади, изображённой Брюлловым, были по меньшей мере противоречивы.

Есть вопрос к словам, что картина написана по заказу графини Самойловой. Вообще-то считается, что если картина пишется по заказу, то заказчик работу оплачивает и является её владельцем. Однако принадлежала “Всадница” Юлии Самойловой сразу, как работа над ней была завершена, или нет, сказать сегодня трудно. Графиня, конечно, могла предложить мастеру, когда он искал сюжет, на какой бы ему переключиться, написать картину, где были бы представлены две её воспитанницы, и эта идея пришлась ему по вкусу. Тем не менее, кто картину в качестве владельца выставлял в миланской Академии изящных искусств Брера, сказать не берусь*. Не исключено, однако, что полотно было художником подарено графине, находилось в собрании Юлии Самойловой и украшало интерьер гостиной её итальянской виллы. Будто бы там его видел поэт Василий Жуковский.

О героинях шедевров разговоры не смолкают по сей день. Проще с той, что младше, – выскочившей на балкон девочкой с левреткой. Я не стану рассуждать о живом и шустром ребёнке, изображённом на холсте, об огромных её глазах, которые выражают не только динамизм физический, а и динамизм эмоциональный, о рискованном розовом, почти пудровом цвете платья, присутствующем скорее утончённой даме, о восторге, с каким малышка любитесь наездницей. Скажу только, кто зовут её Амацилийей. Она дочка композитора Джованни Пачини. Сам Пачини в книге “Мои артистические воспоминания” называл Самойлову “благодельницей моей дочери Амацилии”. Её появление на свет в 1828 году стоило жизни матери. В той же автобиографической книге Пачини писал: “В то время... меня постигло большое несчастье – через три дня после родов умерла моя ангельская жена”. “Благодетельница” Самойлова взяла Амацилию на воспитание. Когда? Неизвестно. “Всадница” написана в 1832 году, девочке в ту пору четыре года, и она, судя по всему, живёт с Юлией Павловной.

Забегая вперёд, надо сказать, что несколько позже мы вновь встретимся с ней на портрете Брюллова “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилийей)”. В 1839 году – время написания этой картины – Амацилии будет уже 11 лет. Но следует уточнить, что приёмной дочерью она официально никогда не была, оставаясь лишь воспитанницей Юлии Самойловой. Со своим отцом отношения поддерживала, как, впрочем, и Самойлова, имевшая переписку с Пачини до самой его смерти. Девочка, не зная свою мать, Юлию Павловну называла мамой, что можно увидеть из письма Амацилии как раз в 11-летнем возрасте, отправленном отцу из Петербурга:

*“Если бы, дорогой папа, ты видел этот город, как он красив! Все эти улицы такие чистые, что ходить по ним настоящее удовольствие. Мама всё время возит меня смотреть окрестности. О театрах ничего не могу тебе сказать, потому что они закрыты из-за смерти короля Пруссии, но скоро они снова откроются, и тогда я сообщу подробности...”***

* Позже она, действительно, владела этой картиной. Известно, что в 1872 году, за три года до смерти разорившейся Самойловой, в Париже проходила аукционная распродажа её имущества. На ней “Всадница” была куплена, судя по всему, для дальнейшей перепродажи. Позже полотно попало в Петербургское общество для заклада движимых имуществ, и там в 1893 году его приобрёл Павел Третьяков, вроде бы за 2 000 рублей.

** Известна дальнейшая судьба Амацилии. В 1845 году она вышла замуж за некоего Акилле Манара. Семейное счастье оказалось недолгим, супруги разъехались. В письмах отцу Амацилия жаловалась на одиночество, на то, что у неё нет детей. После смерти мужа в 1861 году она остаётся без средств, поскольку, как она писала, покойный “тратил и тратил”. В воспоминаниях одного французского мемуариста встречается упоминание, как в Париже в годы империи Наполеона III графиня Самойлова, по третьему мужу графиня де Морнэ, старалась “запустить в свет хорошенькую госпожу Манара”. Вроде бы безуспешно. Затем второй брак: Амацилия выходит замуж за французского генерала де ла Рош Буэтт. Но снова остаётся вдовой. Возвращается в Милан и последние годы жизни проводит в доме для престарелых при монастыре.

С девушкой, изображённой сидящей верхом на горячем скакуне, куда сложнее. На её счёт ходило и ходит немало версий о том, кто она есть. Имя бесспорно – Джованнина. К Пачини никакого отношения не имеет. Поэтому все разговоры о том, что Амацилия и Джованнина – сёстры, отметаются сразу. Как и Амацилия, она звала графиню мамой, хотя была воспитанницей Юлии Самойловой и никогда та её не удочеряла. На чём основано суждение, что композитор Пачини и она родственными отношениями не связаны? Начнём с того, что, судя по дошедшим документам, у Пачини была только одна дочь. Сам автор оперы “Последний день Помпеи” нигде и никогда её имя не упоминал: ни в письмах, ни в книге “Мои артистические воспоминания”. Да и Самойлова, поддерживая с ним переписку, ни разу о Джованнине в письмах не обмолвилась.

Среди версий о главной героине картины “Всадница” одна более-менее основана на документе – на нотариально заверенной дарственной Самойловой, в которой она завещала свой дом “сироте Джованнине Кармине Бертолотти, дочери покойного дона Джероламо и госпожи Клементины Перри”, которую графиня “взяла к себе”. Надо только понимать, что, принимая эту версию, следует совсем иначе, чем принято у нас, подходить к факту знакомства Самойловой со вторым своим мужем и, прежде всего, ко времени, когда оно произошло.

Что за причина, по которой мать, Клементина Перри, передала свою дочь на воспитание чужой, пусть и богатой женщине? В дарственной графини Самойловой упомянут покойный дон Джероламо. Причина в смерти отца? Но и тут есть эффект матрёшки: внутри одной версии существует ещё другая версии. Она гласит, что Джованнина была внебрачной дочерью Клементины Перри. Так это или нет, думаю, что на этот вопрос не будет ответа никогда.

Точно так же остаётся в подвешенном положении вопрос, когда именно Самойлова *взяла к себе*, то есть приняла на себя обязанности заниматься воспитанием Джованнины. Не будем забывать легенду, которая гласит, что князь Гагарин предупреждал Брюллова, мол, *эта женщина не похожа на других. Не имея своих детей, она объявляет чужих своими*. В таком случае получается, что в 1827 году обе девочки уже были воспитанницами графини Самойловой.

Особо нужно сказать о существовании сугубо итальянской версии, по которой всадницей является знаменитая певица Малибран, сестра Полины Виардо. Принять или напрочь отказаться от этой версии сегодня, как мне представляется, можно легко, применив компьютерный сравнительный анализ черт лица Малибран и Джованнины на разных портретах. Но современные российские искусствоведы предпочитают считать общепризнанным тот факт, что на картине Брюллова изображена воспитанница графини Самойловой Джованнина. А сотрудники итальянского театра “Ла Скала”, в котором хранится старая литография с изображением “Всадницы”, а также дарственная записка некоего И. Прадо (или Преда), утверждающая, что на картине изображена Малибран, придерживаются своей версии. Ссориться меж собой две стороны не хотят.

Написанная по просьбе или по совету Самойловой “Всадница” даёт возможность для ещё одного рассуждения – на тему, каков характер жанра произведения. Наверное, это ключевое понятие, позволяющее вникнуть в то, что автор задумал изобразить, о чём он хочет поведать своему зрителю, как он намерен смотреть на то, о чём задумал поведать.

Надо признать, прежде чем нанести первый мазок кистью, художнику, прежде всего, необходимо самому себе ответить на эти вопросы. И напрасно думать, что жанр – это определённый вид произведения, будь оно живописное или литературное. Как раз ничего определённого в нём и не наблюдается. Велико искушение подробно говорить на эту тему, но ограничусь одной фразой: отечественная словесность даёт массу примеров разночтений по поводу жанровой классификации литературных произведений. И возникли они не сегодня, даже не вчера, а очень и очень давно. В изобразительном искусстве дело обстоит точно так же.

Нет, то что “Всадница” – портрет, возражений нет. Но портрет портрету рознь. Другими словами, что это – костюмированный портрет, интимный

портрет, семейный портрет или групповой, исторический портрет, парадный портрет или полупарадный (есть и такая градация*), портрет-картина?

Понятно, что это не ретроспективный портрет, не типовой, не донаторский, не камерный, не малоформатный, не портрет-миниатюра и не автопортрет.

Но мы, кажется, забыли назвать конный портрет. Для пущей важности упомяну ещё пару фраз-определений специалистов: “Портрет исполнен художником в виде жанровой сцены” и “... в этом произведении самое задание художника выходит за рамки портрета”. А подытожу выводом, с моей точки зрения, совершенно справедливым и объективным:

“... чётких границ у портретного жанра нет, поэтому в одном произведении портрет может сочетаться с элементами других жанров живописи – пейзажем, натюрмортом и так далее”.

Поэтому не надо удивляться, встречая безапелляционные утверждения, что “Всадница” является “типичным примером портрета-картины”, в котором всё “задумано как апофеоз красоты и жизнерадостной юности, как апофеоз безмятежности ощущения жизни”, и всё это заключено в двух действующих лицах – молодой наезднице и маленькой девочке.

Спокойно воспринимайте, видя, как какой-нибудь автор, говоря о жанре, навешивает то ли лапшу на уши, то ли всем сёстрам по серьгам, мол, конный “портрет всегда был парадным. Он неизбежно таил в себе скрытый смысл: всадник, оседлавший и подчинивший себе горячего скакуна, – человек властвующий. А тут не полководец, ведущий армию в сражение, не завоеватель, вступающий в захваченную столицу, не монарх, венчаемый на царство, – девушка вернулась домой с прогулки. Брюллов окончательно соединяет парадный портрет и бытовую сцену, оборачивает портрет картиной. Он сам называл работу “Жованин на лошади”, но... “Жованин на лошади” немного рассказывает о самой “Жованин” – Джованнине; маленькая Амацилия – восхищение, порыв, прелесть детства, но и здесь мало ощутима задача поведать именно об этом ребёнке...”

С улыбкой читаю я примечательные строки:

“По тем временам замысел картины отличался необыкновенной дерзостью, поскольку конный портрет обычно писался в августейших особ. А тут – просто графская воспитанница. Но как она сидит на коне, какая грация, сколько на полотне волнующих красок и их необычных сочетаний!”

Почему читаю с улыбкой? Во-первых, помню слова Самойловой о том, что “правила могли существовать для всех, но только не для Карла!” Во-вторых, Джованнина – как-никак воспитанница графини, которая, не будем забывать, особа царских кровей. И в-третьих, для меня, например, самое значимое: у Карла Брюллова конный портрет – зачастую некий повод для шутки. Достаточно вспомнить “Портрет К. А. и М. Я. Нарышкиных”, “Портрет А. Н. Демидова на коне”, “Портрет графини О. П. Ферзен на ослике”.

Оставим в стороне грацию, волнующие краски и их необычное сочетание, ветер, гнувший верхушки деревьев, бегущие по небу облака, возбуждение собачек, озарённый солнечными бликами металл балюстрады... Это всё отвлекающие обманки портрета двух воспитанниц, на который предлагается глядеть, как на парадный. Портрета, где вороной конь, который косит глазом, храпит, пытается подняться на дыбы, куда заметнее и впечатляет больше, нежели статичное лицо всадницы.

Портрета, удивляющего, прежде всего, довольно смелыми цветовыми решениями, которые трудно считать характерными для Брюллова. Даже при его манере использовать контрастные цветовые решения сочетание красно-розовых, черно-синих и кристально-белых оттенков – в контексте его отношений с Самойловой – воспринимается не как задуманный живописный эксперимент, а как своеобразное шутовское виртуозное баловство-хулиганство художника. Но это одна, что называется, сторона медали. Есть и вторая: надо признать, став популярным ещё при жизни, художник очень часто пытался польстить публике. И впрямь очень необычный, разнохарактерный портрет.

* **Парадный портрет** показывает человека в положении стоя в полный рост. При этом все детали внешности и фигуры выписываются очень чётко. **Полупарадный портрет** – человек изображается по пояс, до колен или в положении сидя, когда нижняя часть ног не видна. В подобном произведении портретной живописи огромную роль играет изображение окружающей обстановки или аксессуаров. В нашем случае, на полотне “Всадницы” мы ног не видим, они задрапированы платьем-амазонкой.

У всадницы Джованнины есть довольно любопытное, парадоксальное по сути, словесное сопровождение. Одни называли девушку на коне “летающим ангелом” и восхищались умением Брюллова передавать игру света.

Другие называли амазонку Джованнину “девушкой с обложки” модного журнала и упрекали Брюллова в том, что своей “Всадницей” он заявил о себе как салонный художник, интересный только невзыскательной и пресыщенной публике. На их взгляд, картина получилась перенасыщенной и светом, и цветом, и фактурой.

Переводя разговор на понятия, имеющие хождение в наши дни, хочется отметить, что у этой картины художественный эффект – обаяние элегантности, движения, красоты – достигается тонким, почти математическим расчётом. Присмотритесь, каким образом художник превращает портрет не просто в нарядную картину, а в картину светскую. Искусствовед, владеющий материалом по истории моды, подскажет вам, какие конкретные детали формируют у зрителя отношение к изображённому на холсте. Сегодня именно так работает реклама, предназначение которой – привлечь внимание к товару, чтобы покупатель непременно купил его.

Вот на полотне Брюллова мы видим, как лихо развевается шарф наездницы, приколотый к её шляпе. Прикреплять длинные шлейфы на шляпку – это, что называется, писк моды, входящей тогда в светское общество. Обратите внимание, чтобы при езде верхом голова наездницы не казалась растрёпанной, чтобы локоны белокурых волос девушки оставались совершенно неподвижными, существовали специальные приспособления. Такие пружинки и изображены на портрете. Казалось бы, зачем? безделица – выеденного яйца не стоит. Дело в том, что в сфере моды пренебрежение к мелочам – вещь совершенно непростительная, поскольку вся реальность вокруг нас состоит именно из мелочей.

Как в таких случаях сказали бы сегодня, мастер пошёл на поводу богатой заказчицы, заказавшей: “Сделайте мне красиво!” Этот грех в известной мере можно заметить не только в портрете “Всадница”. Как к нему относиться? Историки моды того времени, например, по одежде, в какую Брюллов облачил старшую воспитанницу Самойловой, прослеживают модные тенденции начала XIX века. В результате сегодня мы можем не вообразить, а реально увидеть, как выглядела молодая аристократка. А заодно читатели повествования о Самойловой, увидев прелестных Джованнину и Амацилию, вместе запечатлённых на картине в антураже миланской виллы русской графини, легко представят ту пышущую роскошью жизнь, которую Юлия Павловна создала для своих обречённых девочек.

Вот Джованнина *“сидит в дамском седле, её амазонка светло-голубого, приличествующего незамужним барышням цвета, наглухо застёгнутая на все пуговицы, с рукавами-буфами. На руки всадница надела перчатки – и по той причине, чтоб не поранить свои нежные аристократические руки, и потому, что этикет запрещал показывать их в обществе. В XIX веке были популярны шляпки для прогулок. Не стала исключением и Джованнина: её головной убор тёмно-зелёного цвета с развевающимися лентами.*

Амацилия одета не так консервативно – на ней пудрово-розовое платье с открытыми руками, кружевными панталончиками и зелёные туфельки. Модные веяния позапрошлого столетия мы видим в её причёске – в те времена детям аристократов полагалось делать завивку”.

Так как и в дальнейшем художник от подобного наполнения своих портретов не отказывался, можно сделать вывод, что сам Брюллов относился к этим упрекам, скажем так, философски. Он говорил, что следует основной задаче искусства – изображению жизни. С этим трудно спорить, но хотелось бы уточнить: изображению какой жизни? Как мне видится, портрет впитал в себя ликующее чувство восторга перед праздничным богатством.

В каком-то смысле Джованнине повезло – она трижды становилась объектом художественного внимания Великого Карла. Портреты, на которых она изображена художником, составляют мини-цикл. Хотя, надо признать, искусствоведы никогда не объединяли работы Брюллова, где она представлена, в особый цикл.

(Дальнейшая судьба Джованнины известна меньше, чем Амацилии. Когда Джованнина выходила замуж за австрийского офицера, капитана гусарского полка Людвиг Ашбах (Милан тогда входил в Австро-Венгерскую империю),

Самойлова обещала выделить ей сверх дорогого свадебного наряда и набора личных вещей приданое в сумме 250 тысяч лир под гарантию миланского дома. Недвижимость, как подтверждалось нотариальным актом, должна была перейти в её собственность после смерти дарительницы. Дом, однако, воспитаннице так и не достался. Да и с получением денег на какое-то время возникли трудности. Джованнине пришлось искать адвоката для достижения «соглашения с мамой» о переводе обещанной суммы в Прагу, куда она переехала со своим гусаром. Злого умысла со стороны Самойловой при этом не было. Причина задержки банальна: при своём колоссальном состоянии Юлия Павловна так разбрасывалась деньгами, что иногда у неё возникали затруднения с личностью. Приходилось ждать получения сумм из России, которые поступали ей из многочисленных поместий. Во всяком случае, обещанные деньги Джованнина получила. Инициатором судебного иска был, похоже, гусарский капитан, не получивший приданое невесты всё и сразу. Когда и где закончился земной путь Джованнины, неизвестно.)

Первым, ещё в 1831 году, был создан прелестный прозрачный акварельный портрет Джованнины. В 1832 году, закончив «Всадницу», Брюллов начинает «Портрет графини Ю. П. Самойловой с Джованниной и арапчонком» (Хиллвуд, Вашингтон), работа над которым продолжалась до 1834 года. И всё это время, не будем забывать, пишется «Последний день Помпеи».

Как в своё время точно заметил писатель Владимир Порудоминский, «Портрет графини Ю. П. Самойловой с Джованниной и арапчонком» нарушает все возможные правила жанра. Так что позволим себе ещё несколько слов о «правилах» жанра. Начнём с того, что это групповой портрет. Мы можем сравнить его с другими групповыми портретами, автором которых был опять же Карл Брюллов, но написанных им в традиционной манере. Таких выстраивается целый ряд: «Портрет Терезы-Микеле Титтони с сыновьями», «Портрет графини Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой с дочерью», уже упоминавшийся «Портрет Е. П. Гагариной с сыновьями Евгением, Львом и Феофилом», «Портрет М. А. Бек с дочерью»... Продолжать, полагаю, нет необходимости. Потому подытожим: только что перечисленные портреты по форме и содержанию похожи меж собой. Тогда как «Портрет графини Ю. П. Самойловой с Джованниной и арапчонком» принципиально от них отличен.

Приглядимся к характерным особенностям полотна, в котором Джованнина присутствует, но господствует образ Ю. П. Самойловой. Порудоминский их называет:

«... по внешним приметам – парадный портрет, по замыслу, сюжету, композиции – портрет-картина, по чувству – сердечный портрет».

Спросите: что за странное определение – «сердечный портрет»? Владимир Ильич дал прекрасное объяснение:

«Юлия, возвратившись с прогулки, вбегает в свои покои. Здесь её радостно встречают воспитанница Джованнина и слуга-арапчонок, который подхватывает сброшенную небрежным движением шаль. Её глаза, лицо, волосы, её голубое атласное платье, алмазная корона-диадема на её голове – всё излучает свет, она вся светится и озаряет всё вокруг. Движение Юлии Самойловой не просто стремительно – оно безостановочно: она продолжает идти так же быстро, как вошла, она не в силах остановиться, прильнувшие к ней девочка и арап движутся вместе с ней, она, будто ослепительная комета, захватывающая своим притяжением всех, кто оказался поблизости.»

<...> Женщина бежит навстречу зрителям, но Карл-то знал, что к нему. Радость воспитанницы Джованнины, восторг арапчонка передают, усиливают любовь и обожание, с которыми написана Самойлова: художник вложил в них то чувство, которое всего более желал выразить, и оно зазвучало от этого особенно высоко и сильно. Даже собачка в порыве восторга бросается к госпоже».

Несомненно, в центре внимания Брюллова молодая, энергичная и беспокорная Самойлова. Джованнина и арапчонок, как и домашняя собачонка, – лишь мастерски скомпонованная группа вокруг неё. Их роль быть аккомпанементом, оттеняющим звучание главной темы: женской красоты и пылкости чувств. И это самое удивительное. Вообще-то Карл Брюллов был человеком совсем жёлчным. О чём частенько писали, порой очень зло, современники. Здесь же художник не себя стремится показать, какой он мастер. Переступая через себя, Брюллов совершает невозможное: пытается запечатлеть мгновение, когда любимая женщина, «итальянское солнце» (так называл графиню

художник), таковой и предстаёт – яркой, ослепляющей, заливающей всё вокруг светом и страстью.

Доверчивость и нежность Джованнины, почтительность и изумление арапчонка, восторг собачонки – без них восприятие Самойловой было бы неполным. Но часть задачи, которую ставил перед собой Брюллов, изображая Джованнину, можно понять, сравнив мизансцену в “Портрете...” (Самойлова нежно обнимает плечо воспитанницы) с мизансценой в “Последнем дне Помпеи”, одной из тех, где Самойлова послужила прообразом персонажа, – женщина обнимает двух льнущих к ней девочек.

Создавая “Портрет графини Ю. П. Самойловой с Джованниной и арапчонком”, Карл Брюллов попутно, но целенаправленно искал сложно-изысканный баланс поз двух образов. Надо признать, художнику удалось уловить их живое, волнующее движение. При этом мать в упоении жизнью, словно на крыльях, устремлена вперёд. Девочка как бы осуществляет поддержку и равновесие в её безудержном движении. Своё развитие этот приём, известный из произведений старых итальянских мастеров, позже получит в “Портрете графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)”.

Но до рождения знаменитого полотна ещё пять лет. Много воды утечёт за это время. Взойдёт звезда славы над Карлом Брюлловым. В 1835 году он вернётся в Россию. Юлия Павловна останется в Италии. В Петербурге получивший всемирную известность Карл Брюллов станет профессором Академии художеств. Но отношения с императором у Великого Карла не сложатся. Да и “задание” Николая I сотворить историческое полотно, подобное “Последнему дню Помпеи”, окажется неисполненным. Он напишет несколько значимых портретов, но мало кто может сейчас вспомнить какие-то его портреты, кроме портретов поэта и драматурга А. К. Толстого, поэта В. А. Жуковского, баснописца И. А. Крылова и “Автопортрета”, да ещё пары-тройки, вроде “Портрета М. А. Бек” (где запоминаются лишь прекрасно выписанные женские глаза; такие глаза ещё можно увидеть лишь в портрете “Турчанка”, где кажется, что, кроме замечательных глаз, ничего больше и нет), потому что все остальные портреты довольно однотипны. И писались, похоже, ради денег.

В начале 1839 года он женился на молоденькой, для своих 39 лет, дочери рижского бургомистра. Её звали Эмилия Тимм. Забегая вперёд, стоит сказать, что натура девушки была действительно незаурядная – ей суждено будет стать превосходным музыкантом. В Париже на неё обратит внимание Шопен и, можно сказать, займётся повышением её исполнительского мастерства. Позже, уже став известной пианисткой, Эмилия попросила Листа давать ей уроки. В ответ услышала: “Выдающаяся ученица Шопена во мне не нуждается...” С Листом она будет выступать в совместных концертах. В круге её общения появятся Вагнер, Роберт Шуман со своей женой Кларой Вик.

Брюллов встретился с Эмилией в доме баталиста Александра Ивановича Зауэрвейда, одного из профессоров Академии. В столицу она приехала к брату Вильгельму, который учился в Академии. Случайной была та встреча, или кто-то по заранее обдуманному плану сводил её с Брюлловым, сейчас не определить. Чем подкупила она влюбчивого художника? Странно, но – абсолютной непохожестью на Юлию Самойлову. Брюллов с упоением писал портрет Эмили: тоненькая девушка в белоснежном платье стоит у рояля на фоне красного занавеса. Изящное создание, наивная юность. Рядом хрустальная ваза с нежными ландышами... Непосредственность и поэтичность.

И тут осмелюсь затронуть тему, которая позволяет предположить, исходя исключительно из имеющихся женских портретов, принадлежащих кисти Карла Брюллова, почему художник, как сказали бы сегодня, так круто запал на неё. Ведь изящная, с фигурой, как у китайской фарфоровой статуэтки, Эмилия ну никак не соответствовала изначальному представлению Брюллова об идеальной красоте, которое позволяло художнику выразить свои чувства на холсте. Она и впрямь ничуть не была похожа на Юлию Самойлову. Графиня, да, соответствовала, а Тимм...

У нас есть возможность сопоставить их самым наглядным способом. Положим перед собой иллюстрации картин: “Вирсавия”, где идеалом была Самойлова, и две более поздние работы: этюд “Спящая Юнона” и незаконченная картина (эскиз) “Спящая Юнона и парка с младенцем Геркулесом (Происхождение Млечного Пути)”. Для чистоты сравнения специально выбраны полотна

с обнажённой натурой. Обе “Спящие Юноны” – это живописное изображение женщины, легко увидеть, мало похожей на Самойлову (разве что представить графинюшку в юности), но очень похожей... на Эмилию Тимм, какой она представлена “Портретом молодой женщины у фортепиано”.

О какой похожести может идти речь, если у портретной Эмилии тонкая талия, воскликнете вы. Верно замечено, только учтите умение женщин в те времена утягивать свои талии корсетами. Это трудно даже вообразить, однако гляньте, какими предстают перед нами на живописных полотнах женщины начала XIX века: почти у каждой знатной особы, можно подумать, талия была ничуть не хуже, чем у Натальи Николаевны Пушкиной и до родов, и после многочисленных родов, и в совсем молодые годы, и в годы зрелости, когда она стала Ланской. И вообще, женская талия в реальной жизни и на холсте в стиле романтизма – это совсем не одно и то же. Можно даже с Натальей Николаевной не сравнивать. Взгляните на портрет “Графиня Юлия Павловна Самойлова” кисти Брюллова, только Александра Павловича, и талию у нашей героини обнаружите, пусть не такую, как у Гончаровой-Пушкиной-Ланской, но “Вирсавия” по-женски позавидует.

Такое впечатление, что к моменту знакомства Карла Брюллова с Эмилией у него произошёл какой-то “сбой” в его представлении об идеальной красоте. Но, обратившись к женским портретам, написанным им несколько ранее (но уже после “Последнего дня Помпеи”): “Портрет великой княжны Марии Николаевны” (1837), “Портрет Авроры Карловны Шернваль-Демидовой” (1837), овальный “Портрет графини О. П. Ферзен” (1838), заметим, что типаж Эмилии Тимм возникает у художника, начиная примерно с 1837 года. Между прочим, на портрете “Всадница” Джованнина своим силуэтом тоже вписывается в этот женский ряд.

И даже драма скоропостижного разрыва с молодой женой не отменяет новых художественных симпатий Брюллова. Продолжают появляться портреты, на которых женщины похожи не на Самойлову, а на Тимм: “Портрет. У. Смирнова” (работа, долгое время фигурировавшая под таким названием, на самом деле является портретом дочери императора Николая I великой княжны Александры Николаевны) (1837–1840), два портрета 1840 года М. А. Бек (одна и с дочерью), “Портрет великой княжны Ольги Николаевны” (1841), овальный “Портрет С. А. Шуваловой” (1846) и “Портрет С. А. Шуваловой (в замужестве Бобринской)” (1849), овальный “Портрет княгини А. А. Багратион” (1849).

Какой напрашивается вывод? Собственно, их два.

Первый: новый образ приобрёл несколько иные очертания женской фигуры. Брюлловский идеал женщины постройнел, форма лица из округлённой стала более овальной, удлинились ноги, посветлела кожа. Современному читателю будет понятно, если я сравню эти изменения с процессом, произошедшим в женском одиночном фигурном катании, где на смену зрелой женственности (и в фигурах спортсменов, и в характере их движений) пришёл типаж девушки-подростка. Никто не говорит, что он лучше или хуже, он просто другой. Кстати, больше соотносимый с возрастом. Изменилась мода на тип женской красоты. Связано ли это с переездом художника из солнечной Италии на север, в Россию? Сказать не берусь. Могло быть всё куда проще. Брюллов даже как художник был очень восприимчив к тому, что диктовала мода. А для той тип женщины, назовём его условно “самойловским”, перешёл в разряд ретро.

Вывод второй, вытекающий из первого: предположение, что Карла Великого сводили с Эмилией очень грамотно (кто-то из своих, художников, кто профессионально заметил, что притягательный для него женский образ пертерпел изменения), очень даже возможно.

Когда-то Брюллов не смог отказаться от коктейля, предложенного ему Юлией Самойловой, молодой обворожительной женщиной, которая была нежной, страстной и одновременно совершенно независимой и дерзкой. По сути, именно она помогла ему стать Карлом Великим. Любила ли графиня Брюллова? Любила, очень! Но себя она любила намного больше, потому и он тянулся к ней. В момент встречи с художником ей было 24 года. Он на шесть лет старше. Тогда и встреча произошла случайно, и его даже отговаривали от серьёзных отношений с взбалмошной богатой графиней.

Любил ли Брюллов графиню Юлию? Любил, очень! Но себя он любил намного больше. И из безвестного став всемирно известным художником, он

захотел каких-то перемен. Власть, деньги, слава нередко рожают искушающие мечты, авторы которых частенько забывают народную мудрость: “Бойтесь своих желаний – они могут сбыться”.

В момент, когда Эмилию Тимм аккуратно придвигают к Брюллову, ему уже 40 лет, и фигура “Спящей Юноны”, хоть в варианте этюда, хоть незаконченной картины (между 1839 и 1845), для художника переходная. Ещё сохраняется пряность восточной экзотики, но этюд уже предлагает цвет кожи – белый мрамор, изменённую на овал форму лица, удлинённые ноги и более упругую грудь.

Но в итоге “Портрету молодой женщины у фортепиано (Эмилия Тимм)” не суждено было стать ни изображением женщины, которую можно назвать живым воплощением взлелеянного идеала, ни той, которая, как надеялся Карл Брюллов, станет для него верной спутницей жизни.

Внешне она и впрямь сияла чистотой и свежестью: ни дерзости во взгляде, ни порывов и страстей. Хотя ей было уже 18 лет. А это совсем не нынешние ещё 18. Тогда 18-летняя считалась перестарком. Под венец пошла – ей на тот момент едва исполнилось девятнадцать. Однако уже во время венчания проявилось что-то необычное. Поэт Тарас Шевченко писал об увиденном и о самой избраннице:

“Я в жизнь мою не видел, да и не увижу такой красавицы. В продолжение обряда Карл Павлович стоял глубоко задумавшись; он ни разу не взглянул на свою прекрасную невесту”.

Месяц спустя новобрачные расстались. А по городу, заглядывая в каждый дом, побежали сплетни, перешёптывания, слухи, из тех, про которые говорят: “Так и было. Сам не видел, но все говорят, врать не будут!” Молва свидетельствовала: пьяный Брюллов избил молодую и прекрасную супругу, при этом вырвал серьги из её ушей и выгнал босую из дому. Скандал разразился нешуточный. Он очень быстро докатился до самого императора, который велел шефу жандармов и фактически второму лицу в государстве – Александру Христофоровичу Бенкендорфу – разобраться и принять меры. Хорошо, что хоть в такой последовательности.

Тем временем светские знакомые сразу отвернулись от своего кумира. Жена скульптора барона П. К. Клодта, которую Брюллов очень уважал, позднее вспоминала, что Карл Павлович, приходя к ним, поднимался на антресоли к её детям и плакал там, как ребёнок. Пришлось художнику сменить кисть на перо и писать не портреты, а сначала прошение на имя министра императорского двора светлейшего князя П. М. Волконского, а потом давать письменное объяснение шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу.

Заставить людей перестать чернить его имя не было возможности, он просил одного: разрешения на развод. Откровенно и униженно пытался поведать о случившемся, даже не оправдаться, объяснить:

“Убитый горем, обманутый, обесчещенный, оклеветанный, я осмеливаюсь обратиться к Вашей Светлости как главному моему начальнику и надеяться на великодушное покровительство Ваше...”

“Я влюбился страстно. Родители невесты, в особенности отец, тотчас составили план женить меня на ней... Девушка так искусно играла роль влюблённой, что я не подозревал обмана...”

“Теперь родители девушки и их приятели оклеветали меня в публике, приписав причину развода совсем другому обстоятельству, мнимой и никогда не бывалой соре моей с отцом за бутылкой шампанского, стараясь выдать меня за человека, преданного пьянству...”

“Я считаю даже ненужным оправдываться: известно, что злобное ничтожество, стараясь унижить и почернить тех людей, которым публика приписывает талант, обыкновенно представляют в Италии самоубийцами, у нас в России – пьяницами...”

“Я так сильно чувствовал своё несчастье, свой позор, разрушение всех надежд на домашнее счастье, что боялся лишиться ума”.

Больно читать, а каково было такое писать?! Ему разрешили развестись. На основании чего? Сейчас наиболее популярной считается версия, не вызывающая сомнений у специалистов и подробно “озвученная” Галиной Леонтьевой, автором электронной книги “Карл Брюллов”. Из неё следует, что буквально накануне венчания Брюллов узнал от невесты о её инцесте с отцом. Причём притязания отца продолжились и после свадьбы. Стало ясно, что этот брак с известным художником понадобился рижскому бургомистру для прикрытия

отношений с дочерью. Брюллову была уготована роль всего лишь театрального занавеса.

По злой иронии судьбы или по воле случая, инцест, с которым жизнь свела Карла Великого, явился трагическим отблеском всполохов на холсте “Последний день Помпеи”. Что я имею в виду? Обратимся к Торе, больше известной христианскому миру как Ветхий завет.

Среди множества историй, составляющих его текст, есть одна, можно назвать её “пикантной”, о праведнике Лоте с женой и дочерьми. Семья эта жила в Содоме. Объясню для тех, кто не в курсе, чтобы не пришлось обращаться за помощью к Википедии. Содом – один из двух известных библейских городов (вторым был Гоморра), который, согласно Библии, был стёрт Богом с лица Земли Обетованной за грехи жителей. Грехов у людей, населявших Содом, было предостаточно: эгоизм, праздность, гордость... но главным всё же было признано распутство. О городе шла худая слава. Его считали реальным воплощением сексуального разврата и сосредоточием греховной “неестественной” любви.

Следуя библейской истории, накануне катаклизма – уничтожения этих городов – ангелы вывели из Sodoma родного племянника праотца Авраама (который считается одним из главных отцов-основателей иудейской религии) праведного Лота с женой и двумя дочерьми, приказав им не оборачиваться на обречённый нечестивый город. Но любопытная женщина нарушила наказ, обернулась, и Бог превратил её в соляной столп. А Лот с дочерьми, объятые ужасом, побежали дальше, нашли пещеру и укрылись в ней. Они спаслись и решили, что наступил конец света, и человечеству пришёл конец. Дальше ситуация, которую не назовёшь простой: в пещере, где живут, как считают дочери Лота, на всём белом свете только они, один-единственный мужчина – их отец. Чем всё обернулось? Инцестуальной связью, или, в просторечии, половой связью, сегодня говорят “сексом” между близкими кровными родственниками.

Так в Ветхом завете. Теперь вспомним, чем было, согласно мифу, извержение Везувия для людей, населяющих Помпеи? Карой богов за нравы, царящие в городе. Его жители вели безнравственную жизнь, в частности, любимым развлечением для мужчин здесь было посещение лупанария, где они предавались разврату. Согласитесь, между Содомом и Помпеей наблюдается прямая аналогия.

Есть в искусстве произведения, которые для их создателей позже мистически сопровождаются драматическими событиями. Живописная картина “Последний день Помпеи” о городе грехов, похоже, оказалась именно таким произведением. Она обернулась для художника реальной драмой с греховной подоплёкой.

Между тем бракоразводное дело длилось около года. Само собой разумеется, в трудный для себя период Брюллов пытается найти забвение в работе. Но из этого мало что получается. Даже в его портретах всё резче и заметнее будет проглядывать одиночество, отрешённость и горечь. Видимо, желая хоть как-то скрасить безусловно тяжкие для художника дни, пишущие о Карле Брюллове авторы, надо понимать, из самых лучших побуждений пробуют заполнить их всевозможными мифами. Например, Г. Леонтьева в электронной книге “Карл Брюллов” пишет:

“И он совсем отрешается от “натурности”, создаёт портрет Пушкина в юности, целиком доверяясь воображению. Портрет известен нам по гравюре Е. Гейтмана и по объявлению в “Художественной газете”: “Портрет сей (А. С. Пушкин в юности) нарисован наизусть без природы (К. Б[рюлловым]) и обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание всех того временных любителей”, – сообщалось в апрельском номере за 1837 год”.

Гравюра Егора Ивановича Гейтмана “Пушкин-юноша” действительно существует. Это было первое изображение поэта, которое увидели его читатели-современники. Е. И. Гейтман выполнил гравюру с кудрявым мечтательным юношей для фронтисписа в первом издании поэмы “Кавказский пленник”. Её издатель – поэт и переводчик Н. И. Гнедич – поместил в конце книги примечание:

“Издатели присовокупляют портрет автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным”.

Никаких возражений по поводу приведённых тут сведений о гравюре у меня нет. Но далее следует миф: мол, автором рисунка, с которого Е. И. Гейтман создал гравюру, современники считали К. П. Брюллова: был-де написанный им “Портрет А. С. Пушкина (в детстве)”. Как полагает Г. Леонтьева, по такому случаю Карл Павлович отрешился от “натурности”, целиком доверился воображению и создал портрет. У меня простой вопрос: когда это было?

Как известно, книга с поэмой “Кавказский пленник” вышла в Петербурге в конце августа 1822 года. А теперь продолжение вопроса: где в обозначенное время находились молодые Карл и Александр? Карл вместе со своим братом Александром 16 августа 1822 года из северной столицы отбыл в Италию. Вроде бы мог успеть нарисовать портрет, будучи студентом Академии. Где в ту пору пребывал Пушкин? Ответ есть: с 1820-го по 1823 год поэту пришлось провести далеко от Петербурга, тем более от Италии. Он, опальный поэт, тогда служил чиновником в канцелярии наместника Бессарабского края генерала И. Н. Инзова в Кишинёве. Видеть его Брюллов при всём желании никак не мог. Встретился он и познакомился с поэтом в Москве, когда в 1826 году Николай I позволил изгнаннику Пушкину покинуть Михайловское. Чтобы создать портрет, пусть и по воображению, Брюллов должен был хоть одним глазком ранее увидеть Сашу Пушкина, например, заглянув на миг в Лицей. Но художник там не бывал. Так что к портрету Пушкина в юности он никакого отношения не имел. Е. И. Гейтман создал гравюру на основе собственного исходника.

Можно с уверенностью сказать, что появление гравюры с изображением, сохраняющим черты юного Пушкина в книжечке первого издания поэмы “Кавказский пленник”, было рекламным ходом Гнедича-предпринимателя (слова “маркетинг” тогда не существовало). При этом никакого договора-разрешения между поэтом и издателем заключено не было. И самое главное: Гнедич-издатель не отличался порядочностью в отношении к своим авторам. О характере его поведения с Пушкиным как автором можно судить уже по тому, что авторский экземпляр книги, вышедшей в конце июня 1820 года, Гнедич соизволил выслать поэту через восемь месяцев. Так что Пушкин свою поэму в печати увидел только 20 марта 1821 года.

Аналогичная ситуация и с публикацией объявления в “Художественной газете”: очевидная цель – через вроде бы скрытую рекламу Карла Брюллова, который тогда на вершине своей славы, в период после гибели Пушкина упомянуть имя поэта, что было запрещено. Это ведь апрельский номер за 1837 год.

Среди легенд о Карле Брюллове есть ещё одна, тоже о рисунке, но уже Репина – “Пушкин и Карл Брюллов”. На нём Илья Ефимович изобразил Пушкина, на коленях выпрашивающего у Карла Великого рисунок. Надо полагать, позировали Репину оба Великих. На память приходит одна из самых знаменитых картин Репина “Пушкин, читающий стихи перед Державиным”. Казалось бы, на полотне изображён реальный факт, однако даже обожатели таланта большого чудака в жизни Репина писали, что в ней “ничему не веришь, настолько всё нарочито, всё наигранно, всё пересолено...”. Говоря современным языком, совершенно очевидный, неприкрыто постановочный кадр, лакирующий реальное событие. Кстати, потому и появившийся позже на лакированных “палехских” шкатулках. Вот и рисунок “Пушкин и Карл Брюллов” из тех, что обычно помещают в рубрике “художники шутят”.

Поддержкой для Карла Брюллова в те горькие дни стала Юлия Самойлова, которую, так совпало, сугубо личные обстоятельства заставили срочно появиться в Санкт-Петербурге. Приехала по делам наследства: белый свет покинул граф Литта. Это событие Юлий Помпеевич нельзя сказать, что разыграл, как по нотам, он его сыграл, как задорную финальную сцену бенефисного водевиля. 75-летний обер-камергер, считавший себя ещё завидным женихом, польстился на торт из мороженого, рассчитанный на 12 персон. Съесть-то он его съел и даже успел сказать несколько благодарных слов своему повару: “На этот раз мороженое было просто восхитительно!” – после чего покинул эту грешную землю. Сладко жил – сладко умер. Без мучений. Юлии Павловне выпали занудливые хлопоты принимать наследство – огромное состояние: здесь подписать, там расписаться...

Но, как напишет через много лет Валентин Пикуль, “. . . в смерти графа Литты явилось к Брюллову спасение”. Только завидев графиню, столичный свет о том, что знал и о чём не знал совершенно, кто шёпотом, а кто вслух

оповестил её о скандале, связанном с именем известного художника. Юлия Павловна, отбросив мало интересующие её суждения, поспешила к нему в мастерскую. Там, поверим свидетельским показаниям “очевидца” Валентина Пикуля, “Юлия всё перевернула вверх дном в его квартире. Она выгнала кухарку, нанятую Эмилией Тимм; она надавала хлётких пощёчин пьяному лакею; она велела гнать прочь всех гостей, жаждущих похмелиться. . .”

Увидев после разлуки Самойлову, какую он знал раньше, оживлённую и весёлую, искреннюю и нисколько не выпренную, откровенно красивую женщину, которую он воспевал на своих холстах, Брюллов забыл, что графине, между прочим, уже тридцать семь. Он вновь увидел рядом любимую женщину, от которой он не знал предательства, клеветы и обмана.

Хотя годы, конечно, не могли не сказаться на ней. Да и подзабыли в столице графиню – давно не видели. Не все даже узнавали. Вездесущий и всезнающий К. Я. Булгаков, петербургский почт-директор, для памяти записал:

“Она так переменилась, что я бы не узнал её, встретив на улице: похудела и лицо сделалось итальянским. В разговоре же она имеет итальянскую живость, и сама приятна. . .”

Общение с Самойловой, душевное участие графини принесли Брюллову утешение. Её забота и женская нежность помогли ему выйти из угнетённого состояния одиночества и, употребив современные понятия, справиться с депрессией. Своеобразной формой психотерапии для художника стала работа над новым полотном, в центре которого предстала его спасительница Юлия Павловна. Вместе они, работа и графиня, помогли художнику тогда выбраться из беспросветного отчаяния, придали сил, вернули душевное равновесие, уверенность в себе. Ни о каком заказе Самойловой своего портрета в тех обстоятельствах и речи не могло быть.

Знаменитый “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)” (Русский музей, Санкт-Петербург) рождается исключительно по воле и желанию художника, внезапным порывом вдохновения, который может вызвать только женщина. Не всякая женщина. Рождается картина, что вместе с “Автопортретом” (1848), который можно увидеть в Третьяковской галерее, заслуженно считается вершиной творчества Брюллова как портретиста.

Что произошло? Сегодня можно услышать, что встреча с Самойловой в Петербурге, когда после разлуки возобновилась их близость, позволила возродиться его прежнему идеалу. Мол, принимаясь писать портрет, он желал утвердиться в своём былом идеале. И связано это было, прежде всего, с соблазнительной графиней Юлией, красота, женственность и чувственность которой порождали выражения страсти у мужчин, тягу к прекрасному и смелость творца отправиться в неизведанную даль.

Одной точки зрения на это событие вряд ли будет достаточно, будь она даже со всех сторон аргументированной. Таковой сегодня почему-то считается следующая: исходя из факта, что на личную свободу друг друга никто из них не посягал, характер отношений Самойловой и Брюллова по тем временам был беспрецедентен.

Рассуждающим подобным образом можно посоветовать ближе познакомиться с любовными шалостями и любовными историями известных персонажей, например, князя Петра Вяземского, поэта, литературного критика, историка, мемуариста, и его жены Веры Фёдоровны (урождённая Гагарина) – про них большинство предпочитает знать, что брак их оказался счастливым и прочным, у Вяземских родилось восемь детей, тогда как их отношения лишь спустя годы приобрели, так сказать, “романический” характер.

Следом можно добавить известную пару: барон Антон Дельвиг, поэт, издатель, и его жена Софья Михайловна (урождённая Салтыкова).

Уместно прочитать книгу Алексея Вульфа “Дневник 1827–1842 годов. Любовные похождения и военные походы”, которая позволит ближе познакомиться с той, кому, многие по сей день считают, были посвящены строки стихотворения “Я помню чудное мгновенье. . .”. Хотя Пушкин для неё никогда их не писал. Да-да, речь идёт о Анне Петровне Керн. В 1825 году студент Алексей Вульф, приятель Пушкина по Михайловскому, по уши был влюблён в свою кузину Анну Керн. Кузина отвечала ему полной взаимностью, говоря по-другому, дарила ему свою любовь. В это же время у Керн в разгаре ещё другой роман – с соседом-помещиком Рокотовым. А чуть позже, ничего удивительного,

у Вульфа близкие отношения и с младшей сестрой Анны – Елизаветой Петровной Полторацкой. В дневниковой книге Вульфа об этом, что называется, от первого лица и без прикрас.

В работе “Любовный быт пушкинской эпохи” известного литературоведа и историка П. Е. Щёголева можно прочесть:

“Анна Петровна знала, конечно, о любовных историях Вульфа, и это знание не мешало их взаимным наслаждениям; в свою очередь, близкие отношения с Вульфом нисколько не мешали и Анне Петровне в её увлечениях, которых она не скрывала от него. Они не были в претензии друг на друга”.

Следующее имя: жена генерала Арсения Андреевича Закревского – высокая, статная, смуглая красавица Аграфена Фёдоровна (урождённая гр. Толстая), предмет увлечения Е. А. Боратынского, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского... Графиня Лидия Андреевна Ростопчина, внучка московского градоначальника и генерал-губернатора Москвы во время наполеоновского нашествия, современница молодой жены Закревского, в своей “Семейной хронике” набросала портрет во многом знаковой героини той эпохи:

“Графиня Закревская была весьма оригинальной личностью, выведенной во многих романах того времени. Она давала обильную пищу злословию, и по всей Москве ходили сплетни на её счёт. Очень умная, без предрассудков, нисколько не считающаяся с условными требованиями морали и внешности, она обладала способностью искренней привязанности”.

Живи она веком позже, как-то довелось сказать мне, наверняка стала бы поборницей “новой морали” и “свободной любви” и, кто знает, ещё одной валькирией революции вроде Александры Коллонтай, чьё имя и о чьих неприкрытых и бурных романах в начале XX века знали все. В начале XIX века имя Аграфены Закревской, чьи частые увлечения объяснялись презрением к светским условностям и свободным отношением к брачным обязательствам, тоже знали все.

Говорить на эту тему можно бесконечно долго, поэтому мне стоит остановиться... Чего-чего, а обворожительных и обольстительных женщин отечественная история, действительно, знала немало, и характер их отношений с противоположным полом отличался немалым разнообразием.

Но вернёмся к теме о том, что блистательный парадный портрет, который пишет Карл Брюллов, – это вроде как возрождение былого идеала, некая картина “анти-Тимм”. Но будь так, что делать с последовавшими затем портретами кисти Брюллова, где художник вновь отдаёт предпочтение образам и фигурам женщин совсем не “самойловского” типа? Есть только один ответ: для Карла Павловича “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)” – это “прощальная гастроль”.

По сути, таким образом он выражал благодарность женщине, любовь которой сделала его Карлом Великим, любовь которой вернула его к жизни и творчеству, любовь к которой у него самого ещё угасла не совсем. Он пишет портрет графини Самойловой, удаляющейся не только с бала, но удаляющейся и от него самого. И потому в портрете, который он пишет, всё: и яркость красок, и пышность драпировок, и красота моделей – роскошно. Но одновременно, если всмотреться в картину, всё более чем печально. Окружающий героиню мир двуличен, лицемерен и честолюбив, и нет в нём ясного душевного покоя.

Для кого-то, можно часто услышать, пафос этого портрета – в торжествующем явлении красоты и духовной силы яркой, независимой личности. Мол, у художника была сверхзадача – вызвать в нас чувство величия покидающей маскарад Самойловой, за спиной которой видны плохо различимые, будто блики, маскарадные фигуры.

Очертания фигуры графини – вся физическая плоть Самойловой: плечи и руки, обрамляющие лицо змеящиеся чёрные локоны, словно отлитые из тёмной бронзы, тяжёлые складки шёлкового платья – откровенно, подчёркнуто “созвучны” окружающим мощным архитектурным формам колонн и огромных арок. Всё вокруг торжественно-весомо и величаво, как значительны и сильны её дух и нравственная мощь.

Во всём царственном облике покидающей маскарад женщины, демонстративно сорвавшей маску с лица, прочитывается гордый вызов и резкий протест. Как напишет Валентин Пиккуль, “между Самойловой и обществом,

которое она покидает, Брюллов опустил тяжёлую, ярко пылающую преграду занавеса, словно отрезав ей пути возвращения в общество”.

Однако эффектно сияющий занавес ярко-алого цвета, как будто взметённый ветром, между тем кому-то покажется знакомым. Можно вспомнить, что занавес такого же красного оттенка совсем недавно был фоном для фигуры юной Эмилии на её портрете. Любопытно, что в одном случае, как находят искусствоведы, это было сделано для того, чтобы ярче оттенить нежную красоту юной Тимм. А в другом случае специалисты в использованном цвете видят желание художника передать тревожность, напоминающую полыхающее небо Помпеи.

Как совместить, вероятно, интуитивный выбор Брюллова обилия красного цвета в портрете Эмилии Тимм и, похоже, осознанное использование того же цвета на портрете графини, покидающей “маскарад жизни”, для передачи совсем иного подтекста, остаётся загадкой мастера. Во всяком случае, как в двух картинах алый цвет из праздничного превращается в кроваво-алый, и при этом во всех его оттенках остаётся характерной особенностью парадных портретов, можно только удивляться.

Между прочим, фоном на картине “Портрет М. А. Бек с дочерью (урождённая Столыпина)” (1840) тоже был красный цвет, разве что не такой алый. Это позволяет сказать, что нередко те или иные работы художника “грешат” заведомыми повторами.

И всё же, что поражает больше всего? Как всегда у Брюллова – невероятные контрасты цветовых решений: красный цвет сочетается с коричнево-бежевым, бело-розовый – с чёрно-синим, свинцово-серый – с жёлто-голубым, тёмно-коричневый – с голубовато-лунным, чёрный – с жёлтым. Цвета умело сочетаются, но это не снимает ощущения резкой, тревожащей дисгармоничности.

По интенсивности красок колорит портрета и впрямь близок к “Последнему дню Помпеи”. А чёрные локоны графини Самойловой и вовсе смотрятся калькой с картины, принёсшей Брюллову славу. А изумительная изысканность поз героини, исключительно естественная, позволяет вспомнить композицию мизансцены “Портрета графини Ю. П. Самойловой с Джованниной и арапчонком” и одновременно разглядеть великолепную парафразу одной из тем “Последнего дня Помпеи”: мать, обнимающая двух льнущих к ней девочек.

Каждый её предыдущий портрет всякий раз поражал графиню, способную тонко воспринимать искусство и с увлечением коллекционирующую живопись, новизной замысла, чувственным ощущением изображённой женщины и будто вновь вспыхнувшим увлечением. Она называла их “чудесами Брюллова”. Но столь сложного по замыслу парадного портрета-картины он ещё не создавал. Портрет частного лица словно воскрешал стиль и масштаб большой картины. В нём бился пульс исторической правды и характера, наделённого сильными чувствами и эмоциями, которые проявляются в драматические моменты и необычных ситуациях.

Графиня на полотне смотрит как бы вдаль, её ликующий, полный свободной страсти и человеческого достоинства взгляд устремлён на волю. А рядом грациозная Амацилия, кокетливо согнув ножку, своим по-детски расслабленно-сосредоточенным взглядом испытующе смотрит прямо в глаза зрителю, словно говоря: “Мне мама говорила, что жизнь не жизнь, а испытание”. Наводит на размышления.

Через некоторое время в “Санкт-Петербургских ведомостях” в разделе светских новостей появилось сообщение, что графиня Юлия Самойлова покинула Россию...

Считается, что из-за отъезда Самойловой в 1840 году художник не успел завершить картину. Только вот что важно. Сам Брюллов уже давно пришёл для себя к выводу:

“...если бы истинная законченность заключалась в отделке всех частей в равной мере, то ни один художник, верно, никогда бы не окончил большого полотна – не хватило бы жизни”.

Он, конечно, понимал, что система соподчинения главного и второстепенного необходима, но: *“...картина имеет свой главный предмет, какого бы содержания она ни была, следовательно, не должно ли пожертвовать ненужным нужному?”* Такой вопрос он обращал брату Фёдору ещё 18 августа 1824 года. И сам же на него отвечал:

“Для сего Рембрандт, Вандик, Рубенс, Жордан и все лучшие художники, как портретные, так и исторические, жертвовали последним первому и чрез что обращают поневоле взор зрителя на главный предмет”.

После этого каждому решать самому, насколько завершённым считать “Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приёмной дочерью Амацилией)”.

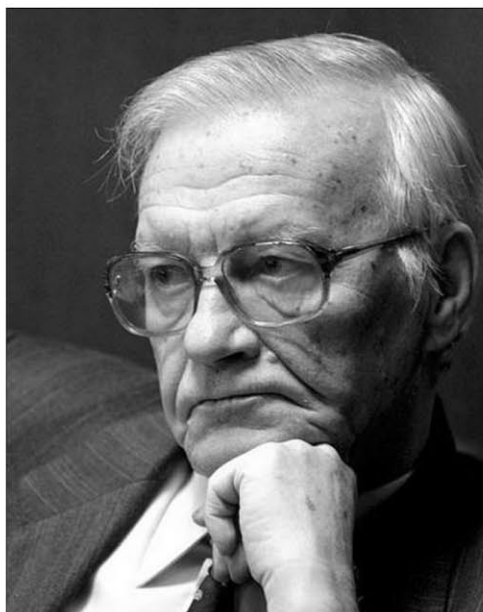
Временами, когда пересматриваешь картины Карла Брюллова, возникает мысль, что он специально не закончил портрет Самойловой. Есть целый ряд других полотен, с которыми он проделал подобное. Не исключено, что сей “приём” срабатывал у него в тех случаях, когда возникало желание показать “маскарад жизни”. Ведь ещё были “Автопортрет” (1823), “Эрминия у пастухов” (1824), “Портрет В. И. Орлова” (1836), “Осада Пскова польским королём Стефаном Баторием в 1581 году” (1837-1843), “Портрет автора и баронессы Е. Н. Меллер-Закомельской с девочкой в лодке” (1830-е), “Портрет А. Я. Петровой” (1841), “Портрет П. И. Кривцова” (1844), “Портрет актёра В. В. Самойлова” (1847) и, в первую очередь, “Вирсавия” (1832) и “Портрет И. А. Крылова” (1839), а ещё нужно добавить, что, вернувшись из Италии в Петербург, Брюллов начал писать императрицу с дочерьми, но так и не пошёл дальше разрозненных этюдов с натуры.

Хотите сказать, что это мне лишь кажется, мол, разыгралось воображение дилетанта? Ан нет. Вот встретилось суждение профессионала — искусствоведа Григория Голдовского, заведующего отделом живописи XVIII —1-й половины XIX веков Государственного Русского музея:

“У Брюллова в принципе мы не найдём ни одного до конца завершённого произведения. Возникает вопрос о знаменитом Брюлловском non finito — неоконченном произведении”.

Сам по себе факт занятен. Можно допустить, что он имеет отношение к психологии творчества в целом, правда, с избирательным действием. Можно увидеть в нём особенность творческой личности именно Карла Брюллова. Разматывать этот клубок в мои планы не входит. Но факт остаётся фактом. Демонстративным и, значит, серьёзным. Хотя, смею думать, к Самойловой, по сути дела, отношения не имеющим.

К 85-летию Леонида Ивановича Бородина

“Даже самый “экономически не подкованный” человек сегодня знает, что первейшая причина всех бед — падение производства и благодетельная для Запада и губительная для нас импортная агрессия. Потому первейший поступок, по которому новый хозяин узнается народом, — гулкий стук упавшего наизяельнейшего занавеса, чтоб не только оттуда, но и туда ни-ни всяким пакостникам, воругам, шаромыжникам, агентам влияния и агентам на ставках. Второе, и немедленное, — это изъятие из российской жизни самого главного агента Запада — доллара...

У Запада нет иного инструмента давления на Россию, кроме того, который внутри нее, но с этим фактором мы разберемся...

Новый хозяин обязан сформулировать состояние страны как катастрофическое, приравнять его к военному положению со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отмахиваясь от всяких капитализмостроительных концепций, русский человек так приблизительно понимает происходящее: в процессе “перестройки” все то, что именовалось общественным, и пусть даже фактически было ничейным, все оно было пущено на “прихват”, и в итоге одна часть населения, очень меньшая, внезапно ограбила большую часть и свершила сие исключительно в личных, то есть корыстных, то есть преступных, целях, ибо хваленое первоначальное накопление никак не отразилось на положении государства в целом, зато наглядно выявилось в демонстративном процветании “активистов-прихватчиков”; потому жестокая разборка команды нового хозяина с хищниками, при дружной поддержке ограбленных и обманутых народных масс, будет вершением объективной справедливости”.

(Леонид Бородин. “Когда придёт дерзкий”. 1996 год)

К 150-летию кончины
Владимира Григорьевича Бенедиктова

ВЛАДИМИР БЕНЕДИКТОВ

БОРЬБА

Таков, знать, Богом всемогущим
Устав дан миру с давних пор:
Всегда прошедшее с грядущим
Вело тяжелый, трудный спор,
Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хлам
И свежей силы не пускало
К возобновительным делам;
Всегда оно ворчалось, злилось
И пело песню всё одну,
Что было лучше в старину,
И с этой песнью в гроб валилось,
И над могилами отцов,
Зарытых бодрыми сынами,
Иная жизнь со всех концов
Катилась бурными волнами.
Пусть тот скорей оставит свет,
Кого пугает всё, что ново,
Кому не в радость, не в привет
Живая мысль, живое слово.
Умри — в ком будущего нет!
Порой средь общего движенья
Всё смутно, сбивчиво, темно,
Но не от мутного ль броженья
Творится светлое вино?
Не жизни ль варвар Риму придал,
Когда он опрокинул Рим?
Где прежде правил мёртвый идол,
Там бог живой поставлен им.
Там рыцарь нёс креста обнови
И гибнул с мыслью о кресте.
Мы — тоже рыцари Христовы
И крестonosцы, да не те, —
Под средневековое иго
Уже не клонится никто.
И хоть пред нами та же книга,
Но в ней читаем мы не то
И новый образ пониманья
Кладём на старые сказанья...
И ныне мы пошли бы в бой —
Не ради гроба лишь святого,
Но с тем, чтоб новою борьбой
Освободить Христа живого!